This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav 392.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

18 Мая.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXXI. № 2—ФЕВРАЛЬ. 1891 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I—оффиціальная.

I. Записка о состояніи и дѣятельности Императорскаго Университета Св. Владиміра въ 1890 году. 1—26

II. Очеркъ развитія творчества Гоголя. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ У-та Св. Владиміра 16 января 1891 года.—Проф. **П. Владимірова** . . . . . 1—46

Часть II—неоффиціальная.

I. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до начала XIII столѣтія.—Студента **М. Довнаръ-Запольскаго** . . . 99—170
I—VII

II. Русское уголовное судопроизводство. — Профессора **Д. Тальберга** . . 93—180

III. Заразительна-ли проказа? (Отвѣтъ проф. Полотебнову).—Проф. **Г. Минха.** 1—36

Критика и библіографія.

I. Историческое обозрѣніе. Сборникъ Ист. Общ. при Спб. Университетѣ за 1890 г. Т. I.—Проф. **Ѳ. Фортинскаго.** . . . . . 1—8

Прибавленія.

I. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . IX—XXII

II. Таблица метеорологическихъ наблюденій за ноябрь и декабрь 1890 г.

КІЕВЪ.
1891.

121

206
1949

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ

ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

№ 2—ФЕВРАЛЬ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
В. І. Завадзкаго Большая-Васильковская улица, д. № 29—31.
1891.

PSlav 392.10

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY

51 * 17

Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.

Ректоръ *Ѳ. Фортинскій.*

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I—оффиціальная.

	стр.
I. Записка о состояніи и дѣятельности Императорскаго Университета Св. Владиміра въ 1890 году	1—26
II. Очеркъ развитія творчества Гоголя. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ У-тета Св. Владиміра 16-го января 1891 года.—Профессора **П. Владимірова** . .	1—46

Часть II—неоффиціальная.

I. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до начала XIII столѣтія. — Студента **М. Довнаръ-Запольскаго**	99—170
	I—VII
II. Русское уголовное судопроизводство.—Профессора **Д. Тальберга.**	93—180
III. Заразительна-ли проказа? (Отвѣтъ проф. Полотебнову). —Проф. **Г. Минха**	1—36

Критика и библіографія.

I. Историческое обозрѣніе. Сборникъ Ист. Общ. при Спб. Университетѣ за 1890 г. Т. I.—Проф. **Ѳ. Фортинскаго**.	1—8

Прибавленія.

I. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . .	IX—XXII
II. Таблица метеорологическихъ наблюденій за ноябрь и декабрь 1890 г.	

Записка о состояніи и дѣятельности Императорскаго Университета Св. Владиміра въ 1890 г.

Императорскій Университетъ Св. Владиміра въ настоящемъ торжественномъ собраніи имѣетъ честь представить благосклонному вниманію Вашему, милостивые государи и милостивыя государыни, краткія свѣдѣнія о состояніи и дѣятельности его въ 1890 году, относящіяся.

1) *Къ личному составу университетскаго сословія.*
2) *Къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ и*
3) *Къ личному составу учащихся и къ ихъ научнымъ занятіямъ.*

Университетъ Св. Владиміра съ чувствомъ глубочайшей скорби вспоминаетъ о понесенной имъ въ концѣ прошлаго года утратѣ въ лицѣ своего почетнаго члена, Его Императорскаго Высочества князя Николая Максимиліановича Романовскаго Герцога Лейхтенбергскаго. Сынъ Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго и Великой Княгини Маріи Николаевны, Герцогъ Николай Максимиліановичъ родился въ 1843 году и былъ первымъ внукомъ Императора Николая.

Отъ своего родителя онъ унаслѣдовалъ любовь къ естественнымъ наукамъ, особенно же къ минералогіи. По собственнымъ словамъ Его Высочества любовь его къ минералогіи превратилась въ страсть подъ вліяніемъ столь извѣстнаго минералога Н. И. Кокшарова, котораго Герцогъ какъ въ частныхъ, такъ и торжественныхъ обращеніяхъ называлъ своимъ лучшимъ, искреннимъ другомъ. Съ теплою признательностью и глубокимъ уваженіемъ относится Герцогъ, въ своей

автобіографіи, и къ памяти другаго своего наставника—академика Н. Н. Зинина. Такіе сѣятели науки и при томъ на почвѣ, одаренной природою и воспитаніемъ высокими качествами, не могли не имѣть глубокаго благотворнаго вліянія на умственное развитіе Августѣйшаго ученика.

Въ 1865 году, съ соизволенія въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича, Герцогъ занялъ кресло президента Императорскаго Минералогическаго Общества.

Въ засѣданіи Минералогическаго Общества, 8 августа того же года, первомъ подъ предсѣдательствомъ Его Высочества, Августѣйшій президентъ сдѣлалъ сообщеніе о результатахъ произведеннаго имъ анализа минерала Лейхтенбергита. Въ Запискахъ „Минералогическаго Общества“ послѣдующихъ годовъ мы находимъ вполнѣ обстоятельныя и точныя химико-кристаллографическія изслѣдованія минераловъ: кочубеита, кеммерерита, брукита, произведенныя Его Высочествомъ въ собственной Его лабораторіи.

Вступленіе Герцога въ качествѣ Президента въ Минералогическое Общество, составляло событіе въ жизни послѣдняго, имѣвшее благотворнѣйшее вліяніе на его послѣдующую дѣятельность.

Въ первые два года президентства Его Высочество предпринялъ въ сообществѣ академиковъ Н. И. Кокшарова и Н. Н. Зинина двѣ обширныя минерало-геологическія экскурсіи въ центральныя губерніи Россіи и на Уралъ.

Всеподданнѣйшій отчетъ по экскурсіи на Уралъ послужилъ началомъ для многихъ преобразованій по горной части.

По предложенію Его Высочества, изданіе трудовъ Общества получаетъ русское названіе „Записокъ Минералогическаго Общества“, въ которыхъ преобладающимъ текстомъ является русскій. Съ первыхъ же годовъ президентства Герцога, Общество предпринимаетъ рядъ геологическихъ экскурсій съ цѣлію составленія подробной геологической карты Россіи, результаты которыхъ печатаются въ особомъ изданіи подъ именемъ „Матеріалы для геологіи Россіи“. По мысли и при участіи Герцога при Обществѣ учреждена ежегодная премія за лучшія сочиненія по геологіи, палеонтологіи и минералогіи.

8 мая 1890 года исполнилось 25 лѣтъ со дня принятія Его Высочествомъ званія президента Минералогическаго Общества. На бывшемъ по сему случаю юбилейномъ торжествѣ, Его Высочество, въ

отвѣтѣ на привѣтствіе, сказалъ между прочимъ, что всѣ пожеланія Его клонятся къ процвѣтанію и развитію Минералогическаго Общества, къ каковой цѣли и впредь будутъ клониться всѣ его усилія. Смерть неожиданно пресѣкла высокоплодотворную дѣятельность Его Высочества, пресѣкла порывы рыцарскіе благороднѣйшей Его души, пресѣкла жизнь человѣка, обладавшаго рѣдкимъ качествомъ вселять къ себѣ любовь и уваженіе. Университетъ Св. Владиміра почтительно преклоняется предъ памятью своего Почетнаго Члена Его Императорскаго Высочества князя Романовскаго, Герцога Николая Максиміліановича Лейхтенбергскаго.

I. *О личномъ составѣ.*

Въ личномъ составѣ Университета Св. Владиміра послѣдовали слѣдующія измѣненія:

Ординарный профессоръ Университета Св. Владиміра Ѳ. Я. Фортинскій назначенъ Ректоромъ сего Университета.

Утверждены деканами факультетовъ: ординарный профессоръ Т. Д. Флоринскій дек. Историко-филологическаго факультета.

Ординарный профессоръ Н. В. Бобрецкій деканомъ Физико-математическаго факультета.

Ординарный профессоръ Э. К. Гейбель деканомъ Медицинскаго факультета.

Утверждены секретарями факультетовъ: ординарный профессоръ Ю. А. Кулаковскій Историко-филологическаго факультета.

И. д. экстра-ординарнаго профессора Г. К. Сусловъ—секретаремъ Физико-математическаго факультета.

Экстра-ординарный профессоръ Л. Н. Казанцевъ—секретаремъ Юридическаго факультета.

Экстра-ординарный профессоръ П. И. Морозовъ—секретаремъ Медицинскаго факультета.

Заслуженные профессоры: по каѳедрѣ богословія—протоіерей Н. А. Ѳаворовъ, по каѳедрѣ анатоміи В. А. Бецъ и ординарный профессоръ по каѳедрѣ химіи Ѳ. М. Гарничъ-Гарницкій, за

выслугою сроковъ, оставлены при Университетѣ, на основаніи 105 ст. Устава.

Ординарные профессоры: по каѳедрѣ русской исторіи В. С. Иконниковъ и В. Б. Антоновичъ оставлены въ занимаемыхъ ими должностяхъ, послѣ выслуги 25-лѣтняго срока, еще на 5 лѣтъ на основаніи 104 ст. Устава.

Ординарные профессоры: по каѳедрѣ химіи П. П. Алексѣевъ и Ѳ. М. Гарничъ-Гарницкій, по каѳедрѣ физики М. П. Авенаріусъ и по каѳедрѣ фармакологіи Э. К. Гейбель утверждены въ званіи заслуженныхъ профессоровъ.

Возведены въ ординарные профессоры по занимаемымъ каѳедрамъ экстра-ординарные профессоры: по каѳедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія Ѳ. И. Кнауэръ, по каѳедрѣ классической филологіи О. А. Лецій усъ, по каѳедрѣ чистой математики Б. Я. Букрѣевъ, по каѳадрѣ исторіи западно-европейскихъ литературъ Н. П. Дашкевичъ, по каѳедрѣ врачебной діагностики Ф. А. Лешъ; въ экстраординарные профессоры: приватъ-доценты по каѳедрѣ агрономіи С. М. Богдановъ, по каѳедрѣ финансоваго права Н. П. Ясно-польскій.

Вновь назначены: ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ физической географіи П. И. Броуновъ, экстра-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ анатоміи М. А. Тихомировъ.

Приватъ-доцентъ по каѳедрѣ теоретической хирургіи Н. А. Роговичъ перемѣщенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ въ Томскій Университетъ.

Личный составъ Университета Св. Владиміра къ 1 января 1891 года состоитъ изъ 200 лицъ, именно: штатныхъ ординарныхъ профессоровъ 42 и сверхштатныхъ 13, экстра-ординарныхъ 16, приватъ-доцентовъ 23, прозекторовъ 6, лекторовъ 2, астрономъ-наблюдатель 1, помощниковъ прозекторовъ, лаборантовъ, ординаторовъ клиникъ, консерваторовъ и другихъ лицъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ 75, и наконецъ 22 лица, занимающихъ должности по административнымъ частямъ.

Изъ всего числа штатныхъ каѳедръ, положенныхъ по Уставу 1884 г., въ Университетѣ Св. Владиміра оставались въ 1890 году не замѣщенными штатными преподавателями слѣдующія: исторіи церкви,

философіи, географіи, церковнаго права, торговаго права, энциклопедіи права и государственнаго права, но по всѣмъ этимъ каѳедрамъ, за исключеніемъ географіи, преподаваніе въ истекшемъ году возложено было: по нѣкоторымъ каѳедрамъ на спеціально-назначенныхъ для того приватъ-доцентовъ, преподаваніе по каѳедрѣ торговаго права поручено профессору гражданскаго права, а преподаваніе по каѳедрамъ энциклопедіи права и государственнаго права, считающимися вакантными, по случаю истеченія срока службы профессоровъ, занимающихъ ихъ, производилось въ полномъ объемѣ тѣми-же профессорами, оставленными на службѣ въ Университетѣ на основаніи ст. 105 Устава Университетовъ, на медицинскомъ же факультетѣ всѣ каѳедры замѣнены штатными преподавателями, и положенное уставомъ на этомъ факультетѣ число профессоровъ (ординарныхъ 14 и экстро-ординарныхъ 9) состояло къ 1 января 1891 года полное.

Для приготовленія къ профессорскому званію состояло при Университетѣ въ истекшемъ году 11 стипендіатовъ, а именно: на историко-филологическомъ 2, физико-математическомъ 4, юридическомъ 1 и медицинскомъ 4.

Кромѣ того, для таковой-же цѣли, по ходатайству Университета, находятся за границей въ Берлинскомъ Университетѣ кандидаты правъ: Гребенниковъ, Лихотинскій, Петражицкій и приватъ-доцентъ по каѳедрѣ политической экономіи, магистръ Цитовичъ.

Кромѣ открывшихъ свои дѣйствія еще въ 1889 году правительственныхъ испытательныхъ коммиссій: Историко-филологической, Физико-математической и Юридической, въ прошломъ году открыла свои дѣйствія также и Медицинская испытательная коммиссія.

По назначенію г. Министра Народнаго Просвѣщенія составъ этихъ коммиссій состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ:

а) Историко-филологическая: предсѣдателя—ординарнаго профессора Казанскаго Университета Д. Ѳ. Бѣляева, членовъ-профессоровъ Университета Св. Владиміра: В. С. Иконникова, Ѳ. Я. Фортинскаго, Т. Д. Флоринскаго, Ю. А. Кулаковскаго и О. А. Лецiуса.

б) Физико-математическая:—предсѣдателя—члена Совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія, заслуженнаго профессора Н. А. Любимова, членовъ-профессоровъ Университета Св. Владиміра: по математическому отдѣленію: И. И. Рахманинова, М. П. Авена-

ріуса, М. Ѳ. Хандрикова и В. П. Ермакова, по отдѣленію естественныхъ наукъ: К. М. Ѳеофилактова, П. П. Алексѣева, Н. В. Бобрецкаго и О. В. Баранецкаго.

в) Юридическая: предсѣдателя—ординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета Ю. Д. Сергѣевскаго, членовъ-профессоровъ Университета Св. Владиміра: Н. К. Ренненкампфа, В. Г. Демченка, А. В. Романовича-Славатинскаго, О. О. Эйхельмана, Д. И. Пихно, Д. Г. Тальберга и Л. Н. Казанцева.

и г) Медицинская: предсѣдателя — заслуженнаго профессора Разцвѣтова, членовъ-профессоровъ Университета Св. Владиміра: П. И. Перемежка, С. И. Чирьева, В. В. Чиркова, А. Х. Ринека, В. А. Субботина, Г. Е. Рейна и А. В. Ходина.

Результаты испытаній въ правительственныхъ коммиссіяхъ Университета Св. Владиміра оказались слѣдующіе:

	Выдано выпускныхъ свидѣтельствъ.	Подано прошеній о допущеніи къ испытанію.	Удостоены дипломовъ.		Не выдержали испытаній.	Не явились на испытанія.	Прекратили испытанія.
			1-й степ.	2-й степ.			
1) Историко-филологической	15	15	3	6	4	—	2
2) Физико-математической:							
Математическій отдѣлъ	40	26	7	6	7	2	4
Естественный отдѣлъ	25	11	4	4	1	—	2
3) Юридической	122	109	23	41	19	—	26
4) Медицинской	14	13	5	7	—	—	1
Вообще . . .	216	174	42	63	31	2	35

Независимо отъ этого въ 1890 г. Университетомъ Св. Владиміра, на основаніи ст. 27, § II п. 2 и ст. 30, § 1 и 2 Устава Университетовъ 1884 г., Устава Университетовъ 1863 г. и т. XIII Уст. Врачеб. Св. Зак. изд. 1857 г. удостоены ученыхъ степеней и званій 339 лицъ, а именно степени доктора наукъ 2, степени магистра 1, степени кандидата 22, званія дѣйствительнаго студента 25, степени доктора медицины 2, степени лекаря 165, званія уѣзднаго врача 8, степени провизора 18, степени аптекарскаго помощника 82, званія дентиста 6 и званія повивальной бабки 8.

А вообще по постановленіямъ факультетовъ и правительственныхъ испытательныхъ коммиссій Университета Св. Владиміра въ минувшемъ году удостоено ученыхъ степеней и званій 444 лица.

Въ теченіе 1890 года ниже поименованные гг. профессора и преподаватели напечатали:

1) Ординарный профессоръ В. С. Иконниковъ: „А. А. Безклешовъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, кіевскій военный губернаторъ, генералъ-прокуроръ“ (Кіев. Старина); 1) „Димитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III“ (Чтенія въ Общ. Нестора лѣтописца, кн. IV); 2) „Страница изъ исторіи Екатерининскаго наказа“ (тамъ же, кн. V); 3) біографическіе очерки изъ русской исторіи въ „Deutsche Encyklopädie“ и „Словарѣ Венгерова“.

2) Ординарный профессоръ И. В. Лучицкій: 1) „Заимка и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи“ (Юрид. Вѣстн., мартъ 1890 г.); 2) „Наказы малороссійскимъ депутатамъ“.

3) Ординарный профессоръ Т. Д. Флоринскій: „Новѣйшія историческія изслѣдованія архимандрита Иларіона Руварца“ и „Новости славянскихъ литературъ“ (Унив. Изв. 1890 г.).

4) Ординарный профессоръ П. В. Владимировъ: 1) „Обзоръ южнорусскихъ и западнорусскихъ памятниковъ письменности, отъ XI до XVII ст.“ (Чт. въ Общ. Нест. лѣт. кн. IV); 2) „Изъ ученическихъ лѣтъ Н. В. Гоголя“ (Унив. Изв., май 1890 г.).

5) Ординарный профессоръ Ю. А. Кулаковскій: „Классическіе языки въ русскихъ гимназіяхъ“ (журн. Рус. Школа); 2) „Нѣсколько словъ о новомъ изданіи классиковъ“ (Жур. Мин. Н. Пр.).

6) Ординарный профессоръ Ѳ. И. Кнауэръ: 1) „Вторая археологическая раскопка“ (Чт. Общ. Н. лѣт., кн. IV); 2) „Руководство къ изученію санскрита“, сост. В. Миллеромъ и Ѳ. Кнауэромъ

(первому принадлежитъ ч. I—грамматика, второму чч. II и III—тексты и словарь).

7) Заслуженный ординарный профессоръ П. Э. Ромеръ: „Новая форма выраженія отношенія окружности къ діаметру“ (Вѣстн. мат. и опыт. физики).

8) Заслуженный ординарный профессоръ М. Е. Ващенко-Захарченко: „Высшая Алгебра, часть II“.

9) Заслуженный ординарный профессоръ П. П. Алексѣевъ: 1) „Двѣ библіографическія замѣтки“; 2) „Къ вопросу о номенклатурѣ органическихъ соединеній“ (Унив. Изв.); 3) „Sur le chlorure d'azocuminyle“ (Жур. Париж. Хим. Общ.); 4) статья о Ѳ. Ѳ. Бейльштейнѣ (Критико-біограф. словарь Венгерова).

10) Ординарный профессоръ Н. А. Бунге: „Свеклосахарная промышленность на Парижской выставкѣ 1889 г.“, К. 1890; редактировалъ „Указатель русской литературы по чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ“ за 1888, К. 1890.

11) Ординарный проф. П. Н. Венюковъ: „Отложенія девонской системы въ Мугоджарской горѣ“ (Вѣст. Естествознанія, № 1, 1890); 2) „Эвтакситовыя стекла липаритовъ“ (Труды С.-Петерб. Общ. Естеств.); „Отчетъ о мугоджарской экспедиціи“ (Труды VIII съѣзда рус. естеств. и врачей въ Петербургѣ).

12) Ординарный профессоръ Н. Н. Шиллеръ: 1) „Über eine mögliche, aus den Toule-Thomson'schen Versuchen herzuleitende Form der Zustandsgleichung fur Gase“ (Wiedemann's Annalen, Bd. XL, 1890); 2) „Нѣсколько замѣтокъ по элементарнымъ физико-механическимъ вопросамъ“ (Вѣстникъ Опытной Физики и элемент. матем.).

13) Ординарный профессоръ Н. В. Бобрецкій: „Основанія Зоологіи“ т. II (позвоночныя животныя).

14) Ординарный профессоръ И. Ѳ. Шмальгаузенъ: „Tertiäre Pflanzen der Insel Neusibirien (Mémoires de l'Académie Impériale des sciencs de St. Pétersbourg, VII Série. T. XXXVII, № 5).

15) Ординарный профессоръ Б. Я. Букрѣевъ: „Двѣ критическихъ статьи объ учебникахъ L. Koenigsberger'a и H. Laurent'a“. (Унив. Изв.).

16) Ординарный профессоръ 1) М. Ф. Владимірскій-Будановъ: „Населеніе юго-западной Россіи отъ половины XV в. до Люблинской уніи“ (Архивъ Юго-западной Россіи ч. VII т. II); 2) „Черты

семейнаго права въ Литовской Руси" (Чт. Общ. Нест. лѣт., т. IV).

17) Ординарный профессоръ О. О. Эйхельманъ: 1) „Обзоръ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій управленія въ Россіи"; 2) „Очерки изъ лекцій по русскому государственному праву" (Унив. Изв.); 3) „Замѣтка о международныхъ трактатахъ и международномъ частномъ правѣ". Кіевъ 1890 г.

18) Ординарный профессоръ П. П. Цитовичъ: „Гражданскій процессъ" (конспектъ лекцій), 2-е передѣл. изданіе.

19) Ординарный профессоръ Д. И. Пихно: „Основанія политической экономіи", выпускъ I-й.

20) Ординарный профессоръ А. Я. Антоновичъ: „Курсъ государственнаго благоустройства".

21) Ординарный профессоръ Д. Г. Тальбергъ: „Русское уголовное судопроизводство", т. II-й (Унив. Изв. 1890 г.).

22) Ординарный профессоръ Э. Г. Гейбель: „Die Wiederbelebung des Herzens nach dem Eintritt vollkommener Herzmuskelstarre". (Archiv für die gesammte Physiologie Pflüger'a).

23) Ординарный профессоръ С. И. Чирьевъ: „Учебникъ физіологіи человѣка", первый выпускъ.

24) Ординарный профессоръ А. В. Ходинъ издавалъ журналъ „Вѣстникъ офтальмологіи".

25) Ординарный профессоръ Ѳ. К. Боргауптъ: „Руководство къ хирургической патологіи и терапіи", въ 2-хъ частяхъ.

26) Ординарный профессоръ В. В. Чирковъ: „Объ электро-фотометрическихъ измѣреніяхъ гемоглобина крови"; 2) Количественное опредѣленіе гемоглобина при анэміи, хлорозѣ и др. болѣзняхъ (Медиц. Обоз.); „Ueber Haemoglobingehalt bei Adissonische Krankheit" (Zeitschrift für klinische Medicin).

27) Ординарный профессоръ Г. Е. Рейнъ: 1) „Матеріалы къ ученію о внѣматочной беременности" (прот. засѣд. Акуш. Гинекол. Общ.); 2) „Объ асептикѣ при чревосѣченіяхъ"; 3) „Асептика или антисептика при чревосѣченіяхъ" (Врачъ. 1890 г.); 4) Aseptis bei Laparotomie"; 5) „Antiseptis oder Aseptis bei Laparotomie" (Centralblatt für Gynäkologie, 1890).

28) Ординарный профессоръ И. А. Сикорскій: 1) „О заиканіи"; 2) „Физіологія нравственныхъ страданій".

29) Экстра-ординарный профессоръ А. И. Сонни: „Ad Avieni

oram maritimam" (Philologus, N. F. III, 379; 2) рецензію на „A. Mahn, de Dionis Chrysostomi codd" (Berliner philolog. Wochenschrift 1890 № 42).

30) Экстра-ординарный профессоръ Г. К. Суслов: 1) „Частный случай нахожденія силовой функціи"; 2) „Объ одномъ частномъ вопросѣ изъ обратной задачи механики"; 3) „О силовой функціи, допускающей частные интегралы". (Унив. Изв.).

31) Экстра-ординарный профессоръ С. М. Богдановъ: „Земледѣліе на парижской выставкѣ въ 1889 году" (Жур. Сельскаго хозяйства и лѣсовод.); 2) „Пшеницы Ю. З. края" (ib.); 3) „Первый опытъ производства опіума въ Кіев. губ. (ib.); „Производство шелковичныхъ сѣмянъ въ Россіи въ 1887 (Зап. Кіев. отд. Технич. общ.

32) Экстра-ординарный профессоръ П. И. Морозовъ: „Гуманныя требованія войны". (Унив. Изв.).

33) Экстра-ординарный профессоръ В. В. Подвысоцкій: 1) „Основы Общей патологіи"; 2) „О присутствіи кокцидій въ куриныхъ яйцахъ" (Врачъ); 3) Ueber Coccidien im Zusammenhange mit der Frage über die Aetiologie d. Psorospermate (Centralblatt für allgemeine Pathologie, Bd. I).

34) Экстра-ординарный профессоръ Н. А. Оболонскій: 1) „Опредѣленіе тожества лица по способу Bertillon'a" (Врачъ); 2) „Черепа преступниковъ" (Вѣст. Общ. гигіены, судеб. и практ. медиц.).

35) Экстра-ординарный профессоръ А. Д. Павловскій: „Ueber die Aetiologie und Pathologie des Rhinosclerom's" (Centralblatt für allgemeine Pathologie, 1890).

36. Экстра-ординарный профессоръ М. А. Тихомировъ: 1) „Методъ преподаванія анатоміи и положеніе человѣка въ царствѣ животныхъ" (Унив. Изв.); 2) „О брюшинѣ", (отд. изд.).

37) Приватъ-доцентъ С. Т. Голубевъ: „Южно-русскій православный катехизисъ 1602 г." (Чт. въ Общ. Нест. лѣт. к. IV).

38) Приватъ-доцентъ В. И. Петръ: „Къ вопросу о латинской орѳоэпеи" съ добавленіемъ статьи: „могутъ ли латинскіе звуки p, b, f, служить замѣстителями арійскихъ нѣбныхъ k, g, gh".

39) Приватъ-доцентъ А. Ѳ. Поспишиль: 1) „Греческо-русскій словарь"; 2) „Апологія Сократа, діалогъ Платона".

40) Приватъ-доцентъ Г. Г. Павлуцкій: „Фидій" (Унив. Изв. 1890 г.).

41) Приватъ-доцентъ А. Н. Гиляровъ: „Платонъ, какъ историческій свидѣтель“ (Унив. Изв.).

42) Приватъ-доцентъ В. К. Совинскій: „О фаунѣ прѣсноводныхъ губокъ рѣки Днѣпра“ (Вѣст. Естествознанія).

43) Приватъ-доцентъ П. А. Лашкаревъ „Рецензія на монографію проф. Павлова: „50-я глава кормчей книги“ (Христ. Чтен.).

44) Приватъ-доцентъ О. А. Рустицкій: 1) „Водяная грыжа, сообщающаяся съ брюшною полостью“; 2) „Къ вопросу объ оперативномъ леченіи почечныхъ шишекъ“; 3) „Къ вопросу о леченіи грыжъ“. (Врачъ, 1890 г.).

45) Приватъ-доцентъ И. С. Поповскій: „Мускулатура лица у Cercocebus и отношеніе къ ней лицеваго нерва“.

46) Приватъ-доцентъ В. А. Добронравовъ: „Діагностика женскихъ болѣзней“, (вып. I).

47) Приватъ-доцентъ И. В. Троицкій: 1) „Разстройства со стороны центральной нервной системы при коклюшѣ“ (Унив. Изв.); 2) „Прополаскиваніе желудка маленькихъ дѣтей съ терапевтическою цѣлью“ (Врачъ 1890 г.); De la deuxième dentition ou de l'apparition des premières grosses malaires, dans son rapport avec la troisième dentition, c'est à dire avec le remplacement des dents de lait par les dents permenentes. Etat de la deuxième dentition durant la troisième (Revue mensuelle des maladies de l'enfant. Juil. et sept. 1890).

48) Приватъ-доцентъ Н. М. Волковичъ: „Объ особой формѣ пораженія крупныхъ сосудовъ конечностей (arteriitis obliterans), какъ одной изъ причинъ самопроизвольной гангрены ихъ (gangraena spontanea“. (Хир. Вѣст.).

49) И. д. прозектора А. С. Игнатовскій 1) „Объ облитерирующемъ артеріитѣ сосудовъ при такъ называемой Gangraena“; 2) „Краткій отчетъ о дѣятельности судебно-медицинскаго кабинета въ $18^{89}/_{90}$ учебномъ году“.

50) И. д. прозектора К. М. Сапѣжко: „Plan eines aseptischen Operationssaales (Vorläufige Mittheilung)“. (Centralblatt für Gynäkologie. 1890; тоже Врачъ, № 34);

На изданіе нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ ассигновано изъ спеціальныхъ средствъ Университета болѣе 3000 рублей.

Университетъ Св. Владиміра продолжалъ издавать журналъ „Уни-

верситетскія Извѣстія", выходящій ежемѣсячно подъ редакціей ординарнаго профессора В. С. Иконникова.

Въ журналъ этотъ входятъ, по преимуществу, ученныя работы профессоровъ, преподавателей и студентовъ по разнымъ отраслямъ наукъ. Кромѣ того въ журналѣ помѣщаются нѣкоторыя оффиціальныя свѣдѣнія съ цѣлью ознакомленія публики съ состояніемъ и дѣятельностію Университета Св. Владиміра по ученой, педагогической, административной и хозяйственной частямъ.

На изданіе „Университетскихъ Извѣстій" въ минувшемъ году употребилъ Университетъ изъ своихъ спеціальныхъ средствъ до 7000 р.

Въ 1890 году находились съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора и съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ командировкахъ съ ученою цѣлью:

а) за границей—профессоры: Эргардтъ, Субботинъ, Стуковенковъ, Тритшель, Гейбель, Чирьевъ, Рейнъ, Боргауптъ, Дашкевичъ, Оболонскій и Павловскій; приватъ-доценты: Голубевъ, Гиляровъ, Троицкій и Малиновскій

б) въ Россіи: профессоры: Ѳеофилактовъ, Бунге, Гарничъ-Гарницкій, Венюковъ, Владимировъ, Кулаковскій, Тальбергъ и приватъ-доцентъ Самофаловъ.

Нѣкоторымъ изъ поименованныхъ лицъ были выданы денежныя пособія на сумму 2550 руб. изъ спеціальныхъ средствъ Университета.

При Университетѣ Св. Владиміра состоятъ ученыя общества:

1) *„Историческое Нестора лѣтописца"*.

Дѣятельность общества Нестора Лѣтописца выразилась въ разработкѣ членами разныхъ вопросовъ исторической науки и въ изданіи какъ работъ своихъ членовъ, такъ и собраныхъ ими матеріаловъ.

Въ теченіи 1890 г. Общество имѣло 9 засѣданій, въ которыхъ прочитано 23 реферата.

а) *По археологіи.*

В. Б. Антоновича: „О бронзовыхъ орудіяхъ въ предѣлахъ Кіевской губерніи" и „Древлянскіе могильники".

И. И. Малышевскаго: „О Кіевской церкви Богородицы Пирогощей, упоминаемой въ лѣтописи и въ Словѣ о полку Игоревѣ".

Ю. А. Кулаковскаго: „О раскопкахъ въ Керчи лѣтомъ 1890 года".

А. И. Сонни: „О бронзовой статуэткѣ Кіевскаго Университета археологическаго музея".

О. И. Левицкаго: „Объ исчезнувшихъ и сохранившихся древнихъ сооруженіяхъ въ г. Луцкѣ" и

В. З. Завитневича: „О внѣшнихъ докладахъ на VIII археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ".

б) *По политической исторіи.*

А. В. Романовича-Славатинскаго: „О нѣкоторыхъ документахъ, извлеченныхъ изъ англійскаго Государственнаго Архива (1735—1736 гг.)".

И. М. Каманина: „О мало извѣстныхъ лицахъ и событіяхъ конца XVIII вѣка (1749—1816 г.)" и „О новыхъ матеріалахъ по исторіи Коліивщины (Уманской рѣзни 1668 г.)".

Н. В. Стороженка: „О малороссійскомъ ополченіи 1812 г.".

в) *По исторіи права.*

М. Ф. Владимірскаго-Буданова: „Отношеніе гр. Румянцова къ порядкамъ бывшей гетманщины".

И. В. Лучицкаго: „О крестьянахъ и крестьянскомъ вопросѣ въ Лифляндіи въ XVII и XVIII вв".

г) *По обычному праву.*

О. И. Левицкимъ: „Какъ относились у насъ въ старину къ самоубійству".

д) *По исторіи русской литературы.*

А. И. Соболевскій разъяснилъ „Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи", а П. В. Владимировъ—сдѣлалъ „Обзоръ рукописей, относящихся къ южно-русской и западно-русской письменности отъ XI до XVIII вѣка".

Кромѣ того Т. Д. Флоринскій и А. І. Степовичъ въ своихъ докладахъ знакомили Общество съ состояніемъ науки и литературы у южныхъ и западныхъ славянъ, а С. Т. Голубевъ разъяснилъ библіографическое недоразумѣніе: „Издалъ-ли львовскій типографъ Слезка соч. Петра Могилы объ артикулахъ вѣры?" и наконецъ

Н. В. Лучицкій помянулъ научныя заслуги скончавшагося въ 1890 году историка и экономиста Роджерса.

Въ теченіе 1890 г. Общество Нестора лѣтописца издало двѣ книги своихъ „Чтеній“: четвертую подъ редакціей секретаря Н. П. Дашкевича и пятую подъ редакціей предсѣдателя М. Ѳ. Владимірскаго-Буданова. Для содержанія 4-й и 5-й книги „Чтеній“ послужили рефераты, читавшіеся въ засѣданіяхъ Общества, и статьи, присланныя отсутствующими членами, равно какъ и матеріалы, собранные членами.

Въ личномъ составѣ Общества произошли слѣдующія перемѣны:

Предсѣдателемъ Общества на новое трехлѣтіе единогласно избранъ во второй разъ профессоръ М. Ф. Владимірскій-Будановъ.

Заступающимъ мѣсто секретаря, на время отсутствія Н. П. Дашкевича избранъ профессоръ Т. Д. Флоринскій.

Библіотекаремъ и помощникомъ секретаря избранъ И. М. Каманинъ.

Къ началу 1890 г. Общество состояло изъ 19 почетныхъ и 91 дѣйствительнаго члена.

Въ теченіе 1890 г. выбыло по разнымъ причинамъ 7 членовъ и избрано вновь 2 почетныхъ и 13 дѣйствительныхъ членовъ.

Къ 1 января 1891 г. Общество состоитъ изъ 21 почетнаго и 97 дѣйствительныхъ членовъ. Въ Библіотекѣ Общества Нестора Лѣтописца къ началу 1890 г. числилось 381 названіе въ 782 томахъ и брошюрахъ. Въ теченіе 1890 г. вновь поступило 100 названій въ 118 томахъ и брошюрахъ, затѣмъ къ 1-му января 1891 г. состоитъ на лицо 481 названіе въ 899 томахъ и брошюрахъ.

Средства Общества находились въ слѣдующемъ состояніи: къ началу 1890 г. оставалось 1091 р. 22 к. Въ теченіе 1890 г. поступило 1084 р. 76 к. Въ теченіе 1890 г. израсходовано на изданія Общества, канцелярію и библіотеку 1085 р. 85 к. Затѣмъ къ 1 января 1891 года въ кассѣ Общества находится на лицо 1090 руб. 13 коп.

2) *Кіевское Общество Естествоиспытателей.*

Къ 1 января 1891 года Общество состояло изъ 151 почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ. Общество имѣло 7 очередныхъ и 1 экстренное засѣданіе, на которыхъ было сдѣлано 18 сообщеній по раз-

личнымъ вопросамъ естествознанія. Экскурсіи съ научною цѣлью и съ пособіемъ отъ общества были произведены 8 членами. Изъ изданій Общества вышли въ 1890 г. „XVIII т. Указателя русской литературы по математикѣ и чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ", 3-й вып. X т. и I вып. XI т. „Записокъ".

Совѣтъ Общества состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя К. М. Ѳеофилактова, товарища предсѣдателя Н. А. Бунге, непремѣннаго члена Н. В. Бобрецкаго, секретаря Н. Н. Володкевича и казначея В. К. Совинскаго.

3) *Физико-Математическое Общество.*

Основанное въ началѣ 1890 г. Физико-Математическое Общество имѣло въ теченіи упомянутаго года нижеслѣдующій составъ: въ распорядительный комитетъ Общества вошли: предсѣдатель профессоръ Н. Н. Шиллеръ, два его товарища: проф. В. П. Ермаковъ и Э. К. Шпачинскій, секретарь проф. Б. Я. Букрѣевъ, казначей К. Н. Жукъ. Число членовъ къ концу 1890 г. достигло до 103 человѣкъ. Общество имѣло, въ теченіи года, 16 засѣданій, посвященныхъ выслушиванію и обсужденію сообщеній членовъ Общества, производству опытныхъ демонстрацій и разбору различныхъ вопросовъ педагогическаго характера. Число отдѣльныхъ сообщеній достигло 50. Къ концу 1890 г. Общество образовало изъ нѣкоторыхъ своихъ членовъ особую коммиссію, коей поручило выработать основанія для нормальнаго курса физики въ размѣрѣ преподаванія среднихъ учебныхъ заведеній.

4) *Кіевское Юридическое Общество.*

Въ 1890 году для завѣдыванія дѣлами общества состояли: предсѣдатель В. Г. Демченко, заступающій мѣсто предсѣдателя П. П. Цитовичъ, секретарь В. О. Ждановскій, казначей П. К. Скордели и члены правленія И. Я. Давиденко, С. Ф. Делюсто и А. Ф. Соколовъ.

Къ 1-му января 1891 года въ Обществѣ числилось членовъ: 4 почетныхъ, 223 дѣйствительныхъ и 14 по отдѣленію обычнаго права.

Въ 1890 г. Юридическое Общество имѣло 1 распорядительное и 4 ученыхъ засѣданія.

При Обществѣ состоитъ библіотека, въ которой къ исходу 1890 г. числилось 398 отдѣльныхъ наименованій сочиненій и изданій въ 846 томахъ.

Въ отчетномъ году Общество выписывало 9 иностранныхъ и 5 русскихъ періодическихъ изданій. Общество получало свои средства изъ пятирублевыхъ членскихъ взносовъ.

5) *Акушерско-Гинекологическое Общество.*

Къ 1 января 1891 года Общество состояло изъ 68 членовъ: почетныхъ 6, членовъ учредителей 30, дѣйствительныхъ 28 и членовъ-корреспондентовъ 4. Общество въ истекшемъ году имѣло 8 ученыхъ, 6 административныхъ и 1 годовое засѣданіе. Въ отчетномъ году Обществомъ изданъ III т. 6-й выпускъ протоколовъ засѣданій съ приложеніями. Правленіе Общества состояло изъ предсѣдателя профессора Г. Е. Рейна, товарища предсѣдателя приватъ-доцента В. А. Добронравова, секретарей А. Г. Боряковскаго и А. И. Красковскаго, казначея Ф. Л. Сегета и библіотекаря Н. К. Неелова.

II. *Учебно-вспомогательныя учрежденія.*

Всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ Св. Владиміра состоитъ 47—двѣ библіотеки: основная и студентскій ея отдѣлъ, 2 обсерваторіи: астрономическая и метеорологическая, 4 факультетскія клиники, 3 госпитальныя, 3 клиническихъ отдѣленія при Кіевской городской Александровской больницѣ, анатомическій театръ, паталого-анатомическій институтъ, ботаническій садъ, 9 лабораторій и 21 кабинетъ.

Стоимость находящихся въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ учебныхъ пособій, какъ то: книгъ, инструментовъ и прочее превышаетъ милліонную сумму.

Изъ этихъ учрежденій однѣ библіотеки (основная и студентскій ея отдѣлъ) цѣнятся до полумилліона рублей.

Объ учащихся.

Въ 1890 году поступило въ студенты 567 челов. Къ 1 января 1891 г. состоитъ 1982 чел., болѣе противу состоявшихъ къ 1 января 1890 г. на 74 челов.

По факультетамъ числилось: на Историко-филологическомъ 50, Физико-математическомъ: по естественному отдѣленію 54, по отдѣнію математическихъ наукъ 201, Юридическомъ 791 и Медицинскомъ 886. Кромѣ того состояло постороннихъ слушателей 16 и фармацевтовъ 46; всего-же учащихся 2044 лица.

Изъ общаго числа студентовъ въ 1890 г. было освобождено отъ платы за слушаніе лекцій въ 1-мъ полугодіи 267 и во 2-мъ полугодіи 305 лицъ, въ томъ числѣ и всѣ стипендіаты, выборъ которыхъ предоставленъ Университету.

Къ 1-му января 1891 г. состоитъ въ Университетѣ 140 стипендій, именно 39 на счетъ суммъ государственнаго казначейства, 39 на суммы, пожертвованныя частными лицами и обществами и предоставленныя въ распоряженіе Университета, 13 на суммы Попечительства о недостаточныхъ студентахъ и 49 стипендій на суммы разныхъ городскихъ обществъ, земствъ и дворянства. Наибольшій размѣръ стипендій былъ—420 р. наименьшій 50 р. въ годъ.

На стипендіи и пособія употреблено въ 1890 г. 39300 руб., въ томъ числѣ изъ суммъ государственнаго казначейства 21020 руб., изъ суммъ Попечительства о недостаточныхъ студентахъ 3380 руб., изъ суммъ, предоставленныхъ въ распоряженіе Университета разными частными лицами и обществами, 7040 руб., и выдано Обществомъ вспомоществованія студентамъ Университета пособій на сумму 7860 руб.

На предложенныя въ 1890 году факультетами задачи для соисканія наградъ медалями представлены слѣдующія сочиненія:

По Историко-филологическому факультету:

На тему: „*Исторія Кіевскаго княжества отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія*“ представлено сочиненіе окончившимъ курсъ въ маѣ 1890 г. Михаиломъ Грушевскимъ. Сочиненіе это раздѣлено на четыре главы: первая представляетъ географическій очеркъ территоріи Кіевскаго княженія въ до-монгольскій періодъ; вторая посвящена обзору политической исторіи Кіевскаго княжества до монгольскаго нашествія; третья глава посвящена описанію устройства и внутренняго быта Кіевскаго княжества за время отъ смерти Ярослава до монгольскаго нашествія и наконецъ четвертая глава содержитъ обзоръ извѣстій о Кіевской землѣ отъ монгольскаго нашествія до конца XIV столѣтія.

Пріемы, которыми авторъ пользовался при составленіи своего труда, заслуживаютъ полнаго одобренія: съ пособіями и источниками, относящимися къ избранному предмету, онъ ознакомился основательно и въ совершенной полнотѣ, что явствуетъ изъ ссылокъ, которыми обставлены мельчайшія подробности изслѣдованія. Планъ всего сочиненія, его выполненіе и способъ изслѣдованія частныхъ вопросовъ свидѣтельствуютъ объ умѣніи обращаться съ историческимъ матеріаломъ, согласно съ требованіями научной критики, и о значительной даровитости автора.

Согласно съ мнѣніемъ рецензента, профессора В. Б. Антоновича, Историко-филологическій факультетъ удостоилъ автора означеннаго сочиненія, М. Грушевскаго, награды *золотою* медалью.

По Физико-математическому факультету:

На тему: „Кривизна поверхностей, условія наложенія одной поверхности на другую, поверхности постоянной кривизны, кратчайшія линіи на поверхности“ представлены сочиненія студентами 7 семестра Николаемъ Синопійскимъ и 5 сем. Владиміромъ Ивановымъ-Артюховымъ.

Студентъ Н. Синопійскій съумѣлъ подобрать въ математ. литературѣ наиболѣе подходящіе мемуары для выполненія темы. Къ сожалѣнію, авторъ увлекся подробностями и такими изслѣдованіями, которыя не входятъ въ данную тему. Кромѣ того сочиненіе содержитъ: условія наложенія поверхностей одна на другую, свойства геодезическихъ линій, поверхности постоянной кривизны. Погоня за излишними подробностями не дала возможности автору вполнѣ закончить предложенную тему. Авторъ останавливается на самомъ интересномъ мѣстѣ: на выводѣ зависимостей между сторонами и углами треугольниковъ, начерченныхъ на поверхностяхъ постоянной кривизны. Слѣдовало бы отсюда вывести дальнѣйшія слѣдствія о суммѣ угловъ треугольника; далѣе показать, что на поверхности съ постоянною отрицательною кривизною чрезъ данную точку можно провести цѣлый пучекъ геодезическихъ линій, не встрѣчающихъ данной геодезической линіи. Эти слѣдствія имѣютъ важное значеніе, ибо изъ нихъ вытекаетъ невозможность доказательства извѣстной одинадцатой аксіомы Евклида.

Въ сочиненіи студ. Иванова-Артюхова удовлетворительно выполнена и хорошо изложена лишь небольшая часть предложенной задачи, между тѣмъ какъ авторъ слишкомъ подробно говоритъ о такихъ вопросахъ, которые могли быть опущены, такъ-какъ не входятъ прямо въ заданную тему.

Согласно съ отзывами рецензента, проф. Ермакова, Физико-математическій факультетъ удостоилъ Н. Синопійскаго награжденія серебряною медалью, а В. Иванова-Артюхова похвальнаго отзыва.

По Юридическому факультету:

1) На тему: *„Объ акціонерныхъ компаніяхъ“* представлено 2 сочиненія. Первое изъ нихъ принадлежитъ студенту 5 семестра Леониду Смѣльницкому.

Сочиненіе это раздѣлено на семь главъ: 1) историческій очеркъ акціонерныхъ компаній; 2) формы акціонерныхъ компаній; 3) образованіе; 4) существо; 5) составныя части; 6) условія существованія и 7) примѣнимости акціонерныхъ компаній къ разнаго рода предпріятіямъ. Въ 5-й главѣ, не удачно озаглавленной: „составныя части акціонерныхъ компаній“, говорится о капиталѣ, акціи и цѣли акціонерныхъ компаній.

Хотя это сочиненіе задумано по удачному плану и касается всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ темы, но написано съ очевидною спѣшностью и недостаточною подготовкою. Автору не удалось обстоятельно ознакомиться съ обширною литературою предмета и составить себѣ опредѣленныя воззрѣнія. Находясь подъ вліяніемъ изслѣдованія профессора Тарасова, служившаго ему главнымъ пособіемъ, авторъ обнаружилъ мало самостоятельности, а благодаря спѣшности работы допустилъ фактическія ошибки въ изложеніи.

2) На тему *„Акціонерныя компаніи“* представлено сочиненіе студентомъ 7-го семестра Владиміромъ Желѣзновымъ.

Сочиненіе это состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) историческое развитіе акціонерныхъ компаній; 2) организація и функція акціонерныхъ компаній и 3) экономическое значеніе акціонерныхъ компаній.

Авторъ втораго сочиненія студ. 7-го сем. В. Желѣзновъ, потрудился на немъ усердно и успѣшно. Онъ хорошо ознакомился какъ съ русскою литературою предмета, такъ и съ болѣе капитальными

иностранными изслѣдованіями и успѣлъ воспользоваться источниками. Лучшею частью сочиненія должно признать второй отдѣлъ, такъ какъ вопросы, касающіеся организаціи акціонерныхъ компаній, болѣе разработаны въ литературѣ; значительно слабѣе послѣдняя часть, требовавшая болѣе самостоятельнаго изслѣдованія. Со многими мнѣніями автора, въ особенности въ послѣдней части, нельзя согласиться, но аргументація его продумана и обстоятельна; авторъ обнаружилъ умѣнье разобраться въ сложныхъ и спорныхъ вопросахъ и выбирать изъ нѣсколькихъ спорныхъ мнѣній наиболѣе сильное, а въ своихъ выводахъ онъ по большей части соблюдаетъ надлежащую осторожность; наконецъ слѣдуетъ отмѣтить, что сочиненіе написано хорошимъ и точнымъ языкомъ.

Юридическій факультетъ, согласно съ заключеніемъ рецензента, ординарнаго профессора Д. И. Пихно, удостоилъ Смѣльницкаго Леонида почетнаго отзыва, а Желѣзнова Владиміра серебряною медалью.

По Медицинскому факультету:

1) На тему: „*Вліяніе паровъ эѳирныхъ маслъ на бациллы брюшнаго тифа, чахотки и сибирской язвы*“ представлено сочиненіе студентомъ 10 семестра Ѳедоромъ Омельченкомъ.

Сочиненіе это представляетъ обширный трудъ, снабженный 2-мя таблицами текста и 7-ю таблицами рисунковъ. Оно состоитъ изъ 8 главъ, при чемъ въ первой разсматривается теорія микропаразитизма и антибактеріальнаго вещества; во второй—излагается литература объ эѳирныхъ маслахъ; въ 3-й методы изслѣдованія; въ 4-й вліяніе эѳирныхъ маслъ на брюшнотифозныя бациллы; въ 5-й, морфологія брюшнотифозныхъ бациллъ подъ вліяніемъ эѳирныхъ маслъ; въ 6-й—вліяніе эѳирныхъ маслъ на туберкулезныя бациллы; въ 7-й на сибире-язвенныя бациллы и, наконецъ, 8-я глава содержитъ обзоръ химическихъ, физическихъ и фармакогностическихъ свѣдѣній относительно эѳирныхъ маслъ и разсматривалось какъ цѣнное прибавленіе къ самой работѣ.

Самое слабое мѣсто всей работы составляетъ первая глава, посвященная обзору микропаразитизма и опредѣленія понятія „антибактеріальное дѣйствіе“. Въ ней содержатся нѣкоторыя историческія неточности, именно относительно первыхъ фактовъ, коими положено

было основаніе теоріи микропаразитизма; но такъ какъ первая глава съ общимъ содержаніемъ не имѣетъ прямаго отношенія къ самой работѣ и такъ какъ безъ нея работа не теряетъ своей цѣнности и полноты, то и указанныя неточности ни чуть не измѣняютъ впечатлѣнія, которое производитъ самая работа на читателя и не ослабляетъ громадныхъ достоинствъ собственныхъ изслѣдованій автора.

Если взвѣсить всѣ данныя, добытыя авторомъ, сопоставить ихъ съ данными, добытыми предшествующими изслѣдователями относительно дѣйствія эѳирныхъ маслъ на бактеріи, если обратить вниманіе на сравнительную точность методовъ изслѣдованія въ разбираемой работѣ и въ предшествовавшихъ работахъ, то нельзя не прійдти къ заключенію, что настоящая работа представляетъ собою лучшее и наиболѣе обстоятельное изслѣдованіе во всей литературѣ объ антибактеріальномъ дѣйствіи паровъ эѳирныхъ маслъ. Кромѣ возможной въ этой области наибольшей точности выводовъ, авторъ даетъ намъ впервые указанія на морфологическія измѣненія бактерій подъ вліяніемъ паровъ эѳирныхъ маслъ и впервые точно обставилъ цифровыя доказательства зависимости антибактеріальнаго дѣйствія маслъ отъ быстроты и степени ихъ испаряемости. Работа эта, которой предстоитъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ опубликованіе, составитъ цѣнный вкладъ въ бактеріологическую литературу, какъ по новизнѣ методовъ, такъ и по достигнутымъ результатамъ.

Согласно съ мнѣніемъ рецензентовъ, профессоровъ Подвысоцкаго и Павловскаго, Медицинскій факультетъ удостоилъ студента Омельченко Ѳеодора награды золотою медалью и премію Н. И. Пирогова въ 100 рублей.

2) На тему: „*Причины не одинаковаго возбуждающаго дѣйствія анода и катода на нервы и мышцы*“ представлено сочиненіе студентомъ 7 семестра Іосифомъ Рубинштейномъ.

Вопросъ, составляющій тему этого сочиненія, одинъ изъ самыхъ основныхъ и въ то-же время самыхъ трудныхъ вопросовъ общей физіологіи. Надъ нимъ работали лучшіе физіологи прежняго и нашего времени, и если предложена была въ числѣ прочихъ вышеозначенная тема, то, конечно, не съ цѣлью получить удовлетворительное разрѣшеніе самого вопроса, а лишь съ цѣлью испытать умѣнье пишущаго пользоваться литературнымъ матеріаломъ и особенно умѣнье критически отнестись къ этому матеріалу.

Съ этой точки зрѣнія, разбираемое сочиненіе, за исключеніемъ нѣкоторыхъ несовершенствъ изложенія, мѣстами сбивчивости и обмолвокъ второстепеннаго значенія, признано вполнѣ удовлетворительнымъ.

Медицинскій факультетъ, согласно съ мнѣніемъ рецензентовъ, профессоровъ С. И. Чирьева и И. А. Сикорскаго, удостоилъ студента Рубинштейна награды золотою медалью.

3) На тему: „*Постоянно-ли отношеніе между величиною максимальнаго укороченія мышцы при возбужденіи и ея длиною для всѣхъ мышцъ*“ представлены два сочиненія, подъ девизомъ: feci quod potui, faciant meliora, qui possunt“ студентомъ 9 семестра Николаемъ Короленко, и подъ девизомъ: „Es kommen in den Organismen den Stofftheilchen keine neue Kräfte zu, keine Kräfte, die nicht auch ausserhalb derselben (in der unbelebten Natur) wirksam wären“ студентомъ 10 семестра Эммануиломъ Ивановымъ.

Авторъ перваго сочиненія, студентъ 9 семестра, Короленко Николай, опредѣливъ понятіе о коэфиціентѣ максимальнаго укороченія мышцъ, довольно обстоятельно излагаетъ зависимость величины укороченія мышцы отъ различныхъ факторовъ, какъ то: величины груза, эластичности и длины мышцы, ея утомленія, температуры, силы раздраженія и, наконецъ, строенія, съ тѣмъ чтобы, при постановкѣ собственныхъ опытовъ, соблюсти по возможности одинаковость условій. Для рѣшенія вопроса авторъ пользовался экспериментальными пріемами полученія міограммъ; сравнивая степень укороченія мышцы съ ея первоначальной длиной, авторъ приходитъ къ заключенію относительно коэфиціента максимальнаго укороченія мышцы. Опыты его поставлены вполнѣ научно.

Въ заключеніе работы авторъ высказываетъ мысль о вліяніи индивидуальности животнаго и спеціальной сокращаемости отдѣльныхъ мышцъ на величину коэфиціента максимальнаго сокращенія; однако же мотивовъ этихъ не анализируетъ.

На ту-же тему сочиненіе, написанное студентомъ Короленко, дѣлится авторомъ на три главы: „исторія развитія вопроса“, „микроскопическія изслѣдованія“, „опредѣленія максимальнаго укороченія посредствомъ міографа“.

По объему своему работа равна тремъ съ половиною печатнымъ листамъ, поэтому ее можно признать довольно обширной.

Во второмъ сочиненіи, принадлежащемъ студ. 10 сем. Иванову Эммануилу, литература предмета приведена подробно, съ надлежащей критической оцѣнкой. Авторъ лишь умаляетъ нѣсколько значеніе своихъ предшественниковъ по разработкѣ вопроса и ставитъ знаки удивленія и восклицанія по поводу мнѣній, высказанныхъ такими учеными, какъ Эд. Веберъ и Вундтъ. Это самомнѣніе автора представляетъ можетъ быть единственный недостатокъ его работы, легко понятный въ первомъ трудѣ. Въ другихъ отношеніяхъ работа автора имѣетъ несомнѣнныя свойства серьезнаго научнаго труда.

Согласно съ мнѣніемъ профессоровъ-рецензентовъ Чирьева и Сикорскаго, Медицинскій факультетъ удостоилъ студентовъ—Короленка награды серебряною и Иванова золотою медалью.

4) На тему: *„Измѣненія, происходящія въ печени, мышцахъ и другихъ органахъ при гликозуріи отъ флоридзина“* представлено сочиненіе студентомъ 7 семестра Янкелемъ Барскимъ.

Сочиненіе это, занимающее 142 писанныхъ страницы, состоитъ изъ двухъ частей—исторической и экспериментальной. Въ первой части авторъ останавливается сначала на различныхъ теоріяхъ касательно патологіи сахарнаго мочеизнуренія, затѣмъ реферируетъ изслѣдованія нѣкоторыхъ ученыхъ относительно флоридзиновой гликозуріи. Часть эта составлена довольно обстоятельно и всѣ главныя изслѣдованія и взгляды, касающіеся сущности сахарнаго мочеизнуренія, приняты во вниманіе. Нельзя однако-же не поставить въ упрекъ автору, что онъ совершенно упускаетъ изъ виду взгляды французскихъ и англійскихъ патологовъ, которые на основаніи данныхъ объ обмѣнѣ веществъ при діабетѣ, давно уже высказывались въ пользу господствующаго нынѣ мнѣнія, что источникомъ сахара при этой болѣзни служитъ ненормально распадающіяся бѣлковыя вещества. Кромѣ того новѣйшія изслѣдованія Mering'a и Minkowsk'аго изложены слишкомъ кратко и недостаточно оцѣнены въ связи съ существовавшими ранѣе данными относительно діабета, вызываемаго заболѣваніями поджелудочной железы.

Во второй части работы (экспериментальной) изложены результаты самостоятельныхъ изслѣдованій автора касательно флоридзиновской гликозуріи.

Если сравнить данныя, полученныя авторомъ съ количествомъ истраченнаго имъ матеріала (флоридзина) и съ количествомъ употре-

бленныхъ для опытовъ животныхъ, то невольно приходимъ къ убѣжденію, что многое просмотрѣно изъ виду и что матеріалъ паталого-анатомическій не изслѣдованъ съ надлежащею обстоятельностью.

Такъ, въ данныхъ автора нѣтъ никакихъ указаній на сахарное (негликогенное) перерожденіе тканей; далѣе, изслѣдованіе мышцъ на гликогенъ, что входило въ задачу работы, не упоминается; наконецъ, недостаточно дифференцирована микроскопическая картина жироваго перерожденія отъ гликогеннаго перерожденія. Вообще центръ всѣхъ поисковъ составляетъ печень, и авторъ, очевидно, не освободился отъ Бернардовскаго воззрѣнія на діабетъ, какъ на страданіе преимущественно печени.

Въ заключеніе своей работы авторъ этой работы самъ сознается, что изслѣдованія его не претендуютъ нисколько на полноту и законченность. Отдавая полную дань справедливости и скромности его, нельзя однако не замѣтить, что, при большей старательности и при большей подготовкѣ автора въ методикѣ гистологической, онъ получилъ-бы больше положительныхъ данныхъ относительно измѣненій при флоридзиновой гликозуріи. Изслѣдованія его дѣйствительно далеко еще не закончены и будущимъ работникамъ осталось много еще дѣлать.

Согласно съ мнѣніемъ профессоровъ - рецензентовъ М и н х а и П о д в ы с о ц к а г о, Медицинскій факультетъ удостоилъ Б а р с к а г о Янкеля почетнаго отзыва.

Подводя итоги научной дѣятельности студентовъ за прошлый годъ, на сколько выразилась она въ работахъ на заданныя факультетами для соисканія наградъ темы, не можемъ не замѣтить, что какъ по числу, такъ и по степени присужденныхъ наградъ медицинскій факультетъ представляетъ рѣзко бросающійся въ глаза перевѣсъ надъ остальными тремя факультетами, взятыми вмѣстѣ. Такой перевѣсъ не можетъ быть объясненъ одной лишь многочисленностью студентовъ этого факультета, такъ какъ въ дѣйствительности студенты медицинскаго факультета составляютъ менѣе половины общаго числа студентовъ нашего Университета. Равнымъ образомъ было бы несправедливо выводить изъ указаннаго факта заключеніе, будто на другихъ факультетахъ студенты въ общемъ работаютъ менѣе усердно и менѣе успѣшно, чѣмъ на медицинскомъ. Причину перевѣса наградъ, доставшихся на долю медицинскаго факультета, найти не трудно. Обычный ходъ научныхъ занятій на этомъ факультетѣ не былъ въ теченіе прош-

лаго года нарушенъ никакими новыми условіями, между тѣмъ какъ на трехъ остальныхъ факультетахъ въ истекшемъ году были впервые произведены по новымъ правиламъ, и притомъ для студентовъ всѣхъ семестровъ, полукурсовыя испытанія, существованіе которыхъ въ нормальный срокъ на медицинскомъ факультетѣ никогда не прекращалось. Занятые подготовленіемъ къ этимъ испытаніямъ, которыя имѣютъ быть приняты въ соображеніе правительственными испытательными коммиссіями при выдачѣ имъ диплома, студенты этихъ факультетовъ не имѣли достаточно досуга для того, чтобы посвятить его работамъ на заданныя для соисканія наградъ темы. Но это временное неудобство несомнѣнно выкупается существенной пользой, которой слѣдуетъ ожидать отъ полукурсовыхъ испытаній для студентовъ, какъ въ интересахъ дальнѣйшаго хода ихъ научныхъ занятій, такъ и въ смыслѣ облегченія имъ окончательныхъ экзаменовъ въ правительственныхъ испыт. коммиссіяхъ.

Для соисканія наградъ медалями въ 1891 году предложены факультетами слѣдующія задачи:

а) *Историко-филологическимъ*:

1) „Переводъ и анализъ риторики Аристотеля, при чемъ должно быть обнаружено знакомство съ риторическими сочиненіями Цицерона“.

2) „Переводъ и историко-литературный разборъ соч. Амоса Коменскаго Labyrint Světa a Ráj srdce“.

3) Кастильскіе кортесы въ XIV и XV вв.

4) „Тидрекъ-сага“.

б) *Физико-математическимъ*:

1) „Принципъ Дирикле“.

2) „Составить флору мохообразныхъ (печеночницъ и настоящихъ мховъ) окрестностей Кіева, т. е. описаніе родовъ и видовъ съ обозначеніемъ мѣстонахожденій и съ приложеніемъ (по возможности) рисунковъ и засушенныхъ экземпляровъ.

3) „Испареніе воды изъ почвы на различныхъ глубинахъ“; требуется: 1) изученіе литературы вопроса и 2) производство самостоятельныхъ опытовъ съ цѣлью выяснить зависимость явленія отъ внѣшнихъ условій и отъ свойствъ почвы.

в) *Юридическимъ*:

1) „Переходъ права собственности и риска (periculum rei) и обязанность очистки (evictio) при куплѣ—продажѣ по римскому и русскому гражданскому праву".

2) Уголовное право Литовскаго статута въ связи съ развитіемъ русскаго уголовнаго права вообще".

3) „Правило locus regit actum въ международномъ частномъ правѣ".

4) „О страхованіи жизни".

и г) *Медицинскимъ*:

1) „Анатомическія измѣненія въ живыхъ замороженныхъ тканяхъ при постепенномъ и быстромъ отогрѣваніи ихъ".

2) „Разница въ теченіи остраго воспалительнаго процесса въ нормальной и парализованной части".

3) Зависимость процесса возрожденія кожнаго эпителія отъ бо́льшаго или меньшаго притока артеріальной крови отъ различныхъ условій питанія организма".

4) „Судьба крахмала и глюкозы, введенныхъ въ твердомъ состояніи въ подкожную клѣтчатку".

5) „Судьба пептона и жира, введенныхъ въ твердомъ состояніи въ подкожную клѣтчатку".

6) Судьба сибиреязвенной бактеріи въ подкожной клѣтчаткѣ у голодающаго и накормленнаго животнаго".

7) „Теченіе стараго воспалительнаго процесса подъ вліяніемъ вспрыскиванія въ ткань хинина и папайотина".

8) „Измѣненіе кусковъ амилоидной ткани, введенныхъ въ подкожную клѣтчатку и въ серозныя полости живаго животнаго".

9. „Возрожденіе поперечно-полосатыхъ мышцъ и условія прямаго и непрямаго дѣленія ядеръ".

10) „Усвоеніе бѣлковъ и жировъ сыраго и кипяченнаго коровьяго молока".

11) „Сравненіе наиболѣе употребительныхъ способовъ опредѣленія мочевой кислоты".

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ ТВОРЧЕСТВА ГОГОЛЯ.

(Рѣчь, читанная проф. П. В. Владиміровымъ на торжественномъ актѣ Университета Св. Владиміра, 16 января 1891 года).

Милостивые Государи и Милостивыя Государыни!

—

Въ настоящемъ торжественномъ собраніи я буду имѣть честь предложить Вашему благосклонному вниманію очеркъ развитія творчества Гоголя. Вопросъ этотъ, при современномъ научномъ интересѣ къ развитію поэтическаго творчества, возникаетъ самъ собою, благодаря обилію матеріаловъ и изслѣдованій о Гоголѣ, появившихся въ нашей литературѣ въ послѣдніе годы, благодаря и особенностямъ самого творчества Гоголя.

Кромѣ этого научнаго интереса сочиненія Гоголя, составляющія часть нашего самосознанія со школьной скамьи, имя творца „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе въ настоящее время. Истекаетъ полвѣка со времени знаменательнаго появленія въ русской литературѣ безсмертной поэмы „Мертвыхъ Душъ“ и перваго изданія сочиненій Гоголя, въ которомъ явилось почти все, что осталось лучшаго отъ его творческой дѣятельности. Прошло уже десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началась подписка по всей Россіи на постановку въ Москвѣ такого же величественнаго памятника Гоголю, какой воздвигнутъ былъ въ сердцѣ Россіи, въ 1880 году, величайшему русскому поэту—Пушкину.

И, быть можетъ, недалеко то время, когда мы увидимъ этотъ памятникъ писателя, „дерзнувшаго, по его словамъ, вызвать наружу

все, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи ... и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи" — писателя, которому „долго (было) опредѣлено идти объ руку съ (своими) странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы".... „и много нужно было, прибавимъ, выражаясь опять словами самого поэта, глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни и возвести ее въ перлъ созданія" [1]).

Такъ объяснялъ Гоголь особенности своего творчества, заканчивая созданіе первой части „Мертвыхъ Душъ," когда творчество его достигло высочайшихъ, какъ бы послѣднихъ урѣченныхъ границъ его таланту. Разсматривая путь развитія творчества Гоголя отъ его начала до этихъ высочайшихъ границъ, мы видимъ, какъ, при нѣкоторыхъ общихъ основахъ, развивались и смѣнялись предметы и образы, пріемы и формы творчества, внутреннія побужденія къ нему и настроеніе поэта. Это постепенное развитіе творчества Гоголя было отмѣчено въ свое время не только сочувственной критикой Бѣлинскаго [2]), но и все усиливавшимися и увеличивавшимися голосами противниковъ и самимъ поэтомъ, относившимся слишкомъ чутко и страстно къ отзывамъ о своихъ дорогихъ созданіяхъ.

Но основательнѣе и безпристрастнѣе это развитіе выясняется историческимъ изученіемъ, для котораго теперь имѣется достаточно цѣнныхъ матеріаловъ и изслѣдованій, для котораго давно настало время, такъ какъ уже отходитъ въ прошлое и блестящая дѣятельность большей части писателей „Гоголевской школы," изъ которыхъ многіе представляются теперь сами высокими талантами. Но связь ихъ съ Гоголемъ, связь и настоящаго литературнаго движенія съ этимъ уже отдаленнымъ родоначальникомъ современнаго русскаго романа, повѣсти, комедіи и сатиры дѣлаетъ на долгое время интересными всѣ вопросы, относящіеся къ жизни и дѣятельности Гоголя.

Творчество Гоголя, какъ всякаго оригинальнаго таланта, истекало прежде всего изъ его природныхъ дарованій, изъ его глубокой поэтической натуры. Обыкновенно этимъ природнымъ дарованіямъ Гоголя его біографы и критики отдаютъ преимущество передъ посторонними вліяніями въ его творчествѣ, объясняютъ это послѣднее болѣе инстинктивными, безсознательными стремленіями геніальнаго

поэта. Поэтому мы и остановимся прежде всего на нѣкоторыхъ основныхъ свойствахъ въ творчествѣ Гоголя, насколько они проявляются въ его произведеніяхъ и насколько ихъ можно замѣтить въ началѣ его развитія.

Прежде всего необходимо отмѣтить необыкновенный даръ наблюдательности — наблюдательности художественной, поэтической— проявившійся въ Гоголѣ съ раннихъ лѣтъ, какъ онъ самъ объ этомъ свидѣтельствуетъ въ началѣ VI-й главы первой части „Мертвыхъ Душъ:“ „прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишка, село ли, слободка,—любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣнье какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало.... ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманья, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ,—и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: куда онъ идетъ“.... и Гоголь обращался къ своей художественной памяти, вызывая различные образы изъ жизни чиновника, какъ далѣе, „подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика“ — по его дому, по саду, по всему окружающему „старался угадать, кто таковъ самъ помѣщикъ“ [3]). Такъ этотъ даръ поэтической наблюдательности соединялся у Гоголя съ необыкновенной воспріимчивостью, художественной памятью и живымъ воображеніемъ. Къ этому надо еще прибавить, какъ задатки также геніальной натуры, смутное сознаніе возвышенныхъ стремленій, творческихъ силъ и врожденную неспособность мириться съ окружающей низменной, обыденной жизнью. Объ этихъ природныхъ дарованіяхъ Гоголя, когда они были еще въ зародышѣ, свидѣтельствуютъ школьные товарищи его, разсказывая въ своихъ воспо-

минаніяхъ о неподражаемомъ талантѣ Гоголя подмѣчать и передавать характерныя черты людей, ихъ привычки, способъ выраженія со всѣми оттѣнками и вмѣстѣ съ тѣмъ о житейской опытности, о знаніи человѣческаго сердца, которыя проявлялъ Гоголь въ затруднительныхъ случаяхъ [4]). Тоже самое передаетъ и самъ поэтъ изъ своихъ школьныхъ и юношескихъ воспоминаній: „когда я былъ въ школѣ и былъ юношей, говоритъ напримѣръ Гоголь въ одномъ изъ писемъ 1838 года, я былъ очень самолюбивъ; мнѣ хотѣлось смертельно знать, что обо мнѣ говорятъ и думаютъ другіе. Мнѣ казалось, что все то, что мнѣ говорили, было не то, что обо мнѣ думали. Я нарочно старался завести ссору съ моимъ товарищемъ, и тотъ натурально въ сердцахъ высказывалъ мнѣ все то, что во мнѣ было дурнаго. Мнѣ этого было только и нужно; я уже былъ совершенно доволенъ, узнавъ все о себѣ“ [5]). Этотъ пріемъ узнаванія правды основанъ былъ уже на раннихъ наблюденіяхъ Гоголя, что „только разсердившись говорится правда.“ Такъ, много позднѣе, въ началѣ 40 годовъ, Гоголь признавался А. О. Смирновой, съ которой онъ познакомился еще въ самомъ началѣ 30 годовъ: „если сказать вамъ сущую правду, то узналъ я душу вашу не тогда, когда вы мнѣ ее открывали, а тогда, когда рѣчь шла часто о постороннихъ предметахъ, когда вы невольно и не думая проговаривались“ [6]). Съ такими-то пріемами Гоголь развилъ въ себѣ способность „угадывать человѣка“ и изображать его въ самыхъ характерныхъ чертахъ [7]). И громадный запасъ живыхъ поэтическихъ наблюденій, сохранявшихся въ художественной памяти Гоголя, дополнявшихся еще способностью угадыванья, подъ вліяніемъ живаго воображенія и творческой фантазіи претворялся въ поэтическіе образы, которые постоянно развивались и достигали поразительной яркости и жизненной правды подъ вліяніемъ новыхъ наблюденій, новыхъ размышленій о людяхъ. Наблюдательность, воспріимчивость и особенная чуткость ко всему окружающему помогли Гоголю въ петербургскій періодъ его жизни выйти на настоящую дорогу, угадать характеристическія черты современнаго ему русскаго общества, расширить взгляды, пріемы и замыслы и какъ вознаградить недостатки своего образованія, такъ и уравновѣсить вѣчно увлекавшіе его порывы къ фантастическимъ планамъ и поэтическимъ призракамъ. Эти же свойства способствовали развитію въ Гоголѣ реальнаго, или, какъ выражались въ 40 годахъ, „натуральнаго“ направленія. Уже одна

сила наблюдательности поддерживала въ его поэтическихъ созданіяхъ вѣрность дѣйствительности.

Но самыми характеристическими особенностями творчества Гоголя, придающими особенную окраску его сочиненіямъ, являются лиризмъ и юморъ—двѣ творческія силы, на которыя и самъ Гоголь указываетъ въ „Авторской Исповѣди," называя ихъ лирической силой и силой смѣха [8]).

Исключительнымъ лирическимъ воодушевленіемъ характеризуются преимущественно раннія произведенія Гоголя; позднѣе лиризмъ заслоняется развитіемъ комизма, юмора, хотя и остается область явленій, въ которыхъ, какъ въ представленіяхъ прошлаго, природы и молодости, молодой, красивой женщины, а позднѣе въ представленіяхъ возвышенныхъ свойствъ русскаго народа находитъ себѣ мѣсто лирическое воодушевленіе.—Этотъ лиризмъ Гоголя не былъ только литературнымъ подражаніемъ,—но коренился въ самой природѣ его, будучи воспитанъ окружавшей его съ дѣтства жизнью, природой и особенно страстно любимыми имъ народными пѣснями. Точно также и комизмъ, юморъ самъ Гоголь объяснялъ „рѣзкой чертой южнаго Россіянина," разсказы котораго дышатъ „такимъ глубокимъ юморомъ," „такою силою живаго разсказа" и смѣха при хладнокровной, флегматической наружности [9]). О замѣчательномъ развитіи этой способности у самого Гоголя даже въ обыденныхъ разсказахъ, не говоря уже о мастерскомъ чтеніи имъ своихъ произведеній, свидѣтельствуютъ С. Т. Аксаковъ, Тургеневъ [10]), и другъ.

Юморъ Гоголя, который опредѣляютъ не всѣ одинаково, является самой характерной чертой въ его творчествѣ. Если понимать подъ юморомъ особый складъ міровоззрѣнія, въ силу котораго поэтъ-юмористъ облекаетъ безсознательно, ненамѣренно низменныя „пошлыя" явленія въ возвышенную поэтическую форму, то лучшимъ выраженіемъ этого юмора у Гоголя нужно считать первый томъ „Мертвыхъ Душъ." Въ душѣ Гоголя, по его собственному свидѣтельству, съ юношескихъ лѣтъ заключался громадный запасъ смѣха, который въ первомъ періодѣ его литературной дѣятельности выражался въ простомъ желаніи развлечь себя смѣшнымъ, комическимъ и только въ эпоху созданія „Ревизора" сталъ принимать иное значеніе смѣха, изъ-за котораго слышна грусть, слышны незримыя міру слезы [11]). Это былъ уже не простой смѣхъ, но „честный смѣхъ," показывавшій благородную натуру съ высшими стремленіями.

Затронувъ, насколько позволяютъ намъ условія времени, нѣкоторыя основныя свойства таланта Гоголя, перейдемъ собственно къ развитію его творчества. Нельзя не отмѣтить прежде всего того произведенія, съ которымъ будущій глава натуральной или реальной школы выступилъ неудачно въ русской литературѣ 1829 года. То была идиллія „Ганцъ Кюхельгартенъ“ изъ чужеземной жизни „чудной фантастической Германіи“ [12]), которой Гоголь не видывалъ еще въ глаза́, идиллія, которая была основана притомъ на плохомъ русскомъ переводѣ „Луизы“ Фосса. Это были исключительно порывы лиризма, идеализаціи, которые и впослѣдствіи обращены были у Гоголя преимущественно къ явленіямъ—или наименѣе ему извѣстнымъ, или къ явленіямъ прошлой исторической жизни.

Точно также и позднѣе Гоголь рѣдко и большею частію неудачно развивалъ сюжеты изъ иноземной жизни, какъ въ недоконченной драмѣ „Альфредъ“ изъ англійской исторіи и въ повѣсти „Римъ“ изъ итальянской жизни. Порывы лиризма проявляются и въ лекціяхъ, и въ научныхъ статьяхъ Гоголя изъ его педагогической и неудачной профессорской дѣятельности. Но идиллія Гоголя, выпущенная въ свѣтъ безъ имени автора и сожженная имъ вскорѣ послѣ уничтожающихъ рецензій, представляла всетаки нѣкоторое отношеніе къ жизни молодаго поэта, къ нѣкоторымъ пріемамъ его творчества въ послѣдующихъ за идилліей „Вечерахъ.“

Не одна неудача идилліи вызвала Гоголя на его настоящую дорогу—на изображеніе жизни и художественныхъ образовъ преимущественно изъ знакомой ему дѣйствительности, изъ личныхъ наблюденій. Въ то время, когда Гоголь приготовлялъ идиллію къ печати, онъ уже обращался къ матери съ просьбой присылать ему обстоятельныя описанія обычаевъ, нравовъ, игръ, костюмовъ, преимущественно такихъ, которые сохранились изъ прошлой жизни родины; просилъ собирать пѣсни, сказки и народныя повѣрья. Все это Гоголь имѣлъ въ виду утилизировать въ замышляемыхъ повѣстяхъ изъ жизни родины, которая только и была пока непосредственно знакома Гоголю. Это стремленіе заняться воспроизведеніемъ знакомыхъ сюжетовъ и образовъ было поддержано у Гоголя столько же разочарованіемъ и неудачами въ Петербургѣ, страстной мечтой о родинѣ, сколько и практическими соображеніями и существовавшими уже въ русской литературѣ многочисленными опытами повѣстей, романовъ, драмъ изъ прошлой жизни его родины [13]).

Послѣ неудачной поѣздки за границу, которая кое-что дала для развитія Гоголя, но главнымъ образомъ умѣрила одинъ изъ фантастическихъ порывовъ,—онъ засѣлъ за повѣсти. Ко второй половинѣ 1829 года относятся первыя, болѣе слабыя повѣсти, какъ Сорочинская ярмарка, Майская ночь, Вечеръ наканунѣ Ивана Купала [41]).

Послѣднюю повѣсть, подъ заглавіемъ „Бисаврюкъ," Гоголь помѣстилъ, въ видѣ опыта, въ Отечественныхъ Запискахъ 1830 года. Въ концѣ того же года онъ напечаталъ отрывокъ изъ начатаго историческаго романа, подъ названіемъ „Гетьманъ," а въ началѣ 1831 года еще отрывки изъ другой начатой повѣсти „Страшный кабанъ" и наконецъ въ сентябрѣ 1831 года вышла первая книжка „Вечеровъ на̀ хуторѣ близъ Диканьки," которая и доставила первый прочный успѣхъ Гоголю въ русской литературѣ. Успѣхъ этотъ отчасти былъ подготовленъ и самимъ авторомъ, обнаружившимъ уже въ эту пору особенную практичность, житейскую мудрость въ литературныхъ дѣлахъ; но болѣе всего успѣху Гоголя помогли завязавшіяся еще въ 1830 году знакомства его съ выдающимися петербургскими литераторами и поэтами: съ Плетневымъ, который, по воспоминаніямъ, присовѣтовалъ Гоголю заглавіе „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки" и одобрилъ псевдонимъ пасичника Рудаго Панька̀, съ Жуковскимъ, съ Пушкинымъ, который оказалъ особенное вліяніе на развитіе таланта Гоголя, на выработку его теоретическихъ воззрѣній и на первоначальные замыслы „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ." Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ „Вечеровъ" и отзывался о нихъ: „вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная.... а мѣстами какая поэзія, какая чувствительность!" И Пушкинъ проситъ въ этомъ письмѣ Воейкова взять сторону Гоголя, „если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ" [15]). Но журналисты дали отзывы о „Вечерахъ" довольно благопріятные для автора.

Въ мартѣ 1832 года вышла вторая и послѣдняя книжка „Вечеровъ." Творчество Гоголя развивалось. Два разсказа во второй части „Вечеровъ" предвѣщали уже новый путь, который изберетъ дальше молодой авторъ. Это прекрасный, остроумный разсказъ, невполнѣ законченный, изъ быта помѣщиковъ „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка" и небольшая повѣсть изъ старинной жизни „Страшная Месть," обнаруживающая уже пріемы будущаго творца

„Тараса Бульбы.“ Даже картины природы, какъ художественное представленіе Днѣпра въ „Страшной Мести“ и—зимней ночи въ „Ночи передъ Рождествомъ,“ обнаруживаютъ превосходство предъ описаніями природы въ первой части „Вечеровъ,“ въ которыхъ видна еще борьба художественныхъ пріемовъ съ юношеской неопытностью и съ книжнымъ вліяніемъ.

Но есть и общія черты въ обѣихъ книжкахъ „Вечеровъ:“ это прежде всего типичные образы пасичника Рудаго Панька и дьячка Ѳомы Григорьевича, которые и въ предисловіяхъ къ „Вечерамъ“ и во вступленіяхъ къ отдѣльнымъ разсказамъ проявляютъ столько неподдѣльнаго веселья, уморительнаго комизма и служатъ какъ бы художественными рамками для этихъ „сказокъ,“ какъ называетъ ихъ авторъ. Эти „сказки“—мастерскіе, истинно художественные разсказы, кромѣ комическихъ живыхъ образовъ, преимущественно стариковъ и старухъ, сварливыхъ женъ и простодушныхъ мужей, представляютъ еще поэтическіе, отчасти прикрашенные образы молодыхъ красавицъ и бравыхъ парубковъ, созданные страстнымъ лирическимъ настроеніемъ молодаго автора.

Но уже въ эту первую пору своего творчества Гоголь прилагаетъ особенное стараніе къ усовершенствованію своихъ произведеній постоянными и продолжительными передѣлками. Онъ не только посвящаетъ много времени и усилій на отдѣлку художественныхъ деталей уже законченныхъ, продуманныхъ произведеній; но еще болѣе заботится объ отдѣлкѣ слога и языка своихъ произведеній. Въ послѣднемъ отношеніи Гоголь не довѣрялъ даже своимъ усиленнымъ трудамъ и предоставлялъ друзьямъ дѣлать грамматическія и стилистическія исправленія въ своихъ сочиненіяхъ. Къ сожалѣнію, до насъ дошли только немногія передѣлки Гоголя отъ этой поры и самая характерная—это передѣлка напечатанной въ Отечественныхъ Запискахъ повѣсти „Бисаврюкъ“ въ „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.“ Въ предисловіи къ этой передѣлкѣ Гоголь отъ лица дьячка говоритъ: „за Ѳомою Григорьевичемъ водилась особеннаго рода странность: онъ до-смерти не любилъ пересказывать одно и тоже. Бывало, иногда, если упросишь его разсказать что сызнова, то, смотри, что-нибудь да *вкинетъ* новое, или *переиначитъ* такъ, что узнать нельзя“ [16]). Мы увидимъ дальше, какую роль играла эта страсть „вкинуть новое, или переиначить“ въ творчествѣ Гоголя.

„Вечерами“ заканчивался романтическій періодъ въ жизни Гоголя. Впослѣдствіи онъ называлъ ихъ ученическими опытами, находя въ нихъ много незрѣлаго, много дѣтски-несовершеннаго. Онъ колебался даже помѣщать „Вечера“ въ первое собраніе своихъ сочиненій и оправдывался въ этомъ только тѣмъ, что „при нихъ чувствовались первыя сладкія минуты молодаго вдохновенія.“

Въ „Авторской Исповѣди“ Гоголь характеризуетъ „Вечера“— „невинными, беззаботными сценами.“ Еще энергичнѣе выражается Гоголь въ письмѣ къ Погодину въ началѣ 1833 года: „вы спрашиваете объ Вечерахъ Диканьскихъ: Чортъ съ ними!... Да обрекутся они неизвѣстности, покамѣсть что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня!“ [17])

Создавая свои пока „малыя“ Вечера и задумывая болѣе „великія“ творенія, Гоголь велъ въ Петербургѣ самую живую и бойкую жизнь, постоянно вращаясь въ различныхъ слояхъ общества, пробуя свои силы для призванія актера, живописца, мѣняя службу въ Департаментѣ Удѣловъ на педагогическое поприще, мечтая о болѣе быстромъ и широкомъ поприщѣ по государственной службѣ и въ тоже время страстно мечтая о славѣ писателя. Этотъ подвижный образъ жизни, эти порывы и исканія давали, сами по себѣ, массу новыхъ впечатлѣній; но Гоголь, конечно, еще старался докапываться до всего по свойству своей натуры, обладая необыкновеннымъ искусствомъ разузнавать и выспрашивать. И въ послѣдующей жизни отъ тонкой наблюдательности Гоголя не пропадало ничего, что для большинства остается незамѣченнымъ, или кажется мелочнымъ, обыденнымъ; но въ этотъ первый періодъ петербургской жизни Гоголь особенно былъ поглощенъ явленіями окружающей жизни, и все это настоятельно просилось на бумагу. Пока однако, до 1835 года, онъ продолжалъ отдѣлывать и печатать преимущественно сюжеты изъ жизни родины, набрасывая въ тоже время свои первыя петербургскія повѣсти и задумывая „великія“ творенія изъ жизни всей Россіи.

Лѣтомъ 1832 года Гоголь ѣздилъ на родину и проѣздомъ останавливался въ Москвѣ, гдѣ познакомился съ С. Т. Аксаковымъ, котораго поразилъ серіознымъ взглядомъ на комедію, съ актеромъ Щепкинымъ, который разсказалъ Гоголю случай, вошедшій затѣмъ въ извѣстную повѣсть его „Старосвѣтскіе Помѣщики“ [18]). Поѣздка на родину и успѣхи „Вечеровъ“ отразились на развитіи творчества

Гоголя изъ жизни родины. Однако не ранѣе двухъ слишкомъ лѣтъ выпустилъ Гоголь свои новыя повѣсти, подъ названіемъ „Миргородъ," въ двухъ частяхъ. Миргородскія повѣсти были какъ бы завершеніемъ творчества Гоголя изъ знакомой ему съ дѣтства жизни; но въ этихъ повѣстяхъ Гоголь уже далеко ушелъ впередъ отъ „Вечеровъ," съ которыми непосредственно связана въ „Миргородѣ" только повѣсть „Вій;" тогда какъ „Старосвѣтскіе Помѣщики" и „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" и по пріемамъ, и по значенію, и по законченности несравненно выше напоминающей ихъ повѣсти о „Шпонькѣ," какъ „Тарасъ Бульба" выше „Страшной мести." Когда читаешь въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ" о противоположности всей этой „низменной" жизни, отражающейся и въ повѣсти о тяжбѣ изъ-за „гусака" и въ „Шпонькѣ," о противоположности „дерзкимъ мечтаніямъ,"—невольно вспоминаешь признаніе Гоголя изъ набросковъ 1832—35 годовъ о Пушкинѣ: „если сказать истину, то его стихи воспитали и образовали истинно - благородныя чувства, не смотря на то, что старики и богомольныя тетушки старались увѣрить, что они разсѣеваютъ вольнодумство, потому только, что смѣлое благородство мыслей и выраженія и отвага души были слишкомъ противоположны ихъ бездѣйственной вялой жизни, почти безполезной и для нихъ, и для государства" [19]). Но въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ" наложенъ такой теплый тонъ на всю картину этой „низменной буколической жизни," объясняющійся и свѣтлой, счастливой порой въ творчествѣ Гоголя, и вліяніемъ живыхъ впечатлѣній отъ лѣтней поѣздки на родину въ 1832 году, что читателю сообщается тихая грусть, соединенная съ легкимъ оттѣнкомъ юмора надъ „этимъ дѣятельнымъ и вмѣстѣ спокойнымъ уголкомъ." Самъ поэтъ мѣстами переходитъ въ этотъ „полусонъ," ему мерещится былое: деревня и все связанное съ ней принимаетъ у него оттѣнокъ „неизъяснимой прелести." Задушевный личный элементъ еще сильнѣе въ сохранившемся первоначальномъ наброскѣ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ," который готовъ былъ уже весь у Гоголя къ концу 1833 года; но, по обычаю поэта, подвергся окончательной отдѣлкѣ передъ представленіемъ въ цензуру, въ 1834 году [20]). Заслуживаетъ вниманія признаніе Гоголя: „я не люблю разсужденій, когда они остаются только разсужденіями." Этимъ Гоголь какъ бы указалъ на свою способность и стремленіе говорить живыми образами и дра-

матическими сценами. Вмѣсто рѣдкихъ разсужденій у Гоголя чаще являются лирическіе порывы, которыми особенно характеризуется первая часть „Мертвыхъ Душъ."

„Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ" представляетъ еще связь съ стилемъ „Вечеровъ," но уже указываетъ на развитіе особенностей Гоголевскаго юмора. Поэтъ рекомендуетъ читателямъ совершенно естественнымъ тономъ простодушнаго разсказчика прекрасныхъ, очень хорошихъ людей, двухъ почтенныхъ мужей, честь и украшеніе Миргорода,—представляетъ образцы ихъ природной доброты, удивляется ихъ умѣнью обворожить всѣхъ своимъ обращеніемъ, ихъ замѣчательному слогу въ прошеніяхъ, поданныхъ въ миргородскій судъ. Мало того, поэтъ рисуетъ картины изъ жизни чуднаго города Миргорода, въ которомъ находится и удивительная прекрасная лужа и такіе совершенно добродѣтельные люди во всемъ значеніи этого слова, какъ Антонъ Прокофьевичъ, который не показываетъ досады даже тогда, когда ему кладутъ на голову зажженную бумагу или щелкаютъ по носу. Поэтъ выдерживаетъ тонъ юмористическаго признанія какъ бы полной законности этихъ явленій, даже восхищается ими; но въ концѣ повѣсти, покидая Миргородъ, подъ вліяніемъ печальныхъ, однообразныхъ видовъ дороги, онъ восклицаетъ: „скучно на этомъ свѣтѣ, господа!"—и веселый разсказъ о тяжбѣ изъ-за обиднаго слова „гусакъ" получаетъ иное, болѣе глубокое и важное значеніе. Это уже намеки на тѣ пріемы, которые явятся въ полномъ развитіи въ первой части „Мертвыхъ Душъ." Силу таланта Гоголя, проявившуюся въ миргородскихъ повѣстяхъ, можно легко уяснить себѣ, если сравнить его описанія жизни бурсаковъ въ „Віѣ" и тяжбу въ разсмотрѣнной повѣсти съ сходными и, быть можетъ, оказавшими вліяніе на Гоголя описаніями и разсказами Нарѣжнаго въ повѣстяхъ „Бурсакъ" и „Два Ивана" [21]).

Мы остановимся теперь на „Тарасѣ Бульбѣ" только для объясненія его происхожденія, потому что еще будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ о передѣлкахъ, какимъ Гоголь подвергъ это задушевное свое произведеніе. Прежде чѣмъ приступить къ „Тарасу Бульбѣ" Гоголь уже съ 1830 по 1833 годъ успѣлъ начать и недокончить нѣсколько историческихъ романовъ, нѣкоторые отрывки изъ которыхъ и напечаталъ. Таковы „Плѣнникъ," отрывокъ изъ историческаго романа,

подъ названіемъ „Гетьманъ," относящійся къ 1830 году и напечатанный Гоголемъ въ „Арабескахъ" 1835 года; далѣе „Остраница," начало историческаго романа, написанное въ 1831 или въ 1832 году, и небольшой отрывокъ изъ начатой исторической повѣсти, который относится къ 1832, или къ 1833 году [22]).

Существовали, быть можетъ, и еще другіе наброски, но, по привычкѣ Гоголя, жечь неудовлетворявшіе его наброски, были истреблены. Въ одномъ изъ писемъ своихъ 1833 года Гоголь говоритъ, что у него есть *сто* разныхъ началъ и ни одной повѣсти, ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха [23]). И въ сохранившихся отрывкахъ изъ недоконченныхъ историческихъ романовъ, и въ „Страшной мести"—„Вечеровъ" есть сходныя картины, образы, и во многихъ мѣстахъ пробивается одинъ и тотъ же лирическій пѣсенный тонъ. Поэтому къ сохранившимся наброскамъ „Остраница" и „Плѣнникъ" какъ нельзя больше идетъ названіе подготовительныхъ этюдовъ къ „Тарасу Бульбѣ," какъ любилъ выражаться и самъ Гоголь—художникъ, уподоблявшій свое литературное искусство другому любимому искусству—живописи.

Говоря объ этомъ періодѣ въ развитіи Гоголя нельзя обойти молчаніемъ занятій его исторіей и его стремленій къ университетской каѳедрѣ по всеобщей исторіи въ Кіевѣ и въ Петербургѣ.

Исторія съ ученическихъ лѣтъ привлекала Гоголя и оставалась почти всю жизнь его любимой наукой. Въ занятіяхъ прошлымъ Гоголь отвлекался отъ современности, которая представлялась его художественной наблюдательности и юмористическому воззрѣнію съ своими преимущественно пошлыми чертами. Но занятія Гоголя исторіей не имѣли прочныхъ основаній въ его подготовкѣ и не были для него дѣломъ исключительнаго увлеченія наукой. Какъ художникъ-поэтъ Гоголь отыскивалъ въ прошломъ живые, говорящіе образы отдѣльныхъ выдающихся личностей и яркія картины хоровыхъ, массовыхъ явленій народной жизни; онъ не только не думалъ слѣдовать въ историческихъ занятіяхъ разысканію какъ можно большаго количества матеріала, критическому методу и строгому анализу; но даже высказывался рѣзко противъ „сухихъ," кропотливыхъ изслѣдованій и мечталъ увлечь читателей и слушателей лирическимъ воодушевленіемъ и полными жизни и красокъ картинами, полагаясь на свое творческое воображеніе.

Широкіе замыслы въ этомъ направленіи являются у Гоголя еще во время педагогическаго поприща въ Петербургѣ, въ 1833 году. Онъ сообщаетъ въ письмахъ къ Погодину и Максимовичу о своихъ планахъ: то задумывая обширное сочиненіе по всеобщей исторіи и всеобщей географіи, подъ названіемъ „Земля и Люди“ въ 3 томахъ; то —Исторію Малороссіи въ 6 малыхъ, или въ 4 большихъ томахъ; то исторію среднихъ вѣковъ изъ 8, если не изъ 9 томовъ [24])... Но все это остается въ области широкихъ, но неисполнимыхъ замысловъ, покидая которые Гоголь быстро переходитъ къ поэтическимъ замысламъ, къ „своимъ вѣнцамъ,“ какъ онъ выражается въ одномъ письмѣ, противополагая послѣднія лекціямъ, научнымъ статьямъ.

Между тѣмъ въ Кіевѣ, въ 1834 году, открывается Университетъ. Профессоръ Максимовичъ, землякъ Гоголя, дѣлаетъ ему предложеніе искать каѳедры исторіи въ открывшемся Университетѣ, и Гоголь съ восторгомъ ухватывается за эту мысль. Онъ уже мечтаетъ о томъ, какъ заведетъ въ Кіевѣ „домикъ... съ садикомъ... и если можно, гдѣ нибудь на горѣ, чтобы хоть кусочекъ Днѣпра былъ виденъ изъ него“ [25]). Какъ художественный наблюдатель Гоголь заранѣе интересуется кіевскимъ обществомъ, „до послѣдней кіевской букашки“ [26]); лично для себя онъ мечтаетъ въ Кіевѣ о „вельѣ ученаго.“ Онъ рекомендуетъ Максимовичу походатайствовать по учебной и ученой части за разныхъ земляковъ, которые сообщали Гоголю кое-что, вошедшее въ его повѣсти [27]). Но до 1835 года Гоголю не пришлось побывать въ Кіевѣ. Уже послѣ изданія „Миргорода“ и „Арабесокъ,“ потерявши надежду на мѣсто въ Кіевѣ и устроившись на время въ Петербургскомъ Университетѣ, Гоголь посѣтилъ Кіевъ лѣтомъ, проѣздомъ на родину, и здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ дней по цѣлымъ часамъ засматривался на красоту кіевскихъ видовъ, особенно съ балкона церкви Андрея Первозваннаго на Подолъ и на Днѣпръ, на Кожемяцкое удолье и Кудрявецъ [28]). Но мечты Гоголя о Кіевѣ не пропали безслѣдно въ его творчествѣ и отразились въ очеркахъ стараго Кіева въ „Віѣ“ и въ „Тарасѣ Бульбѣ.“

Рядомъ съ занятіями исторіей, съ усиленнымъ исканіемъ мѣстъ въ Кіевѣ и въ Петербургѣ у Гоголя, какъ и раньше, двигалась художественная работа. Даже самое занятіе исторіей приводило въ концѣ концовъ къ поэтическому творчеству, какъ это всего ярче и выразилось въ созданіи „Тараса Бульбы,“ которое было плодомъ занятій

Гоголя источниками и пособіями по исторіи Малороссіи. Но Гоголь всего болѣе обращался какъ для своихъ историческихъ занятій, такъ и для поэтическаго созданія къ народнымъ пѣснямъ, которыми восполнялъ для себя скудость современной ему разработки исторіи юго-западной Руси.

Собираясь въ Кіевъ, Гоголь однако колебался оставить Петербургъ, къ которому привязывали его теперь еще сильнѣе, чѣмъ прежде, замыслы новыхъ поэтическихъ созданій, заманчивыя мечты о громкой извѣстности. Петербургскій періодъ, отъ 1829 года до половины 1836 года, имѣетъ важное значеніе въ жизни Гоголя. Къ этому времени относится пышный расцвѣтъ творчества Гоголя, замыслы всѣхъ его повѣстей, романовъ, комедій и драматическихъ сценъ; далѣе, переживаніе романтическаго періода и появленіе новаго болѣе серіознаго направленія въ развитіи его творчества, наконецъ знакомство его съ петербургской и провинціальной жизнью почти всей Россіи. Уже къ 1831 году относятся наброски Гоголя изъ петербургской жизни. Ранніе наброски повѣстей „Носъ," „Портретъ" относятся къ 1832 году, замыслы и наброски „Невскаго Проспекта," „Шинели" и „Мертвыхъ душъ"—къ 1834 году. Къ этому же году относится замыселъ „Ревизора," а къ предшествующему 1833 году набросокъ „Женитьбы" и неосуществившагося обширно-задуманнаго драматическаго произведенія „Владиміръ 3 степени," изъ котораго впослѣдствіи выработаны были Гоголемъ драматическія сцены: „Утро дѣловаго человѣка," „Тяжба," „Лакейская," „Отрывокъ" [29]). Въ 1835 году Гоголь помѣстилъ въ Арабескахъ повѣсти „Портретъ," „Невскій Проспектъ" и „Записки Сумасшедшаго." Въ 1836 году, приготовляя къ печати „Ревизора," Гоголь въ тоже время отдѣлалъ и напечаталъ „Носъ," „Коляску" и „Утро дѣловаго человѣка." Надъ обработкой остальныхъ упомянутыхъ произведеній онъ трудился до выхода перваго собранія сочиненій и перваго тома „Мертвыхъ Душъ," въ 1842 году. И такъ, съ 1831 до 1835 года Гоголь, по основному свойству своего таланта, почти исключительно печаталъ произведенія изъ знакомой ему родной жизни, а между тѣмъ зорко присматривался къ жизни петербургской и прислушивался къ разсказамъ о жизни въ провинціи. Еще въ концѣ 1830 года Гоголь писалъ матери: „если бы я писалъ что-нибудь въ этомъ родѣ, то вѣрно бы я избралъ для этого Малороссію, которую я знаю, нежели страну (въ глубинѣ Россіи) и людей, которыхъ я не

знаю ни нравовъ, ни обычаевъ, ни занятій“ [30]). По словамъ Анненкова, Пушкинъ, имѣвшій особенное вліяніе на Гоголя въ петербургскій періодъ его жизни, говаривалъ смѣясь: „съ этимъ малороссомъ надо быть осторожнѣе: онъ обираетъ меня такъ, что и кричать нельзя“ [31]). Далѣе, тотъ же Анненковъ разсказываетъ, какъ Гоголь, употребляя и хитрости, пользуясь и сердцевѣдѣніемъ, узналъ множество разнообразныхъ свѣдѣній о русской современной жизни отъ людей всевозможныхъ спеціальностей, отъ свѣдущихъ опытныхъ людей и въ тоже время какъ онъ занимался постоянными наблюденіями: „никогда, даже въ средѣ одушевленныхъ и жаркихъ преній, происходившихъ въ кружкѣ (пріятелей и знакомыхъ Гоголя) по поводу современныхъ литературныхъ и жизненныхъ явленій, не покидала его лица постоянная, какъ бы приросшая къ нему наблюдательность.... зоркій глазъ его постоянно слѣдилъ за душевными и характеристическими явленіями въ другихъ: онъ хотѣлъ видѣть даже и то, что легко могъ предугадать.... Для Гоголя какъ здѣсь, такъ и въ другихъ сферахъ жизни ничего не пропадало даромъ. Онъ прислушивался къ замѣчаніямъ, описаніямъ, анекдотамъ, наблюденіямъ своего круга и, случалось, пользовался ими. Въ этомъ, да и въ свободномъ изложеніи своихъ мыслей и мнѣній, кругъ работалъ на него. Однажды при Гоголѣ разсказанъ былъ канцелярскій анекдотъ о какомъ-то бѣдномъ чиновникѣ, страстномъ охотникѣ за птицей, который необычайной экономіей и неутомимыми, усиленными трудами сверхъ должности накопилъ сумму, достаточную на покупку хорошаго лепажевскаго ружья.“ Но въ первый же разъ, отправившись на лодкѣ съ ружьемъ, чиновникъ, незамѣтно для себя, проѣзжая тростникомъ, обронилъ ружье въ воду. Всѣ поиски его были тщетны и, воротившись домой, онъ слегъ отъ огорченія въ постель. Только общей подпиской товарищей, узнавшихъ о происшествіи и купившихъ ему новое ружье, онъ былъ возвращенъ къ жизни, но все-таки не могъ забыть о страшномъ для него происшествіи. „Всѣ смѣялись анекдоту, имѣвшему въ основаніи истинное происшествіе, исключая Гоголя, который выслушалъ его задумчиво и опустилъ голову. Анекдотъ былъ первою мыслію чудной повѣсти его „Шинель,“ и она заронилась въ душу его въ тотъ же самый вечеръ“ [32]). Такъ точно въ основаніи повѣсти „Коляска“ лежитъ разсказъ объ истинномъ происшествіи съ М. Ю. Віельгорскимъ, переданный Гоголю, по всей вѣроятности, затемъ Ві-

ельгорскаго, извѣстнымъ писателемъ, графомъ Соллогубомъ [33]). Такъ сюжетъ „Ревизора“ имѣетъ въ основаніи также дѣйствительныя происшествія съ А. С. Пушкинымъ [34]). Можно бы и еще отмѣтить происхожденіе какъ нѣкоторыхъ произведеній Гоголя, такъ и отдѣльныхъ деталей въ нихъ изъ разсказанныхъ ему дѣйствительныхъ случаевъ. Самъ Гоголь кромѣ Пушкина указываетъ еще на разныхъ лицъ, сообщавшихъ ему подобныя свѣдѣнія, особенно на актера Щепкина [35]). По воспоминаніямъ друга Гоголя, Данилевскаго, въ основѣ характеровъ Чичикова, Манилова, Пѣтуха, Акакія Акакіевича положены Гоголемъ наблюденія надъ общими знакомыми, имѣвшими нѣкоторыя черты въ характерахъ съ художественно созданными героями Гоголя [36]).

По своей привычкѣ писать каждый день и желая сохранить слышанныя слова такъ, какъ самъ Гоголь выражается, „покамѣстъ они еще не простыли“ [37]), онъ нерѣдко заносилъ все, что подмѣчалъ въ обществѣ, все, что слышалъ, въ свои записныя книжки. Записочки эти Гоголь любилъ составлять и сохранять тайно отъ другихъ, какъ и вообще любилъ до времени скрывать свои литературные замыслы, руководствуясь особенной практической смѣтливостью въ литературныхъ дѣлахъ [38]).

Не смотря на извѣстную страсть Гоголя истреблять неудовлетворявшіе его наброски и цѣлыя произведенія, до насъ дошло много записныхъ тетрадей его, въ которыхъ находятся и первоначальные наброски нѣкоторыхъ произведеній и различныя передѣлки законченныхъ созданій [39]). Разсматривая сохранившіеся первоначальные наброски Гоголя, мы видимъ часто одинъ только эскизъ, общій очеркъ разсказа въ неразвитомъ видѣ, въ необработанной стилистической формѣ, часто съ недоконченными фразами и словами. Поэтъ оставлялъ въ первоначальныхъ наброскахъ свободныя мѣста для позднѣйшихъ приписокъ, измѣненій въ слогѣ, вставокъ. Эта работа надъ первоначальными набросками велась въ одно время надъ нѣсколькими этюдами, которые позднѣе только подвергались, и то въ разное время по нѣскольку разъ, постепенной обработкѣ, отдѣлкѣ.

Возьмемъ для примѣра извѣстную повѣсть Гоголя „Носъ,“ которая сохранилась въ первоначальномъ небольшомъ наброскѣ и въ позднѣйшемъ полномъ видѣ, передѣланномъ для извѣстной печатной редакціи [40]). Набросокъ представляетъ только небольшое начало по-

вѣсти, при чемъ, какъ часто было въ этомъ случаѣ у Гоголя съ именами и фамиліями дѣйствующихъ лицъ, отчество цирюльника не установлено: сначала Иванъ Яковлевичъ; далѣе Гоголь называетъ его Иванъ Ивановичъ и наконецъ Иванъ Ѳедоровичъ. Конечно, этотъ набросокъ, при всей своей незначительной величинѣ, имѣетъ отличія отъ дальнѣйшихъ переработокъ Гоголя. Позднѣе Гоголь развилъ сцену разговора цирюльника съ женой, обставилъ иначе неожиданную находку носа въ печеномъ хлѣбѣ. Между 1833 и 1835 годами Гоголь написалъ „Носъ“ въ первоначальномъ полномъ видѣ и успѣлъ даже подвергнуть эту полную редакцію переработкѣ; но затѣмъ не удовлетворился этой переработкой и съ февраля по май 1836 года еще „немного передѣлалъ“ [41]). Такъ небольшая повѣсть, попутно съ такими большими и выдающимися произведеніями Гоголя, какъ „Ревизоръ“ и съ менѣе значительными, какъ „Невскій Проспектъ,“ писалась и передѣлывалась въ разное время почти три съ половиною года. Позднѣе, въ 1842 году, уже печатный текстъ „Носа“ подвергся еще незначительнымъ передѣлкамъ. Въ первоначальной редакціи „Носа“ повѣсть заканчивается тѣмъ, что маіоръ Ковалевъ видѣлъ все происшествіе только во снѣ. Не было въ этой первоначальной рукописной редакціи и двухъ большихъ эпизодовъ, находящихся теперь въ извѣстной печатной редакціи, именно—сцены съ докторомъ и переписки съ штабъ-офицершей Подточиной. Интересно также замѣтить, что для печати, въ виду цензурныхъ условій, Гоголь измѣнилъ первоначальную встрѣчу Ковалевымъ своего носа въ мундирѣ Тамбовскаго директора училищъ въ Казанскомъ соборѣ и въ печатномъ текстѣ явился просто чиновникъ, а вмѣсто Казанскаго собора—гостиный дворъ; но слѣды первоначальнаго мѣста дѣйствія остались и въ печати: Ковалевъ „пробрался сквозь рядъ нищихъ старухъ съ завязанными лицами и двумя отверстіями для глазъ, надъ которыми онъ прежде такъ смѣялся (очевидно, этотъ контрастъ заставилъ Гоголя оставить „рядъ нищихъ“ и въ гостиномъ дворѣ). Народу было не много.... онъ искалъ глазами этого господина по всѣмъ угламъ.“ Выходя изъ гостинаго двора, Ковалевъ „остановился на минуту подъ колоннадою“ [42]). Можно замѣтить также, что кое-что Гоголемъ и выпущено изъ первоначальнаго текста или представлено въ сжатомъ видѣ, что вообще составляло существенную черту въ совершенствованіи произведеній Гоголя.

Чтобы судить о томъ, какъ медленно и долго обдумывалъ Гоголь свои произведенія, прежде чѣмъ они появлялись въ печати, какъ иногда измѣналъ онъ первоначальный планъ, или совсѣмъ оставлялъ иные планы,—слѣдуетъ остановиться на задуманной Гоголемъ еще въ 1832 году комедіи „Владиміръ 3-й степени“ и на „Ревизорѣ,“ первые наброски котораго относятся къ 1834 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ на этихъ примѣрахъ можно видѣть, какъ постепенно переходилъ Гоголь къ новому пути въ развитіи своего творчества. Авторъ „веселыхъ, беззаботныхъ Вечеровъ,“ проѣздомъ чрезъ Москву, въ 1832 году, удивилъ С. Т. Аксакова серіознымъ возраженіемъ на замѣчаніе послѣдняго, что „у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно.“ Гоголь, разсказываетъ Аксаковъ, „посмотрѣлъ на меня какъ-то значительно и сказалъ, что это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его“ [43]). Изъ позднѣйшихъ признаній Гоголя мы знаемъ, что онъ предварительно обдумывалъ свои сюжеты, мысль о которыхъ не покидала его ни въ обществѣ, ни въ дорогѣ.

Занося почти постоянно въ свои замѣтки описанія, сцены, наблюденія, Гоголь долго боролся съ планомъ задумываемаго произведенія. Онъ переживалъ тогда тяжелое время. „Онъ носился, по выраженію Анненкова, въ открытомъ морѣ созданія, колеблемый всѣми соображеніями писателя и безъ берега въ виду“ [44]). Въ началѣ 1833 года Гоголь писалъ Погодину: „я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей; но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: „Владиміръ 3-й степени“ и сколько злости, смѣху, соли! Но вдругъ остановился (изъ-за цензурныхъ условій). Что изъ того, когда піеса не будетъ играться? Что комедія безъ правды и злости! Итакъ за комедію не могу приняться. Примусь за исторію—передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы—и исторія къ чорту!“ [45]). Можно думать, что Гоголь послѣ долгой борьбы съ сюжетомъ написалъ все-таки или всю комедію, или много отдѣльныхъ сценъ; но недовольный неподдававшимся выработкѣ

планомъ комедіи и многими мѣстами, которыя могли встрѣтить затрудненія со стороны цензуры, Гоголь, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, истребилъ большую часть написаннаго и изъ сохранившихся отрывковъ только спустя долгое время обработалъ четыре драматическія сцены съ значительными дополненіями. Отказываясь отъ обработки „Владиміра 3-й степени," Гоголь задумывалъ комедію „Женихи," обработку которой отложилъ также до болѣе поздняго времени изъ-за сюжета „Ревизора," предложеннаго ему Пушкинымъ.

Съ 1834 года, въ теченіе двухъ лѣтъ, Гоголь то набрасывалъ отдѣльныя сцены „Ревизора," то передумывалъ выраженіе характеровъ и въ тоже время выпускалъ изданія „Миргорода," „Арабесокъ," обработывалъ петербургскія повѣсти, задумывалъ уже „Мертвыя Души." Мы останавливались на этомъ времени, когда Гоголь мечталъ о каѳедрѣ въ Кіевѣ; но, не получивъ ея, сталъ читать лекціи по исторіи въ Петербургскомъ университетѣ. Почти полтора года состоялъ Гоголь въ Петербургскомъ университетѣ въ званіи адъюнкта. Нѣсколько лекцій и нѣсколько задуманныхъ, но неисполненныхъ широкихъ плановъ по исторіи были результатами его университетской дѣятельности; между тѣмъ какъ все остальное время Гоголь посвящалъ выработкѣ „Ревизора" и другихъ произведеній своего художественнаго творчества—„своихъ вещей." Даже наканунѣ своей вступительной лекціи въ университетѣ и предстоящаго курса Гоголь, въ письмѣ къ Максимовичу, съ восторгомъ объявляетъ: „на театръ здѣшній я ставлю піесу.... да еще готовлю изъ-подъ полы другую" [46]). Чѣмъ болѣе развивалась дѣятельность Гоголя, какъ художника, тѣмъ болѣе видѣлъ онъ „ошибокъ" въ своей университетской дѣятельности. Заканчивая „Ревизора" для сцены въ 1835 году, Гоголь въ тоже время заканчивалъ и свою университетскую службу, полтора года которой онъ, безъ всякаго сожалѣнія, называлъ теперь „годами безславія." „Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія!" восклицаетъ весело Гоголь въ томъ же самомъ письмѣ, въ которомъ говоритъ о годахъ своего безславія [47]). Эта веселость, смѣхъ, бодрость духа знаменовали у Гоголя, какъ всегда, удачный исходъ въ творчествѣ послѣ долгихъ обдумываній и переработокъ.

Комедія была особенно дорогимъ созданіемъ для Гоголя въ это время: въ созданіи „Ревизора" Гоголю удалось не только овладѣть новой формой комедіи; но и выйти на новый путь въ развитіи своего

творчества—на путь глубокаго психологическаго анализа и захвата серіозныхъ общественныхъ явленій. Задумавшись надъ сюжетомъ комедіи и сопоставляя его съ своими предшествующими созданіями, въ которыхъ смѣшное являлось, по словамъ самого автора, „беззаботно и безотчетно," Гоголь, подъ вліяніемъ совѣтовъ Пушкина и путемъ долгихъ обдумываній, пришелъ къ мысли дать иное направленіе смѣху: „если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго. Въ „Ревизорѣ" я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости... и за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣмъ. Сквозь смѣхъ, который никогда еще во мнѣ не появлялся въ такой силѣ, читатель услышалъ грусть. Я самъ почувствовалъ, что уже смѣхъ мой не тотъ, какой былъ прежде" [48]). Но смѣхъ Гоголя въ „Ревизорѣ" не сразу получилъ то значеніе, которое мѣтко опредѣлено было въ статьяхъ Бѣлинскаго и затѣмъ подробно выяснено самимъ Гоголемъ въ „Театральномъ Разъѣздѣ." Въ первоначальныхъ наброскахъ „Ревизора", относящихся къ концу 1834 или къ началу 1835 года, мы видимъ, какъ еще далекъ типъ Хлестакова отъ выработаннаго Гоголемъ позднѣе, какъ нѣкоторыя сцены напоминаютъ „невинныя, беззаботныя сцены Вечеровъ," въ которыхъ уже проявился драматическій талантъ Гоголя, его особенное искусство вести живые разговоры дѣйствующихъ лицъ въ повѣстяхъ. Въ первоначальномъ полномъ видѣ комедіи Хлестаковъ, котораго Гоголь называлъ даже въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ и Скакуновымъ, уѣзжалъ также послѣ помолвки съ дочерью городничаго; но многія сцены не были еще развиты, другія представляли, по выраженію самого Гоголя, „излишества и неумѣренность" [49]). Въ этомъ первоначальномъ видѣ комедія писана иногда сплошь, безъ раздѣленія на явленія, на діалоги и реплики дѣйствующихъ лицъ; мало того, многія фразы являются въ отрывочномъ, недоконченномъ видѣ. Трудно себѣ представить, сколько труда было положено Гоголемъ на выработку типической рѣчи каждаго лица комедіи въ самыхъ малѣйшихъ оттѣнкахъ. Сохранившіеся рукописные тексты и разныя изданія „Ревизора" поражаютъ массой передѣлокъ; но сколько было передумано, перебрано выраженій, чтобы добиться живости и вѣрности языка. Работа эта продолжалась даже тогда, когда явился и сценическій текстъ, утвердившійся на долгое время въ театрахъ, и измѣненіе его въ первомъ печатномъ изданіи

1836 года, и измѣненіе этого послѣдняго въ изданіи 1841 года,— вплоть до послѣдняго печатнаго текста 1842 года. Въ этой работѣ Гоголя надъ „Ревизоромъ," какъ нигдѣ болѣе въ другихъ произведеніяхъ, проявилась особенность его творчества. И не разъ, до восьмидесятыхъ годовъ, вызывала изумленіе даже и въ печати разница между первоначальнымъ сценическимъ текстомъ 1836 года, господствовавшимъ долгое время на театрахъ, и позднѣйшимъ печатнымъ изданіемъ 1842 года, повторявшимся въ послѣдующихъ—разница, которая выяснилась вполнѣ только благодаря историческому изученію сочиненій Гоголя [50]).

Время первой постановки „Ревизора" на петербургской сценѣ было самымъ тревожнымъ и въ тоже время самымъ бойкимъ и плодотворнымъ какъ въ жизни, такъ и въ творчествѣ Гоголя. Онъ входилъ во всѣ подробности постановки своей комедіи, волновался изъ-за недоразумѣній съ дирекціей, съ актерами, давалъ совѣты послѣднимъ и самъ принималъ къ свѣдѣнію замѣчанія опытныхъ артистовъ; поэтому онъ то-и-дѣло переправлялъ свое дорогое созданіе. Впослѣдствіи, въ 1839 году, Гоголь такъ вспоминалъ объ этомъ выдающемся времени въ своей жизни: „трудъ мой (замышляемая имъ въ 1839 году драма, которая такъ и осталась въ области замысловъ) нейдетъ. Или для драматическаго произведенія нужно работать въ виду театра, въ омутѣ со всѣхъ сторонъ уставившихся на тебя лицъ и глазъ зрителей, какъ я работалъ во времена оны" [51]).

Остановимся на двухъ-трехъ примѣрахъ этой творческой работы Гоголя надъ „Ревизоромъ." Только въ послѣднемъ печатномъ изданіи 1842 года явилось законченнымъ затруднявшее Гоголя съ самаго начала 4-е дѣйствіе „Ревизора," первое явленіе котораго явилось впервые въ изданіи 1841 года, но для слѣдующаго изданія было передѣлано. Это явленіе было вызвано замѣчаніемъ одного изъ актеровъ при первой постановкѣ „Ревизора" на петербургской сценѣ. Обдумавши справедливость этого замѣчанія и возможность его осуществленія, Гоголь привелъ его, мало по малу, въ исполненіе. Быть можетъ, также на основаніи замѣчаній, Гоголь выбросилъ уже при первомъ изданіи двѣ сцены, какъ замедлявшія теченіе піесы. Въ сценическомъ текстѣ еще оставалась одна изъ этихъ сценъ въ третьемъ явленіи третьяго дѣйствія. Это разсказъ Анны Андреевны о полковницѣ и о штабъ-ротмистрѣ Ставрокопытовѣ. Но этотъ разсказъ представляется

въ сценическомъ текстѣ значительно сокращеннымъ противъ первоначальныхъ набросковъ, въ которыхъ вмѣсто штабъ-ротмистра является поручикъ и передается эпизодъ о кулѣ съ перепелками.

—„Я хожу разъ.... въ саду, глядь, а за рѣшеткой стоитъ поручикъ. Говоритъ: „Если деньщикъ принесетъ что вашему батюшкѣ, скажите, чтобъ подхватили и отнесли на вашу половину“.... Какъ въ вечеръ точно приноситъ деньщикъ преогромный куль съ перепелками отъ полковника въ подарокъ.... А полковникъ хотѣлъ занять тогда у батюшки деньги. Батюшка уже тогда легъ въ постелю и велѣлъ куль тотчасъ отнести на кухню. Дѣвушки мои подхватили: вверху были перепелки, а внизу поручикъ“.... [52]).

Гоголь опустилъ этотъ эпизодъ, появившійся въ первоначальныхъ наброскахъ подъ вліяніемъ стремленія вызвать такой-же невинный, беззаботный смѣхъ, какой вызываетъ подобный же эпизодъ съ мѣшками Солохи въ повѣсти „Ночь передъ Рождествомъ“ въ „Вечерахъ,“—опустилъ тогда, когда взглядъ его на смѣхъ, при постепенной выработкѣ „Ревизора,“ значительно измѣнился. Еще болѣе это измѣненіе замѣчается въ выработкѣ типа Хлестакова. Въ первоначальныхъ наброскахъ „Ревизора“ Хлестаковъ представляется недостаточно обрисованнымъ, съ чертами внѣшняго комизма. Нѣкоторые его поступки и понятія являются здѣсь смѣшными, но далекими отъ того представленія о молодомъ петербургскомъ чиновникѣ, какой стремился выразить въ образѣ Хлестакова Гоголь. Въ извѣстной сценѣ третьяго дѣйствія, въ разговорѣ съ женой и дочерью городничаго, Хлестаковъ, разсказывая о своихъ богатствахъ, кладетъ на столъ сначала одну ногу, а потомъ и другую. Онъ не знаетъ, что такое значитъ слово комедія, и объясняетъ, что „это, вѣрно, звѣрь какой нибудь или чиновникъ,“ или „все равно, что артиллерія.“ Въ первоначальныхъ же наброскахъ Хлестаковъ самъ сообразилъ, безъ всякихъ намековъ со стороны Осипа, что ему пора уѣзжать. Извѣстно, что Гоголь, при первой постановкѣ „Ревизора“ на петербургской сценѣ особенно остался недоволенъ исполненіемъ роли Хлестакова. И съ этого времени онъ задумывается надъ выясненіемъ типа Хлестакова, котораго актеры могли смѣшать и смѣшивали уже съ театральными повѣсами и избитыми хвастунами. Къ полному выясненію типа Хлестакова самъ поэтъ пришелъ окончательно только въ началѣ сороковыхъ годовъ. Какъ образецъ передѣлки Гоголемъ роли Хлестакова въ

послѣднемъ изданіи сравнительно съ сценическимъ текстомъ 1836 года укажу еще на опущеніе изъ 6-го явленія, III дѣйствія двухъ анекдотовъ изъ разсказовъ о себѣ Хлестакова, именно о таинственной поѣздкѣ къ графинѣ и о размѣнѣ любезностей съ „однимъ молодчикомъ-фанфарономъ“ во французской кадрили [53]). Кромѣ того, въ сценическомъ текстѣ нѣтъ тѣхъ подробностей послѣдняго изданія, которыя указываютъ особенное вліяніе на излишнюю развязность языка Хлестакова отъ большаго количества вина, выпитаго за завтракомъ, такъ что подъ конецъ этого явленія языкъ уже отказывается служить Хлестакову, и въ слѣдующемъ IV дѣйствіи, во 2-мъ явленіи является новая подробность—Хлестаковъ вспоминаетъ: „кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ: въ головѣ до сихъ поръ стучитъ“ [54]).

„Ревизоромъ“ закончился второй періодъ развитія творчества Гоголя и вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ петербургской его жизни и дѣятельности. Дорогое поэту созданіе, на которое онъ потратилъ столько усилій, было понято и оцѣнено только немногими. Извѣстно, что императоръ Николай Павловичъ, по ходатайству Жуковскаго и Віельгорскаго, прослушавши „Ревизора,“ самъ соизволилъ на представленіе и напечатаніе комедіи. Первое представленіе „Ревизора“ на сценѣ александринскаго театра, 19 апрѣля 1836 года (пятидесятилѣтній юбилей котораго четыре года тому назадъ не оставленъ былъ безъ вниманія и въ столицѣ, и во всей Россіи) впечатлѣніе, произведенное первымъ представленіемъ комедіи на большинство избранной публики, которая увидѣла въ „Ревизорѣ“ только невозможность, фарсъ и клевету, произвели тяжелое нравственное потрясеніе въ Гоголѣ. Вотъ что находимъ мы въ письмахъ Гоголя вскорѣ послѣ представленія „Ревизора:“ „всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня“ [55]). Впослѣдствіи всѣ эти разнообразные толки, о которыхъ свидѣтельствуютъ и современники Гоголя, поэтъ художественно изобразилъ въ „Театральномъ разъѣздѣ.“ „Если бы не высокое заступничество Государя, піеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины—и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ,

а цѣлыя сословія.... Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ—тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: „мы не плуты“.... но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество.... прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность“ [56]). И Гоголь собирается покинуть Петербургъ и ѣхать за границу.

Начинаются, по выраженію самого поэта, „годы странствія, годы путешествія“ [57]), Это третій, самый выдающійся періодъ его художественнаго развитія, закончившійся появленіемъ въ 1842 году перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ и перваго собранія сочиненій, въ которомъ явились нѣкоторыя новыя повѣсти, а другія, прежде напечатанныя, въ новой переработкѣ.

Остановимся прежде всего на созданіи важнѣйшаго труда Гоголя „Мертвыхъ Душъ.“ Къ сожалѣнію, пока мы не имѣемъ возможности прослѣдить постепенную выработку типовъ „Мертвыхъ Душъ“ и развитіе самой поэмы [58]); мы можемъ только отчасти указать на процессъ работы Гоголя, на пережитое имъ настроеніе за это время и отмѣтить отношеніе „Мертвыхъ Душъ“ къ предыдущимъ его произведеніямъ. По свидѣтельству самого Гоголя, Пушкинъ отдалъ ему сюжетъ „Мертвыхъ Душъ,“ изъ котораго поэтъ самъ хотѣлъ создать поэму. Пушкинъ находилъ, что сюжетъ этотъ дастъ Гоголю возможность изъѣздить съ героемъ всю Россію и вывести множество разнообразныхъ характеровъ. Гоголь приступилъ къ первоначальнымъ наброскамъ „Мертвыхъ Душъ“ еще въ Петербургѣ или въ 1834 году, или нѣсколько позднѣе, до постановки на сцену „Ревизора“ въ 1836 году; но безъ всякаго опредѣленнаго плана и безъ установленнаго характера Чичикова. Вѣроятно, уже въ этихъ первоначальныхъ наброскахъ начинались разъѣзды Чичикова и встрѣчи съ разными лицами. Первоначальные герои „Мертвыхъ Душъ“ въ петербургскихъ наброскахъ вышли, по словамъ Гоголя, какими-то „чудовищами;“ въ нихъ было больше „гадости,“ а перомъ Гоголя, стремившагося захватить побольше смѣшнаго, водила „злоба и насмѣшка.“

Первыя главы „Мертвыхъ Душъ“ въ этомъ видѣ Гоголь уже успѣлъ прочесть Пушкину, „который всегда смѣялся при моемъ чтеніи, (но тутъ, говоритъ Гоголь) началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, и наконецъ сдѣлался совсѣмъ мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!“ Меня это изумило,“ заключаетъ Гоголь. И послѣ того

онъ старался „смягчить то тягостное впечатлѣніе, которое могли произвести Мертвыя Души“ [59]). Зная возникновеніе другихъ созданій Гоголя, можно думать, что первоначальные наброски „Мертвыхъ Душъ“ заключали много субъективнаго, личнаго. Можетъ быть, здѣсь уже отражалась та „маленькая злость, такъ необходимая, по словамъ Гоголя, противъ того-сего, всякаго рода родныхъ плевелъ,“ „противъ изрядной коллекціи гадкихъ рожъ на Руси,“ противъ всего „непріятнаго и невыносимаго“ [60]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ этихъ первыхъ наброскахъ Гоголь имѣлъ въ виду рядомъ съ смѣшными сценами помѣстить и трогательныя.

Въ іюнѣ 1836 года Гоголь покидалъ Петербургъ въ раздраженіи на неожиданный пріемъ публикой „Ревизора,“ на злые толки о комедіи и ея авторѣ, раздававшіеся въ ушахъ впечатлительнаго и чуткаго поэта; но дорога, наслажденія „готическими церквами, альпами“ стали успокаивать его. Теперь мысль Гоголя обращена къ Москвѣ. Онъ увѣряетъ своихъ московскихъ друзей, что мысль его и на чужбинѣ связана постоянно съ Русью, что онъ не можетъ написать ничего иного, какъ только изъ русской жизни, и обѣщаетъ вскорѣ же привезти въ Москву печатать свои „Мертвыя Души,“ сюжетъ которыхъ онъ „сильно обдумываетъ въ дорогѣ“ [61]). Въ Швейцаріи Гоголь перечитываетъ Мольера, Шекспира, Вальтеръ-Скотта и мечтаетъ уже приняться за перо. Въ Веве (сентябрь—октябрь 1836 года) Гоголь почувствовалъ особенный призывъ вдохновенія къ переработкѣ первоначальныхъ набросковъ „Мертвыхъ Душъ.“ „Все начатое (въ Петербургѣ, пишетъ Гоголь Жуковскому) передѣлалъ я вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись.... Если совершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то.... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь; вещь, которая вынесетъ мое имя. Каждое утро въ прибавленіе къ завтраку, вписывалъ я по три страницы въ мою поэму, и смѣху отъ этихъ страницъ было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокій день.“ Было-ли то послѣдствіемъ удачной работы надъ развертывавшимся сюжетомъ „Мертвыхъ Душъ,“ или послѣдствіемъ погруженія въ ничтожность и незначительность всего тяжелаго, вынесеннаго изъ Петербурга, подъ разнообразными впечатлѣніями заграничной поѣздки, но только Гоголь находился въ это время въ самомъ

веселомъ, довольномъ настроеніи духа. Въ Парижѣ, въ концѣ 1836 года онъ еще „живѣе, свѣжѣе и бодрѣе“ работалъ надъ „Мертвыми Душами.“ „Мнѣ совершенно кажется, пишетъ Гоголь Жуковскому, какъ будто я въ Россіи: передо мной все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словомъ вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу Мертвыхъ Душъ въ Парижѣ.“ Теперь Гоголь уже видитъ, что „огромно, велико твореніе, и не скоро конецъ его.“ Онъ проситъ въ томъ же письмѣ и Жуковскаго, и Пушкина прислать ему свои наброски на сюжетъ „Мертвыхъ Душъ,“ потому что „ваше воображеніе вѣрно увидитъ такое, чего не увидитъ мое,“ потому что „хотѣлось-бы страшно вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ“ [62]).

Но въ Парижѣ Гоголь пораженъ былъ вѣстью о смерти Пушкина. Въ 1837 году Гоголь въ письмахъ къ разнымъ лицамъ говоритъ о всей тяжести этой утраты для него, о томъ, какъ эта утрата отзывается на „Мертвыхъ Душахъ,“ внушенныхъ Пушкинымъ. Въ 1838 году письма Гоголя нерѣдко исполнены жалобъ на бѣдность таланта, на то, что работа плохо двигается. А между тѣмъ сюжетъ „Мертвыхъ Душъ“ пріобрѣтаетъ въ глазахъ поэта все болѣе и болѣе значеніе великаго сюжета. Въ 1839 году Гоголь пишетъ своему любимому другу, Данилевскому, объ утратѣ свѣжихъ силъ и юности, и все это письмо напоминаетъ заключеніе извѣстнаго вступленія въ VI главу „Мертвыхъ Душъ:“ „теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріютно, мнѣ не смѣшно, и то, что пробудило бы въ прежніе годы живое движеніе въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О, моя юность! О, моя свѣжесть!“ [63]). Въ 1841 году, весь поглощенный первымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ,“ уже выработавши главные типы своей поэмы, Гоголь замѣчаетъ: „теперь для меня всякая малая вещь почти такого-же требуетъ обдумыванія, какъ великая“ [64]). Продолжительная выработка „Мертвыхъ Душъ“ происходила у Гоголя за границей въ разныхъ мѣстахъ, прерываемая переѣздами и лѣченіемъ послѣ перенесенной тяжелой болѣзни въ Римѣ. Но здѣсь, въ Римѣ, была написана и отдѣлана большая часть перваго тома „Мертвыхъ Душъ.“ Объ этой работѣ можно составить нѣкоторое понятіе изъ писемъ и воспоминаній Гоголя и отчасти изъ интересныхъ воспоминаній Анненкова и Берга.

Спустя два года послѣ смерти Пушкина Гоголь вспоминаетъ, какъ великій поэтъ любилъ работать въ уединеніи, въ деревнѣ. Гоголь говоритъ объ этомъ съ удивленіемъ, потому что ему самому не удавалась и не шла на умъ работа въ уединеніи. Гоголь припоминаетъ, какъ въ Петербургѣ онъ писалъ именно тогда, когда былъ занятъ должностью, когда было некогда, среди этой живости и перемѣны занятій, „и чѣмъ я веселѣе провелъ канунъ, тѣмъ вдохновеннѣй возвращался домой, тѣмъ свѣжѣе у меня было утро“ [65]). По воспоминаніямъ Берга, Гоголь разсказывалъ ему, какъ онъ написалъ цѣлую главу „Мертвыхъ Душъ“ въ жалкомъ трактирѣ, въ Италіи, во время путешествія, „подъ громъ катаемыхъ шаровъ; при невѣроятномъ шумѣ, бѣготнѣ прислуги, въ дыму, въ душной атмосферѣ.“ Бергу же Гоголь передавалъ и подробности своей художественной работы: „сначала нужно набросать все, какъ придется, хотя бы плохо, водянисто, но рѣшительно все, и забыть объ этой тетради. Потомъ черезъ мѣсяцъ, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само собою) достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не такъ, много лишняго, а кое-чего не достаетъ. Сдѣлайте поправки и замѣтки на поляхъ—и снова забросьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ ея новыя замѣтки на поляхъ, и гдѣ не хватитъ мѣста—взять отдѣльный клочекъ и приклеить съ боку. Когда все будетъ такимъ образомъ написано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тутъ сами собой явятся новыя озаренія, урѣзы, добавки, очищенія слога. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не дѣлайте ничего, или хоть пишите другое. Придетъ часъ: вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тѣмъ же способомъ и когда она будетъ снова измарана, перепишите ее собственноручно.“ Такъ Гоголь передѣлывалъ, переписывалъ, по словамъ Берга, до восьми разъ. Анненковъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ онъ въ Римѣ, лѣтомъ 1841 года занимался перепиской перваго тома „Мертвыхъ Душъ,“ большею частью подъ диктовку Гоголя. Гоголь былъ очень доволенъ, когда Анненковъ высказалъ свой восторгъ, особенно отъ VI-й главы и отъ повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ; и на замѣчаніе Анненкова: „но увидитъ ли она печать, когда-нибудь?“ Гоголь съ самоувѣренностью возразилъ: „печать—пустяки.... все будетъ въ печати“ [66]). Такъ поднимала духъ Гоголя и отгоняла всѣ его безпокойства пора вдохновенной дѣятельности, пора художественной

отдѣлки уже продуманнаго созданія. И самая работа въ Римѣ надъ „Мертвыми Душами“ протекала у Гоголя большею частію среди художественныхъ спокойныхъ созерцаній и наслажденій, прерываемыхъ переѣздами, болѣзнью и поѣздкой въ Петербургъ въ 1839—1840 годахъ. Въ этотъ пріѣздъ въ Россію Гоголь прочелъ друзьямъ первыя главы „Мертвыхъ Душъ.“ Къ концу 1840 года первый томъ поэмы былъ готовъ уже вчернѣ. Послѣ долгихъ переправокъ и переписки, часть которой была исполнена Анненковымъ, Гоголь рѣшилъ выполнить давнишнее обѣщаніе привезти „Мертвыя Души“ въ Москву печатать, что онъ и привелъ въ исполненіе въ концѣ 1841 года. „Пятилѣтнимъ упорнымъ трудомъ“ были закончены вполнѣ только первыя шесть главъ „Мертвыхъ Душъ,“ въ которыхъ явились Маниловъ, Коробочка, Ноздревъ, Собакевичъ и Плюшкинъ. Но извѣстная біографія Чичикова въ послѣдней главѣ была значительно передѣлана и дополнена въ Москвѣ. Здѣсь же Гоголь ввелъ въ VII главу совершенно новое лице Ивана Антоновича, кувшинное рыло [67]). Были сдѣланы и другія измѣненія, коснувшіяся преимущественно послѣднихъ главъ, начиная съ VII. Послѣ долгихъ хлопотъ изъ-за цензурнаго разрѣшенія, послѣ тяжелыхъ нравственныхъ безпокойствъ за самое дорогое свое созданіе, Гоголь, уже послѣ разрѣшенія, которымъ былъ обязанъ своимъ высокопоставленнымъ друзьямъ, еще передѣлалъ, по требованіямъ цензуры, повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ [68]).

Мы уже коснулись отчасти работы Гоголя надъ „Мертвыми Душами“ за границей, когда все непріятное, невыносимое, что волновало его въ Петербургѣ, погрузилось въ область ничтожнаго, незначительнаго. Въ это время, приступая къ созданію „Мертвыхъ Душъ,“ Гоголь былъ уже творцомъ „Ревизора.“ И первый томъ „Мертвыхъ Душъ“ дѣйствительно носитъ ясные слѣды своей связи съ „Ревизоромъ.“ Тѣже „пошлости,“ по выраженію поэта, повседневной жизни, тѣже ничтожные характеры; даже отдѣльные типы „Мертвыхъ Душъ“ сходны съ типами „Ревизора,“ напоминаютъ ихъ, какъ напримѣръ типъ почтмейстера въ поэмѣ и въ комедіи особенно поражаетъ своимъ сходствомъ; сходны же полицмейстеръ въ поэмѣ и городничій въ комедіи, Ноздревъ и Хлестаковъ; кстати припомнимъ близкій къ послѣднимъ типъ Собачкина въ драматическомъ „Отрывкѣ.“ Нѣкоторые типы „Мертвыхъ Душъ“ имѣютъ длинную исторію въ развитіи художественныхъ образовъ Гоголя. Такъ напримѣръ, типъ ограниченной старуш-

ки, преданной одному мелкому домашнему хозяйству—соленью, варенью, печенью,—угощенью всѣмъ этимъ домочадцевъ и гостей и вмѣстѣ съ тѣмъ преданной сбереженью, страсти къ скупости, уже намѣченъ Гоголемъ въ отрывкѣ „Учитель“ 1830 года (Анна Ивановна); тоже въ „Шпонькѣ“ 1832 года (мать Гр. Гр. Сторченка). Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ 1835 года этотъ типъ получаетъ дальнѣйшее развитіе въ образѣ Пульхеріи Ивановны и наконецъ завершается въ Коробочкѣ „Мертвыхъ Душъ.“ Даже нѣкоторыя детали въ обрисовкѣ Коробочки сходны съ деталями въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ:“ напримѣръ, дребезжащій экипажъ Пульхеріи Ивановны, шумъ отъ котораго слышенъ былъ возлѣ самыхъ мельницъ, когда пани выѣзжала со двора, „хотя это разстояніе было не менѣе двухъ верстъ,“ —напоминаетъ экипажъ Коробочки, шумъ и визгъ отъ котораго „разбудили на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ съ просонья, что стало мочи: „кто идетъ?“ но.... слышалось только издали дребезжанье“ [69]), и проч.

Если первый томъ „Мертвыхъ Душъ“ естественно связанъ съ предыдущими произведеніями Гоголя по общности образовъ, по юмористическому воззрѣнію, по лирическому воодушевленію, по манерѣ очерчивать лица и предметы сжато и выпукло; то несомнѣнно также, что „Мертвыя Души“ выше всего предыдущаго, написаннаго Гоголемъ, не только по времени появленія, но и по силѣ творчества, по развитію таланта Гоголя, который достигаетъ въ поэмѣ высшихъ предѣловъ.

Прежде всего въ „Мертвыхъ Душахъ“ поражаетъ разнообразіе и законченность въ обрисовкѣ не только основныхъ типовъ, ихъ обстановки; но и лицъ, и предметовъ, входящихъ въ детали, въ сравненія. Часто поэтъ выставляетъ оправданія своей обстоятельности, своей манеры закруглять всѣ образы, подвертывающіеся въ разсказѣ; но замѣчанія его въ этомъ случаѣ оттѣняютъ только юмористическую сторону. Не говоря уже о тѣхъ мѣткихъ и характеристическихъ очеркахъ, въ какихъ обрисовываетъ Гоголь Петрушку и Селифана, разные типы крестьянства изъ мертвыхъ и бѣглыхъ душъ, двухъ обитателей мирнаго уголка, Кифу Мокіевича и его сына, которые „нежданно, какъ изъ окошка, выглянули въ концѣ поэмы:“ поэтъ не оставляетъ безъ обрисовки, хотя въ нѣсколькихъ штрихахъ,—и дѣвчонки, которую дала Коробочка показать дорогу Селифану, и отставъ-

ного чиновника, заклеккнувшаго навѣки въ ситцевомъ халатѣ у окна низенькаго домика въ уѣздномъ городишкѣ, образъ котораго съ двумя-тремя типичными особенностями мелькнулъ передъ Гоголемъ, когда онъ задумался о возможной судьбѣ Чичикова послѣ неудачъ на службѣ. Мало того, также обстоятельно вырисовываетъ Гоголь даже мухъ, лошадей (напримѣръ Гнѣдаго, Засѣдателя и Чубараго-тройку Чичикова), собакъ (на дворѣ Коробочки и на псарнѣ Ноздрева), птицъ, которыя упоминаются имъ при сравненіяхъ, при описаніяхъ. Невольно вспоминаются при этомъ образы животныхъ у нашихъ лучшихъ баснописцевъ: у Дмитріева, у Крылова. Тоже самое въ изображеніи неодушевленныхъ предметовъ: какой-нибудь шкатулки Чичикова, часовъ Коробочки, шарманки Ноздрева, люстры и графинчика Плюшкина, и т. д., и т. д. Еще замѣчательнѣе эти молдавскія тыквы, которыя подвернулись Гоголю подъ руку при обрисовкѣ лица Собакевича. „Мужское круглое (лице Собакевича), широкое, какъ молдавскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и щеголя, и подмигивающаго и посвистывающаго на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихоструннаго треньканья“ [70]).

Такія сжатыя картины въ деталяхъ составляютъ одну изъ самыхъ характеристическихъ особенностей въ творчествѣ Гоголя. Не мало, вѣроятно, поработалъ Гоголь и надъ созданіемъ живого, образнаго языка поэмы. Недаромъ въ 1840 году онъ просилъ выслать къ нему, за границу, миніатюрные экземпляры для дороги Онѣгина, Горя отъ ума, басней Дмитріева и Русскихъ пѣсенъ Сахарова, чтобы „назвучаться русскими звуками и рѣчью,“ постоянно опасаясь „нагрѣшить противъ языка,“ какъ онъ самъ выражается въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ [71]).

Успѣхъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ въ русской литературѣ былъ почти неслыханный дотолѣ. Мы теперь можемъ судить только приблизительно объ этомъ впечатлѣніи по воспоминаніямъ, преимущественно талантливой молодежи 40 годовъ, И. С. Тургенева, В. В. Стасова, и другихъ [72]). Но не внѣшней формой, не одной художественной отдѣлкой поражали нарисованные поэтомъ типы и явленія жизни; они поражали глубокимъ внутреннимъ значеніемъ, отношеніемъ къ самымъ животрепещущимъ вопросамъ современности.

Критика Бѣлинскаго успѣла уже многое уяснить Гоголю въ его предшествующихъ созданіяхъ. Но было много противниковъ и въ обществѣ, и особенно въ литературѣ, которые не хотѣли признать за произведеніями Гоголя болѣе глубокаго значенія и даже сожалѣли, что онъ, способный, по ихъ мнѣнію, на изображеніе смѣшныхъ комическихъ сценъ—„побасенокъ," вздумалъ касаться современной жизни и дерзнулъ выставлять въ „карикатурахъ" современность, клеветать на нее [73]). Въ горячемъ лирическомъ порывѣ, въ началѣ VII-й главы, перваго тома „Мертвыхъ Душъ," Гоголь возсталъ за силу смѣха, который достоинъ встать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, который не имѣетъ ничего общаго съ „кривляньемъ балаганнаго скомороха." „Мертвыя Души" критика разсматривала, какъ энциклопедію русской жизни, современной Гоголю. Самъ поэтъ старался изобразить свойства русскаго человѣка отъ простого мужика до барина. Нерѣдко отъ своихъ обыденныхъ провинціальныхъ типовъ Гоголь обращается къ типамъ столичнымъ: отъ Коробочки къ аристократкѣ, отъ Ноздрева къ человѣку въ чинахъ, съ благородной наружностью. Невольно приноминается замѣчаніе Гоголя въ одномъ изъ его писемъ послѣ перваго представленія „Ревизора:" „провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны; но жизнь Петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники" [74])!

По собственному опредѣленію Гоголя его „Мертвыя Души" изображаютъ „пошлость" въ жизни, герои его „плутоватые люди;" но эти плуты совсѣмъ не злодѣи: они самые обыкновенные, „скучные" характеры, и вся эта жизнь, состоящая изъ множества „мелочей," такъ обыкновенна, что Гоголь то-и-дѣло отмѣчаетъ, что то, или другое явленіе—„все тоже, что вездѣ." Вотъ здѣсь-то и проявляется особенно рѣзко основное свойство таланта Гоголя—угадывать человѣка, выставлять неуловимыя особенности жизни,—„тысячи тѣхъ мелочей, по выраженію поэта, которыя кажутся только тогда мелочами, когда внесены въ книгу, а покамѣстъ обращаются въ свѣтѣ, почитаются за весьма важныя дѣла" [75]). Но за всей этой смѣшной, пошлой стороной жизни возвышается другая сторона благородная, идеальная. Достаточно вспомнить это глубоко задушевное обращеніе Гоголя, послѣ картины Плюшкинской ничтожности, мелочности, гадости: „забирайте

же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ,—не подымете потомъ“ [76])! Такъ и въ другихъ произведеніяхъ одной какъ будто нечаянно оброненной фразой Гоголь ярче освѣщаетъ высокое, грустное и въ этихъ образахъ, созданныхъ изъ смѣшного и презрѣннаго. Достаточно припомнить того молодого чиновника въ повѣсти „Шинель,“ который позволилъ себѣ посмѣяться, по примѣру другихъ, надъ Акакіемъ Акакіевичемъ; но „вдругъ остановился, какъ будто.... все перемѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ.... и долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ.... съ своими проникающими словами: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ и въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: „я братъ твой.“ И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ, и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своемъ, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости“ [77]). Въ „Мертвыхъ Душахъ“ Гоголь не разъ изъ-за своихъ поэтическихъ созданій выступаетъ самъ передъ читателями и стремится сказать слово въ защиту ничтожнаго, пошлаго, мелочнаго, составляющаго предметъ его поэзіи. Эта защита ничтожнаго въ жизни, какъ предмета искусства, защита смѣха проводится и въ другихъ произведеніяхъ Гоголя этого времени: въ передѣлкѣ напечатанной уже повѣсти „Портретъ,“ въ „Театральномъ разъѣздѣ“ и въ послѣдней передѣлкѣ „Ревизора.“ Кромѣ того, передѣлка „Портрета,“ какъ передѣлка и напечатаннаго ранѣе „Тараса Бульбы,“ дополняютъ представленіе о развитіи творчества Гоголя—и мы теперь остановимся на этихъ передѣлкахъ, чтобы покончить съ третьимъ періодомъ въ развитіи Гоголя.

Въ мартѣ 1842 года, посылая Плетневу „Портретъ,“ въ новой передѣлкѣ, Гоголь замѣчаетъ, что „осталась только одна канва прежней повѣсти, что все вышито по ней вновь“ [78]). И дѣйствительно, Гоголь передѣлалъ прежнюю повѣсть (въ Римѣ и въ Москвѣ) не только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ описательныхъ мѣстахъ, но коснулся и повѣствовательной стороны, измѣнивши особенно начало и конецъ повѣсти. Но для насъ особенно интересны слова, вложенныя въ уста художника: о значеніи таланта, объ отношеніи художественныхъ произведеній къ природѣ, объ изображеніи низкой, презрѣнной

природы, о выраженіи почти незамѣтныхъ чертъ. „Талантъ есть драгоцѣннѣйшій даръ Бога,—говоритъ старый художникъ сыну.—Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну созданія. Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ - создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго.... презрѣнное уже получило высокое выраженіе“ [79]). Въ „Театральномъ разъѣздѣ“ устами автора пьесы, въ концѣ ея, послѣ множества разнообразныхъ сужденій публики о пьесѣ, Гоголь еще рѣзче выражаетъ мысль объ отношеніи смѣшнаго—„побасенокъ“ къ высокому. И эта рѣзкость осталась и послѣ того, какъ Гоголь много поработалъ и надъ формой сочиненія, и надъ удаленіемъ первоначальнаго личнаго элемента. „Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго человѣкъ равнодушно проходитъ всякій день,.... возмутило бы человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу.... Засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: „что смѣшно, то низко,“ говоритъ свѣтъ.... Но Боже! сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мірѣ! Все, что ни творилось вдохновеніемъ, для нихъ пустяки и побасенки“ [80]). Въ изданіи „Ревизора“ 1842 года впервые появились раздраженныя рѣчи городничаго, обращенныя къ публикѣ: „чему смѣетесь? надъ собой смѣетесь!“

Въ литературной дѣятельности Гоголя до 1842 года можно замѣтить, какъ постоянное явленіе, перекрестную работу надъ нѣсколькими произведеніями: съ развитіемъ и отдѣлкой „Ревизора“ до 1836 года чередовались передѣлки петербургскихъ повѣстей; съ развитіемъ и отдѣлкой перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ подвигалась работа надъ произведеніями, давно задуманными, какъ—Шинель, Женидьба, драматическіе отрывки, и работа надъ произведеніями, уже напечатанными, какъ Ревизоръ, Портретъ, Тарасъ Бульба. Это происходило, во-первыхъ, отъ того, что Гоголь, какъ самъ признавался, на передѣлкахъ прежнихъ піесъ старался „навыкнуть производить плотное созданіе, сущное, твердое, освобожденное отъ излишествъ и неумѣренности, вполнѣ ясное и совершенное въ высокой трезвости духа“ [81]), во-вторыхъ, Гоголь имѣлъ обыкновеніе подвергать переработкѣ не цѣ-

лое произведеніе сразу, а только нѣкоторыя части его, и эта работа надъ отдѣльными частями и „лоскутками," какъ иногда выражался Гоголь, производилась въ разное время, при разнообразныхъ обстоятельствахъ. Такъ напримѣръ, вырабатывая за границей и затѣмъ въ Москвѣ первый томъ „Мертвыхъ Душъ," Гоголь въ то же время отдавался медленной работѣ надъ значительной передѣлкой „Тараса Бульбы," не говоря уже о другихъ, менѣе выдающихся произведеніяхъ. Обширная работа Гоголя надъ однимъ изъ своихъ любимыхъ произведеній состояла не только въ увеличеніи размѣровъ повѣсти (вмѣсто 9 первоначальныхъ главъ явилось 12), въ развитіи художественныхъ деталей (любовь и смерть Андрія, битвы казаковъ съ поляками); но и въ значительномъ количествѣ новыхъ сценъ и описаній изъ жизни южной Руси XV—XVI вв., дополненныхъ и развитыхъ на основаніи сочиненій Боплана, Шерера, новыхъ матеріаловъ по народной поэзіи, и друг. [82]). До насъ дошло нѣсколько главъ „Тараса Бульбы" въ заграничной рукописи. Сравненіе ихъ съ передѣлками, сдѣланными въ Москвѣ, даетъ интересныя указанія на нѣкоторыя мѣста, отражающія личное настроеніе Гоголя, связанное съ московской жизнью. Можетъ быть, тутъ не обошлось безъ вліянія и славянофильскаго кружка. Въ Москвѣ, напримѣръ, Гоголь опускаетъ названіе атаки, стремительности запорожцевъ — „азіатскими" [83]); далѣе, вставляетъ размышленія о способностяхъ только „славянской породы—широкой, могучей породы, передъ другими, что море передъ мелководными рѣками," и слова Тараса Бульбы о товариществѣ, о русскомъ чувствѣ, о „мышиной натурѣ другихъ народовъ;" наконецъ, въ Москвѣ же Гоголь уподобляетъ славу—„красному звону, сзывающему на святую молитву," и прибавляетъ подробность о томъ, какъ „есаулы привезли сыновьямъ Тараса благословенье отъ старухи-матери и каждому по кипарисному образу изъ Межигорскаго — Кіевскаго монастыря. Надѣли на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнивъ старую мать. Что-то пророчитъ и говоритъ имъ это благословенье?.... Но неизвѣстно будущее, и стоитъ оно предъ человѣкомъ подобно осеннему туману" [84]), и проч. И на многихъ другихъ мѣстахъ повѣсти наложенъ Гоголемъ оттѣнокъ религіознаго направленія, уже овладѣвшаго имъ болѣе всего другого въ жизни. Можетъ быть, это произошло и отъ того, что Гоголь понялъ историческія отношенія русскихъ и поляковъ въ XV—XVI вв. преимущественно со сто-

роны религіозныхъ отношеній, какъ это и было въ значительной степени на самомъ дѣлѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ рѣзко сказалась въ „Тарасѣ Бульбѣ“ та же преувеличенная гордость народностью и тотъ же дидактизмъ, которые отражаются и въ извѣстныхъ лирическихъ мѣстахъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ,“ и въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“ и въ сохранившихся частяхъ второго тома „Мертвыхъ Душъ.“

Второй томъ „Мертвыхъ Душъ,“ надъ которымъ Гоголь работалъ въ теченіе послѣдняго періода своей жизни и дѣятельности, большею частію за границей, въ промежуткахъ между лѣченьемъ и разъѣздами, и въ послѣдніе годы жизни въ Москвѣ,—этотъ второй томъ въ цѣломъ своемъ видѣ не дошелъ до насъ. Сожженіе этого тома въ 1845 году и въ 1852 было дѣломъ взыскательнаго къ себѣ художника. Но до насъ сохранились отрывки второго тома, большею частію въ томъ видѣ, какъ они обработаны были Гоголемъ въ то еще время, когда обрабатывался и приготовлялся къ печати и первый томъ „Мертвыхъ Душъ.“ Заканчивая первый томъ поэмы Гоголь обѣщаетъ читателямъ „двѣ большихъ части,“ говоритъ о томъ, что поэма „раздвинется шире и пространнѣе,“ „почуются иныя еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица,“ „предстанутъ колоссальные образы, двинутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ, и вся она приметъ величавое лирическое теченіе“ [85]).

Но сохранившіеся отрывки второго тома „Мертвыхъ Душъ“ открываются такими же оправданіями прежняго направленія, какія встрѣчаются и въ первомъ томѣ: „зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенства нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Чтожъ дѣлать, если уже таковы свойства сочинителя.“ И дѣйствительно, въ отрывкахъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“ мы встрѣчаемъ не только старыхъ „плутоватыхъ“ знакомыхъ въ новой обстановкѣ; но и нѣсколько новыхъ лицъ изъ той же среды, какъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ, генералъ Бетрищевъ, Тентетниковъ, полковникъ Кошкаревъ. Типическій образъ гастронома, Петра Петровича Пѣтуха, представляетъ широкое развитіе намѣченнаго еще въ „Шпонькѣ“ 1832 года гастронома Сторченка. Но, не смотря на связь второго тома съ предшествующими

произведеніями Гоголя, въ немъ мы не видимъ повторенія прежняго; напротивъ даже въ сохранившихся отрывкахъ второго тома много новаго, хотя бы только намѣченнаго, неразвитаго. Въ этомъ сказывается особенность творчества Гоголя—отъ намѣченныхъ, разработанныхъ образовъ переходить къ новымъ явленіямъ, къ новымъ типамъ. Къ сожалѣнію, этотъ переходъ Гоголя ко второму тому „Мертвыхъ Душъ," къ захвату новыхъ явленій и новыхъ типовъ русской жизни вышелъ неудачнымъ и для произведенія, и мучительнымъ для автора. Къ этой продолжительной и неудачной работѣ надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ" какъ нельзя больше идетъ мѣткое замѣчаніе Анненкова, что „Мертвыя Души была та подвижническая келья, въ которой (Гоголь) бился и страдалъ до-тѣхъ поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нея" [86]). Но работа Гоголя надъ продолженіемъ „Мертвыхъ Душъ" представляетъ нѣсколько періодовъ: большая часть дошедшихъ до насъ отрывковъ относится къ первому періоду, отъ 1840 года до половины 1843 года [87]). Затѣмъ слѣдуетъ періодъ уничтоженія стараго и возведенія новаго созданія, отъ 1843 до сожженія этого новаго въ 1845 году. Можно догадываться, что въ этотъ періодъ работы Гоголь стремился воплотить въ новыхъ образахъ тѣ идеи нравственнаго перерожденія, которыя онъ самъ переживалъ въ это время. Эти новые образы были идеализаціей русской жизни: они добыты были Гоголемъ изъ опредѣляющихъ взглядовъ на жизнь. Но неудачный мыслитель-моралистъ не могъ подавить въ немъ натуру художника-реалиста. Уничтоживъ свою работу въ 1845 году, недовольный безжизненными, идеальными образами, Гоголь мечтаетъ теперь доискаться въ жизни тѣхъ основъ для своихъ надуманныхъ образовъ, которые мучатъ его отсутствіемъ „души живой." Онъ обращается ко всѣмъ своимъ знакомымъ съ запросами о необходимыхъ ему явленіяхъ жизни; проситъ записывать впечатлѣнія, составлять „легкіе портреты и характеры" людей; мало того, онъ обращается съ такими же запросами ко всей читающей русской публикѣ. Но немного отвѣтовъ получилъ Гоголь на эти запросы; да не такъ и легки они были, какъ думалъ онъ, судя по себѣ. Послѣ возвращенія съ Востока Гоголь до самой смерти не оставлялъ работы надъ вторымъ томомъ, не покидая мысли найти въ жизни и воплотить въ художественныхъ образахъ возвышенныя достоинства русской жизни. Можно думать, что эти вымученные, надуманные образы, въ родѣ извѣстныхъ намъ героевъ—

Костанжогло, Муразова, Улиньки,—уничтоженные Гоголемъ въ 1852 году, воплощали въ себѣ тѣже идеи, которыя извѣстны намъ по злополучной „Перепискѣ съ друзьями," набросившей мрачную тѣнь на имя Гоголя и создавшей предубѣжденіе противъ него, дожившее и до нашихъ дней. Уничтоженіе Гоголемъ второго тома „Мертвыхъ Душъ" не даетъ возможности говорить о развитіи или упадкѣ его творчества въ послѣдній періодъ жизни и дѣятельности; послѣднее, впрочемъ, болѣе вѣроятно. Но нельзя не остановиться еще на двухъ явленіяхъ этого періода: на стремленіи Гоголя выработать болѣе прочный образъ мыслей и на естественномъ выраженіи у него художественныхъ стремленій, къ которымъ онъ нерѣдко въ этотъ періодъ старался встать въ отрицательное положеніе.

До сихъ поръ мы разсматривали Гоголя преимущественно какъ художника-поэта, за которымъ скрывался мыслитель. Нѣсколько положительныхъ и блестящій рядъ отрицательныхъ типовъ и явленій общественной жизни въ произведеніяхъ Гоголя показываютъ уже, сами по себѣ, серіозный взглядъ поэта на окружающую жизнь и его возвышенныя стремленія. Мы видѣли уже, какъ на самыхъ первыхъ порахъ въ неотступныхъ стремленіяхъ Гоголя къ широкой дѣятельности, къ громкой славѣ сказывались задатки высокой благородной натуры. Но отсюда нельзя еще заключать объ опредѣленной строгой системѣ въ образѣ мыслей поэта. „Ревизоръ" и „Мертвыя Души" даютъ намъ возможность указать на то, что казалось Гоголю дурнымъ въ русскомъ обществѣ; но мы не можемъ отсюда дѣлать выводовъ о томъ, что считалъ Гоголь необходимымъ для русскаго общества, въ чемъ онъ видѣлъ причины недостатковъ, какіе были его положительные идеалы и стремленія. Самъ Гоголь въ концѣ VI-й главы перваго тома „Мертвыхъ Душъ" прекрасно указалъ на отношеніе даже отдаленныхъ мечтательныхъ идеаловъ къ пониманію непривлекательной дѣйствительности: „изрѣдка доходили до слуха его.... тѣ слова, которыя вдругъ обдаютъ, какъ варомъ, какого-нибудь замечтавшагося двадцати-лѣтняго юношу, когда, возвращаясь изъ театра, несетъ онъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями. Чего нѣтъ, и что не грезится въ головѣ его? Онъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости—и вдругъ раздаются надъ нимъ, какъ громъ, роковыя слова, и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ, и даже на Сѣнной площади, и даже близъ кабака, и вновь пошла по будничному щеголять

передъ нимъ жизнь." [88]). Отчасти на такое настроеніе походило у Гоголя время созданія идилліи „Ганцъ Кюхельгартенъ" и время тяжелыхъ разочарованій по пріѣздѣ въ Петербургъ. Но, конечно, идеалы молодого Гоголя не были настолько отвлеченными: еще въ школѣ онъ представлялъ себѣ иден честной, безкорыстной службы государству и обществу; ему казались отвратительными извѣстные пороки тогдашняго чиновничества. Объ этихъ порокахъ онъ столько же могъ знать изъ жизни, сколько изъ сатирической русской литературы, преимущественно второй половины XVIII вѣка. Современная Гоголю-юношѣ романтическая литература влекла къ мечтательнымъ идеаламъ, которые и выразились въ первомъ печатномъ опытѣ Гоголя. Но самое важное значеніе въ развитіи идеаловъ и мыслей Гоголя имѣлъ, какъ мы уже указали, петербургскій періодъ его жизни и дѣятельности, когда Гоголь всталъ въ непосредственныя отношенія къ Пушкину и его кружку. Въ тоже время и позднѣе у Гоголя были и другія отношенія: съ нѣкоторыми земляками, съ московскими славянофилами, съ людьми, преданными религіозно-мистическому направленію. Изъ всѣхъ этихъ вліяній, безъ сомнѣнія, самымъ благотворнымъ для Гоголя было вліяніе Пушкина; но оно выразилось преимущественно въ художественной дѣятельности Гоголя, въ его взглядахъ на искусство. Послѣ смерти Пушкина, съ отъѣздомъ Гоголя за границу, въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ у Гоголя является впервые стремленіе серіозно отнестись къ выработкѣ опредѣленнаго образа мыслей. Скрытность и недовѣрчивое, критическое отношеніе къ людямъ, давнишніе фантастическіе порывы и идеализація прошлаго, отчасти близкія отношенія съ людьми, преданными религіозно-мистическому направленію, отчасти болѣзненныя страданія приводятъ Гоголя къ нравственному самоуглубленію, къ „внутреннему душевному воспитанію," какъ выражался самъ Гоголь [89]).

Это самоуглубленіе Гоголя не давало возможности развиваться свободно, по-прежнему его художественному творчеству: онъ не оставилъ, напримѣръ, художественныхъ созданій изъ той области религіозныхъ вопросовъ, которыми былъ особенно занятъ въ послѣдній періодъ жизни и дѣятельности. Мы и не будемъ останавливаться на Гоголѣ, какъ мыслителѣ, по его публицистическимъ сочиненіямъ этого періода, которыя онъ самъ признавалъ неудачными [90]). Замѣтимъ только, что, со времени появленія „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки

съ друзьями," критики и біографы поэта старались указать отношеніе Гоголя-мыслителя послѣдняго періода къ Гоголю художнику-поэту. По взгляду однихъ, въ сороковыхъ годахъ въ образѣ мыслей Гоголя произошелъ переломъ; по взгляду другихъ, перелома не было, но Гоголь мыслитель и Гоголь поэтъ были всегда какъ бы два разныхъ лица. Гоголя мыслителя нѣкоторые критики называютъ представителемъ средневѣкового міровоззрѣнія, возводятъ это послѣднее къ отдаленнымъ природнымъ атавистическимъ чертамъ: къ бездомному скитальчеству казака и аскетизму монаха [91]).

Намъ кажется такое воззрѣніе преувеличеннымъ, но мы не можемъ останавливаться на этомъ вопросѣ.

Обратимся къ выраженію художественныхъ стремленій и теоретическихъ воззрѣній Гоголя на искусство въ послѣдній періодъ его жизни и дѣятельности,—которое встрѣчаемъ и въ такихъ автобіографическихъ сочиненіяхъ его, какъ „Авторская Исповѣдь," и въ письмахъ Гоголя, и въ воспоминаніяхъ о немъ, и даже въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями." Укажу изъ послѣдней хотя-бы XIV письмо о театрѣ, XXIII письмо о положеніи художниковъ и многія мѣста XXXI письма о Пушкинѣ, Крыловѣ и другихъ русскихъ поэтахъ [92]).

Искусство, творчество оставалось для Гоголя до самаго конца жизни выше всего въ мірѣ. „Однѣ изъ лучшихъ минутъ въ жизни моей, говоритъ онъ въ Авторской Исповѣди, были тѣ, когда я наконецъ клалъ на бумагу то, что выносилось долговременно въ моихъ мысляхъ; когда я и до сихъ поръ увѣренъ, что едва-ли есть высшее изъ наслажденій, какъ наслажденіе *творить*.... не писать для меня совершенно значило-бы тоже, что не жить" [93]). И дѣйствительно, при всѣхъ ошибкахъ Гоголя, искусству безкорыстно и честно пожертвована была имъ вся жизнь. Какъ человѣкъ крайне самолюбивый, страстно и чутко относившійся къ отзывамъ о своей личности, Гоголь былъ до крайности уступчивъ въ вопросахъ, касавшихся искусства. Малѣйшее замѣчаніе о его поэтическихъ созданіяхъ вызывало у него стремленіе передѣлать, улучшить свои художественныя произведенія. Работая надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ," Гоголь, какъ мы уже говорили, мучился, отыскивая воплощенія своихъ отвлеченныхъ идеаловъ въ русской жизни. Онъ сознавалъ, что въ его поэмѣ „ничего не должно быть вымышленнаго или вообразимаго только умомъ,"

что „никакая проповѣдь не въ силахъ такъ подѣйствовать, какъ рядъ живыхъ примѣровъ, взятыхъ изъ той же земли, изъ того же тѣла, изъ котораго и мы“ [94]). Все, что не изъ этихъ матеріаловъ, Гоголь называлъ „идеальностью,“ выдумкой, противоположной „самой существенной правдѣ,“ „самой жизни“ [95]). Онъ считалъ необходимымъ обнять предметъ или лице со всѣхъ сторонъ, со всѣми оттѣнками, со всѣми кажущимися для другихъ мелочами. Мы упоминали о томъ, какъ Гоголь собиралъ необходимые для себя матеріалы. Въ разсматриваемый періодъ, въ одномъ изъ писемъ 1843 года, Гоголь говоритъ: „ничего почти не сдѣлано мною во всю зиму, выключая немногихъ умственныхъ матеріаловъ, забранныхъ въ голову“ [96]). Въ концѣ сороковыхъ годовъ Гоголь страстно желалъ проѣздиться по сѣверовосточнымъ губерніямъ Россіи, которыя онъ зналъ только по разсказамъ. Но онъ считалъ необходимымъ прежде поѣздки серіозно приготовиться къ ней, чтобы „не проѣхать всю Россію и ничего не узнать, подобно посылаемымъ чиновникамъ и ревизорамъ“ [97]). „Разъѣздами по государству немного возьмешь: останутся въ головѣ только станціи да трактиры; знакомства въ городахъ и деревняхъ тоже довольно трудны для разъѣзжающаго не по казенной надобности: могутъ принять за какого-нибудь шпіона.... Если жъ узнаютъ, что разъѣзжающій есть и писатель вмѣстѣ, тогда положеніе еще смѣшнѣе: половина читающей Россіи увѣрена серьезно, что я живу единственно для осмѣянья всего, что ни есть въ человѣкѣ“ [98]). Но матеріалы служили для Гоголя только средствами для высшаго акта творчества. „Я никогда не *писалъ* портрета (теперь бы мы сказали—не снималъ фотографіи), въ смыслѣ простой копіи, говоритъ Гоголь въ „Авторской Исповѣди,“—я *создавалъ* портретъ“ [99]). Теоретическія воззрѣнія Гоголя на созданіе романа, повѣсти во многомъ напоминаютъ намъ воззрѣнія извѣстныхъ французскихъ представителей реальнаго романа,—прибавимъ художниковъ по преимуществу, въ родѣ Флобера, братьевъ Гонкуровъ, и другихъ. По представленіямъ Гоголя, сочинители повѣстей, романовъ и вообще художественныхъ произведеній дѣлятся какъ бы на три разряда: писатели, производящіе выдуманныя, идеализированныя созданія; далѣе, копіисты дѣйствительности, стремящіеся „быть бездушно вѣрными природѣ,“списывающіе портреты, и наконецъ—настоящіе художники, создатели высокихъ твореній на основаніи матеріаловъ, воспринятыхъ и собранныхъ изъ окружающей жизни, но вкладывающіе въ эти матеріалы „душу живую“ [100]).

За четыре мѣсяца до смерти, въ концѣ 1851 года, Гоголь, при свиданіи съ И. С. Тургеневымъ, по воспоминаніямъ послѣдняго „говорилъ о значеніи литературы, о призваніи писателя.... высказалъ нѣсколько тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній о самомъ процессѣ работы, о самой, если можно такъ выразиться, физіологіи сочинительства; и все это—языкомъ образнымъ, оригинальнымъ и, сколько я могъ замѣтить, нимало не подготовленнымъ заранѣе, какъ это сплошь да рядомъ бываетъ у знаменитостей.“ Тургеневъ присутствовалъ еще позднѣе на эффектномъ чтеніи „Ревизора“ самимъ авторомъ въ Москвѣ и удивлялся таланту „мастера;“ но немного спустя, въ Петербургѣ, онъ былъ пораженъ вѣстью о неожиданной смерти Гоголя [101]). Извѣстны нѣкоторыя обстоятельства въ жизни Тургенева, связанныя съ злосчастнымъ письмомъ его изъ Петербурга въ Москву по поводу смерти Гоголя.

Нельзя не припомнить, заканчивая очеркъ развитія творчества Гоголя, и еще нѣкоторыхъ отношеній нашего поэта къ знаменитымъ впослѣдствіи писателямъ, которые въ началѣ своего поприща усваивали пріемы Гоголя и потому составляли „Гоголевскую школу.“ Въ 1846 году, изъ-за границы Гоголь пишетъ о „Бѣдныхъ людяхъ“ Достоевскаго: „въ авторѣ виденъ талантъ; выборъ предметовъ говоритъ въ пользу его качествъ душевныхъ; но видно также, что онъ молодъ. Много еще говорливости и мало сосредоточенности въ себѣ; все бы сказалось гораздо живѣе и сильнѣе, если бы было болѣе сжато.“ Отдавая должное своимъ послѣдователямъ въ особенномъ интересѣ къ современной жизни, Гоголь находитъ недостатки „въ складѣ и въ замашкѣ рѣчи новыхъ писателей.“ [102]). Такъ, вѣроятно, около того же времени (1846 г.) изъ-за границы Гоголь пишетъ: „мнѣ сказывали, что вообще въ послѣднее время *повѣсть* сдѣлала у насъ успѣхъ, и нѣсколько молодыхъ писателей показали особенное стремленіе къ наблюденію жизни дѣйствительной. Изъ того, что удалось прочесть мнѣ самому, я замѣтилъ также тому признаки, хотя постройка самихъ повѣстей мнѣ показалась особенно неискусна и неловка; въ разсказѣ замѣтилъ я излишество и многословіе, а въ слогѣ отсутствіе простоты“ [103]). По воспоминаніямъ Берга, Гоголь слушалъ чтеніе извѣстной комедіи Островскаго: „Свои люди сочтемся“ (вѣроятно, около 1850 года) и замѣтилъ: „хорошо, но видна нѣкоторая неопытность въ пріемахъ. Вотъ этотъ актъ нужно бы подлиннѣе, а этотъ покороче. Эти

законы узнаются послѣ и въ непреложность ихъ не сейчасъ начинаешь вѣрить.“ Но уже по этой первой выдающейся комедіи Островскаго Гоголь ставилъ его талантъ выше другихъ московскихъ литераторовъ [104]).

Такъ Гоголю пришлось видѣть и слышать послѣдующихъ писателей русской художественной литературы, которые въ началѣ своего поприща составили „школу Гоголя.“ Но эти новые таланты пошли дальше Гоголя въ разныхъ отношеніяхъ: уже Тургеневъ своими „Записками Охотника“ взялъ нѣкоторыя, „доселѣ небранныя струны,“ которыя не дались Гоголю; не говоримъ уже о послѣдующемъ литературномъ движеніи вплоть до нашего времени.

Это литературное движеніе и время, протекшее съ эпохи Гоголя, естественно отодвинули отъ насъ и личность великаго писателя, и его произведенія, которыя съ годами будутъ требовать все болѣе и болѣе объясненій и справокъ съ прошлой жизнью и литературой.

Но въ твореніяхъ оригинальнаго, глубокаго таланта остается всегда много свѣжаго, мощнаго, что отличается жизненностью и долголѣтіемъ. Такъ и въ творчествѣ Гоголя на долгіе годы останутся глубоко оригинальными, неподражаемыми многіе типы, поражающіе глубокимъ психологическимъ анализомъ, художественной отдѣлкой, сжатостью, выпуклостью; останется оригинальнымъ и слогъ Гоголя.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изд. 10 (всѣ ссылки далѣе сдѣланы на это изданіе), т. III, стр. 131—132 (глава VII первой части „Мертвыхъ Душъ").

[2]) Въ „Литературныхъ мечтаніяхъ" 1834 года Бѣлинскій относитъ уже Гоголя „къ числу необыкновенныхъ талантовъ" (I т., 124 стр.). „Дай Богъ, говоритъ онъ тутъ, чтобы онъ (Гоголь) вполнѣ оправдалъ поданныя имъ о себѣ надежды!"—Въ 1835 году Бѣлинскій, по поводу „Арабесокъ" и „Миргорода," пишетъ большую статью „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя," въ которой указываетъ всѣ признаки зрѣющаго таланта... больше глубины и вѣрности въ изображеніи жизни" (чѣмъ въ „Вечерахъ") стр. 235, I). „Гоголь владѣетъ талантомъ необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ... онъ является главою литературы, главою поэтовъ... предоставимъ времени рѣшить, чѣмъ и какъ кончится поприще Гоголя, а теперь будемъ желать, чтобы этотъ прекрасный талантъ долго сіялъ на небосклонѣ нашей литературы, чтобы его дѣятельность равнялась его силѣ" (тамъ-же, 242 стр.). Появленіе „Ревизора" Бѣлинскій привѣтствовалъ, какъ „великое произведеніе драматическаго генія" (II т., 618 стр.); онъ ставилъ комедію Гоголя несравненно выше „Горе отъ ума" Грибоѣдова (III т., 2 изд., 436—437 стр.). 1835 и 1836 годы Бѣлинскій считаетъ въ одной статьѣ—„эпохою для русской литературы: въ первомъ (1835) вышли въ свѣтъ Миргородъ и Арабески, во второмъ появился и въ печати, и на сценѣ Ревизоръ" (VII т., 25 стр.). Наконецъ появленіе „Мертвыхъ Душъ" Бѣлинскій называетъ „великимъ явленіемъ въ русской литературѣ" (VII т., 28 стр.) и видитъ въ нихъ „твореніе, далеко оставившее за собою всѣ прежнія его произведенія" (VII т., 30 стр.).

[3]) Сочиненія Гоголя, III т., 107—108 стр.

[4]) См. „Записки о жизни Гоголя," 1856 г.—Воспоминанія Артынова, Русскій Архивъ, 1877 г., 3 кн.—Воспоминанія Пащенка, Берегъ, 1880, № 268.—Воспоминанія Стороженка, Отечеств. Зап., 1859, апрѣль.—Воспоминанія Данилевскаго, Вѣстн. Евр. 1890 г., январь, и проч. Особенно интересны воспоминанія Стороженка, въ которыхъ, однако, отразились и позднѣйшія представленія о Гоголѣ—поэтѣ, хотя авторъ и говоритъ о Гоголѣ-юношѣ. См. мою статью „Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя" Кіевъ, 1890 г. Университетскія Извѣстія, 1890, май.

[5]) Сочиненія и письма Гоголя (1857 г.), т. V, стр. 345.

[6]) Тамъ-же, VI т., 79 стр.

[7]) Сочиненія Гоголя, IV т., 248 стр. (Авторская Исповѣдь).

[8]) Тамъ-же, 252 стр.

[9]) Сочиненія Гоголя т. I, стр. 268 и V т., 417 (Тарасъ Бульба). Въ первоначальной миргородской редакціи читаемъ: „разсказы, балагуры, которые можно было слышать

среди собравшейся толпы, лежавшей на землѣ, такъ были смѣшны и дышали такимъ глубокимъ юморомъ, что нужно было имѣть только флегматическую наружность запорожца, чтобы не смѣяться ото всей души." Въ изданіи 1842 г. Гоголь такъ передѣлалъ это мѣсто: „Разсказы и болтовня, среди собравшейся толпы, лѣниво отдыхавшей на землѣ, часто такъ были смѣшны и дышали такою силою живаго разсказа, что нужно было имѣть всю хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранить неподвижное выраженіе лица, не моргнувъ даже усомъ,—рѣзкая черта, которою отличается донынѣ отъ другихъ братьевъ своихъ южный россіянинъ."

[10]) Русскій Архивъ, 1890 г., 8 кн., стр. 8 и друг.—Полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева, 2 изд., т. X, стр. 70—71.

[11]) Сочиненія Гоголя, IV т., 249 стр.

[12]) Сочиненія и письма Гоголя, V т., 344 стр. Гоголь пишетъ своей бывшей ученицѣ, изъ Рима, въ 1838 г.: „та мысль, которую я носилъ въ умѣ объ этой чудной и фантастической Германіи, исчезла, когда я увидѣлъ Германію въ самомъ дѣлѣ."

[13]) Назовемъ хотя нѣкоторыя произведенія: *Нарѣжнаго*—Бурсакъ, малороссійская повѣсть, М., 1824 г.—*Его-же*—Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ, М., 1825 г.—*Ив. Т—а*—Госницкій, историч. романъ, съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ запорожцевъ, М., 1827 г.—*Ѳ. Глинки*—Зиновій, Богданъ Хмѣльницкій, или освобожденная Малороссія, Спб., 1819 г.—*Ив. Свѣчинскаго*—Украинская сирота, истинная повѣсть, Спб, 1805 г.—*Кн. Шаховскаго*—Козакъ стихотворецъ, Спб. 1815 г., и друг. См. Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библ. *А. Смирдина* 1828 г. и прибавленія, а также *Н. И. Петрова*—Очерки исторіи украинской литературы XIX ст., стр. 174—175.

[14]) Сочиненія Гоголя, I т, (примѣчанія), стр. 513, 516, 536 и др.

[15]) Сочиненія Пушкина, изд. общества для пособ. нуждающ. литер., т. VII, стр. 287.

[16]) Сочиненія Гоголя, I т., 36 стр. и 517—518 стр.

[17]) Сочиненія и письма Гоголя, V т., 168—169 стр.

[18]) Русскій Архивъ 1890 г., 8 кн., 5 стр. и д. Сочиненія Гоголя, I т., 560—561 стр.

[19]) Сочиненія Гоголя, V т., 583 стр.

[20]) Сочиненія Гоголя, I т., 566 стр.

[21]) Русская Старина, 1888 г., 1 „О подражательности нашихъ первоклассныхъ поэтовъ,"—А. Д. Галахова; стр. 23 и д.

[22]) Сочиненія Гоголя, V т., стр. 555 и 563.

[23]) Сборникъ отд. рус. яз. и слов. Акад. Наукъ, т. XVIII, № 3, стр. 25—26 (Письма Гоголя).

[24]) Сочиненія и Письма Гоголя, V т.. стр. 168, 198, 212, 226 и 231.

[25]) Сборникъ отд. Рус. яз..., стр. 42.

[26]) Тамъ-же, стр. 42, 43.

[27]) Тамъ-же, стр. 40 42, 44 (о Бѣлоусовѣ, Шаржинскомъ, Тарновскомъ).

[28]) М. Максимовича, Письма о Кіевѣ, 1871 г., стр. 56.

[29]) Сочиненія Гоголя, примѣчанія редактора, Н. С. Тихонравова. О комедіи „Владиміръ 3 степени" и передѣлкахъ, см. II т., 733 стр., и далѣе.

[30]) Сочиненія и письма Гоголя, V т., 124 стр.

[31]) П. В. Анненкова. Воспоминанія и критическіе очерки, отд. 1, стр. 184.

[32]) Тамъ-же, стр. 188—189.

[33]) Сочиненія Гоголя, т. II, стр. 621.

[34]) Ревизоръ, первонач. сценич. текстъ, извлечен. изъ рукоп. Н. С. Тихонравовымъ, 1886 г. V—VII стр.

[35]) Сочиненія и письма Гоголя, VI т., 111 стр. „Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ... Этотъ человѣкъ чрезвычайно замѣчателенъ. У него куча воспоминаній,—исторіи объ разныхъ углахъ Россіи и собственно объ его походной и непоходной жизни.“ См. еще Сочиненія Гоголя, II т., 696 объ актерѣ Сосницкомъ.

[36]) Вѣстникъ Европы 1890 г. февраль стр. 613 (статья г. Шенрока, автора многихъ прекрасныхъ статей о Гоголѣ).

[37]) Сочиненія и письма Гоголя, V т., 499 стр.

[38]) Воспоминанія... Анненкова, отд. I, стр. 190. Записки о жизни Гоголя, 1856, I, 328 стр. Сочиненія и письма Гоголя, V т., 499 стр.

[39]) Тамъ-же и примѣчанія къ Сочиненіямъ Гоголя.

[40]) Сочиненія Гоголя, II т., 565 стр. и д.

[41]) Тамъ-же, стр. 571.

[42]) Тамъ-же стр. 577—578 и 570.

[43]) Русскій Архивъ, 1890 г., 8, стр. 7.

[44]) Анненковъ, Воспоминанія, стр. 220.

[45]) Сочиненія и письма Гоголя, V т., 175 стр.

[46]) Тамъ-же, стр. 223.

[47]) Тамъ-же, стр. 246—247.

[48]) Сочиненія Гоголя, IV т., 249 стр.

[49]) Ревизоръ, 1886 г., стр. XXII.

[50]) Тамъ-же, стр. XXXIX—XLIII.

[51]) Сочиненія и письма Гоголя, V т. 381 стр.

[52]) Ревизоръ, изд. 1886 г., стр. 182—183.

[53]) Тамъ-же, стр. 68—69 и 189.

[54]) Тамъ-же, стр. 85. Ср. Сочиненія Гоголя, т. II, стр. 321, 332.

[55]) Сочиненія и письма, т. V, стр. 254.

[56]) Тамъ-же, стр. 254, 256 и 260.

[57]) Сочиненія и письма Гоголя, т. VI, стр. 7.

[58]) Н. С. Тихонравовъ обѣщаетъ изложить исторію выработки „Мертвыхъ Душъ“ въ VI томѣ. См. Сочиненія Гоголя, III т., 437 стр.

[59]) Сочиненія Гоголя, IV т., 88 стр.

[60]) Сочиненія и письма Гоголя, V т., 420, 427 и 274.

[61]) Тамъ-же, стр. 260.

[62]) Русскій Архивъ, 1871 г., №№ 4 и 5, стр. 953—957.

[63]) Сочиненія Гоголя, т. III, стр. 108.

[64]) Сочиненія и письма Гоголя, V т., 438 стр.

[65]) Тамъ-же, стр. 381.

[66]) Воспоминанія о Гоголѣ Берга. Русская Старина, 1872 г., январь, стр. 124—125. Воспоминанія Анненкова, отд. 1, стр. 199.

[67]) Сочиненія Гоголя, т. III, стр. 417, 436, 438.

[68]) Тамъ-же, стр. 434.

[69]) Тамъ-же. стр. 176.

[70]) Тамъ-же, стр. 91.

[71]) Сочиненія и письма Гоголя, т. VI, стр. 476.

[72]) Полное собраніе сочин. И. С. Тургенева, изд. 2, т. X, стр. 67. Русская Старина, 1881 г., т. XXXI, стр. 274—275. „Появленіе Мертвыхъ Душъ, въ концѣ лѣта 1842 г., было для насъ событіемъ необычайной важности...Мы были всѣ точно опьянелые

отъ восторга и изумленія. Сотни и тысячи Гоголевскихъ фразъ и выраженій тотчасъ-же были всѣмъ извѣстны наизустъ, и пошли въ общее употребленіе.“ Училище правовѣдѣнія 40 лѣтъ тому назадъ, В. В. Стасова.

[73]) Сочиненія Гоголя, т. II, стр. 776, и далѣе. Примѣчанія къ „Театральному разъѣзду.“

[74]) Сочиненія и письма Гоголя, т. V, стр. 261.

[75]) Сочиненія Гоголя, т. III, стр. 223.

[76]) Тамъ-же, стр. 125.

[77]) Сочиненія Гоголя, т. II, стр. 87—88.

[78]) Сочиненія и письма Гоголя, т. V, стр. 464.

[79]) Сочиненія Гоголя, т. II, стр. 82—83.

[80]) Тамъ-же, стр. 514.

[81]) Русская Старина, 1875 г., сентябрь, стр. 125.

[82]) Сочиненія Гоголя, т. I, стр. 570, и далѣе.

[83]) Ср. тамъ-же, V т. стр. 426: „ничто не могло противиться азіатской атакѣ ихъ,“ такъ въ „Миргородѣ“ 1835 г., такъ и въ римской рукописи 1840—1841 гг., I т. стр. 454: „ничто не могло противиться ихъ какой-то азіатской стремительности,“ но уже въ московской передѣлкѣ: „запорожскаго войска, которое въ наружномъ своевольномъ неустройствѣ своемъ заключало устройство, обдуманное для время битвы... знаки свирѣпства полудикаго вѣка,“ I т., стр. 284—285.

[84]) Тамъ-же, I т. стр. 328, 329, 330, 288.

[85]) Сочиненія Гоголя, т. III, стр. 248, 223.

[86]) Воспоминанія Анненкова, отд. 1, стр. 195.

[87]) Сочиненія Гоголя, т. III, стр. 536, и далѣе, 601—602.

[88]) Тамъ-же, стр. 129.

[89]) См. „Авторскую Исповѣдь.“

[90]) Сочиненія и письма Гоголя, VI т., стр. 350, 352 и др.

[91]) Отечеств. Записки, 1871 г., № 3, стр. 79, и далѣе. Сѣверный Вѣстникъ, 1886 г., № 1, стр. 90 (статьи г. Скабичевскаго). См. Revue des deux Mondes, 1885, 15 Novembre статья de Vogué.

[92]) См. Сочиненія Гоголя, т. IV.

[93]) Тамъ-же, стр. 269—270.

[94]) Сочиненія и письма Гоголя, VI т. стр. 161, 338—339, 360.

[95]) Тамъ-же, стр. 372.

[96]) Сочиненія и письма Гоголя, т. VI, стр. 22.

[97]) Вѣстникъ Европы, 1890 г., 11 кн., 148 стр.

[98]) Сочиненія Гоголя, т. IV, стр. 262—263.

[99]) Тамъ-же, стр. 256.

[100]) Тамъ-же, стр. 266.

[101]) Полное собраніе сочин. И. С. Тургенева, 2 изд., т. X, стр. 67, и далѣе.

[102]) Вѣстникъ Европы, 1890 г., 11 кн., 106 стр.

[103]) Сочиненія и письма Гоголя, VI т., стр. 301.

[104]) Русская Старина, 1872 г., январь, стр. 121.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ КРИВИЧСКОИ и ДРЕГОВИЧСКОЙ ЗЕМЕЛЬ ДО НАЧАЛА XIII СТОЛѢТІЯ.

М. Довнаръ-Запольскаго.

(*Окончаніе*).

II.

Въ началѣ княженія Мстислава Владимировича въ Кіевѣ, мы видимъ на Туровскомъ столѣ младшаго его брата Вячеслава, а на Смоленскомъ—сына Ростислава.

Неизвѣстно, когда родился князь Туровскій; изъ предшествующей жизни его мы знаемъ, что онъ уже въ 1096 г. ходилъ на помощь брату своему Мстиславу противъ изгоя Олега [1]); затѣмъ въ 1107 г. онъ принимаетъ участіе въ походѣ всѣхъ князей на Половцевъ [2]), а немного позже мы встрѣчаемъ его уже на Смоленскомъ столѣ (съ 1113 г. [3]). Черезъ три года послѣ этого онъ по приказанію отца своего Мономаха совершилъ походъ на Дунай съ воеводою Ѳомою Ратиборичемъ [4]). Причина похода—желаніе Мономаха поддержать притязанія на Византійскій престолъ брата царевича Леона, Василія, внука Мономаха. Война была неудачна и Вячеславъ, отступивъ отъ Доростоля, возвратился обратно [5]). Вотъ все, что мы знаемъ о Вячеславѣ до занятія имъ Туровскаго стола; когда занялъ онъ этотъ послѣдній столъ, лѣтописи умалчиваютъ, но во время похода Мстислава на Полоцкую область въ 1128 г., Вячеславъ былъ уже Туровскимъ княземъ [6]). Переходъ его на Туровское

---

[1]) Ип., 166—7.
[2]) Ип., 186.
[3]) Ип., 198.
[4]) Ип., 204.
[5]) Карамзинъ, II, 91.
[6]) Ип., 210.

княженіе изъ Смоленска едва ли не слѣдуетъ отнести ко времени занятія Мстиславомъ Кіевскаго стола и послѣдовавшей при этомъ перемѣнѣ столовъ, т. е. къ 1125 г. Къ этому же году, вѣроятно, относится и занятіе Смоленскаго стола Ростиславомъ Мстиславичемъ, такъ какъ и этого послѣдняго мы встрѣчаемъ съ Смоленскимъ полкомъ въ упомянутомъ походѣ на Полоцкъ.

Нужно замѣтить, что Туровская земля въ это время состояла изъ двухъ удѣловъ — собственно Туровскаго и Клечскаго, гдѣ княжилъ Вячеславъ Ярославичъ, внукъ Святополка [7]). Долго ли существовалъ этотъ удѣлъ—неизвѣстно, ибо объ этомъ князѣ лѣтописи больше не упоминаютъ.

Съ началомъ княженія Ярополка Владимировича въ Кіевѣ (1133 года) происходитъ новая смѣна столовъ. По установившемуся порядку, Переяславское княженіе занималъ ближайшій преемникъ великаго князя. А такимъ преемникомъ бездѣтный Ярополкъ хотѣлъ, очевидно, сдѣлать племянника своего Изяслава Мстиславича, вывелъ его изъ Полоцка и посадилъ въ Переяславлѣ [8]). Но такое предпочтеніе племянника дядьямъ (Вячеславу, Андрею и Юрію) вызвало среди князей недовольство и Ярополкъ долженъ былъ „съ нуждею“ вывести племянника изъ Переяславля и отдать его старѣйшему послѣ себя—Вячеславу. Въ удовлетвореніе же Изяслава, потерявшаго во время этихъ переходовъ Полоцкія владѣнія, кромѣ Минска, великій князь отдалъ ему Туровъ и Пинскъ, сверхъ Минска, „и множество даровъ: жемчюгъ, злато, сребро, ризы, кони, доспѣхъ, и чествовавъ его много“ [9]).

Но Вячеславу не сидѣлось въ Переяславлѣ. Тамъ требовался князь не съ такимъ характеромъ какъ онъ; борьба съ Половцами, съ Черниговскими князьями требовала постоянной дѣятельности, которой Вячеславъ всегда предпочиталъ тихую жизнь. Вотъ почему онъ „началъ лишаться“ Переяславля, ходилъ зачѣмъ то въ Рязань, оттуда снова вернулся въ Переяславль, и наконецъ, изгнавъ Изяслава изъ Турова, снова сѣлъ тамъ [10]).

---

[7]) ibidem: „Вячеслава Ярославича ис Клечска“ послалъ Мстиславъ.
[8]) Воскресенская лѣт., p. 29, Никоновск., p. 157, Ипат., 212.
[9]) Ник., p. 157—8.
[10]) ibid., p. 158, Ипат., 213.

Недолголѣтнее княженіе Ярополка (1133—1139 г.) было временемъ постоянной борьбы изъ-за удѣловъ, такъ какъ этотъ князь своимъ предпочтеніемъ племянниковъ дядьямъ, своимъ неумѣніемъ соблюсти интересы своей семьи, возбуждалъ постоянныя неудовольствія и пререканія. Какъ только умеръ Ярополкъ, Вячеславъ тотчасъ сдѣлалъ попытку, какъ старшій послѣ него, сѣсть на Кіевскій столъ. Но это ему, какъ извѣстно, неудалось: явившійся двадцать дней спустя Всеволодъ Ольговичъ заставилъ его снова уйти въ свой Туровъ [11]), онъ „створися мний", по лѣтописному выраженію.

Всеволодъ Ольговичъ, утвердившись на Кіевскомъ столѣ, цѣлью своей политики, поставилъ девизъ divide et impera. Онъ старался, приближая къ себѣ однихъ изъ Мономашичей, разъединить планы этой линіи, и въ то же время не дать возможности Ольговичамъ и Давидовичамъ соединиться съ Мономаховичами. Только такой политикой онъ успѣлъ удержаться въ Кіевѣ. Вначалѣ онъ хотѣлъ однимъ взмахомъ ослабить Мономаховичей, искаше подъ Ростиславомъ Смоленска, а подъ Изяславомъ Владимира" [12]), но не успѣлъ еще Всеволодъ направить свой ударъ на Смоленскъ, какъ принужденъ былъ помириться съ Мономашичами, „сдумавъ, яже ему безъ нихъ нѣлзѣ быти".

Желая покрѣпче утвердиться въ Кіевѣ, Всеволодъ понималъ необходимость владѣть сосѣдними землями, а наиболѣе удобной для завладѣнія изъ нихъ была Туровская. Онъ велѣлъ сказать Вячеславу: „сѣдѣши во Кіевской волости, а мнѣ достоить; а ты пойди въ Переяславль, отчину свою". Вячеславъ уступилъ Туровъ безъ борьбы, хотя великій князь поддерживалъ свое требованіе войсками, „посла на Вячеслава" [13]). Въ Туровѣ былъ тотчасъ же посаженъ сынъ его Святославъ. Такимъ образомъ, Всеволодъ Ольговичъ, стремясь окружиться ближайшими землями, упускалъ отдаленный и менѣе важный для него Переяславль; но мало того, посылая туда Мономашича, онъ прекрасно понималъ, что Ольговичи и Давидовичи не будутъ довольны такимъ распредѣленіемъ. Такъ и случилось послѣдніе рѣшили „намъ самимъ о себѣ поискати", напали на Вячеслава въ

---

[11]) Ип., р. 217.
[12]) Ип , 218
[13]) Ип., 222.

Переяславлѣ; однако соединенныя силы Всеволода, Изяслава и Ростислава Мстиславичей, напавшія съ разныхъ сторонъ на Сѣверскія волости, заставили согласиться на миръ родичей великаго князя. Ростиславъ во время этой борьбы быстро двинулся съ Смоленскимъ полкомъ, напалъ по дорогѣ, при первомъ извѣстіи о нападеніи Ольговичей на Вячеслава, на Радимичскую волость, пожегъ ее всю съ городомъ Гомьи (Гомель). Союзники заставили смириться Сѣверскихъ князей; но обладаніе Дреговичской землей дало возможность Всеволоду разъединить интересы противниковъ, удовлетворить ихъ требованія и въ то-же время недать возможности имъ усилиться территоріально: Всеволодъ племянникамъ своимъ Давидовичамъ далъ Берестій, Дорогичинъ, Вщижъ и Ормину (послѣдніе два въ сѣверной Волыни), брату Игорю Городечь, Гюрговъ и Рогачевъ, а Святославу — Клеческъ и Черторіескъ [14]).

Но въ томъ же 1142 году снова Вячеславъ, съ согласія Всеволода, передалъ свой Переяславскій столъ Изяславу, а самъ ушелъ въ Туровъ [15]). Къ сожалѣнію, лѣтопись ни однимъ намекомъ не указываетъ на причины этихъ постоянныхъ переходовъ Вячеслава въ Туровъ. Причины эти могли быть чисто субъективныя, могли проистекать изъ характера самого князя, мало расположеннаго къ бурной жизни, каковою необходимо была жизнь въ Переяславлѣ, личныя симпатія, желаніе жить мирно могли влечь его въ Туровъ. Но едва ли не слѣдуетъ видѣть здѣсь и отраженіе общаго характера отношеній князя къ своей волости въ половинѣ XII в. Въ это время князья начинаютъ „осѣдать“ въ своихъ волостяхъ: Юрій основывается окончательно въ Ростово-Суздальскихъ земляхъ и долго не вступаетъ въ споръ о великомъ княженіи, Ростиславъ въ Смоленскѣ, Андрей Владимировичъ въ Переяславлѣ, Ольговичи и Давидовичи при всѣхъ перемѣнахъ не выпускаютъ своихъ отчинъ и пр.; понятіе объ отчинахъ все крѣпче и крѣпче утверждается среди князей. Ясно, что эта послѣдняя причина заставляла Вячеслава возвращаться въ Туровъ; онъ тамъ осѣлъ, свыкся съ волостью, можетъ быть, занялся расширеніемъ ея торговли и благосостоянія, чѣмъ занимался Юрій въ своихъ областяхъ, также долго не вмѣшивавшійся въ дѣла южной Руси.

---

14) Ип., 223.
15) ibidem.

Миролюбивыя отношенія между Мономаховичами и Ольговичами не были искренны и держались только потому, что обѣимъ сторонамъ было въ данное время выгодно ихъ поддерживать. Изяславъ Мстиславичъ прекрасно понималъ, что при первомъ удобномъ случаѣ Всеволодъ способенъ разорвать съ нимъ миръ. Вотъ почему, хотя всѣ Мономаховичи и держались союза съ великимъ княземъ, хотя мы и видимъ ихъ въ походахъ съ нимъ на Володимирка Галицкаго въ 1144 г. и въ 1146 г. [16]), однако еще въ предыдущемъ году Изяславъ счелъ нужнымъ отправиться къ Юрію въ Суздаль для заключенія союза противъ Всеволода; но послѣдній не удался; тогда онъ побывалъ у брата своего Ростислава въ Смоленскѣ и у Святополка въ Новгородѣ — съ тою же цѣлью. Одновременно съ этимъ онъ ищетъ союза съ Полоцкими князьями, выдаетъ дочь свою за Рогволода Борисовича [17]).

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, между миромъ и войною, находились дѣла Мстиславичей, какъ вдругъ скончался Всеволодъ, оставивъ Кіевскій столъ брату своему Игорю. Изяславъ былъ готовъ къ войнѣ, быстро двинулся на послѣдняго и занялъ Кіевъ послѣ упорной борьбы. Приготовляя союзъ на случай разрыва съ Всеволодомъ, онъ успѣлъ прочно заключить его только съ братомъ Ростиславомъ. Съ Юріемъ союзъ не удался, а къ Вячеславу этотъ князь, повидимому, и не обращался съ союзными предложеніями. Это послѣднее обстоятельство повело къ немедленному разрыву между дядей и племянникомъ. При новой перемѣнѣ столовъ, Изяславъ спѣшилъ, кромѣ того, поладить съ Давидовичами, онъ приближаетъ къ себѣ Всеволодова сына Святослава, и совершенно игнорируетъ дядю Вячеслава. Все это заставило послѣдняго начать непріязненныя дѣйствія противъ племянника. Лѣтопись прямо указываетъ, что онъ не только надѣялся на свое старшинство, но выступилъ по настоянію бояръ, представителей управляемой имъ земли. Онъ быстро занялъ прежде всего тѣ города своей области, которые отняты были у него Всеволодомъ, слѣдовательно, Рогачевъ, Берестій, Клецескъ и др. и, пользуясь обстоятельствами, пошелъ дальше, занялъ Владимиръ-Волынскій, посадивъ тамъ своего племянника, сына

---

[16]) Ип., 225, 228.
[17]) Ип., 224.

Андрея Переяславльскаго. Такой способъ дѣйствій вызвалъ рѣшительный отпоръ со стороны Изяслава. Союзники его, Ростиславъ Смоленскій и Святославъ Всеволодичъ, отправились на Туровскую волость и заняли самый городъ, въ которомъ великій князь посадилъ сына своего Ярослава. Что боярство было главнымъ виновникомъ описанной борьбы, ясно изъ того, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ, вѣроятно опаснѣйшихъ, великій князь излилъ свой гнѣвъ, выведши изъ Турова епископа Акима и посадника Жирослава Яванковича [18]).

Во время послѣдовавшей борьбы Изяслава съ Святославомъ Ольговичемъ, затѣмъ съ Юріемъ и съ Давидовичами, важнѣйшимъ союзникомъ Кіевскаго князя является Смоленскій князь Ростиславъ.

Причины этого тѣснаго союза легко видѣть въ томъ, что они были родные братья, слѣдовательно, интересы ихъ были близко связаны. Кромѣ того, само географическое положеніе Смоленской и Кіевской волостей, какъ въ военномъ, такъ и въ торговомъ отношеніи поддерживало необходимость тѣснаго военнаго союза двухъ братьевъ. Кіевъ былъ главнымъ пунктомъ торговли всей южной Русси, а также сюда стекались товары изъ Греціи и греческихъ колоній на берегу Чернаго моря. Отсюда товары распространялись по всей Руси и въ особенности много шло въ богатый и торговый Новгородъ, который въ свою очередь снабжалъ южными товарами сѣверную Русь, сосѣднюю съ Ногородомъ, Волжскихъ Хазаръ и въ особенности велъ оживленную торговлю съ нѣмецкими городами. Смоленскъ лежалъ на пути этихъ двухъ артерій древней Русси. Онъ и самъ принималъ дѣятельное участіе въ торговлѣ, въ особенности сѣверными произведеніями. Поэтому интересы Смоленска неразрывно были соединены съ интересами Кіева и Новгорода. Мирныя отношенія съ сѣвернымъ и южнымъ пунктами торговой дѣятельности тогдашняго русскаго міра, естественно, должны были отражаться и на Смоленскѣ съ благопріятной стороны. Поэтому мы видимъ, что Смоленскіе князья всегда держатся тѣснаго союза съ Новгородомъ и Кіевомъ, дорожатъ этимъ союзомъ, очевидно; поддерживать мирныя отношенія съ далекою и бѣдною Суздальскою волостью, расположенною совершенно въ сторонѣ отъ главной въ то время торговой дороги—Днѣпра, не было въ интересахъ Смоленскаго князя,

---

[18]) Ип., 234—5.

въ особенности, когда сохраненіе такихъ мирныхъ отношеній могло послужить поводомъ къ разрыву съ Кіевомъ и тѣсно съ нимъ соединеннымъ Новгородомъ.

Кромѣ того, положеніе Смоленска въ военномъ отношеніи требовало мирныхъ отношеній его къ Кіеву. На югѣ Смоленской земли, въ особенности при Днѣпрѣ сосредоточивались главнѣйшіе по торговлѣ пункты, эта же сторона была болѣе плотно населена, и, слѣдовательно, въ случаѣ военныхъ дѣйствій съ этой стороны, Смоленская область платилась лучшею и важнѣйшею частью своихъ владѣній. Между тѣмъ на восточныхъ границахъ, сосѣднихъ съ владѣніями Юрія Суздальскаго и его союзниковъ, именно по рѣкамъ Протвѣ и Угрѣ, эта область Кривичей была мало населена и притомъ бѣдна, вслѣдствіе отсутствія торговыхъ пунктовъ.

Итакъ мы видимъ, что три, главнымъ образомъ, обстоятельства удерживали Ростислава въ союзѣ съ братомъ своимъ Изяславомъ: родственная связь, торговое и военное положеніе Смоленскихъ Кривичей; кромѣ того сюда нужно добавить еще и характеръ правленія князя Ростислава, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Во время послѣдующей борьбы князей изъ-за Кіевскаго стола, Смоленское княжество находилось въ найболѣе выгодныхъ условіяхъ, сравительно въ другими русскими областями; оно вовсе не подвергалось нашествіямъ и разореніямъ, что испытали всѣ другія русскія земли. Два раза только восточныя, т. е. наиболѣе бѣдныя его окраины, подверглись нападенію. Именно, при самомъ началѣ борьбы, по приказанію Юрія, Святославъ Ольговичъ опустошилъ верховья Протвы, гдѣ жилъ небольшой народецъ Голядь [19]); эта Голядь вся была уведена въ плѣнъ войскомъ Святослава (1147 г.) Въ другой разъ, въ томъ же году, потерпѣли отъ нашествія степняковъ Половцевъ и Таксобичей, подъ начальствомъ воеводъ Судемира Кучебича и Горѣна, верховья рѣки Угры [20]). Больше нападеній на землю Смольнянъ небыло.

---

[19]) Ип., 240. По созвучію съ прусскими Голиндами, Смоленскую Голядь на Протвѣ считаютъ обыкновенно родственною этому литовскому племени. Но какимъ образомъ могли попасть туда Литовцы, никто доказать не можетъ, потому что источники не даютъ никакихъ указаній, см. напр. Соловьева, Ист. Гос. Рос. т. I, р. 77. Варсова, Оч. р. ист. г., р. 43 и др. Строить на одномъ созвучіи такое заключеніе, намъ кажется, слишкомъ смѣлымъ; вѣроятнѣе всего, что Голядью называлась мѣстность чисто Кривичская.

[20]) ibid., 242.

Такимъ образомъ Смоленская земля почти ничего не потерпѣла отъ Черниговскихъ князей. Но Ростиславъ, какъ самъ, такъ и въ союзѣ съ Изяславомъ много разъ проходилъ съ войскомъ по Черниговкой землѣ, опустшая и грабя, разоряя совершенно сѣверные города ея. Такъ, онъ въ томъ же году уже успѣлъ предать огню сосѣдній Черниговскій городъ Любечъ (нынѣ мѣстечко Черниговской губерніи Городницкаго уѣзда), богатый и важный городъ. При этомъ онъ, по его собственному выраженію, много воевалъ, т. е. сильно опустошилъ сосѣднія земли, много зла сотворилъ Ольговичамъ. Послѣ разоренія Любеча, онъ послалъ къ брату Изяславу, опустошавшему окрестности самого Чернигова, съ извѣстіемъ о своихъ успѣхахъ и съ просьбою обождать его, чтобы оба могли соединиться и подумать о дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій [21]). По совѣту Ростислава, оба соединенныя войска отправились въ южныя предѣлы Черниговскяго княжества съ цѣлью принудить къ битвѣ Ольговичей. Но послѣднее имъ неудалось. Между тѣмъ они успѣли раззорить нѣсколько городовъ: Всеволожъ, Бѣлувѣжу, Уненежъ, Бохмачъ и взять въ плѣнъ ихъ жителей. По случаю наступавшей весны князья принуждены были прекратить военныя дѣйствія и отправиться въ Кіевъ. Отсюда по совѣту Изяслава, Ростиславъ отправился къ себѣ въ Смоленскъ, чтобы тамъ, въ союзѣ съ Новгородцами, встрѣтить Юрія, если бы онъ вздумалъ напасть [22]). Однако нападенія не произошло: Юрій прошелъ мимо Смоленской земли.

Мы не будемъ слѣдить за ходомъ борьбы Изяслава съ Юріемъ изъ-за Кіева, въ которой участвовали наши князья Ростиславъ и Вячеславъ. Въ этой борьбѣ принимала участіе вся Русь, и по этому изслѣдованіе этого времени есть предметъ общерусской исторіи. Мы уже видѣли причины, по которымъ Ростиславъ оказался вѣрнымъ союзникомъ Изяслава. Смоленская земля не была всецѣло заинтересована въ этой борьбѣ и поэтому не понесла почти никакого ущерба. Мы обратимъ теперь только вниманіе на личныя отношенія двухъ братьевъ—союзниковъ въ первый періодъ этой борьбы, т. е. до перваго изгнанія Изяслава изъ Кіева.

---

[21]) Ип., 251.
[22]) Ип., 253.

Ростиславъ былъ самый видный и самый сильный союзникъ Изяслава; кромѣ того они были братья, владѣтели земель, которыхъ экономическое положеніе крѣпко связывало; этими обстоятельствами обусловливается то, что они крѣпко держались другъ друга во все продолженіе борьбы и при-томъ держались какъ равные союзники. Вопреки тогдашнему обыкновенію, когда великій князь имѣлъ нѣкоторое вліяніе на удѣльнаго, когда первый не посылалъ за совѣтомъ къ послѣднему, мы видимъ въ отношеніяхъ Ростислава и Изаслава полное равенство и уваженіе другъ друга. Ввоенныхъ дѣйствіяхъ князья совѣтуются другъ съ другомъ; „увидимъ, что дастъ намъ Богъ", говорятъ они, и собираются для общаго совѣта. Во всемъ они дѣйствуютъ, какъ равные: „идоста", „слышавша", „посласта"—говоритъ про нихъ лѣтопись [23]).

Изяславъ спрашиваетъ каждый разъ мнѣнія у Ростислава, прежде чѣмъ начать тѣ или другія дѣйствія. Изяславъ „нача думати съ братомъ своимъ" [24]). Такъ, когда Сѣверскіе князья прислали къ Изяславу просить мира„ онъ отвѣчалъ имъ: „я пошлю къ брату Ростиславу и съ нимъ вмѣстѣ рѣшу и тогда пошлю къ вамъ своихъ пословъ". Ростиславъ посовѣтовалъ брату мириться и тотъ принялъ совѣтъ [25]). Братья извѣщаютъ другъ друга о всѣхъ своихъ удачахъ. Характеръ сношеній самый задушевный: извѣщая объ успѣхахъ своихъ подъ Черниговомъ, Изяславъ спрашиваетъ о здоровьи брата: „и тебе, брате, прашаю, въ здоровьи ли еси и што ти тамо Богъ помогаетъ" [26]). Посолъ Ростислава начинаетъ рѣчь къ Изяславу: „брате! кланяю ти ся, ты еси мене старѣй, а како ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есть" [27]). Особенно характерна встрѣча братьевъ въ Смоленскѣ. Изяславъ и Ростиславъ „похвалиста Бога видѣвшеся брата въ здоровьи и пребыста у велицѣй любви и въ весельи съ мужи своими и съ Смолняны". Братья дарили другъ друга — Изяславъ произведеніями Русской земли (Кіевской) и царскихъ земель, Ростиславъ—отъ Верхнихъ земель и отъ Варягъ [28]).

---

[23]) Ип., 252.
[24]) Ип., 267.
[25]) Ип., 256.
[26]) Ип., 255.
[27]) Ип., 256.
[28]) Ип., 259.

Такое положеніе князя Смоленскаго весьма важно: оно указываетъ и признаетъ полную самостоятельность земли его и ея силу. Своимъ отношеніемъ къ Ростиславу, какъ кровному союзнику, Изяславъ, и съ нимъ вмѣстѣ и другіе князья утвердили въ глазахъ всего русскаго тогдашняго мира полную независимость Смоленской земли.

Какъ извѣстно, первый періодъ борьбы Мономаховичей за Кіевъ кончился тѣмъ, что Юрій водворился въ Кіевѣ, а Изяславъ былъ изгнанъ и ушелъ на Волынь, во Владимиръ, Ростиславъ ушелъ въ Смоленскъ.

Не таковы были отношенія между Изяславомъ и дядей его Вячеславомъ. Во весь этотъ первый періодъ борьбы Мономаховичей лѣтопись о немъ упоминаетъ не болѣе трехъ разъ, да и то только какъ бы случайно, указывая, что и полкъ т. е. войско Вячеславово было въ числѣ войскъ Изяславовыхъ [29]). Очевидно, что обиженный племянникомъ дядя, хотя и примирился поневолѣ, уступая силѣ и уму его, но не принималъ дѣятельнаго участія въ войнѣ. Князья о немъ какъ бы забыли, игнорировали его существованіе и его старшинство въ роду; молодые князья дѣйствуютъ не спрашивая его совѣта, даже безъ его личнаго участія: приходитъ къ Изяславу только полкъ его. Изъ такихъ отношеній между дядей и племянниками можно заключить, что они были не въ ладахъ между собою; вѣроятно, какъ Вячеславъ и высказываетъ впослѣдствіи, Туровскій князь не могъ простить болѣе сильному и ловкому племяннику своего позора—удаленія съ Кіевскаго стола; онъ молчалъ только потому, что слабость его страны, нежеланіе истощать въ войнахъ ея послѣднихъ средствъ, а также и отсутствіе самодѣятельности и энергіи въ самомъ князѣ, не позволяли ему вступить въ борьбу. Съ другой стороны и племянники, имѣвшіе, можетъ быть, и еще какія нибудь поводы къ неудовольствію на дядю, не обращали вниманія на послѣдняго, болѣе надѣясь на свои силы, любовь къ нимъ народа и собственный умъ, чѣмъ на авторитетъ малосильнаго старика дяди.

Естественно, что Вячеславъ не былъ вѣрнымъ союзникомъ племянниковъ Изяслава и Ростислава; онъ ждалъ только случая разойтись съ ними. Этотъ случай скоро и представился, когда Юрій,

---

[29]) Ип., 251, 254.

изгнавъ Изяслава, завладѣлъ Кіевскимъ великокняжескимъ столомъ. Вячеславъ и Юрій тотчасъ же вступили въ союзъ. Юрій былъ младшій братъ Вячеслава, но все же для послѣдняго было менѣе обидно находиться въ нѣкоторой зависимости отъ брата, чѣмъ отъ племянника, относившагося къ нему при томъ свысока. Братья скоро поладили, и Юрій, какъ увидимъ, относился съ большимъ уваженіемъ къ своему старшему брату, совѣтывался съ нимъ и проч. Однимъ словомъ, два сына Мономахова составили между собою такой же союзъ, какъ и ихъ племянники Мстиславичи.

Едва только Юрій успѣлъ утвердиться въ Кіевѣ (1149 г.), заключилъ мирные договоры съ Черниговскими князьями, при чемъ одному изъ нихъ Святославу Ольговичу онъ далъ Слуцкъ, Клецкъ и восточную часть Дреговичей [30]), какъ Изяславъ собралъ войска и, въ союзѣ съ королями польскимъ и венгерскимъ, двинулся на Кіевъ. Отъ этого похода прежде всего должно было пострадать Туровское княжество, такъ какъ Изяславъ двинулся изъ сосѣдней Волынской земли. Поэтому Вячеславъ, узнавъ о приготовленіяхъ врага, послалъ сказать Юрію: „или ты отдай Изяславу, что онъ хочетъ, или иди сюда съ полками защищать мою землю. Изяславъ говоритъ мнѣ: будь ты мнѣ вмѣсто отца, иди княжить въ Кіевъ, а съ Юріемъ я не могу ужиться; если ты не хочешь принять меня въ любовь (т. е. войти со мной въ союзъ) и не пойдешь въ Кіевъ княжить, я пожгу твою волость. Теперь, братъ, пріѣзжай, увидимъ, что намъ Богъ дастъ, добро или зло; если же, братъ, ты не пріѣдешь, то не жалуйся на меня (т. е. я могу отступить отъ союза съ тобою), но чтобы моя область не была пожжена“. [31])

Юрій, собравши огромное войско, немедленно выступилъ на помощь къ брату; оба союзника сошлись въ Пересопницѣ (нынѣ мѣстечкѣ на р. Стублѣ въ Волынской губ.). Хотя война собиралась быть грозною, но обстоятельства вскорѣ заставили одну и другую сторону войти въ мирныя отношенія. Именно, иностранные союзники Изяслава, частью изъ страха предъ силою Юрія, частью по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, рѣшились помирить спорящихъ князей. Они послали къ Юрію и Вячеславу, прося ихъ помириться съ

[30]) Ип., 268.
[31]) Ип., 269.

племянникомъ. Дядья отвѣтили, что если они хотятъ мира, то пусть уйдутъ съ своими войсками, а они сами войдутъ въ соглашеніе съ Изяславомъ, Поляки и Венры ушли. Однако князья не могли сойтись въ вопросѣ о новгородскихъ даняхъ, слѣдуемыхъ Изяславу; война возобновилась съ новою силою. Дѣло дошло бы до сраженія у города Луцка, если бы не вмѣшался въ дѣло Владимиръ Галицкій. Онъ началъ склонять дядей къ миру и прощенію племянника. Послѣ долгихъ переговоровъ, хотя сыновья и Ольговичи не совѣтовали Юрію мириться, Владимиру удалось прежде всего склонить къ миру Вячеслава; онъ склонился къ миру и любви, потому что, по выраженію лѣтописца, онъ былъ „незлобивъ сердцемъ, хваля преславнаго Бога и помня писаніе“. Онъ началъ уговаривать брата: „братъ, мирись; если ты хочешь не уладившись пойти, то тебѣ ничего, *а мою волость Изяславъ пожжетъ*“. [32])

Миръ былъ заключенъ. Придя въ Кіевъ, Юрій хотѣлъ было передать великокняжескій столъ Вячеславу, но бояре воспротивились такому желанію князя, они говорили: „брату твоему не удержать Кіева, не будетъ его ни тебѣ, ни брату твоему“. Партія Вячеслава была, очевидно, еще слишкомъ слаба. Вслѣдствіи всего этого Юрій остался самъ въ Кіевѣ, а Вячеслава. послалъ въ Вышгородъ [33]).

Юрій не по одному братолюбію предлагалъ Вячеславу великокняжескій столъ; къ тому его болѣе или менѣе склоняли обстоятельства. Вячеславъ былъ старшій въ княжескомъ родѣ, притомъ это былъ князь миролюбивый, заботящійся объ интересахъ своей земли; всѣ эти его качества должны были составить ему на Руси партію между князьями и народомъ. Эта партія, очевидно, была слаба, но все таки заявляла себя при всякомъ удобномъ случаѣ. Одна лѣтопись прямо свидѣтельствуетъ, что сыновья и бояре Юрьевы не позволили ему посадить въ Кіевѣ старшаго брата. Когда послѣдній сѣлъ въ Вышгородѣ, его партія возросла, вѣроятно, вслѣдствіе усилившихся неудовольствій противъ Юрія, котораго Кіевляне вообще недолюбливали. Они начали тайно сообщаться между собою, чтобы посадить Вячеслава въ Кіевѣ, „любяще убо его, простоты его ради“,

---

[32]) ibid., 270, 274.
[33]) ibid., 275.

объясняетъ лѣтопись. [34]) Усилившаяся партія Вячеслава впослѣдствіи, какъ увидимъ, даже успѣла ввести, во время смуты, своего князя въ Кіевъ, но ему не удалось удержаться на столѣ: по прибытіи въ Кіевъ Изяслава, партія послѣдняго взяла перевѣсъ, и Вячеславъ удалился въ Вышгородъ. Такимъ образомъ, въ пользу Изяслава говорили умъ и необыкновенная энергія, черты отличившія этого князя, а за Вячеслава въ нѣкоторомъ родѣ государственное право. Это, очевидно, сознавалъ и Изяславъ, когда предлагалъ ему, послѣ своего пораженія, занять великокняжескій столъ. Эти же соображенія не были чужды Юрію, когда онъ хотѣлъ передать Кіевъ брату; къ тому же Суздальскій князь, пришелецъ изъ дальней страны, мало извѣстный Кіевлянамъ, имѣлъ весьма незначительную партію въ Кіевѣ такъ, что тутъ ему было трудно и опасно удержаться; кромѣ того, его тянуло на сѣверъ, гдѣ онъ выросъ и къ которому онъ привыкъ, подобно Вячеславу, котораго всегда влекло въ Туровъ.

Обстоятольства сложились такъ, что Изяславъ въ началѣ слѣдующаго года (1150 г.) захватилъ Кіевъ, Юрій бѣжалъ оттуда. Тогда Вячеславъ, находившійся въ Вышгородѣ, съ помощью своей партіи, сѣлъ на Кіевскомъ столѣ. Но противная, Изяславова партія, извѣстила Изяслава о дѣйствіяхъ его дяди, и при этомъ прибавила, что Вячеслава она не хочетъ. Изяславъ отправилъ посла сказать дядѣ: „я тебя звалъ въ Кіевъ, но ты тогда не захотѣлъ; а теперь поѣзжай-ка въ свой Вышгородъ“. Обиженный дядя отвѣтилъ: „сынъ! если хочешь убить меня, то убивай, а я не поѣду“. Нѣкоторые дружинники совѣтовали Изяславу убить дядю, такъ какъ оба князя находились въ городѣ, но онъ отвергъ такой совѣтъ,—вошелъ самъ въ палату къ дядѣ и сказалъ: „отецъ! кланяюсь тебѣ, нельзя намъ съ тобою тутъ условливаться. Видишь-ли множество собравшагося народа? Они задумываютъ на тебя недоброе. Поѣзжай въ свой Вышгородъ; оттуда мы заключимъ съ тобой условія“. Вячеславъ долженъ былъ уступить и удалился. [35])

Вы видѣли, что Кіевъ въ это время дѣлился на три партіи: были приверженцы трехъ князей: Юрія, Вячеслава и Изяслава. Князь, опиравшійся на одну изъ этихъ партій, не могъ быть вполнѣ увѣ-

---

[34]) Никон., 183.
[35]) Ип., 277.

реннымъ въ своей силѣ. Оставалось одно средство—соединить двѣ партіи. Этимъ и воспользовался Изяславъ, какъ дальновидный политикъ. Онъ самъ съ боярами отправился въ Вышгородъ къ дядѣ, назвалъ его отцомъ и предложилъ занять Кіевъ. „Я, говорилъ племянникъ,—посылалъ къ тебѣ, предлагая Кіевъ, и говорилъ, что съ тобою могу жить, а съ братомъ твоимъ Юріемъ не могу ужиться; я тебя люблю, какъ отца, и говорю тебѣ теперь: ты мнѣ отецъ, Кіевъ твой, поѣзжай туда". Вячеславъ согласился, князья цѣловали крестъ на томъ, что Изяславъ будетъ считать Вячеслава отцомъ, а Вячеславъ Изяслава сыномъ. [36])

Однако въ томъ же году Вячеславъ и Изяславъ на нѣсколько мѣсяцевъ должны были уступить Кіевъ Юрію; онъ въ это время посадилъ въ Туровѣ, Пинскѣ и Пересопницѣ сына своего Андрея. [37]) Но въ томъ же году Юрій и его сыновья окончательно были изгнаны на сѣверъ. Изяславъ, завладѣвъ снова Кіевомъ, послалъ сказать Вячеславу: „отецъ! кланяюсь тебѣ, Богъ взялъ у меня отца Мстислава, то будь ты мнѣ отецъ; прежде я согрѣшилъ предъ тобою, а теперь каюсь; потокъ согрѣшилъ, такъ какъ не возложилъ чести на тебя послѣ побѣды надъ Игоремъ и у Тумаща; теперь, отецъ, каюсь во всемъ предъ Богомъ и предъ тобою; если ты меня, отецъ, простишь, то и Богъ меня проститъ. Теперь, отецъ, даю тебѣ Кіевъ, поѣзжай туда и займи столъ отца твоего и дяди твоего". [38]) Вячеславъ принялъ предложенія племянника, назвалъ его сыномъ и братомъ, цѣловалъ крестъ, и отправился въ Кіевъ. Въ Кіевѣ обстоятельства измѣнились еще къ лучшему для Изяслава.

Старый дядя сознавалъ, что онъ самъ не можетъ управиться съ Кіевскимъ княжествомъ. Поэтому онъ сказалъ племяннику: „сынъ! Богъ тебѣ помоги за то, что ты возложилъ на меня честь, какъ на отца; я тебѣ, сыне, говорю: я уже старъ, всѣмъ уже не могу управлять, но будемъ вмѣстѣ въ Кіевѣ; если намъ придется судить кого, или христіанъ, или поганыхъ, то идемъ вмѣстѣ; дружина моя и полкъ мой будетъ для насъ обоихъ, ты же управляй; куда намъ можно будетъ обоимъ ѣхать, поѣдемъ вмѣстѣ, а если нельзя, то ты ходи

---

[36]) Ип., 278.
[37]) ibid., 281.
[38]) ibid., 289.

съ своимъ полкомъ и съ моимъ“ [39]). Такимъ образомъ отношенія между дядей и племянникомъ привели къ самымъ хорошимъ результатамъ и доставили обоимъ возможность править большею частью Руси до самой смерти послѣдняго.

За все время борьбы между Юріемъ и Изяславомъ, послѣ его бѣгства изъ Кіева и до возвращенія, мы не встрѣчаемъ имени Ростислава Мстиславича Смоленскаго. Пока борьба велась на Волыни, а Кіевъ былъ въ рукахъ враговъ, этотъ князь не могъ оставить своей земли среди непріятелей и перебраться по непріятельской землѣ на помощь брату; но однако между ними существовали миръ и согласіе. Поэтому, какъ только дѣла уладились, Вячеславъ послалъ сказать своему племяннику въ Смоленскъ: „Вотъ, братъ, Богъ соединилъ насъ съ твоимъ братомъ, а съ моимъ сыномъ Изяславомъ; онъ, завладѣвъ снова Русской землей, возложилъ на меня честь и посадилъ меня въ Кіевѣ. Я тебѣ, сынъ, говорю: какъ мнѣ сынъ братъ твой Изяславъ, такъ и ты; поэтому я говорю теперь тебѣ, сынъ, потрудись прити сюда, посмотришь, что Богъ намъ дастъ“. Съ своей стороны Изяславъ послалъ сказать брату: „Много разъ ты побуждалъ меня возложить честь на дядю и отца своего; вотъ теперь Богъ привелъ меня въ Русскую землю и я утвердилъ твоего и моего дядю въ Кіевѣ ради тебя и ради всей Русской земли. Теперь я говорю тебѣ: тамъ у тебя, по волѣ Божіей, есть въ Новгородѣ твой и мой сынъ Ярославъ, у тебя же и Смоленскъ. Распорядившись тамъ, приходи сюда, посмотримъ, что намъ дастъ Богъ“. [40]) Эти рѣчи доказываютъ, что Ростиславъ не оставлялъ союза съ братомъ и дядей, имѣлъ сильное вліяніе на ихъ сближеніе, что онъ не могъ принимать участія въ войнѣ только вслѣдствіе того, что былъ вынужденъ обстоятельствами.

Нечего и говорить, что Ростиславъ Мстиславичъ съ радостью поспѣшилъ къ братьямъ въ Кіевъ; онъ собралъ многочисленное Смоленское войско. Всѣ три князя, заключившіе между собою, такъ сказать, тріумвиратъ, сошлись въ Кіевѣ и пребывали, по выраженію лѣтописи, „у велицѣ весельи и у велицѣ любви“. Союзъ этотъ былъ на столько проченъ и притомъ основанъ на равныхъ отношеніяхъ,

---

[39]) ibid., 290.
[40]) Ип., 292.

что Русская земля, какъ тогда говорили, имѣла трехъ князей: Вячеслава, Изяслава и Ростислава.

Юрій не замедлилъ начать войну и подошелъ къ самому Кіеву, при чемъ союзные князья стали вокругъ Кіева: Ростиславъ съ сыномъ Романомъ предъ Жидовскими воротами, Вячеславъ у Золотыхъ воротъ, а Борисъ Городенскій у Лядскихъ. Прежде чѣмъ начались военныя дѣйствія, Вячеславъ, извѣстный миролюбіемъ, пробовалъ было мирнымъ путемъ сойтись съ Юріемъ. Онъ отправилъ къ нему посла съ замѣчательною рѣчью; эта рѣчь объясняетъ многое въ его судьбѣ и его отношеніяхъ, въ особенности его уступчивость, которая происходила скорѣе вслѣдствіе характера князя, а не вслѣдствіе его неспособности, какъ желаютъ думать многіе историки. Мы приведемъ эту рѣчь цѣликомъ. „Поѣзжай къ брату Юрію,—говорилъ старый князь посланнику: брата отъ меня цѣлуй; а вы, братья и сыновья, Ростиславъ и Изяславъ, слушайте, при васъ отряжаю. Такъ скажи брату моему: много разъ, братъ, говорилъ я тебѣ и Изяславу, обоимъ вамъ, не проливайте крови христіанской, не губите Русской земли; этимъ я васъ удерживалъ, а не требовалъ своего за то, что вы меня обидѣли и первый и второй разъ обезчестили. Я полки имѣю и силу имѣю, что Богъ мнѣ далъ, но я ради Русской земли и христіанъ, не поминалъ этого, но и еще вамъ представляю, что когда Изяславъ ѣхалъ на битву съ Игоремъ, онъ такъ сказалъ: „я Кіева себѣ не ищу, но у меня есть отецъ и братъ старшій Вячеславъ, ему я и ищу". это онъ говорилъ, отправляясь биться, а когда Богъ ему помогъ, онъ Кіевъ взялъ себѣ, да еще отнялъ у меня Туровъ и Пинскъ,—такъ Изяславъ меня обидѣлъ. Да и ты братъ, когда ѣхалъ биться съ Изяславомъ къ Переяславлю, также говорилъ: „я себѣ Кіева не ищу, но у меня есть старшій братъ и отецъ, для него я ищу"; а когда Богъ тебѣ помогъ, ты взялъ Кіевъ себѣ, да еще отнялъ у меня Пересопницу и Дорогобужъ и этимъ ты меня обидѣлъ, а мнѣ далъ Вышгородъ. Но я не требовалъ всего этого ради Русской земли и христіанъ, да еще васъ старался помирить, а вы меня не слушали, но ты этого не сдѣлалъ ни для меня, но т. сказать для Бога. Ты говорилъ мнѣ: „не могу поклониться младшему". Изяславъ два раза не сдержалъ своего слова, но теперь, завладѣвъ Кіевомъ, поклонился мнѣ, возложилъ на меня честь и въ Кіевѣ посадилъ, назвалъ меня отцемъ, а я его сыномъ. Ты говорилъ, что не поклонишься млад-

шему, но я старше тебя, и не мало, но много, ибо я уже былъ бородатъ, когда ты родился; если ты не хочешь признать моего старшинства, то пусть Богъ будетъ съ нами!" [41]) Эта рѣчь многое объясняетъ въ характерѣ самого Вячеслава; намъ придется еще вернуться къ ней впослѣдствіи, а теперь продолжимъ нашъ разсказъ.

Вслѣдствіе упорства Юрія, миръ не состоялся; однако Суздальскій князь потерпѣлъ отъ союзниковъ пораженіе и долженъ былъ отступить отъ Кіева по направленіи къ Галичу, откуда шелъ къ нему на помощь съ войскомъ князь Владимиръ. Юрій избѣгалъ сраженія, но союзные князья его такъ сильно преслѣдовали, что заставили его въ концѣ концовъ сразиться и потерпѣть пораженіе. Такимъ образомъ была окончена борьба изъ—за Кіева съ Суздальскимъ княземъ. Послѣ нея Ростиславъ отправился въ свой Смоленскъ, а Вячеславъ съ Изяславомъ утвердились въ Кіевѣ.

Прошло немного времени, союзные князья только что успѣли заключить мирные договоры съ враждебными имъ князьями Ольговичами и Давидовичами, какъ Юрій снова началъ войну. Онъ могъ, двинувшись изъ Суздаля, напасть или на Смоленскія владѣнія, или на Черниговскія земли союзника великаго князя—Изяслава Давидовича. Поэтому Изяславъ Мстиславичъ послалъ брату въ Смоленскъ сказать: „У тебя, братъ, тамъ Новгородъ сильный и Смоленскъ; собравши силы, постереги свою землю; если Юрій пойдетъ на твою волость, я къ тебѣ приду, если же онъ минетъ ее, то приходи ко мнѣ". [42]) Оказалось, что Юрій разсчиталъ болѣе удобнымъ напасть, миновавъ Смоленскъ, на Черниговъ; поэтому туда же поспѣшилъ съ своими войсками и Ростиславъ. Однако послѣ нерѣшительныхъ здѣсь дѣйствій, Юрій отправился къ себѣ въ Суздаль. Тогда наши союзники распорядились такъ, что Ростиславъ поспѣшилъ отправиться въ Смоленскъ, чтобы защитить свою землю отъ Юрія [43]), оставивъ сына своего Романа съ полкомъ на помощь Изяславу; наконецъ Вячеславъ, которому вслѣдствіе старости трудно уже было совершать походы, отправился въ Кіевъ; при войскѣ остался Изяславъ. И на этотъ разъ всѣ предпріятія союзниковъ окончились счастливо.

---

[41]) Ип., 297—8.
[42]) Ип., 314.
[43]) Ип., 316.

Едва только Изяславъ успѣлъ окончить военныя дѣйствія и утвердиться въ Кіевѣ, какъ внезапно послѣдовала смерть его (1154 г.). Старикъ Вячеславъ, чувствуя себя не въ силахъ править Кіевскою областью, призвалъ немедленно племянника изъ Смоленска Ростислава Мстиславича. Когда послѣдній, прибывши въ Кіевъ, встрѣтился съ дядей, Вячеславъ сказалъ ему: „Я уже старъ и всѣмъ не могу управлять; поэтому даю тебѣ тоже, что и братъ твой имѣлъ; ты же почитай меня, какъ отца, какъ и братъ твой почиталъ; а вотъ полкъ мой и дружина моя—управляй ими". Ростиславъ принялъ условія дяди. [44]) Первымъ актомъ дѣятельности новаго великаго князя была отдача Турово-Пинской области Святославу Всеволодичу. [45])

Ростиславъ тотчасъ-же долженъ былъ отправиться съ войскомъ къ Переяславлю. Во время этого похода старикъ Вячеславъ, оставшійся въ Кіевѣ, умеръ; онъ вечеромъ пилъ и веселился съ дружиною, а легши спать, уже не всталъ. Когда пришла объ этомъ вѣсть къ Ростиславу, послѣдній оставилъ войско, быстро отправился въ Кіевъ, чтобы воздать послѣднюю дань уваженія старику. Онъ похоронилъ его и все имущество его роздалъ монастырямъ и бѣднымъ. [46])

Вячеславъ Владимировичъ умеръ въ глубокой старости. Годъ рожденія его неизвѣстенъ; но уже въ 1096 г. онъ, по повелѣнію отца, ходилъ съ войскомъ на помощь брату; если ему тогда было около 20 лѣтъ, то онъ умеръ по крайней мѣрѣ 80 лѣтъ отъ роду (1154 г.).

Писатели обыкновенно изображаютъ Вячеслава княземъ неспособнымъ, бездѣятельнымъ, орудіемъ своихъ бояръ. Однако съ этимъ вполнѣ нельзя согласиться. Правда, Вячеславъ избѣгаетъ тревожнаго Переяславскаго княженія и переходитъ въ свой спокойный Туровъ; онъ не добивается великокняжескаго стола, хотя имѣлъ право на него, какъ старшій въ родѣ; онъ крайнѣ не охотно выступаетъ на войну и отказывается отъ заявленія своихъ правъ даже тогда, когда Изяславъ и Юрій прямо предлагаютъ ему занять Кіевъ. Однако эти черты далеко еще не указываютъ на полную неспособность Вячеслава. Изъ его отношеній къ Турову мы замѣчаемъ сильную привя-

[44]) Ип., 324.
[45]) ibidem.
[46]) Ип., 325.

занность къ этому городу; вѣроятно, были какія либо, кромѣ уединеннаго положенія этого города, причины, привлекавшія туда Вячеслава. Мы уже имѣли случай указать, что не одинъ онъ въ это время отличается замѣчательной привязанностью къ управляемой имъ странѣ: такими же свойствами обладаютъ и Ростиславъ Смоленскій, и Юрій Суздальскій, и сынъ послѣдняго Андрей. Вячеславъ, очевидно, любилъ болѣе тихую внутреннюю дѣятельность, чѣмъ военныя бури; такъ, сдѣлавшись Кіевскимъ княземъ, онъ занялся внутреннею дѣятельностью, предоставивъ военныя дѣла Изяславу и Ростиславу, и на этомъ поприщѣ онъ снискалъ себѣ народную любовь Кіевлянъ. Если Вячеславъ и не добивался великокняжескаго стола, то на это были серьезныя причины. Онъ имѣлъ двухъ сильныхъ, умныхъ и честолюбивыхъ соперниковъ, Изяслава и Юрія; если-бы онъ началъ упорную войну, ему пришлось бы имѣть дѣло съ тѣмъ и другимъ по одиночкѣ или даже вмѣстѣ. Его-же земля была сравнительно не велика, народонаселеніе ея не отличалось никогда своею воинственностью, и притомъ не видѣло никакой особенной выгоды въ добываніи для своего князя Кіева. Туровъ не отличался торговою дѣятельностью, и притомъ его интересы вовсе не были настолько тѣсно связаны съ Днѣпромъ и Кіевомъ, чтобы для него было важно имѣть тамъ своего князя; затѣмъ, Кіевскіе князья обыкновенно уступали Туровъ другимъ, рѣдко оставляя за собою, что могъ бы сдѣлать и Вячеславъ. И такъ, чего ради сталъ бы проливать свою кровь Дреговичъ? Между тѣмъ трудно было, даже невозможно для князя, вести борьбу безъ поддержки какой либо сильно заинтересованной области; если при томъ страна, какъ въ данномъ случаѣ Туровъ, бѣдна, то сбродной дружины нанять не зачто; да и надѣяться на дружину, или на случайную помощь того или другаго города— значило проиграть напередъ половину дѣла. Какъ могла Турово-Пинская волость поддержать своего князя въ стремленіи къ Кіеву, когда она не могла сама отбиться отъ Изяслава, и Вячеславъ не разъ просилъ Юрія придти поскорѣе на помощь. Вячеславъ, конечно, понималъ все это. Характеръ Вячеслава Владимировича отражается во всѣхъ его дѣйствіяхъ и словахъ. Онъ любилъ свой Туровъ и старался о его безопасности; ради этой любви, онъ часто переносилъ даже униженія. По замѣчанію лѣтописи, онъ былъ склоненъ къ любви и миру и не злобивъ сердцемъ, притомъ онъ былъ человѣкъ

глубоко вѣрующій и благочестивый. Любя миръ, онъ не разъ старался примирять и враждующихъ своихъ братьевъ; уговаривая ихъ примириться, онъ напоминалъ имъ, что они разоряютъ войнами Русскую землю, что ради христіанъ и Русской земли они должны заключить миръ. Сознавая пагубныя послѣдствія войны, онъ всегда предварительно старался помирить враждующія стороны; на сраженіе рѣшался только въ крайнемъ случаѣ; онъ говоритъ племянникамъ своимъ передъ сраженіемъ съ Юріемъ: „братья и сыновья! отъ рожденія своего я не люблю кровопролитія; но братъ мой довелъ меня до этого, и если ужъ такъ приходится, то пусть Богъ насъ судитъ". [47]) Лучше всего характеризуетъ Вячеслава его рѣчь, обращенная къ Юрію, которую мы всю привели. Изъ нея видно, что онъ съ горечью сознаетъ свои обиды, нанесенныя ему братомъ и племянникомъ, сознаетъ, что онъ могъ-бы отомстить имъ, такъ какъ имѣетъ и свое войско; и теперь, когда онъ соединился съ Изяславомъ, когда для него насталъ часъ мести Юрію, этотъ замѣчательный князь больше всего старается помирить враждующія стороны. Принявъ все это во вниманіе, мы сильно сомнѣваемся въ справедливости характеристики Вячеслава многими историками, въ томъ числѣ и Соловьевымъ.

Однако Ростиславъ сидѣлъ на великокняжескомъ столѣ всего нѣсколько дней. Онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Черниговскаго князя Изяслава Давидовича и, несмѣя явиться послѣ пораженія въ Кіевъ, бѣжалъ въ Смоленскъ. Во время бѣгства съ поля битвы, онъ едва не былъ убитъ; конь его споткнулся и упалъ; враги немедленно обступили его, но на помощь явился сынъ Святославъ съ большимъ числомъ дружины, которые и помогли ему избавиться отъ враговъ. [48])

Услышавъ о смерти Вячеслава, Юрій Суздальскій отправился съ войскомъ къ Кіеву. Но по дорогѣ онъ хотѣлъ напасть на Смоленскую волость, на владѣнія главнаго теперь своего соперника Ростислава. Смоленскій князь, только что разбитый, не могъ вести съ нимъ борьбы. Онъ, собравши какъ можно больше войска, отправился къ границѣ своей земли, именно къ Зарою, и тутъ послалъ просить Юрія о мирѣ: „Отче! кланяюсь тебѣ; ты и прежде былъ добръ ко

---

[47]) Ип., 302.
[48]) Ип., 327.

мнѣ, а я къ тебѣ; кланяюсь тебѣ, дядя мнѣ—какъ отецъ" говорилъ онъ. Юрій согласился на миръ, цѣловалъ къ нему крестъ, говоря: „Дѣйствительно съ Изяславомъ я не могъ быть, а ты мнѣ братъ и сынъ". [49])

Съ переходомъ Юрія въ Кіевъ, Туровъ былъ отданъ имъ сыну Борису, а Святославу Ольговичу—Мозырь. [50])

Пока новый великій князь утверждался на своемъ столѣ, онъ послалъ къ Ростиславу въ Смоленскъ, призывая его, какъ главнаго своего союзника. Смоленскій князь немедленно собрался. Въ это же время пріѣхала, по дорогѣ изъ Суздаля въ Кіевъ, въ Смоленскъ жена великаго князя. Ростиславъ встрѣтилъ почтительно княгиню и съ нею вмѣстѣ отправился къ Юрію въ Кіевъ. [51])

Однако Ростиславъ изъ врага не могъ сдѣлаться другомъ Юрія. Онъ помирился съ нимъ потому, что былъ вынужденъ обстоятельствами; поэтому онъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отсталъ отъ него. Въ томъ же 1155 году Ростиславъ нашелъ себѣ союзниковъ въ Рязанскихъ князьяхъ, которымъ одинаково было невыгодно усиленіе Юрія, [52]) Но до 1158 г. этотъ союзъ держался въ тайнѣ, когда болѣе предпріимчивый Изяславъ Давидовичъ не вступилъ въ открытую вражду съ Юріемъ; Ростиславъ послалъ на помощь ему сына своего Романа. [53]) Однако, вслѣдствіи неожиданной смерти Юрія, дѣло не дошло до борьбы; Изяславъ безпрепятственно занялъ великокняжескій столъ.

Въ началѣ княженія Изяслава мы видимъ Туровское княжество подъ властью Юрія Ярославича, внука Святополка II. Неизвѣстно, гдѣ княжилъ этотъ князь до этого времени, но Туровскимъ княжествомъ онъ завладѣлъ, очевидно, противъ желанія новаго великаго князя. Можно догадываться, что этотъ князь владѣлъ Брестомъ и верховьями Припяти и оттуда захватилъ Туровъ во время смерти Юрія, изгнавъ оттуда сына послѣдняго Бориса. Изяславъ Давидовичъ обѣщалъ Туровъ внуку Мономаха Владимиру Мстиславичу и по этому, собравши войска, пошелъ изгнать Юрія Ярославича. Съ нимъ

---

[49]) Ип., 338.
[50]) Ип., 329, 331.
[51]) Ип., 330.
[52]) Ип., 332.
[53]) Ип., 336.

отправились и союзныя войска: Ярославъ Луцкій, Ярополкъ Андреевичъ, Рюрикъ Ростиславичъ изъ Смоленска, также нѣкоторые Полоцкіе князья и Берендичи. Это огромное ополченіе осадило Туровъ и стояло около него 10 недѣль. Во время осады степняки Берендичи пожгли и пограбили окрестности Пинска и все прибрежье верхней Припяти. Видя невозможность долгаго сопротивленія такимъ силамъ, князь Юрій Ярославичъ началъ просить о мирѣ. Изяславъ не соглашался и требовалъ возвращенія Турова и Пинска; но вслѣдствіи мора лошадей союзники должны были прекратить осаду, при чемъ Изяславъ не заключилъ мира съ Туровскимъ княземъ, [54])

Со смертью послѣдняго Мономашича, Юрія, Ростиславъ, какъ безспорно старшій въ родѣ Мономаха, имѣлъ право на Кіевскій столъ; притомъ Ростиславъ несомнѣнно имѣлъ сильную партію въ Кіевѣ, гдѣ его уже знали и гдѣ вообще предпочитали потомковъ Мономаха Ольговичамъ. Ростиславъ поэтому и занялъ Кіевъ при первомъ удобномъ случаѣ. Онъ уже раньше вошелъ въ сношенія съ своими племянниками Изяславичами, сыновьями его брата, и когда послѣдними былъ побѣжденъ Изяславъ Давидовичъ, они пригласили Ростислава занять Кіевъ. Онъ согласился и вступилъ въ Кіевъ 12 апрѣля 1160 г. Изяславъ Давидовичъ долженъ былъ уступить; впрочемъ, въ отмщеніе за свое изгнаніе, онъ въ томъ же году сдѣлалъ нападеніе на Смоленскую волость, и вмѣстѣ съ Половцами пожегъ и пограбилъ множество селеній. [55])

Послѣ перехода Ростислава въ Кіевъ, на Смоленскомъ столѣ сѣлъ сынъ его Романъ.

Разсматривая участіе Смоленска въ борьбѣ изъ-за Кіевскаго стола, мы уже имѣли случай не разъ отмѣтить, что политика Ростислава во все время этой борьбы главнѣйшимъ образомъ клонилась къ тому, чтобы избѣгать нападеній на собственную волость. Ростиславъ первый стремится напасть на Черниговскія земли и тѣмъ предупреждаетъ нападеніе на свою. Но самое важное значеніе этой борьбы заключается въ томъ, что этому князю удалось установить независимость своей волости, увеличить ея процвѣтаніе, такъ что не даромъ лѣтопись называетъ Смоленское княжество въ концѣ XII в.

---

[54]) Ип., 337.
[55]) Ип., 344, 348.
[56]) Новг. лѣт., 131.

„великимъ". Но кромѣ утвержденія независимости, политика Ростислава простиралась дальше: онъ стремился еще расширить свое княжество территоріально, или по крайней мѣрѣ утвердить свое вліяніе въ сосѣднихъ слабѣйшихъ княжествахъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна его политика въ сношеніяхъ съ Новгородомъ и Полоцкими князьями.

Сношенія Ростислава Мстиславича съ Новгородомъ и попытка его составить себѣ тамъ партію относятся еще къ началу его княженія въ Смоленскѣ. Въ коалиціи 1137 г., составленной противъ Новгородцевъ, вслѣдствіе того, что они не хотѣли принять къ себѣ князя Святополка Мстиславича, княжившаго послѣ смерти брата своего Всеволода въ Псковѣ,—участвовали вмѣстѣ съ Кіевлянами, Полочанами, Суздальцами и Смольняне [56]); Ростиславу естественно было поддерживать въ Новгородѣ партію Мономашичей. Новгородцы, какъ извѣстно, вынуждены были изгнать Святослава Ольговича въ слѣдующемъ 1138 г. Тогда Смольняне захватили его на пути и держали нѣкоторое время подъ стражею въ Смядынскомъ монастырѣ, что у Смоленска. [57]) Извѣстно, что въ это время происходила сильная борьба партій въ Новгородѣ, пока наконецъ не утвердился въ немъ Святополкъ Мстиславичъ, [58]) братъ Ростислава (въ 1142 г.), когда партія Мстиславичей взяла верхъ.

Во время пребыванія послѣдняго въ Новгородѣ, Ростиславъ имѣлъ полную возможность составить себѣ здѣсь сильную партію, которая впослѣдствіи обезпечила его вліяніе; Святополкъ, очевидно, находился во время борьбы Изяслава съ Юріемъ въ болѣе или менѣе подчиненномъ отношеніи къ Ростиславу. Изяславъ, въ своей извѣстной рѣчи къ Кіевлянамъ о походѣ на Юрія, говоритъ: „а братъ Ростиславъ тамо ся съ нами соиметь, ять идеть ко мнѣ съ Смолняны и съ Новгородци". [59]) Въ другомъ случаѣ Изяславъ посылаетъ къ Ростиславу: „а тамъ наряди Новгородци и Смолняны, ять удержать Гюргія." [60]) Это было въ 1147 г., когда Святополкъ княжилъ въ Новгородѣ. Изяславъ давая такой совѣтъ брату, понималъ, конечно, что онъ имѣлъ власть „нарядить" Новгородцевъ, хотя послѣдніе не-

[57]) ibidem.
[58]) ibidem., 134.
[59]) Ип., 243.
[60]) Ип., 245, 255.

легки были на походы. Общность интересовъ съ Кіевомъ и Смоленскомъ заставляла держать Новгородцевъ у себя Святополка, котораго они не любили „злобы его ради“.

Такимъ образомъ, Смоленская партія росла въ Новгородѣ, она увеличивалась и вслѣдствіи вліянія Смоленскаго князя и вслѣдствіе того, что послѣднее княжество больше и больше крѣпло и матеріяльно и военною силою, а князь его дѣлался старѣйшимъ княземъ на Руси, велъ весьма удачно дипломатическія сношенія, самъ уже сдѣлался первымъ претендентомъ на Кіевскій столъ. Все это ставитъ Новгородъ въ большую и большую зависимость отъ Смоленска, особенно если еще вспомнимъ географическое положеніе обѣихъ областей.

Поэтому неудивительно, что при первомъ удобномъ случаѣ Новгородцы избираютъ себѣ въ князья самого Ростислава, изгнавъ Ярослава. Смоленскій князь явился въ Новгородъ, неуспѣлъ еще привести его въ порядокъ, умиротворить спорящія партіи, какъ долженъ былъ отправиться въ Кіевъ, чтобы занять столъ по смерти брата Изяслава. Онъ оставилъ сына своего Давида, но граждане изгнали его, очевидно, не успѣвшаго справиться съ волновавшимся городомъ. Лѣтопись объясняетъ причину негодованія Новгородцевъ на Смоленскихъ князей тѣмъ, что „нестворі имъ ряду, но боле раздьря“. [61])

Затихшая на время борьба партій снова возгорѣлась. Интересно, что Мстиславичи строго держались одной и той же политики въ Новгородѣ, начиная со Всеволода. Послѣдній, какъ извѣстно, былъ изгнанъ Новгородцами за то, что „смердовъ не блюдетъ“; слѣдовательно, онъ оказывалъ поддержку боярству; противная партія, получивъ перевѣсъ, изгнала князя и разграбила дома многихъ бояръ. Но послѣдующіе Мстиславичи держатся той же политики. Когда началась борьба партій въ 1157 г. при Мстиславѣ Юрьевичѣ, то торговая сторона была за него, съ оружіемъ въ рукахъ пыталась защищать своего князя. Но другая часть Новгорода, Софійская, главнымъ

---

[61]) Новгородская лѣт., р. 140. Едва-ли справедливо въ данномъ случаѣ извѣстіе Тверской лѣтописи, которая называетъ оставленнаго въ Новгородѣ сына Ростислава Романомъ (р. 222), котораго, какъ старшаго, отецъ, оставлялъ послѣ себя въ Смоленскѣ. Еще менѣе вѣрно извѣстіе Никоновской лѣтописи, которая прямо говоритъ, что Новгородцы „посадиша Романа“, вовсе не упоминая о пріѣздѣ самого Ростислава. Никон., р. 198.

представителемъ которой—было богатое боярство, была за Ростислава, взяла теперь перевѣсъ и ввела сыновей этого князя Святослава и Давида. Такимъ образомъ занятіе Ростиславомъ Новгорода въ 1154 году, когда онъ „раздра" городъ, быть можетъ, и было неудачно потому, что онъ началъ жестоко преслѣдовать противную боярству партію. На этотъ разъ Ростиславъ былъ осторожнѣе. Явясь черезъ три дня послѣ сыновей въ Новгородъ, Ростиславъ успѣлъ, очевидно, примирить партіи, привести въ порядокъ область: „и не бысть зла ничтоже", говоритъ лѣтописецъ. [62]) Вскорѣ Ростиславъ снова отправился въ свой удѣлъ, оставивъ въ Новгородѣ Святослава, въ Торжкѣ—Давида для обереганія восточныхъ границъ отъ Юрія. Но тутъ могла скрываться и другая болѣе глубокая цѣль: не думалъ-ли Ростиславъ изъ временнаго владѣнія этимъ городомъ сдѣлать впослѣдствіи незамѣтно постоянную часть Смоленской территоріи, какъ это онъ сдѣлалъ въ Витебскомъ.

Но примиреніе партій было не долгое. Покровительствуя боярству, Святославъ возбудилъ противъ себя чернь. Вѣче послалъ сказать князю: „не можемъ держать двухъ князей; выведи брата своего Давида изъ Новаго Торга". Святославъ, „не вередя имъ сердца", отправилъ брата въ Смоленскъ. Но это былъ только предлогъ.. Новое вѣче рѣшило взять подъ стражу самого князя. Его предупреждали, но убѣжать онъ не успѣлъ. Тогда Новгородцы заперли его въ банѣ подъ стражею, жену отправили въ Варваринскій монастырь, дружину перехватили, приковали на цѣпь и имущество разграбили. Спустя немного времени, князь былъ отправленъ въ Ладогу подъ стражею, откуда онъ успѣлъ убѣжать въ Полоцкъ; тамошній князь Рогволодъ проводилъ его до Смоленска. Ростиславъ узнавъ о судьбѣ сына, приказалъ схватить Новгородцевъ, бывшихъ въ Кіевѣ, и запереть ихъ въ погребъ, гдѣ 14 изъ нихъ умерли въ ночь. [63])

Между тѣмъ Новгородцы обратились за княземъ къ Андрею Юрьевичу.

Но черезъ годъ Ростиславъ успѣлъ достигнуть того, что Андрей вывелъ изъ Новгорода своего племянника, и тамъ былъ снова посаженъ Святославъ, но уже „на всей его воли", [64]) Вліяніе Рости-

[62]) Новг., 142.
[63]) Ип., 350, Новгор., 143.
[64]) Новгор., 144.

слава на Новгородцевъ начинало падать. Да это и неудивительно: покровительствуя боярству, Ростиславъ „раздиралъ“ Новгородцевъ. Конечно, какъ великій князь Кіевскій, владѣвшій притомъ Смоленскою землею, онъ могъ теперь въ союзѣ съ Андреемъ заставить Новгородцевъ принять Святослава „на всей его волѣ“. Но этимъ онъ не уничтожилъ „раздиранія“, потому что продолжалъ держаться той же традиціонной политики. Вскорѣ потребовалось снова личное вмѣшательство Ростислава въ дѣла Новгорода. Очевидно, Святославъ тамъ слабо держался и отецъ хотѣлъ поддержать его своимъ личнымъ авторитетомъ. Въ 1166 г. онъ отправился въ Новгородъ и позвалъ „на порядъ“ огнищанъ, гридей и купцовъ. [65]) Изъ этого видно. что поименованные классы были недовольны его сыномъ, составляли оппозицію, съ требованіями которой приходилось считаться; между тѣмъ огнищане, гриди и кущы и составляли низшую, среднюю, незнатную часть населенія, противуположную боярству. Характеръ Смоленской политики подтверждается еще и тѣмъ, что когда въ слѣдующемъ году Новгородцы отправились противъ Ярослава, то они прежде всего убили важнѣйшихъ представителей противной партіи, которые творили „перевѣтъ“,—посадника Захарія и бирича Нѣзду. [66])

И на этотъ разъ поѣздка Ростислава не была удачна. Какъ извѣстно, на обратномъ пути въ Кіевъ онъ умеръ, а сынъ долженъ былъ въ слѣдующемъ же году покинуть Новгородъ, причемъ возгорѣлась серьезная борьба съ Смоленскими князьями. Но къ этому мы еще возвратимся.

Труднѣе выяснить, какую изъ партій поддерживалъ Ростиславъ въ землѣ Полоцкой. Лѣтопись упоминаетъ только, что онъ оказывалъ помощь тому или другому князю, а о характерѣ политики Полоцкихъ князей извѣстно такъ мало, что опредѣлить направленіе Ростиславовой политики,—трудно. Быть можетъ, что онъ и въ этомъ случаѣ придерживался тѣхъ же основъ, какъ въ Новгородѣ и выдвигалъ тѣхъ изъ князей, которые держались боярскою партіею. Какъ бы то ни было, но стремленія Ростислава къ вмѣшательству въ Полоцкія дѣла клонились къ подчиненію своему вліянію этой земли и къ тому, чтобы, пользуясь слабостью князей ея, оттянуть къ Смоленску часть территоріи.

---

[65]) ibid., p. 146

[66]) ibid., p 147.

Нельзя не обратить вниманія на то, что Ростиславъ, не смотря на всѣ успѣхи своего брата Изяслава въ борьбѣ за великокняжескій столъ, никогда не получалъ отъ брата новыхъ областей, городовъ, тогда какъ увеличеніе области было постояннымъ слѣдствіемъ всякаго успѣха въ древней Руси. Думать о безкорыстности Смоленскаго князя, нѣтъ основаній. Но мы видимъ, что въ его борьбу съ Новгородомъ другіе князья мало вмѣшивались, а Изяславъ только поддерживалъ. Съ другой стороны, Мстиславичи не вмѣшивались въ Полоцкія дѣла Ростислава и только Ольговичи сдѣлали попытку противоставить здѣсь свое вліяніе стремленіямъ Смоленскаго князя. Поэтому намъ кажется, что Ростиславъ не желалъ пользоваться послѣ успѣховъ съ своимъ союзникомъ тѣми областями, южными и волынскими, которыя тянули къ Кіевскому княженію и которыя не могли расширить его территоріи, а по уговору съ братомъ направилъ свои стремленія на Новгородъ и Полоцкъ, гдѣ ему никто не мѣшалъ.

Ростиславъ въ своихъ притязаніяхъ на Полоцкъ является преемникомъ отца своего Мстислава и дяди Мономаха. Но тѣ стремились однимъ натискомъ уничтожить это самостоятельное владѣніе, Ростиславъ же понялъ, что такой образъ дѣйствій наиболѣе не надеженъ. Перемѣна во взглядахъ на Полоцкъ принадлежитъ не одному Ростиславу; ее, какъ кажется, поддерживалъ и братъ его Изяславъ, и, выдавши въ 1143 г. дочь свою за Рогволода Борисовича, [67]) онъ пролагалъ путь къ легальному, такъ сказать, вмѣшательству Мстиславичей въ дѣла области. Дѣйствительно, Рогволодъ сидѣлъ не безъ поддержки Мстиславичей, ибо когда онъ былъ изгнанъ въ 1151 г. Полоцкимъ вѣчемъ, послѣднее обратилось за покровительствомъ къ Святославу Ольговичу, [68]) боясь сильныхъ покровителей изгнаннаго князя. Святославъ былъ тогда въ союзѣ съ Юріемъ и во враждѣ съ Мстиславичами. [69]) Черезъ нѣсколько лѣтъ обстоятельства измѣнились. Изяславъ Давидовичъ успѣлъ утвердиться на Кіевскомъ столѣ и, собираясь воевать съ Юріемъ, заключилъ союзъ съ Ростиславомъ Мстиславичемъ и Святославомъ Ольговичемъ. [70]) Не безъ вѣроят-

---

[67]) Ип., p. 224.

[68]) Ип., p. 308.

[69]) Къ этому году относится посѣщеніе Юрія Новгородъ-Сѣверска и блестящій пріемъ, оказанный ему Святославомъ. Ип., p. 307.

[70]) Ип., 336, 337, 341.

ности слѣдуетъ предположить, что Сѣверскіе князья рѣшились отступиться отъ покровительства Полочанамъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что тотъ же Рогволодъ Борисовичъ „отъ Святослава Ольговича“ пошелъ искать себѣ волости и успѣлъ изгнать Ростислава Глѣбовича изъ Полоцка. [71]) Ростиславъ Мстиславичъ собралъ всѣ свои силы на помощь Рогволоду, отправилъ сыновей своихъ Романа и Рюрика съ Смольнянами и Новгородцами и даже самъ было пошелъ, но на дорогѣ его уговорилъ вернуться архіепископъ Новгородскій Аркадій. [72]) Ростиславъ не только возстановилъ Рогволода на Полоцкомъ столѣ, но и утвердилъ старшинство его надъ другими князьями области.

Въ слѣдующемъ 1160 году мы снова видимъ вспомогательный отрядъ Ростислава въ войскѣ Рогволода, ходившаго на Минскъ [73]). Рогволодъ этотъ, какъ извѣстно, оказалъ услугу Святополку Ростиславичу во время его бѣгства изъ Новгорода.

Къ концу своей жизни Ростиславъ успѣлъ настолько, что сынъ его Давидъ владѣлъ Витебскомъ [74]), откуда, могъ поддерживать свое вліяніе на область. Онъ оказываетъ помощь Всеславу Васильковичу противъ Володаря [75]). Таковы были успѣхи Смоленска въ области Полоцкой.

Ища союзовъ между мелкими князьями, какъ въ Полоцкѣ, гдѣ бы онъ могъ скорѣе явиться покровителемъ, чѣмъ равнымъ, Ростиславъ „цѣлова крестъ на всей любви“ съ Рязанскими князьями, которые „имѣяхуть и отцемъ себѣ“ [76]). Этотъ союзъ былъ важенъ для Смоленскаго князя: онъ ослаблялъ Юрія.

Въ 1167 г. умеръ Ростиславъ Мстиславичъ, годъ рожденія его неизвѣстенъ, но онъ умеръ въ глубокой старости, потому что уже въ 1128 г. ходилъ въ походъ, слѣдовательно тогда ему было по крайней мѣрѣ около 20 лѣтъ. Передъ смертью онъ ходилъ въ Новгородъ, мирилъ Новгородцевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, а по дорогѣ заѣзжалъ въ Смоленскъ. Смоляне помнили своего люби-

---

[71]) Ип., 339.
[72]) ibid., 340.
[73]) ibid., 346.
[74]) ibid., 359.
[75]) ibid., 360.
[76]) ibid., 332.

маго князя и потому почти за 300 верстъ народъ вышелъ встрѣчать его, потомъ вышли ему на встрѣчу внуки его и Смоленскій князь Романъ съ епископомъ Мануиломъ; чуть ли не весь городъ вышелъ ему на встрѣчу. Оттуда онъ отправился въ Торопецъ; чувствуя себя нездоровымъ, онъ призвалъ Новгородцевъ и сына въ Луки и здѣсь примирилъ ихъ. На обратномъ пути князь сильно заболѣлъ и когда прибылъ въ Смоленскъ настолько занемогъ, что сестра его Рогнѣда совѣтовала ему остаться въ Смоленскѣ, но князь велѣлъ везти себя въ Кіевъ; онъ торопился туда, чтобы, если еще здоровье позволитъ, принять постриженіе въ любимомъ монастырѣ. Однако онъ не достигъ Кіева и умеръ на дорогѣ въ селѣ Зарубѣ [77]).

Мы неоднократно указывали на черты характера этого замѣчательнаго князя. Мы видѣли, что онъ преимущественно заботился о благосостояніи своей Смоленской земли; имѣя въ виду это, онъ часто уступаетъ другимъ, лишь бы не приносить своей землѣ разоренія. Онъ избѣгалъ такихъ войнъ, которыя подвергли бы его страну опустошенію и нашествію непріятеля; такимъ образомъ, онъ помирился съ Юріемъ, безропотно снесъ то, что Изяславъ Давидовичъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, хотя могъ у него оспаривать. Мы видѣли, что онъ только временно уступалъ и Юрію и Изяславу, но съ тѣмъ лишь, чтобы избѣгнуть нашествій на свою страну, а между тѣмъ и того и другаго думалъ низвергнуть чужими силами. Во время борьбы брата своего Изяслава, онъ выступалъ съ войскомъ изъ своей земли только тогда, когда ей не угрожала опасность, а въ противномъ случаѣ отправлялся на границу, желая предотвратить опустошенія. Мы видѣли, какъ умно былъ расчитанъ его союзъ съ Изяславомъ: онъ принесъ огромную пользу его странѣ. Въ то время когда другія земли опустошались, теряли торговыя сношенія, Смоленскъ, находясь въ мирныхъ отношеніяхъ съ Новгородомъ, гдѣ княжилъ сынъ Ростислава Святославъ, а также съ Кіевомъ, не подвергаясь опустошеніямъ, могъ свободно продолжать и расширять свою торговлю. Наконецъ, Ростиславъ достигъ великокняжеской власти такъ, что Смоленская земля ничѣмъ не поплатилась—обстоятельство единственное въ современной Руси.

Всѣ эти дѣйствія Ростислава Мстиславича привели къ тому, что съ его времени Смоленское кряжество становится вполнѣ самостоя-

[77]) ibid., 361—4.

тельнымъ и сильнымъ княженіемъ и по торговлѣ становится на ряду съ Новгордомъ. Уже въ его время вся Смоленская земля приносила князю дохода болѣе 3000 гривенъ; она имѣла болѣе 50 городовъ [78]).

Изъ другихъ чертъ характера Ростислава Мстиславича выступаетъ особенно его набожность; лѣтописецъ весьма долго останавливается на этомъ обстоятельствѣ. Ростиславъ всегда думалъ постричься въ монастырѣ св. Ѳеодора, въ Кіевѣ; но его отговорили его духовникъ священникъ Семенъ и игуменъ Поликарпъ. Лѣтописецъ говоритъ, что князь часто постился, уважалъ монаховъ и священниковъ. Памятникомъ его благочестія осталось утвержденіе въ Смоленскѣ епархіи въ 1137 г., имѣвшее, впрочемъ, и политическое значеніе; первымъ епископомъ былъ скопецъ Мануилъ [79]). Епархіальной Богородичной церкви онъ отдалъ десятину своихъ доходовъ и нѣсколько селъ.

Туровская земля уже къ половинѣ XII вѣка начала дробиться и приходить въ упадокъ. Она тѣсно присоединяется къ Кіеву и князья дробятъ ее въ удовлетвореніе требованій различныхъ князей. Мы уже выдѣли, что Всеволодъ Ольговичъ, посылая Вячеслава въ Переяславль, прямо говорилъ ему: сидишь въ Туровѣ, а мнѣ достоитъ.

Мы уже указывали на значеніе, которое имѣлъ Туровъ въ предыдущемъ столѣтіи, но теперь онъ терялъ его. Уже въ 1128 г., при Мстиславѣ, какъ мы выдѣли, Клецескъ является удѣльнымъ городомъ, въ которомъ княжилъ Вячеславъ Ярославичъ, не имѣвшій удѣловъ въ другомъ мѣстѣ [80]). Всеволодъ Ольговичъ уже раздаетъ Дреговичскіе города: Берестій, Рогачевъ, Дорогичинъ, Клецескъ своимъ братьямъ [81]). Въ 1199 г. Юрій отдалъ Слуцкъ и Клецескъ Святославу Ольговичу [82]). Вячеславъ тогда оставался въ Туровѣ, но центромъ княженія былъ сосѣдній городокъ Волынскій—Пересопница, куда Юрій приходилъ къ Вячеславу [83]). Этотъ послѣдній Волынскій

---

[78]) Грамота Ростислава объ утвержденіи стархіи.
[79]) Ип., 512.
[80]) ibid., 210.
[81]) Ип., 223.
[82]) ibid., 268.
[83]) ibid., 270.

городокъ со времени междусобій начинаетъ занимать болѣе видное положеніе, чѣмъ Туровъ, князья пробуютъ перенести туда центръ земли. Это вполнѣ естественно, ибо Пересопница была важнымъ стратегическимъ пунктомъ противъ Владимирскаго и Галицкаго княжествъ. Сидя здѣсь князь могъ воспрепятствовать князьямъ этихъ послѣднихъ областей опустошать Туровскую и Кіевскую земли, наблюдать за всякимъ движеніемъ враговъ. Вотъ почему Юрій отдалъ храбрѣйшему и дѣятельнѣйшему изъ своихъ сыновей Турово-Пинскую волость съ Пересопницей, причемъ Андрей сѣлъ въ послѣдней [84]). Ольговичи не разъ и въ послѣдующее время владѣли отдѣльными Дреговичскими городами: въ 1154 г. Ростиславъ, утвердившись впервые въ Кіевѣ, далъ Туровъ и Пинскъ Святославу Всеволодичу [85]), въ 1155 г. Юрій Святославу Ольговичу отдалъ Мозырь [86]), вскорѣ, вѣроятно, имъ оставленный, ибо Изяславъ Давидовичъ черезъ четыре года снова предлагалъ ему этотъ городъ [87]).

Такимъ образомъ, Туровская земля, имѣвшая въ предыдущемъ столѣтіи довольно важное значеніе, какъ важнѣйшая часть Кіевской, переходитъ къ Вячеславу, старшему Мономаховичу, и судя по аналогіи, могла бы получить значительную или даже полную самостоятельность. Но Вячеславъ не успѣлъ утвердить ее; причину неуспѣха едва ли не слѣдуетъ видѣть отчасти въ томъ, что этотъ князь не оставилъ наслѣдника, котораго бы отчиной сдѣлалась Туровщина, какъ земля другихъ Мономашичей. Между тѣмъ Туровщина осталась безъ прямаго вотчиннаго наслѣдника (въ древне-русскомъ смыслѣ); Кіевскіе князья, какъ болѣе сильные, но въ то же время временные взадѣтели великокняжескихъ земель, стараются неупускать изъ своихъ рукъ этой области, служащей имъ для удовлетворенія своихъ союзниковъ.

Только въ началѣ второй половины XII ст. мы видимъ попытки обособить Туровскую землю. Иниціаторъ этого движенія явился извнѣ и хотя, какъ кажется, пользовался поддержкой населенія, но онъ началъ въ ту пору рѣшительно дѣйствовать, когда княжескія междоусобія уменшились, когда Русь, обезсиленная долгой борь-

---

84) ibid., 281.
85) ibid., 324.
86) ibid., 331.
87) ibid., 341.

бой, кончила всѣ свои крупные счеты. Это движеніе поднялъ Юрій Ярославичъ.

Святополкъ Изяславичъ, какъ извѣстно, имѣлъ четырехъ сыновей (Мстислава, Ярослава, Брячислава и Изяслава). Трое изъ нихъ умерли, не оставивъ потомства; мѣста княженій Брячислава и Изяслава неизвѣстны. Ярославъ извѣстенъ какъ дѣятельный помощникъ отца въ сношеніяхъ съ Уграми, княжилъ во Владимирѣ на Волыни, долго боролся съ Мономахомъ за свое княженіе и наконецъ погибъ въ этой борьбѣ. Онъ оставилъ двухъ сыновей — Вячеслава и Юрія. Перваго мы видѣли Клецкимъ удѣльнымъ княземъ во время похода 1128 г. Мстислава на Полоцкъ. Вѣроятно, и Юрій владѣлъ какимъ нибудь незначительнымъ удѣломъ подобно брату, въ Припятьи до появленія своего въ Туровѣ. О немъ мы знаемъ только, что въ 1144 г. онъ женился на дочери Всеволода Ольговича [88]).

Въ 1158 г. мы видимъ Юрія Ярославича уже въ качествѣ Туровскаго князя. Какъ овладѣлъ онъ Туровомъ, неизвѣстно. Но этотъ городъ не былъ его отчиной и, быть можетъ, онъ воспользовался случаемъ, наступившимъ въ концѣ княженія Юрія Ростовскаго во время занятія Кіева Изяславомъ Давидовичемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1155 г. Туровомъ владѣлъ сынъ Ростовскаго князя Борисъ [89]). Трудно предположить чтобы Ростовскій князь, завладѣвъ Кіевомъ, выпустилъ, вслѣдствіе ли борьбы или добровольно этотъ городъ изъ своихъ рукъ. Во всякомъ случаѣ, Изяславъ Давидовичъ считалъ незаконнымъ владѣніе Юрія Ярославича Туровомъ и, желая привлечь на свою сторону сильныхъ Мономаховичей, рѣшился отнять Туровъ для одного изъ нихъ Владимира Мстиславича. Но теперь замѣтно интересное явленіе въ этой области. Не смотря на то, что Изяславъ явился къ городу съ огромнымъ войскомъ, съ князьми Ярославомъ Луцкимъ, Ярополкомъ Андреевичемъ, Романомъ Ростиславичемъ, Владимиромъ Мстиславичемъ, Полочанами, Галичанами и Берендаями, несмотря на то, что сюда собралось едва ли не вся Русь, — Туровцы устояли, „бьяхуться крѣпко выходячи изъ города и много язвенныхъ бываше“, говоритъ лѣтопись. Не смотря на то, что Юрій много разъ посылалъ къ Изяславу съ мирными предложеніями,

---

[88]) Ип., 227.
[89]) Ип., 329.

Изаславъ низачто нехотѣлъ отступить, добиваясь Турова и Пинска. Онъ простоялъ 10 недѣль, неуспѣлъ взять города и возвратился, не заключивъ мира [90]).

Нельзя не обратить вниманія на то, что на Туровъ направились самые разнородные элементы древней Руси, рѣдко находившіеся въ союзѣ между собою, и направились подъ предводительствомъ Давидовича, не умѣвшаго справляться удачно съ тогдашней политикой. Очевидно, въ Туровской землѣ происходило какое-то особенное движеніе, противъ котораго шли князья. Поэтому, не невѣроятно, что это время было сильнымъ подъемомъ народнаго духа въ землѣ Дреговичей; Юрій усѣлся не только съ ихъ согласія, но, быть можетъ, и по приглашенію, что доказываетъ крѣпкая защита и въ послѣдующе время этого князя,—явленіе, котораго раньше мы не замѣчали въ этой области.

Великій князь, незавоевавъ Турова, какъ кажется, успѣлъ отстоять нѣкоторые окраинные города, напримѣръ какъ Мозырь, который онъ предлагалъ Святославу [91]).

Съ занятіемъ Кіевскаго стола Ростиславомъ, враждебныя отношенія къ Турову не прекратились. Юрій Ярославичъ напалъ на сосѣднія Волынскія земли, завоевалъ Путивль, Вырь, но, кажется, возвратился съ малымъ успѣхомъ [92]). Владимиро-Волынскіе князья Мстиславъ, Ярославъ и Ярополкъ Изяславичи, Владимиръ и Ярополкъ Андреевичи снова напали на Туровъ, простояли подъ нимъ полторы недѣли, но возвратились безъ всякаго успѣха [93]); и только подъ 1162 годомъ въ лѣтопись занесено краткое извѣстіе о томъ, что Ростиславъ примирился съ Юріемъ [94]). Мономаховичи съ этого времени навсегда примиряются съ Юріемъ Ярославичемъ. Первымъ актомъ этого примиренія была женитьба сына Ярослава Изяславича Всеволода на дочери Юрія Малфридѣ [95]) въ 1167 г.

Это послѣднее извѣстіе о Туровскомъ князѣ и, когда онъ умеръ, неизвѣстно. Но мирныя отношенія съ остальными князьями его сы-

---

[90]) Ип, 337—8.
[91]) Ип., 341.
[92]) Ип., 346.
[93]) Ип, 349.
[94]) Ип., 356.
[95]) Ип., 361.

новей не прекращаются. Такъ, мы видимъ въ 1168 г. сына его Глѣба съ войскомъ въ походѣ подъ Каневъ вмѣстѣ съ остальными князьями [96]). Черезъ два года въ походѣ на Половцевъ участвуетъ Святополкъ Юрьевичъ [97]), въ томъ же походѣ былъ и братъ его Иванъ [98]). Святополкъ принимаетъ участіе въ походахъ Мстислава Изяславича на Кіевъ въ 1171—2 г. [99]). Также служебную роль занимаютъ Юрьевичи и въ послѣдующее время, до конца столѣтія. Лѣтопись не говоритъ о ихъ внутренней дѣятельности, не упоминаетъ даже, какимъ удѣломъ каждый изъ нихъ владѣлъ. Иногда просто называетъ князьями Туровскими и Пинскими. Такимъ образомъ, князья эти по приказанію Андрея были въ его войскахъ при разореніи Кіева [100]). Князь Пинскій Ярославъ съ братомъ своимъ княземъ Дубровницкимъ (городокъ въ сѣверной Волыни) были въ походѣ на Половцевъ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ въ 1183 году [101]). Юрьевичи были также въ родствѣ съ Ростиславичами, были шурьями Рюрика [102]).

Мы уже упоминали имена сыновей Юрія; они были: Святополкъ, Глѣбъ, Иванъ, Ярославъ и Ярополкъ [103]). Можно указать удѣлы трехъ изъ нихъ. Туровскимъ княземъ былъ Святополкъ, по крайней мѣрѣ около 1183 г.: въ этомъ году у него былъ въ Туровѣ Владимиръ Ярославичъ Галицкій, изгнанный отцомъ [104]). Святополкъ умеръ въ 1190 г. [105]). Ярослава лѣтопись называетъ княземъ Пинскимъ, какъ мы уже видѣли, а Глѣба—Дубровницкимъ; послѣдній умеръ въ 1195 году [106]).

Ярополкъ имѣлъ также какое то соотношеніе къ Пинску; по крайней мѣрѣ свадьба его, на которую прибылъ Рюрикъ Ростиславичъ, происходила въ этомъ городѣ; быть можетъ, онъ сѣлъ здѣсь по смерти Ярослава.

---

[96]) Ип., 361.
[97]) Ип., 369.
[98]) Ип., 370.
[99]) Ип., 324—5.
[100]) Ип., 391.
[101]) Ип., 426.
[102]) Ип., 448, 466.
[103]) Ип., 452.
[104]) Ип., 428.
[105]) Ип., 448.
[106]) Ип., 466.

На этихъ событіяхъ обрываются извѣстія нашей лѣтописи о Туровской области во второй половинѣ XII в. Извѣстія эти очень скудны. Они только даютъ намъ указаніе на то, что въ началѣ второй половины этого вѣка Туровская земля, путемъ упорной борьбы, успѣла пріобрѣсть отдѣльную линію Юрьевичей, потомковъ Изяслава Ярославича, которые въ ней осѣли. Но слабая сама по себѣ, эта волость еще болѣе ослабляется раздѣленіемъ на удѣлы, хотя къ ней и отошелъ отъ Волыни удѣлъ Дубровницкій. Юрьевичи ладятъ съ князьями остальной Руси, но находятся въ подчиненномъ отношеніи къ тѣмъ изъ нихъ, которые наиболѣе усиливаются въ данный моментъ.

Совершенно иначе устроились къ концу XII в. дѣла Смоленской земли. Мы уже говорили, чтн Ростиславъ Мстиславичъ много сдѣлалъ для самостоятельности своего княжества; онъ закрѣпилъ эту самостоятельность своимъ личнымъ вліяніемъ среди князей и тѣмъ, что онъ былъ и умеръ великимъ княземъ Кіевскимъ; въ церковномъ отношеніи онъ сдѣлалъ Смоленскъ независимымъ, учредивъ каѳедру; въ экономичесмомъ отношеніи Смоленская земля стала при немъ весьма высоко потому, что, какъ мы не разъ говорили, онъ устроивалъ свои дѣла такъ, что во время самыхъ сильныхъ княжескихъ междоусобій—именно во время борьбы между Мономаховичами, его княжество вовсе не пострадало ни отъ вражескихъ нашествій, ни отъ частыхъ походовъ на внѣшнихъ враговъ. Все это значило не мало, если примемъ во вниманіе, что другія земли, кромѣ Суздальской, Рязанской и отчасти Галицкой были положительно разорены.

Въ послѣдующей за его смертью исторіи Смоленска мы наталкиваемся на замѣчательный фактъ: это княжество не только не пострадало отъ раздѣловъ, но еще увеличилось вслѣдствіе присоединенія сосѣднихъ волостей—Витебской и Вышгородской. Умные и разсудительные Ростиславичи успѣли сѣсть въ другихъ княженіяхъ; одинъ только Романъ Ростиславичъ, какъ старшій, остался въ Смоленскѣ, Рюрикъ княжилъ въ Бѣлгородѣ и на Волыни въ Овручѣ, Давидъ въ Вышгородѣ, который такимъ образомъ присоединился къ владѣніямъ Смоленскихъ князей, Святославъ въ Новгородѣ и Мстиславъ въ Торопцѣ.

Ростиславичи доржатся мудрой политики отца своего: неохотно вступаютъ въ междоусобныя войны, стараются примирять враж-

дующихъ князей, разумно управляютъ своими волостями. Ихъ личныя отношенія къ управляемымъ волостямъ были таковы, что о каждомъ изъ нихъ лѣтопись оставила теплое слово. Они представляютъ почти единственный въ древней Руси примѣръ большой княжеской семьи, въ которой никогда не происходило раздоровъ и споровъ между братьями, въ которой братья держались дружно другъ друга. Вслѣдствіе такой политики они скоро пріобрѣли важное рѣшающее значеніе въ дѣлахъ южной и западной Руси: голосъ одного изъ братьевъ,—былъ голосомъ всѣхъ Ростиславичей. Въ концѣ этого столѣтія они, общими усиліями, достигаютъ того, что завладѣваютъ всѣмъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра и даже заставляютъ Ольговичей, исконныхъ враговъ Мономаховичей, признать ихъ власть.

По смерти Ростислава сыновья его *предложили* занять Кіевскій столъ Мстиславу Изяславичу. Однако они не ужились съ нимъ долго. Дѣло въ томъ, что еще прежде чѣмъ Мстиславъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, призывавшіе его князья условились сильно ограничить великокняжескую власть и разобрать волости по собственному желанію. Узнавъ объ этомъ, Мстиславъ явился въ Кіевъ съ сильнымъ союзнымъ войскомъ, осаждалъ Вышгородъ и занялъ Кіевъ, и такимъ образомъ пытался принудить Ростиславичей заключить съ нимъ выгодный для себя миръ [107]).

Какъ и слѣдовало ожидать въ такомъ случаѣ, между великимъ княземъ и Ростиславичами начались недоразумѣнія, какъ слѣдствія недовѣрія другъ къ другу. Это выразилось уже на второй годъ его княженія. Двое бояръ, Борисловичи Петръ и Нестеръ, недовольные на Мстислава, оклеветали этого князя предъ Рюрикомъ и Давидомъ, утверждая, что ихъ онъ хочетъ схватить [108]). Много трудовъ стоило Мстиславу, чтобы разрушить ихъ опасенія, доказать клевету. Однако-же отношенія ихъ не уладились. Однимъ изъ важнѣйшихъ поводовъ служили также Новгородскія отношенія [109]); когда въ слѣдующемъ году князь Суздальскій Андрей Юрьевичъ послалъ сына своего Мстислава съ войсками на Кіевъ, на князя Мстислава Изяславича, мы видимъ всѣхъ Ростиславичей въ этомъ знаменитомъ походѣ.

---

[107]) Ип., 365 и слѣд.
[108]) Ип., 370.
[109]) Ип., 372.

Какъ извѣстно, результатъ этого похода былъ таковъ, что Кіевъ впервые былъ разрушенъ и преданъ разграбленію. Великимъ княземъ Русскимъ сдѣлался Андрей Суздальскій, и съ этого времени Кіевъ начинаетъ терять свое значеніе.

Князь Давидъ Вышгородскій, очевидно, былъ самый ярый противникъ дяди своего Мстислава. Еще при первомъ своемъ вступленіи на Кіевскій столъ, послѣдній обратилъ преимущественное вниманіе на Давида и тогда только сѣлъ въ Кіевѣ, когда усмирилъ этого князя; онъ пробовалъ еще разъ возвратиться въ Кіевъ въ 1172 г., и при этомъ снова поспѣшилъ осадить Давида въ Вышгородѣ, однако союзники покинули Мстислава, недождавшись конца военныхъ дѣйствій, и онъ долженъ былъ отступить [110]).

Послѣ взятія Кіева, обстоятельства на Руси измѣнились. Великимъ княземъ сдѣлался Андрей Юрьевичъ; этотъ князь извѣстенъ своею надменностью и неприступностью не только въ отношеніи къ своимъ боярамъ, но и къ князьямъ. Онъ началъ распоряжаться князьями на Руси съ небывалою гордостью. Возставать было некому. Князья были слабы въ отдѣльности каждый, а союза составить не могли. Одни Ростиславичи были сильны, но съ ними Андрей ладилъ, защищалъ ихъ интересы и они были его вѣрными союзниками. Такъ, когда Новгородцы возстали противъ Ростиславича Святослава, онъ этому противился [111]), хотя граждане все таки выбрали Романа, сына Мстислава Изяславича. Святославъ умеръ на Волокѣ, въ войнѣ съ Новгородцами, и былъ похороненъ въ Смоленскѣ. Наконецъ, Андрей посылалъ сына своего Мстислава, вмѣстѣ съ Рюрикомъ и Мстиславомъ, воевать Новгородскую волость, чтобы изгнать оттуда Романа. Но послѣдній, узнавъ о смерти отца своего, и самъ оставилъ Новгородъ. Тогда Андрей отдалъ его Рюрику, который, отправляясь туда, передалъ свои земли брату Давиду [112]). Впрочемъ, Рюрикъ скоро ушелъ оттуда.

Послѣ смерти Кіевскаго князя Глѣба, брата Андрея, послѣдній передалъ Кіевъ Ростиславичу Роману, послалъ сказать братьямъ: „Вы назвали меня отцомъ, я хочу вамъ добра и даю брату вашему

---

[110]) Ип., 375.
[111]) Новгор., р. 147.
[112]) Ип., 382. 383.

Роману Кіевъ". Отправляясь, Романъ оставилъ въ Смоленскѣ княжить сына своего Ярополка [113]).

Однако хорошія отношенія не долго продолжались; князь Андрей не замедлилъ выказать свою гордость и требовательность. Онъ потребовалъ отъ Ростиславичей выдачи трехъ бояръ, на которыхъ падало обвиненіе въ отравленіи брата его Глѣба. Ростиславичи отказались и пустили отъ себя бояръ. Тогда Андрей послалъ небывалый до того времени приказъ Роману: „Ты не ходишь въ моей волѣ съ твоими братьями, такъ иди изъ Кіева, Давидъ пусть идетъ изъ Вышгорода; Мстиславъ изъ Бѣлгорода; вамъ Смоленскъ—дѣлитесь имъ". Нечего и говорить, что Ростиславичи обидѣлись такимъ гордымъ приказомъ. Романъ, не желая оставаться въ Кіевѣ, который уже не могъ представить крѣпкой защиты, пошелъ въ Смоленскъ. Однако братья не растерялись. Они послали сказать Андрею: „Братъ! дѣйствительно мы назвали тебя отцемъ и крестъ тебѣ цѣловали, и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи; а теперь ты вывелъ брата нашего изъ Кіева и намъ указываешь путь изъ русской земли безъ вины, то пусть будетъ съ нами Богъ и крестная сила". Андрей не отвѣчалъ ничего на эту рѣчь. Ростиславичи поняли, что нужно ждать серьезной войны; они первые ее начали (1177 г.). Поѣхавъ нечаянно въ Кіевъ, они захватили Всеволода Юрьевича, брата Андреева, и племянника его Ярополка и всѣхъ бояръ; князья эти заняли было Кіевъ по приказанію Андрея. Кромѣ того Ростиславичи ходили на брата Андреева Михаила къ Торческу.

Андрей, прежде чѣмъ рѣшиться на войну, послалъ боярина Михна сказать Ростиславичамъ: „Нехотите быть въ моей волѣ, ты Рюрикъ ступай въ Смоленскъ къ брату въ свою отчину. Давиду скажи,—говорилъ онъ боярину, ты ступай въ Берладь (къ степнякамъ), а къ русской землѣ приказываю тебѣ небыть; Мстиславу скажи: все заключается въ тебѣ, велю тебѣ небыть въ русской землѣ". Когда прибылъ посолъ съ такими рѣчами къ Мстиславу, то онъ велѣлъ ему въ своемъ присутствіи остричь бороду и волосы. „Иди къ своему князю,—говорилъ послу Мстиславъ: и скажи ему: мы считали тебя до сихъ поръ отцомъ, но если ты съ такими рѣчами

---

[113]) Ип., 387.

прислалъ не какъ къ князю, но какъ къ подручнику или простому человѣку, то дѣлай что хочешь“ [114]).

До сихъ поръ Андрей все медлилъ, предполагая что Ростиславичи придутъ къ нему съ повинной головой. Но теперь медлить было невозможно. Онъ скоро собралъ около 50 тысячъ воиновъ сѣвернаго ополченія и послалъ ихъ подъ начальствомъ сына своего Юрія и воеводы Бориса Жидиславича; онъ приказалъ имъ Давида и Рюрика изгнать изъ ихъ отчины, а Мстислава плѣннаго привести къ нему.

Во время похода Суздальскіе войска увеличились огромнымъ числомъ союзниковъ: къ нимъ присоединились всѣ князья Сѣверянскіе во главѣ съ Святославомъ Всеволодичемъ, князья Полоцкіе, Туровскіе и Городенскіе.

Романъ Ростиславичъ, когда полки проходили мимо его земли, также вынужденъ былъ послать полкъ съ сыномъ своимъ на братьевъ; онъ боялся выказать тогда свой союзъ съ братьями потому, что его собственная земля могла быть разорена.

При приближеніи непріятеля, Ростиславичи оставили Кіевъ; они рѣшились защищаться такимъ образомъ, чтобы каждый заперся въ своемъ городѣ: Рюрикъ въ Бѣлгородѣ, Мстиславъ съ Давидовымъ полкомъ въ Вышгородѣ, самъ Давидъ поспѣшилъ въ Галичъ просить помощи, въ чемъ онъ и успѣлъ. Союзники прежде всего заняли Кіевъ и часть младшей дружины отправили подъ Вышгородъ. Въ первый же день Мстиславъ далъ имъ обоимъ сраженіе, которое осталось нерѣшительнымъ. На другой день пришли всѣ полки и началась осада. Во время осады происходили часто жестокія стычки, отъ которыхъ сильно страдали осажденные. Такъ прошло около 9 недѣль, когда пришелъ на Ростиславичей еще Ярославъ, князь Луцкій со всею Волынскою дружиною. Онъ добивался старшинства между Ольговичами и желалъ затѣмъ занять Кіевъ. Но когда въ этомъ ему отказали, онъ перешелъ на сторону Ростиславичей и, повернувъ свои полки, направился къ Бѣлгороду. Союзники, видя это отступленіе и полагая, что Ярославъ въ тылу у нихъ соединится съ Галичанами и Рюрикомъ, бросились бѣжать изъ — подъ Вышгорода. Во время бѣгства ихъ много потонуло въ Днѣпрѣ и погибло отъ преслѣдованія Мстислава [115]).

---

[114]) Ип., 388, 390

[115]) Ип., 391—2.

Такимъ образомъ Ростиславичи счастливо вышли изъ весьма опаснаго положенія. Событіе это имѣло огромное значеніе для тогдашней Руси: оно освободило южную Русь отъ гордыхъ притязаній Суздальскихъ князей. Нужно замѣтить, что въ это время властолюбивый князь Андрей стремился, очевидно, подчинить вполнѣ русскихъ князей; онъ уже давно рѣзко отступилъ отъ древняго обычая русскихъ князей: онъ недопускалъ никакого участія въ дѣлахъ правленія бояръ и дружины, и обращался съ ними крайне жестоко. Онъ не только изгонялъ противорѣчившихъ ему бояръ, но осмѣлился изгнать даже епископа Леона. Князь Андрей Юрьевичъ стремился захватить неограниченную власть и надъ князьями. Тогдашніе князья не имѣли силы противостоять; они были слишкомъ слабы, владѣнія ихъ были не велики и разорены, у самихъ нехватало смѣлости; собрать союзъ противъ Андрея слабому князю было не возможно: всякій союзникъ боялся пораженія. Мы видѣли, что послѣ разрыва Ростиславичи остались одни безъ союзниковъ, даже братъ Романъ вынужденъ былъ послать свой полкъ; а между тѣмъ за Андреемъ пошли всѣ князья. Въ прежней борьбѣ большой голосъ имѣли Кіевъ и Кіевское вѣче, но послѣ его разоренія, которое имѣло большое значеніе на утвержденіе власти Андрея, значеніе это падаетъ; столъ Кіевскій остается только почетнымъ и притомъ дается князьямъ или Андреемъ или Ростиславичами. Само Кіевское княжество потеряло всякую силу; оно было разбито на мелкія части: на Вышгородъ, Бѣлгородъ, Дреговичи, Треполь и др., бывшіе передовыми крѣпостями Кіевскаго княжества. Если принять также положеніе тогдашней Руси во вниманіе, то побѣда Ростиславичей надъ Суздальскимъ княземъ имѣла значеніе освобожденія Руси отъ его власти. Она имѣла также вліяніе на убіеніе князя, которое и послѣдовало въ слѣд. 1175 г. Что касается до Ростиславичей, то они, послѣ бѣгства суздальцевъ, заняли снова свои волости, отдавъ Кіевъ Ярославу Луцкому. Они, очевидно, въ томъ же году примирились съ Андреемъ и даже просили его отдать Кіевъ Роману [116]).

Въ годъ убіенія Андрея Суздальскаго, Романъ зянялъ Кіевъ, оставивъ въ Смоленскѣ сына своего Ярослава; молодой князь не

---

[116]) Ип., 394.

долго продержался на отцовскомъ столѣ; неизвѣстно, почему онъ не понравился Смольнянамъ, и вѣче его изгнало въ томъ же году, пригласивъ дядю его Мстислава [117]),

Романъ также не долго просидѣлъ въ Кіевѣ. Между Ростиславичами и Святославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ произошло столкновеніе, во время котораго хотя Святославъ бѣжалъ передъ сраженіемъ, но Ростиславичи, не желая, по замѣчанію лѣтописи, губить Русской земли и проливать христіанской крови, отдали Кіевъ Святославу; Романъ возвратился въ Смоленскъ (1177 г.) [118]).

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій, въ Смоленскѣ умеръ (1180 г.) старшій изъ Ростиславичей Романъ, женатый съ 1148 г. на дочери князя Святослава Ольговича [119]). Это былъ человѣкъ высокаго роста, широкоплечій, съ красивымъ лицомъ; Смоляне искренне оплакивали своего князя, который отличался незлобіемъ и добротою. Свободное Смоленское вѣче не разъ причиняло ему большія непріятности; однажды даже изгнало, въ его отсутствіе, сына его Ярополка, но онъ кротко переносилъ обиды гражданъ, Онъ замѣчателенъ своею уступчивостью, которая иногда даже бывала вредна дѣлу; несмотря на то, что онъ, какъ старшій изъ Мономахова племени, могъ бы владѣть Кіевомъ, онъ недобивался этого стола; самъ уходилъ изъ Кіева, когда видѣлъ, что его упорство можетъ повлечь за собою опустошительную войну. Онъ вообще не отличался воинственностью, но замѣчателенъ своимъ благочестіемъ: такъ, напримѣръ, онъ построилъ въ Смоленскѣ каменную церковь св. Іоанна [120]); Татищевъ даже передаетъ извѣстіе, что Романъ особенно старался о распространеніи образованія, учреждалъ училища и проч. [121]). Такъ характеризуютъ его лѣтописи.

Смерть Романа совпала съ началомъ борьбы оставшихся Ростиславичей Рюрика и Давида съ Святославомъ Всеволодовичемъ.

---

[117]) Ип., 406, 407. Въ Ип., лѣтописи извѣстіе о занятіи Кіева Романомъ помѣщено въ концѣ 1175 г. послѣ извѣстія объ изгнаніи Ярополка и занятія Мстиславомъ Смоленска. Разумѣется, Романъ прежде оставилъ Смоленскъ, а потомъ жители изгнали его сына. Непослѣдовательность извѣстія произошла, очевидно, отъ того, что составитель почерпнулъ одно изъ извѣстій изъ другого источника, напр. извѣстіе объ изгнаніи изъ мѣстной Смоленской лѣтописи.

[118]) Ип., р. 409.

[119]) Ип., 258.

[120]) Ип., 417—418.

[121]) Ист. гос. р., т. III, р. 238.

Святославъ, княжившій тогда въ Кіевѣ, собрался идти противъ Суздальскаго князя Всеволода Юрьевича за то, что послѣдній плѣнилъ сына его Глѣба. Но зная, что Ростиславичи, въ особенности враждебный еще издавна ему Давидъ Вышгородскій, воспользуются этимъ случаемъ, чтобы напасть на него, рѣшилъ прежде захватить Давида, а Рюрика изгнать. Для этого онъ выбралъ время, когда Давидъ охотился съ княгинею и небольшимъ числомъ дружины на берегахъ Днѣпра. Онъ также въ это время былъ на охотѣ. Святославъ задумалъ было напасть на стоянку Давида и взять его въ плѣнъ. Онъ сдѣлалъ нападеніе на ничего не подозрѣвающаго Давида, но послѣдній съ женою убѣжалъ въ лодкѣ въ Бѣлгородъ, къ брату Рюрику. Между тѣмъ Святославъ искалъ его подъ Вышгородомъ. Послѣдній не рѣшился оставаться долѣе въ Кіевѣ, и ушелъ въ Черниговъ собрать и приготовить своихъ братьевъ и родственниковъ къ предстоящей войнѣ. Между тѣмъ Рюрикъ занялъ Кіевъ, а Давидъ поспѣшилъ къ брату Роману, гдѣ ожидали нападенія. Въ дорогѣ его встрѣтили послы изъ Смоленска съ печальною вѣстью о смерти брата; Давидъ поспѣшилъ и занялъ Смоленскій столъ (1180 г.), оставивъ въ Вышгородѣ сына Мстислава [122]).

Святославъ между тѣмъ отправился прежде на Суздаль, оставивъ въ Черниговѣ князей Ярослава и Игоря. Эти князья рѣшились напасть на Друцкъ, гдѣ княжилъ Глѣбъ, сынъ извѣстнаго намъ Рогволода Борисовича. Друцкъ находился тогда, вѣроятно, подъ покровительствомъ Смоленскихъ князей. Поэтому Давидъ поспѣшилъ съ своимъ полкомъ къ Друцку и заперся въ городѣ вмѣстѣ съ Глѣбомъ.

Въ тоже время къ Ярославу и Игорю присоединились Полоцкіе князья: два брата Васильковичи, Брячиславъ Витебскій и Всеславъ Полоцкій, Всеславъ Микуличъ Логожскій, кромѣ того Андрей Володшичъ, племянникъ его Изяславъ и Василько Брячиславичъ; Брячиславъ и Всеславъ привели съ собою толпы Ливи и Литвы. Такимъ образомъ мы видимъ, что почти вся Полоцкая земля собралась на Друцкаго и на Смоленскаго князей.

Давидъ и Глѣбъ, какъ только подошли союзныя войска къ городу, рѣшились немедленно дать сраженіе Ярославу и Игорю; но тѣ ожидали Святослава съ главными силами, и потому избѣгали сра-

---

122) Ип., р. 416—417.

женія. Они стали на неудобномъ для нападенія берегу Друти. Рѣка раздѣляла оба войска. Изрѣдка происходили мелкія схватки копейщиковъ и стрѣлковъ, которые выѣзжали на рѣку. Такъ прошла недѣля, когда, наконецъ, пришелъ Святославъ съ Новгородскимъ ополченіемъ. Онъ немедленно велѣлъ переходить Друть. Но Давидъ понялъ, что у него недостаточно силъ для сраженія и бѣжалъ ночью въ Смоленскъ. Тогда Святославъ приступилъ къ городу, но не взялъ его, а только сжегъ передовыя укрѣпленія. Послѣ этого онъ отпустилъ Новгородцевъ, а самъ направился сухимъ путемъ къ Рогачеву, откуда на лодкахъ поѣхалъ въ Кіевъ. Рюрикъ между тѣмъ, узнавъ о неудачѣ брата, перешелъ въ Бѣлгородъ [123]).

Хотя Рюрику удалось побѣдить войска Святослава, но онъ не пожелалъ занять Кіевъ. По выраженію лѣтописи, онъ не возгордился побѣдою но, „возлюби миръ болѣе войны; желалъ жить въ братолюбіи, въ особенности ради христіанъ, которыхъ кровь проливалась въ усобіяхъ; онъ, по совѣту съ своими мужами, уступилъ старѣйшинство Святославу, а себѣ взялъ всю Русскую землю“ [124]). Однако въ этомъ видна весьма дальновидная политика Ростиславичей. Они отдали Святославу только Кіевъ, а сами завладѣли большею частью Руси, такъ что въ ихъ власти были даже ближайшіе города къ Кіеву— Вышгородъ, Бѣлгородъ и Овручъ. Такимъ образомъ на дѣлѣ они были сильнѣе Святослава. Между тѣмъ, еслибы они не уступили ему Кіева, то война могла бы быть для нихъ опасна, въ союзѣ съ Святославомъ была вся Сѣверская земля и Полоцкая.

Съ этого времени (1180 г.) борьба между Ростиславичами и Святославомъ прекращается до самой смерти послѣдняго (1195 г.). Русь направляетъ свои усилія на борьбу съ степняками Половцами. Эту борьбу пришлось вести преимущественно Рюрику, владѣнія котораго подвергались найболѣе нападеніямъ. Большія походы совершаются великимъ, какъ его теперь называетъ лѣтопись, княземъ Рюрикомъ, съ Святославомъ, причемъ иногда ходятъ и болѣе сѣверные князья. Такъ въ походѣ 1183 г. принимали участіе Волынскіе и Туровскіе Юрьевичи: Пинскій Ярославъ, Глѣбъ Дубровницкій и Мстиславъ Городенскій.

---

[123]) Ип., р. 419.
[124]) Ип., р. 422.

Смоленскій князь Давидъ рѣдко и неохотно выступаетъ въ походъ на Половцевъ. Степняки не могли нападать на его владѣнія, идти было до нихъ весьма далеко и поэтому онъ даже избѣгаетъ походовъ. Такъ, во время сборовъ въ одинъ изъ такихъ походовъ (1185 г.), Святославъ послалъ звать Давида. Онъ пришелъ съ Смолянами по Днѣпру и сталъ у Триполья. Но когда понадобилось еще дальше пойти, то Смоленскіе воины составили вѣче и несогласились далше идти, говоря, что они изнемогли, что походъ въ глубь степей для нихъ обременителенъ и безполезенъ, вернулись съ своимъ княземъ на родину [125]).

Между тѣмъ въ 1190 г. умеръ Кіевскій князь Святославъ Всеволодовичъ. Рюрикъ, какъ старшій въ княжескомъ родѣ, занялъ немедленно Кіевъ и послалъ оттуда къ брату въ Смоленскъ: „Братъ! мы остались старше всѣхъ въ Русской землѣ, пріѣзжай ко мнѣ въ Кіевъ; о чемъ нужно будетъ подумать про русскую землю, про братьевъ своихъ, племя Владимира, обо всемъ мы съ тобою покончимъ“. Въ лѣтописи описанъ пріѣздъ князя въ Кіевъ. Давидъ съ Смолянами пріѣхалъ въ Вышгородъ. Рюрикъ позвалъ его къ себѣ въ Кіевъ на обѣдъ, послѣ обѣда далъ ему много даровъ и отпустилъ въ Вышгородъ. Потомъ пригласилъ къ себѣ Смоленскаго князя на обѣдъ Ростиславъ, сынъ Рюрика, въ Бѣлгородъ. Давидъ побывалъ и тамъ и получилъ дары. Давидъ въ свою очередь позвалъ на обѣдъ брата своего и племянниковъ и одарилъ; онъ устроилъ обѣдъ для всѣхъ монастырей, при чемъ раздалъ много милостыни и, наконецъ, у него обѣдали Черные Клубуки, степняки жившіе на южной границѣ Руси. Тогда и Кіевляне пригласили Давида къ себѣ на пиръ, чѣмъ оказали ему великую честь.

Въ свою очередь и Давидъ пригласилъ на пиръ всѣхъ Кіевлянъ и одарилъ ихъ. [126]) Послѣ этихъ пиршествъ братья уладили дѣла Русской земли, и Давидъ отправился въ Смоленскъ.

На послѣднемъ совѣщаніи Ростиславичей было, вѣроятно, рѣшено одно весьма значительное предпріятіе. Мы уже и раньше видѣли, что двое Ростиславичей владѣли большею частью тогдашней Руси. Имъ принадлежали земли къ сѣверу отъ Вышгорода, часть По-

---

[125]) Ип., р. 436.
[126]) Ип., р. 458.

лоцкихъ земель до границъ Великаго Новгорода; да и Новгородъ большею частью находился во власти Ростиславичей: въ немъ сидѣли ихъ сыновья. Рюрикъ владѣлъ всею Южною Русью, кромѣ Кіева и большею частью Волынской земли, наконецъ, въ союзѣ съ ними былъ Галичъ. Кромѣ того на сѣверо-западъ въ сильной Суздальской землѣ сидѣлъ тоже потомокъ Мономаха, Всеволодъ Юрьевичъ. Хотя въ послѣднее время въ Кіевѣ и сидѣлъ князь изъ семьи Ольговичей, но эта уступка была выгодна для Ростиславичей.

По смерти же Святослава, Ростиславичи задумали окончательно устранить Сѣверскихъ князей отъ права владѣть Кіевскимъ столомъ. Сговорившись со Всеволодомъ, они послали къ старшему Ольговичу Ярославу въ Черниговъ и ко всѣмъ Ольговичамъ: „Цѣлуй къ намъ крестъ со всѣми твоими братьями, что вы не будете добиваться нашей отчины Кіева и Смоленска отъ насъ, отъ нашихъ дѣтей и отъ всего нашего Владимироваго племени, какъ дѣдъ нашъ Ярославъ раздѣлилъ насъ; а Кіевъ вамъ не нуженъ". [127]) Этого добивался еще Владимиръ Мономахъ, стараясь удержать Кіевъ въ своемъ родѣ. Его потомки нашли удобнымъ теперь исполнить его намѣреніе. Нечего и говорить что Ольговичамъ не понравилось такое предложеніе. Однакожъ они, уступая силѣ, согласились поддерживать такое раздѣленіе земель только до смерти живыхъ членовъ семьи, не ручаясь за будущее. Начались споры, переговоры, самымъ настойчивымъ поборникомъ устраненія Ольговичей отъ Кіева является Давидъ, его поддерживаетъ Всеволодъ. Ольговичи начали мириться не со всѣми вмѣстѣ, но по одиночкѣ. Прежде другихъ уступилъ Рюрикъ, который обѣщалъ еще помирить брата съ Ольговичами. Рюрикъ уступилъ Ярославу Черниговскому Витебскъ. Между прочимъ Ольговичи цѣловали крестъ также на томъ, что они не начнутъ войны, пока положеніе дѣлъ не выяснится, пока не съѣздятъ послы къ Давиду и Всеволоду.

Но Ярославъ Черниговскій нарушилъ послѣднее условіе, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ. Этотъ случай представился, когда Рюрикъ, повѣривъ крестному цѣлованію, распустилъ войска и уѣхалъ изъ Кіева въ Овручъ, по своимъ дѣламъ.

---

[127]) Ип., р. 462.

Ярославъ Всеволодовичъ послалъ своихъ племянниковъ занять Витебскъ, хотя Давидъ еще не былъ извѣщенъ объ этомъ. Ольговичи на дорогѣ напали на Смоленскія земли и начали воевать. Узнавъ объ этомъ, Давидъ отправилъ противъ Ольговичей племянника своего Мстислава Романовича и Рязанскихъ княжичей Ростислава Владимировича и зятя своего Глѣба, съ Смоленскимъ полкомъ. На второй недѣлѣ великаго поста (1195 г.) оба войска встрѣтились. Ольговичи приготовились къ битвѣ, притоптали вокругъ себя снѣгъ и ждали нападенія. Смоленскія дружины не успѣли приготовиться и бросились на Сѣверянъ и Полочанъ. Нужно замѣтить, что Полочане снова порвали союзъ съ Давидомъ, желая освободиться отъ зависимости; къ нимъ присоединился и Друцкій князь Борисъ.

Мстиславъ съ дружиною напалъ на полкъ Олега Святославича, сбилъ знамена, при чемъ сынъ Олега Давидъ былъ убитъ. Михалко, Тысяцкій князя Давида, съ Смолянами напалъ на дружины Полочанъ, но былъ отбитъ; Смоляне бѣжали. Тогда Полочане, оставивъ ихъ безъ преслѣдованія, зашли въ тылъ Мстиславова полка. Произошло замѣшательство, ибо Мстиславъ, не зная о бѣгствѣ Михалки, погнался за полкомъ Олега; погнались также и Глѣбъ съ Ростиславомъ. Мстиславъ, возвратившись одинъ на прежнее поле битвы, былъ встрѣченъ Полочанами и взятъ ими въ плѣнъ. Другіе князья бѣжали въ Смоленскъ къ Давиду. Между тѣмъ бѣжавшій уже Олегъ Святославичъ замѣтилъ, что Полочане побѣдили, вернулся къ нимъ; онъ весьма обрадовался, увидѣвъ плѣненнаго Мстислава и выпросилъ его себѣ у Бориса Друцкаго.[128]) Радостное для Ольговичей извѣстіе о побѣдѣ немедленно было отправлено къ Ярославу въ Черниговъ. Олегъ, извѣщая его прибавлялъ, чтобы онъ немедленно собрался и ѣхалъ въ Смоленскую землю; это представлялось тѣмъ болѣе удобнымъ и необходимымъ, что плѣнные Смоляне говорили Олегу, что братья теперь не въ ладахъ. Ярославъ дѣйствительно собрался и уже былъ въ дорогѣ, когда Рюрикъ прислалъ ему изъ Овруча крестныя грамоты, обвиняя его въ неисполненіи договора и угрожая пойти на Черниговъ, если онъ пойдетъ на Смоленскъ. Ярославъ не поѣхалъ къ Смоленску и, видя, что ему трудно будетъ вести борьбу съ Ростиславичами, началъ сваливать всю вину на Да-

[128]) Ип., 464–465.

вида, что онъ помогалъ Витебскому князю, зятю своему. Однако князья не уладились. Рюрикъ звалъ Всеволода напасть на Черниговскаго князя; тотъ согласился. Ярославъ предлагалъ потомъ выдать Мстислава Романовича, но все таки князья не помирились. Между тѣмъ новый союзникъ Ольговичей Романъ Владимировичъ напалъ на земли Давида, а послѣдній, соединившись со Всеволодомъ Суздальскимъ, напали на область Вятичей, принадлежащую Ярославу, начали ее жечь и грабить. Ярославъ поспѣшилъ на помощь Вятичамъ и началъ тамъ переговоры со Всеволодомъ и Давидомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ князья помирились, хотя Давидъ настаивалъ на продолженіи войны; Ольговичи цѣловали крестъ на томъ, что они не будутъ добиваться подъ Рюрикомъ Кіева, а подъ Давидомъ Смоленска. [129]) Такимъ образомъ, попытка потомковъ Мономаха совершенно отстранить Ольговичей отъ Кіевскаго стола не удалась.

Въ слѣдующемъ году 23 апрѣля (1197 г.) умеръ Смоленскій князь Давидъ Ростиславичъ, 60 лѣтъ отъ роду, прокняживъ 18 лѣтъ въ Смоленскѣ. Онъ былъ похороненъ въ монастырѣ Бориса и Глѣба на Смядыни, гдѣ скончался, принявъ передъ смертью схиму. Лѣтопись прибавляетъ о немъ, что это былъ князь весьма благочестивый; онъ построилъ въ Смоленскѣ церковь арх. Михаила. Кромѣ того мы видѣли, что ему нельзя отказать въ воинственности и предпріимчивости.

Эти послѣднія качества имѣли дѣятельное примѣненіе въ борьбѣ съ Ольговичами. Онъ является ихъ постояннымъ врагомъ. Эта вражда обнаруживалась и поддерживалась тѣмъ, что онъ былъ особенно сильный поборникъ исключительной гегемоніи надъ Русью рода Мономаховичей. Видя, что покорить Ольговичей и силою заставитъ ихъ отказаться отъ Кіева, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ гегемоніи надъ Русью на будущее время, невозможно, онъ постарался провести эту идею посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ; но это ему не удалось. Ольговичи крѣпко держались своихъ правъ на Кіевъ; они предполагали, что со смертью настоящаго великаго князя Всеволода Суздальскаго, Кіевъ можетъ еще возвратить свое прежнее значеніе для Руси. Во всякомъ случаѣ, даже и въ это время Кіевскій князь все же въ дѣйствительности имѣлъ большое значеніе въ дѣ-

---

[129]) Ип., 468—470.

лахъ Русской земли, хотя и называлъ Всеволода отцомъ, т. е. старшимъ. Князь Давидъ отличался твердостью характера и властолюбіемъ, при чемъ выказывалъ иногда жестокость; многія черты напоминаютъ въ немъ Андрея Боголюбскаго. Изъ его отношеній къ Смоленскому вѣчу мы знаемъ, что онъ не всегда ладилъ съ нимъ. По одному лѣтописному извѣстію, между нимъ и Смолянами была сильная распря; усмиряя вѣче, онъ поступилъ съ крайнею жестокостью: многіе изъ знатныхъ гражданъ были казнены. [130]) Возмущеніе Смоленскаго вѣча могло послѣдовать какъ вслѣдствіе личнаго характера этого князя, такъ и вслѣдствіе войнъ, которыя онъ велъ съ Ольговичами по поводу послѣдняго спора за Кіевъ. Этотъ споръ имѣлъ въ значительной мѣрѣ династическій характеръ, не касавшійся близко Смоленской земли, а между тѣмъ вовлекавшій ее въ борьбу, въ которой она страдала отъ походовъ и нападеній. Между тѣмъ Смоляне, мы знаемъ, болѣе привыкли сидѣть спокойно и заниматься торговлей. Лѣтопись рисуетъ его человѣкомъ средняго роста и красивымъ. [131]) Давидъ имѣлъ 4 сыновей: Изяслава, Константина и двухъ Мстиславовъ. Такимъ образомъ скончался послѣдній изъ Ростиславичей, занимавшій Смоленскій столъ. О судьбѣ Рюрика, своею дѣятельностью мало относящаго къ исторіи Смоленска, мы говорить не будемъ; послѣднія годы его жизни, борьба съ Романомъ, принятіе монашества и пр.,—общеизвѣстны.

Теперь вернемся нѣсколько назадъ и разсмотримъ отношенія Ростиславичей къ Новгороду и Полоцку. Общія основы ихъ политики— тѣ же, что и отца ихъ Ростислава.

Какъ только умеръ Ростиславъ, сынъ его Святославъ, сидѣвшій тогда въ Новгородѣ, понялъ, что оставаться ему далѣе нѣтъ возможности; Новгородцевъ заставили принять его, и онъ понималъ, что какъ только великій князь перемѣнился, граждане постараются отдѣлаться отъ нелюбимаго князя. Вотъ почему Святославъ ушелъ въ Луки тайно,ославъ оттуда свой отказъ Новгородцамъ. Послѣдніе собрались, чтобы прогнать его изъ своихъ предѣловъ, но онъ ушелъ въ Торопецъ, откуда отправился на верховья Волги, гдѣ съ помощью Андреевой дружины разорилъ Торжокъ. Братья его въ союзѣ съ Андреемъ рѣши-

---

[130]) Новгор.,
[131]) Ип., 471.

лись поддержать Святослава „силою местяце въ городъ". Романъ и Мстиславъ пожгли Луки; пословъ Новгородскихъ, пытавшихся пройти къ Мстиславу Изяславичу въ Кіевъ за княземъ, перехватывали. Наконецъ, Новгородцы, чтобы совершенно обезсилить партію Святославову, убили важнѣйшихъ ея представителей, посадника Захарія, Неревина и Нѣзду, вступили въ борьбу противъ соединенныхъ силъ Суздальцевъ, Смолянъ и Полочанъ (вѣроятно, тѣхъ изъ удѣловъ послѣднихъ, которые находились подъ вліяніемъ Смоленска), посольство ихъ пробралось черезъ западныя Полоцкія владѣнія въ Кіевъ и въ слѣдующемъ, наконецъ, году Новгородцы получили князя—Романа Мстиславича. [132])

Но коалиція князей противъ Новгорода не прекратилась. Какъ извѣстно, это было время борьбы Андрея и Ростиславичей съ Мстиславомъ Изяславичемъ Кіевскимъ и разоренія Кіева. Борьба эта отразилась и на Новгородцахъ, которые должны были выдержать осаду соединенныхъ силъ Суздальцевъ, Смольнянъ, Муромцевъ, Полочанъ, и др. „и вся земля просто Русьская", говоритъ Новгородскій лѣтописецъ. Осада эта кончилась неудачею для союзниковъ. [133])

Какъ извѣстно, Кіевъ былъ разоренъ, Мстиславъ Изяславичъ потерялъ силу и Новгородцы, хотя и отстояли сына его, но не могли устоять противъ дороговизны, бывшей слѣдствіемъ вражды съ Андреемъ и Ростиславичами: они отказались отъ Романа и приняли Рюрика Ростиславича. Послѣдній остался вѣренъ политикѣ отца и братьевъ; изъ распоряженій его видно, что онъ также стремился поддержать боярскую партію: онъ отнялъ посадничество у Жирослава и далъ Иванку, сыну того самого Захарія, котораго Новгородцы казнили за приверженность къ Ростиславичамъ. Но Рюрикъ просидѣлъ всего нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородѣ, откуда опять отправился въ 1171 г. въ Кіевщину. [134])

Однако, чрезъ нѣкоторое время партія Ростиславичей снова беретъ верхъ въ Новгородѣ, Новгородцы обращаются въ 1178 г. къ Роману съ предложеніемъ занять столъ; онъ согласился, но ушелъ

---

[132]) Новгор., 146—7. „И болши вражды бысть на Мстислава отъ братьѣ" замѣчаетъ Ипат. лѣтоп. по поводу занятія Новгорода Романомъ, р. 372.

[133]) Новгор., 149, Ипат., 382.

[134]) Новгор., 150.

въ томъ же году въ Смоленскъ, и тогда Новгородцы обратились къ брату его, знаменитому Мстиславу. Послѣдній долго не соглашался, но наконецъ, уступилъ просьбамъ жителей и убѣжденіямъ братьевъ. [135]) Кратковременное княженіе его на новомъ столѣ посвящено было удачному походу на Чудь и Полоцкъ; походъ на послѣдній былъ остановленъ заступничествомъ Романа. Но во внутреннихъ дѣлахъ и этотъ князь былъ вѣренъ традиціямъ предшественниковъ изъ своей линіи: послѣ его смерти граждане отняли посадничество у Завида Неревинича, [136]) сына того Неревина, котораго убили Новгородцы за сношенія съ Святославомъ. Такимъ образомъ и Мстиславъ держался той же партіи—боярской, что и его предшественники.

Въ томъ же 1148 г. Мстиславъ Ростиславичъ умеръ. Южная лѣтопись, вообще съ большими симпатіями относящаяся къ Ростиславичамъ, описываетъ глубокую печаль Новгородцевъ о потерѣ князя, но сѣверная лишь сухо сообщаетъ объ этомъ событіи. Впрочемъ, разсказъ южной лѣтописи отличается риторизмомъ, хотя и довольно правдивъ, такъ какъ на югѣ лучше знали этого князя—дружинника. [137])

На нѣкоторое время Новгородъ переходитъ въ руки Ольговичей Черниговскихъ, которые и пользовались помощью его въ борьбѣ съ Давидомъ Смоленскимъ, защищавшимъ Друцкъ. [138]) Но Давидъ былъ въ союзѣ съ Всеволодомъ Ростовскимъ и Новгородцы жестоко поплатились разореніемъ Торжка за союзъ съ Ольговичами. [139]) Это заставило ихъ снова обратиться къ Ростиславичамъ, именно къ Давиду, съ приглашеніемъ на княженіе; Смоленскій князь послалъ туда сына своего Мстислава. [140]) Но и этотъ представитель уже третьяго

---

[135]) Новгор. 156, Ипат., 411.

[136]) Новгор., 156.

[137]) Новгор., 156; вотъ какъ описываетъ этого князя Ипат. лѣтопись: „плакавъшеся надъ нимъ все множьство Новгородьское, и силнии и худии, и нищии, и убозѣи, и чернорисьцѣ, бѣ бо милостивъ на вся нищая; и тако разидошася во своя домы. Сий же благовѣрный князь Мьстиславъ, сынъ Ростиславль, възрастомъ середний бѣ, и лицемъ лѣпъ, и всею добродѣтелью украшенъ и благонравенъ, и любовь имяше ко всимъ, паче же милостыни прилежаше, монастырѣ набдя, чернецы утѣшивая.... Бѣ бо любезнивъ на дружину, и имѣния не щадяшеть и не сбирашеть злата ни сребра, но даяше дружинѣ своей.... не бѣ бо тоѣ землѣ в Руси, которая же его не хотяшеть, ни любяшеть, но всегда бо тосняшеться на великая дѣла“, р. 414.

[138]) Ип., 419—20.

[139]) Новгор., 156.

[140]) Новгор., 159.

поколѣнія Смоленскихъ князей держался старой политики своихъ предшественниковъ, поддерживая свою боярскую партію въ ущербъ другимъ элементамъ населенія. Новгородцы были имъ недовольны, происходила, очевидно, оживленная борьба партій, слѣдствіемъ которой было то, что уже упомянутый приверженецъ Смоленскихъ князей Завидъ Неревеничъ, снова занявшій посадничество, долженъ былъ удалиться къ Давиду въ Смоленскъ, [141]) а братъ его Гаврило былъ убитъ вмѣстѣ съ какимъ то Вячей Свеничемъ. [142]) Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ борьбы партій было то, что въ 1187 г. и самого князя Новгородцы „выгнаша". [143])

Съ этого времени Новгородъ становится все въ большую и большую зависимость отъ Суздаля, вліяніе Смоленскихъ князей уменшается, особенно со смертью Давида.

Въ отношеніи къ Полоцку политика Ростиславичей стремится къ тому, чтобы, подчинить и упрочить свое владѣніе надъ различными удѣлами этой земли, помогая то одному, то другому изъ князей, а, можетъ быть, и поселяя вражду между ними. Давидъ, являющійся главнымъ представителемъ Смоленскихъ князей въ ихъ сношеніяхъ съ Полоцкими, не только успѣлъ поддержать вліяніе надъ этой землею, котораго достигъ отецъ его, но пользовался еще большимъ.

Мы уже видѣли, что Давидъ въ 1165 г. сѣлъ въ Витебскѣ, къ концу же XII ст. этотъ князь постоянно вмѣшивался въ дѣла Полоцка, поддерживалъ на этомъ столѣ Всеслава Васильковича въ противовѣсъ другимъ претендентамъ, и т. д. Вопросъ о Полоцко-Смоленскихъ отношеніяхъ мы, чтобы не повторяться, оставляемъ до слѣдующей главы.

---

141) Новгор., 160.
142) Новгор., 161.
143) Новгор., 162.

III.

Обратимся теперь къ судьбамъ Полоцкой земли.

Борьба съ Половцами въ княженіе Ярополка Владимировича, съ началомъ котораго возвратились изъ Греціи Полоцкіе князья, послѣдующая за его смертью борьба въ семьѣ Мономаховичей и другія важныя событія на югѣ и востокѣ совершенно отвлекаютъ вниманіе нашихъ лѣтописей отъ событій Полоцкихъ. Извѣстія дѣлаются болѣе обильными только къ концу XII вѣка, да и то на короткое время. Возвратившіеся князья теперь уже держатся совершенно иной политики, они стараются завести дружественныя сношенія и съ Мономаховичами и съ Ольговичами. Такъ, когда нелюбимый Новгородцами Всеволодъ Мстиславичъ въ 1137 г. шелъ съ братомъ Святополкомъ черезъ Полоцкъ въ Новгородъ, Василько Полоцкій „самъ выиха къ нему и проводи его съ многого честію, заповѣда же ради Бога забы злобу отца ихъ Мстислава“ [1]). Но 1140 г. на Полоцкъ бѣжитъ изъ Новгорода Святославъ Ольговичъ [2]). Въ своемъ стремленіи пріобрѣсти покровителей среди сильныхъ князей, Полоцкіе Всеславичи роднятся съ Ольговичами и Мономаховичами: въ 1143 г. Всеволодъ взялъ за сына своего дочь Василька Полоцкаго, а Изяславъ въ томъ же году отдалъ дочь свою за Рогволода Борисовича [3]). Войска Полочанъ встрѣчаются какъ вспомогательныя въ походахъ великихъ князей; такъ, ихъ войска были съ Ярополкомъ въ походѣ его на Черниговъ 1138 г. [4]), въ походѣ Изяслава на Ту-

---

[1]) Тверская лѣт. (П. С. Р. Л. т. XV), p. 199.
[2]) Ип., 220.
[3]) Ип., 229.
[4]) Никон. (П. С. Л. т. IX), p. 162.

ровъ въ 1157 г. [5]). Такимъ образомъ, Полоцкіе князья находятся въ подчиненномъ положеніи къ великимъ князьямъ; они подпадаютъ, какъ мы уже видѣли, вліянію сосѣднихъ сильныхъ Смоленскихъ князей при Ростиславѣ; вліяніе это при Давидѣ на время переходитъ въ довольно значительную зависимость.

Что касается внутренняго положенія земли, то со времени возвращенія Полоцкихъ князей до половины XII ст. лѣтописи вовсе не упоминаютъ объ этой сторонѣ жизни. Въ 1143 г. лѣтопись называетъ Васильковну дочерью Полоцкаго князя и Рогволода Борисовича также помѣщаетъ въ Полоцкѣ. Поэтому, кто изъ князей, Василько или Рогволодъ, занимали тогда Полоцкій столъ,—опредѣлить трудно. Вѣроятно, послѣдній смѣнилъ перваго около этого времени, такъ какъ названіе жены сына Всеволода Полоцкою княжною не указываетъ еще на то что Василько живъ еще былъ въ то время и владѣлъ этимъ удѣломъ. Какъ бы то ни было, но въ 1151 г. мы видимъ на Полоцкомъ столѣ Рогволода Борисовича. Полочане „яша" этого князя, сослали въ Минскъ, а избрали Ростислава Глѣбовича. Но понимая, что Рогволодъ могъ найти себѣ защитниковъ, они въ тоже время снеслись съ Святославомъ Ольговичемъ, отдались подъ его покровительство „яко имѣти его отцемъ себѣ и ходити въ послушаньи его" [6]).

Рогволодъ скоро освободился изъ заключенія въ Минскѣ и въ 1159 г. является уже въ Слуцкъ, который тогда принадлежалъ Святославу Ольговичу, и съ помощью этого послѣдняго, съ его полкомъ, направился въ Друцкъ. Вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ Святославъ изъ покровителя Ростислава сдѣлался его врагомъ и оказалъ помощь его противнику,—мы уже говорили.—Въ Друцкѣ въ

---

[5]) Никон., 209.

[6]) Ипат., 308. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 6654 г. занесено извѣстіе „а Глѣба взяли съ Рязани на Друческъ" (П. С. Р. Л., т. VII, р. 242). Упоминаемый здѣсь Глѣбъ — сынъ Ростислава Рязанскаго, изгнаннаго въ этомъ году Андреемъ Боголюбскимъ. Затѣмъ подъ 6667 г. снова находимъ извѣстіе: „Дрючане Глѣба отъ себя выгнаша, а у себе посади Рогволода Борисовича, внука княжь Юрьева Долгорукова, а Глѣбъ иде опять на Резань" (ibid.) Это извѣстіе находится въ отрывкѣ „Начало Государей православныхъ". Недоразумѣніе, происшедшее здѣсь въ именахъ князей, ясно: сѣверный компиляторъ встрѣтилъ подъ 6667 г. извѣстіе объ изгнаніи Глѣба Ростиславича Дручанами, принялъ этого Глѣба за сына извѣстнаго ему князя Рязанскаго, а подъ 6654 г. извѣстіе объ изгнаніи этого послѣдняго дополнилъ собственнымъ соображеніемъ о томъ, что изгнанному Глѣбу Дручане предложили свой столъ, а гдѣ жили эти Дручане, онъ, конечно, не зналъ.

это время княжилъ сынъ Ростислава Глѣбъ. При приближеніи Рогволода партія его въ Друцкѣ взяла перевѣсъ; къ Дручанамъ присоединились и Полочане, приглашая князя. Они говорили ему: „князь, поѣзжай, не медли, мы рады биться за тебя и съ дѣтьми!“ Болѣе 300 приверженцевъ выѣхало къ нему на встрѣчу, остальные изгнали Глѣба, разграбили его и дружины имущество. Рогволодъ утвердился въ важнѣйшемъ изъ удѣловъ. Тогда и въ самомъ Полоцкѣ приверженцы его начали дѣйствовать въ пользу своего князя. Ростиславъ между тѣмъ замѣтилъ волненіе въ городѣ, собралъ гражданъ, снова заставилъ ихъ цѣловать крестъ, а самъ съ братьями Всеволодамъ и Володаремъ отправился на Рогволода къ Друцку. Но походъ былъ неудаченъ, Дручане успѣли отбиться и враждующіе князья заключили миръ. Но и миръ былъ непроченъ. Полочане снова „съвѣтъ зълъ свѣщаша“; они послали къ Рогволоду, побуждая его идти къ Полоцку, извинялись за прежній свой поступокъ съ нимъ и обѣщали выдать ему Глѣбовичей. На слѣдующій день послѣ вѣча, граждане пригласили Ростислава, находившагося тогда въ пригородномъ селѣ Бѣльчицахъ, на совѣтъ въ городъ, подъ предлогомъ, что имѣютъ къ нему какое то дѣло. Въ дѣйствительности же они хотѣли схватить князя. Когда послѣдній уже отправился и былъ недалеко отъ города, къ нему прискакалъ одинъ изъ дѣтскихъ съ извѣстіемъ, что въ городѣ собралось противъ него вѣче, и хотятъ схватить его; тогда Ростиславъ возвратился въ Бѣльчицы, собралъ дружину и ушелъ къ брату Володарю въ Минскъ, разоряя страну на пути. Рогволодъ занялъ Полоцкъ. Но онъ рѣшилъ ослабить своего противника, чтобы отнять надежду у его партіи на возвращеніе. Рогволодъ собралъ Полочанъ, получилъ помощь отъ Ростислава Смоленскаго, приславшаго ему своихъ сыновей Романа и Рюрика съ Новгородцами и Смольнянами, и отправился къ Минску. На пути же прежде всего осадилъ онъ Изяславль, въ которомъ княжилъ Всеволодъ Глѣбовичъ; послѣдній князь былъ въ дружбѣ съ Рогволодомъ и потому безъ долгаго сопротивленія вышелъ къ нему, примирился съ нимъ. Рогволодъ удѣлъ его Изяславль передалъ Брячиславу Васильковичу, а Всеволоду далъ Стрѣжевъ. Отсюда онъ отправился къ Минску, осадилъ здѣсь Ростислава, но черезъ 10 дней заключилъ и съ нимъ миръ [7]).

---

[7]) Ип., 338—341, Густынская, 305, Никон., 211.

Борьба Борисовича съ Глѣбовичами и на этотъ разъ не прекратилась. Послѣдніе не желали удовольствоваться своею отчиною и потому въ томъ же году они напали на младшихъ Васильковичей, Володшу и Брячислава, плѣнили ихъ въ Изяславлѣ и отвели въ Минскъ [8]). Это обстоятельство заставило Рогволода лѣтомъ слѣдующаго года отправиться на Минскъ, при чемъ онъ воспользовался помощію Ростислава Смоленскаго, прислашаго ему 600 конныхъ торковъ подъ начальствомъ воеводы Жирослава Нажировича; торки скоро ушли, но Рогволодъ продолжалъ осаду города въ продолженіи 6 недѣль, пока наконецъ недостигъ своей цѣли, не заключилъ мира „по своей воли"; результатомъ было освбожденіе братьевъ Володши и Брячислава [9]). Борьба между двумя линіями продолжалась и въ слѣдующемъ году. Рогволодъ снова ходилъ къ Минску и „створи миръ" съ Ростиславомъ [10]).

Наконецъ, и Рогволодъ рѣшилъ бороться съ своими противниками по одиночкѣ. Онъ выступилъ въ 1162 г. на самого дѣятельнаго изъ нихъ Володаря и осадилъ его въ удѣльномъ его городѣ Городцѣ. Володарь уклонился днемъ отъ сраженія, но ночью напалъ на Полочанъ и нанесъ имъ съ помощью Литвы сильное пораженіе. Рогволодъ убѣжалъ въ Слуцкъ, оттуда перешелъ въ свой удѣлъ Друцкъ, оставивъ намѣреніе утвердиться въ Полоцкѣ: „а Полотьску не смѣ ити, занеже множьство паде Полочанъ", поясняетъ лѣтопись [11]). Неудачная борьба съ Глѣбовичами ослабила энтузіазмъ, возбужденный въ Полоцкѣ, когда Рогволодъ прибылъ въ Друцкъ; поддержка, оказанная ему Святославомъ была незначительна, Ростиславъ Мстиславичъ также слабо помогалъ ему, а между тѣмъ Полочанамъ приходилось выдерживать тягостную войну съ другою линіею, не желавшею уступить первенства. Все это ослабило партію Рогволода, онъ понялъ это и удалился въ Друцкъ, а Полочане избрали Всеслава Васильковича [12]).

Князь этотъ, княжившій до сего времени въ Витебскомъ удѣлѣ, держался во время только что описаной борьбы за Полоцкъ въ сто-

---

[8]) Карамзинъ, II, прим. 407, р. 162. Намекъ у Татищева, III, 120, повторенный и Екат. II, p. 346, т. V.

[9]) Ип., 340.

[10]) Ип., 351.

[11]) Ип., 355.

[12]) Ип., 360—361.

ронѣ отъ нея. Съ избраніемъ этого князя Полочане получили сильную поддержку на нѣкоторое время въ князьяхъ Смоленскихъ, покровительствовавшихъ Всеславу. Съ него начинается особенно сильное вліяніе въ Полоцкѣ Смоленска. Самое появленіе его на Полоцкомъ столѣ сопряжено было, повидимому, съ уступкой Смоленскимъ князьямъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1162 году онъ занимаетъ Полоцкій столъ, а въ 1165 г. Давидъ Ростилавичъ занялъ Витебскъ. Потому не безъ вѣроятности слѣдуетъ предположить, что уступка Витебска была сопряжена съ поддержкою, которую оказалъ Смоленскъ въ этомъ случаѣ, и также съ цѣлью пріобрѣсть себѣ въ Смоленскихъ князьяхъ вѣрнаго покровителя въ борьбѣ за Полоцкъ. Занятіе Витебска Давидомъ могло произойти непосредственно послѣ занятія Всеславомъ Полоцка въ 1162 г., потому что лѣтописная замѣтка подъ 1165 г. о томъ, что Давидъ „сѣде“ въ этомъ удѣлѣ, не указываетъ вовсе на время занятія имъ стола, а только лишь на владѣніе. И дѣйствительно, Всеславъ, какъ сейчасъ увидимъ, болѣе чѣмъ кто либо изъ князей Полоцкихъ, пользовался защитой и поддержкою Смоленска.

Такъ, когда въ 1167 г. Володарь Глѣбовичъ направился къ Полоцку и вышедшій ему на встрѣчу Всеславъ съ Полочанами былъ разбитъ, послѣдній бѣжалъ къ Давиду въ Витебскъ. Изъ обстоятельствъ похода можно, кромѣ того, видѣть, что при первомъ извѣстіи о движеніяхъ Володаря, Давидъ послалъ Всеславу помощь: „не да ему съвъкупитися (Володарь—Всеславу, очевидно съ Давидомъ) и вдари на нихъ изнезапы“.

Разбивъ Всеслава, Володарь занялъ Полоцкъ, утвердился въ немъ („цѣлова крестъ съ Полтьцаны“) и сейчасъ же направился къ Витебску на Давида и Всеслава.

Войска встрѣтились на берегахъ какой то рѣки. Давидъ оттягивалъ время, не желалъ вступать въ битву, выжидая брата своего Романа съ Смольнянами. Но ночью произошло смятеніе въ лагерѣ Володаря „въ полунощи бысть громъ силенъ, яко воемъ бродящемся чересъ рѣку, и страхъ нападе на воя Володаревы“— вслѣдствіе чего они и разбѣжались. На утро Давидъ, узнавъ о случившемся, послалъ въ погоню за бѣжавшими. Случайная побѣда надъ противникомъ дала возможность Всеславу снова занять Полоцкъ. Давидъ, по выраженію лѣтописи „посла“ его туда, что указываетъ на значительную зависимость Полоцкаго князя.

Нельзя не обратить вниманія и на то, что держаніе Витебска Давидомъ было дѣломъ не его личнымъ; это дѣло было всей Смоленской земли, всѣхъ Ростиславичей, которые при первой надобности шли на поддержку Всеслава и Давида. Дѣйствительно, Витебскъ, какъ уже мы не разъ указывали, занималъ весьма видное положеніе при великомъ водномъ пути, онъ давалъ возможность Смоленскимъ князьямъ производить, въ случаѣ надобности, экономическія репрессаліи на Новгородъ, такъ же, какъ мы видѣли, служившій предметомъ стремленій Ростислава и его сыновей.

Вслѣдствіе сильной поддержки, оказанной Всеславичамъ, Смоленское вліяніе въ Полоцкѣ дѣлается преобладающимъ, но это вліяніе было таково, что Полоцкъ находился въ болѣе или менѣе подчиненномъ отношеніи къ Смоленску. Такъ, мы видимъ Полочанъ въ походахъ Смоленскихъ князей за Святослава Ростиславича на Новгородъ [13]). Союзъ съ Смоленскомъ и поддержка, оказываемая ему со стороны Полоцка, вовлекаетъ послѣдняго въ борьбу съ Новгородомъ. Едва только Новгородцы успѣли на время освободиться отъ Смоленскихъ Ростиславичей, какъ подъ предводительствомъ князя своего Романа Мстиславича, сына Мстислава Изяславича, предприняли походъ на Полоцкія владѣнія, часть которыхъ успѣли опустошить безъ сопротивленія. Оттуда они напали на Торопецкую волость [14]). Полочане сами не могли вступить въ борьбу съ сильнымъ сѣвернымъ княжествомъ. Да въ этомъ для нихъ не было и необходимости, такъ какъ въ этотъ самый періодъ шла борьба Ростиславичей съ Новгородомъ въ союзѣ съ Андреемъ Суздальскимъ. Потому, Полоцкіе Васильковичи, разъ соединивъ свои интересы съ интересами своихъ покровителей, являются въ общемъ походѣ Ростиславичей и Андрея на Новгородъ [15]), кончившемся, какъ извѣстно, неудачей.

Лѣтопись упоминаетъ о томъ, что Полоцкіе князья, по приказанію Андрея, ходили въ 1174 году на Ростиславичей подъ Вышгородъ [16]), однако это обстоятельсто не разорвало установившихся между обѣими линіями отношеній, хотя, быть можетъ, въ названномъ походѣ и участвовали Васильковичи. Интересно извѣстіе

[13]) Никон., 235.
[14]) Никон., 236.
[15]) Никон., 241.
[16]) Ип., 391.

нашихъ лѣтописей, что Ярополкъ Ростиславичъ Владимирскій, вознамѣрившись жениться на дочери Всеслава, „ославъ къ Смоленску поя за ся“ [17]). Такимъ образомъ, дочь Всеслава жила въ Витебскѣ у князей Смоленскихъ. Это обстоятельство, кромѣ указанія на существующія отношенія, намекаетъ и на то, что дочь Всеслава удерживалась въ Смоленскѣ, быть можетъ, съ цѣлью держать въ большей зависимости Полоцкаго князя.

Заступничество Смоленскаго князя предотвратило бѣду, грозившую Полоцку со стороны Новгорода. Когда въ послѣднемъ началъ княжить Мстиславъ Ростиславичъ и воодушевленіе народное сильно поднялось при первыхъ успѣхахъ гражданъ подъ предводительствомъ этого князя, Новгородцы рѣшили отмстить своему сосѣду за постоянную помощь, оказываемую его врагамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Полоцкъ не только своимъ участіемъ въ походѣ съ Ростиславичами на Новгородъ могъ приносить послѣднему вредъ, но едвали не болѣе былъ опасенъ для него своимъ участіемъ въ коалиціяхъ, составляемыхъ Суздальскими и Смоленскими князьями, о чемъ уже была рѣчь. Подрывъ въ торговлѣ, прекращеніе ввоза хлѣба и пр. со стороны Полоцка не менѣе гибельно дѣйствовали на благосостояніе Новгорода. Естественно, что жители послѣдняго стремились при всякомъ удобномъ случаѣ, отомстить сосѣду; на одну изъ такихъ попытокъ мы уже указали.

Теперь настало, повидимому, для Новгородцевъ найболѣе удобное время. Князь Мстиславъ Ростиславичъ былъ извѣстенъ всей Руси своею храбростью и своимъ стояніемъ за неправды и обиды. Мстиславъ больше дорожилъ интересами своихъ гражданъ, на сторонѣ которыхъ была правда, чѣмъ интересами своихъ братьевъ, защищавшихъ Полоцкъ. Вотъ почему онъ предпринимаетъ этотъ походъ. Предлогъ къ нему, указываемый лѣтописями, что будто бы Мстиславъ отправился на Всеслава за то, что дѣдъ послѣдняго, знаменитый чародѣй, когда то ограбилъ Новгородъ,—конечно, не имѣетъ основанія и, вѣроятно, Новгородцы только вспомнили объ этой обидѣ подъ вліяніемъ послѣднихъ событій; быть можетъ, такое объясненіе было пущено въ ходъ еще и потому, чтобы воодушевить чернь и, съ другой стороны, замаскировать истинную экономическую причину похода отъ

[17]) Ип., 495.

Ростиславичей. Но едва только Мстиславъ дошелъ до Лукъ, какъ братъ его Романъ, услышавъ о походѣ, немедленно послалъ къ Всеславу въ помощь сына своего Мстислава, а самъ послалъ сказать брату: „обиды тебѣ нѣтъ, но если хочешь идти на его (Всеслава), то прежде пойди на меня". Предлогъ войны, выставленный Новгородцами, былъ, конечно, не убѣдителенъ для Романа, понимавшаго сущность дѣла. Новгородцы увидѣли, что спорить имъ трудно при такой энергической защитѣ, и отступили [18]) (1178 г.). Такимъ образомъ Полочане избавлялись отъ неравной борьбы.

Мы уже указывали, что въ Полоцкой землѣ происходила борьба представителей трехъ семей: Васильковичей, Глѣбовичей и Борисовича Рогволода. Въ началѣ борьбы Смоленскіе князья, какъ мы видѣли поддерживали Рогволода, но затѣмъ Всеслава. Какъ тогда разрывъ Смоленскаго князя съ Рогволодомъ произошелъ по какимъ то внутреннимъ причинамъ, о которыхъ лѣтопись умалчиваетъ, такъ теперь произошелъ разрывъ Всеслава съ Давидомъ, а послѣдній тѣсно соединяется съ Друцкимъ княземъ Глѣбомъ Рогволодовичемъ. Истинную причину трудно указать; быть можетъ, самъ Всеславъ, утвердившись съ братьями въ своихъ удѣлахъ, сталъ тяготиться большою зависимостью отъ Смоленска. Во всякомъ случаѣ, причина разлада скорѣе могла происходить отъ него, такъ какъ Давиду было невыгодно мѣнять свое вліяніе надъ Полоцкомъ и другими двумя удѣлами Васильковичей, Логожскомъ и Изяславлемъ, на небольшой удѣлъ Рогволода, потерявшаго притомъ вліяніе въ самомъ Полоцкѣ.

Какъ бы то ни было, но въ 1180 году, началась у Давида и Всеволода Юрьевича борьба съ Черниговскими князьями, старшими изъ которыхъ были Всеволодъ и Святославъ; о причинахъ вражды Ольговичей съ Давидомъ мы уже говорили. Первые, минуя собственно Смоленскія земли, рѣшились напасть на Друцкъ, очевидно, разсчитывая нанести ударъ Давиду съ болѣе слабой стороны. Сначала туда двинулись Ярославъ Всеволодичъ и Игорь Святославичъ съ отрядомъ Половцевъ. Святославъ въ это время находился въ Новгородѣ и готовилъ сѣверное ополченіе. Но онъ предварительно заключилъ союзъ съ разными Полоцкими удѣльными

[18]) Ип., 412, Новгор., Никон. X, 6.

князьями, изъ которыхъ главными союзниками являются Василковичи, Всеславъ съ Полочанами, Брячиславъ съ Витеблянами, Всеславъ Микуличъ съ Логожанами; кромѣ того сынъ Владимира Андрей, племянникъ его Изяславъ и Василько Брячиславичъ. Всѣ они, соединившись, прошли мимо Друцка къ сѣверу, чтобы соединиться съ Святославомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что почти всѣ Полоцкіе князья, прежніе союзники и даже подручники Давида, теперь соединились противъ него. Давидъ съ своимъ полкомъ быстро двинулся къ Друцку и занялъ его. Здѣсь въ это время уже княжилъ сынъ Рогволода Глѣбъ. Давидъ хотѣлъ немедленно сразиться съ Ярославомъ и Игоремъ, пока они неуспѣли соединиться съ Святославомъ и Полоцкими князьями. Но Ярославъ и Игорь уклонились отъ сраженія, выбрали возвышенное мѣсто на берегу Друти, стали тамъ; Давидъ сталъ на противоположномъ берегу, но дѣйствовалъ нерѣшительно. Дѣло пока ограничивалось незначительными схватками и перестрѣлкою чрезъ Друцкъ. Въ этомъ прошла недѣля. Тогда явился Святославъ съ Новгородскимъ ополченіемъ и союзниками, началъ гатить Друть съ тѣмъ, чтобы напасть на Давида. Послѣдній, недождавшись сраженія, не надѣясь справиться съ болѣе многочисленными противниками, убѣжалъ ночью въ Смоленскъ. Однако и союзники не могли воспользоваться бѣгствомъ защитника Друцка. Святославъ сжегъ передовыя укрѣленія города, но опасаясь нападенія Ростиславичей на собственныя Черниговскія владѣнія, двинулся на югъ, отпустивъ Новгородцевъ [19]).

Такимъ образомъ Смоленскій князь потерпѣлъ пораженіе, но противники его торжествовали недолго. Полоцкаго князя Давидъ рѣшился поставить въ зависимость отъ себя болѣе энергичными мѣрами. Онъ въ 1186 году направился на Полоцкъ; съ нимъ пошелъ и упомянутый Василько и Друцкій князь Всеславъ, вѣроятно, Рогволодовичъ; съ сѣвера съ Новгородцами шелъ на Полоцкъ сынъ Давида Мстиславъ. Полочане сойдясь на вѣче рѣшили, что „неможемъ противустоять Новгородцамъ и Смольнянамъ; если мы впустимъ ихъ въ землю свою, то хотя и заключимъ миръ съ ними, всетаки много зла сотворятъ намъ, опустошатъ нашу землю, идя на насъ; пойдемъ къ нимъ на сумежіе“. Дѣйствительно, Полочане

[19]) Ип., 419—20, Новгор. 158, Твер. 267.

встрѣтили ополченіе Смоленское и Новгородское на границѣ: „и срѣтоша я на межахъ съ поклономъ и честію и даша дары многа". Дѣло уладилось безъ борьбы, миръ былъ заключенъ [20]).

Неизвѣстно, какія обязательства приняли на себя Полочане при заключеніи мирныхъ условій; наиболѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что Давиду былъ уступленъ въ этотъ разъ Витебскъ, какъ сейчасъ увидимъ. Самъ же Полоцкъ, если и принялъ какія либо обязательства, то держался ихъ недолго, и уже подъ 1191 годомъ лѣтопись разсказываетъ, что Новгородскій князь Ярославъ Владимировичъ, въ сопровожденіи „передней" дружины Новгородской, сошелся съ князьями Полоцкими на границѣ и здѣсь они заключили союзъ, "положили любовь", между собою съ тѣмъ, чтобы на лѣто отправиться вмѣстѣ либо на Чудь либо на Литву. Ярославъ дѣйствительно ходилъ на Чудь, но выполнили ли свое условіе Полочане—лѣтопись не упоминаетъ [21]).

Этотъ союзъ съ Новгородомъ показываетъ, что Полочане стремились пріобрѣсти себѣ союзника противъ Смоленска: они дали дары Новгородскому князю и согласились идти съ нимъ на Литву илиЧудь, между тѣмъ какъ имъ самимъ небыло причинъ для этихъ походовъ, такъ что дары и походъ, быть можетъ, были со стороны Полочанъ только услугой за союзъ. Торжественное шествіе Ярослава къ границѣ Полоцкой, привлеченіе „переднихъ" Новгородскихъ мужей къ заключенію мирныхъ условій, едва ли неуказываетъ на то, что совѣщанія о походѣ на Чудь небыло главнымъ предметомъ обсужденія собравшихся представителей двухъ сосѣднихъ народоправствъ. Сущность совѣщаній слѣдуетъ видѣть гораздо глубже: здѣсь Полочане и Новгородцы старались заключить союзъ противъ Ростиславичей, подавлявшихъ свободу тѣхъ и другихъ.

Смоленское вліяніе на Полоцкъ и его удѣлы, какъ уже мы видѣли, падаетъ, князья его пытаются вступить въ союзъ съ Ольговичами и оказываютъ имъ значительную поддержку. Но Ольговичи, съ своей стороны, плохо поддерживаютъ Полочанъ и лишь пользуются ихъ помощью во время нашествій на Давида, неоказывая имъ помощи въ свою очередь. Послѣднимъ походомъ своимъ, какъ

---

[20]) Лаврент., 383, Лѣтоп. Оболенскаго, 100, Никон. X, 17, Новгор. 160.

[21]) Новгор. 164, Тверск., 280, Никон. X, 19, Лѣтоп. Даниловича, 122—3.

мы видѣли, Давидъ достигъ того, что ему былъ уступленъ Витебскъ; хотя въ условіяхъ о мирѣ объ этомъ неговорится, но уступка эта ясна и такъ. Въ походѣ 1180 г. Ольговичей на Друцкъ мы видимъ въ числѣ ихъ союзниковъ Брячислава Васильковича изъ Витебска. А въ 1195 г., т. е. 4 года спустя послѣ Давидова похода, Витебскъ находился уже въ безусловной зависимости у Смоленскихъ князей. Когда начались извѣстныя уже намъ переговоры о Кіевскомъ столѣ между Ольговичами и Ростиславичами, первые, очевидно, сильно добивались завладѣнія Витебскомъ. Это вполнѣ понятно, потому что они тогда имѣли бы въ своемъ владѣніи городъ, находящійся въ самой землѣ Полоцкой, моглибы значительно усилить свое вліяніе въ этой области и постоянно мѣшать политическимъ видамъ Смоленскаго князя. Рюрикъ Ростиславичъ уступилъ Витебскъ Ольговичамъ, но съ тѣмъ, что онъ предварительно переговоритъ съ Давидомъ. Ольговичи же поторопились занять городъ. Ярославъ послалъ туда племянника своего Олега Святославича, къ нему присоединились разные удѣльные Полоцкіе князья. Давидъ послалъ подъ начальствомъ Мстислава Романовича войска, которыя, благодаря успѣху Полочанъ, и потерпѣли пораженіе; Мстиславъ Ростиславичъ былъ взятъ въ плѣнъ [22]).

Въ какомъ отношеніи къ Давиду находился Витебскъ, видно изъ того, что Ростиславичи распоряжаются имъ какъ своимъ городомъ, хотя и былъ здѣсь свой князь, зять Давидовъ, вѣроятно, одинъ изъ князей Полоцкихъ. Карамзинъ называетъ его Васильком [23]).

Хотя, какъ извѣстно, Давиду и удалось удержать за собою Витебскъ, однако вліяніе его на Полоцкую землю, какъ мы видѣли, все болѣе и болѣе ограничивалось; онъ, потерявъ вліяніе надъ самимъ Полоцкомъ, поддерживалъ Друцкихъ князей, но одинъ изъ нихъ Борисъ Рогволодовичъ былъ въ числѣ союзниковъ Ольговичей и плѣнилъ Мстислава Романовича во время только что описаннаго похода.

Такимъ образомъ, Давидъ потерялъ значеніе и въ Друцкѣ, удержавъ только Витебскъ и то какъ подвластный уже городъ.

Описывая послѣднія событія, наши лѣтописи вовсе не упоминаютъ имени Полоцкаго князя. Это дало поводъ къ самимъ разнообразнымъ предположеніямъ. Всѣмъ извѣстна неудачная комбинація

---

[22]) Ипат., 464—5, Никон., X, 27, Тверск., 285, Лаврент. 392.

[23]) Карамзинъ, III. примѣч. 95, р. 46, Арцыбашевъ, I, 237, Татищевъ, III, 277.

Стрыйковскаго, пытавшагося заполнить пробѣлъ лѣтописей, выдвинувъ какого то Бориса Гинвилловича. Съ конца прошлаго вѣка сыплются нападки на Стрыйковскаго, а между тѣмъ удовлетворительно вопросъ всетаки нерѣшенъ. Самое обычное объясненіе — это то, что Полоцкъ переживалъ въ концѣ XII в. смутное время, управлялся единственно вѣчемъ, пока имъ не завладѣли Литовцы. Въ промежуткѣ этого времени на фонѣ Полоцкой исторіи появляется князь Владимиръ, о которомъ разсказываетъ Генрихъ Латышъ. Лыжинъ, ища этого Владимира, нашелъ его въ лицѣ Владимира Рюриковича [24]) и отожествлялъ обоихъ князей. Но это натяжка. Рюрикъ никакого соотношенія къ Полоцку не имѣлъ, какъ извѣстно,—а главное,—какъ Смоленское вліяніе къ концу вѣка потеряло всякую силу, мы только что видѣли. Кромѣ того упомянутый авторъ указываетъ на близкое родство Всеслава и Брячислава Васильковичей съ Смоленскими князьями и пр. Но такой переходъ всей Полоцкой земли къ Рюриковичу неестественъ уже потому, что о такомъ близкомъ для Руси человѣкѣ знаютъ и южныя и смоленскія лѣтописи. Но самое главное это то обстоятельство, что Владимиръ Рюриковичъ родился только въ 1187 г. [25]), тогда какъ Генрихъ Латышъ въ первый разъ упоминаетъ о Владимирѣ Полоцкомъ около 1186 г.; это упустилъ Лыжинъ изъ виду въ своей статьѣ. Да и вообще едвали имѣетъ смыслъ попытка исканій Владимира Полоцкаго въ какомъ либо изъ Смоленскихъ или другихъ князей. Хотя наша лѣтопись не упоминаетъ имени Полоцкаго князя, но это не доказываетъ, что тамъ его не было. Вѣдь наши лѣтописи многаго, конечно, не знаютъ о Полоцкихъ дѣлахъ.

На рубежѣ XII ст. Смоленскъ оставляетъ свои притязанія на Полоцкъ, въ Смоленскія лѣтописи непопадаютъ извѣстія о немъ, центръ государственой жизни переносится къ Всеволоду во Владиміръ—причины молчанія понятны. Съ другой стороны, предполагать исчезновеніе очень многочисленныхъ Полоцкихъ князей—тоже нѣтъ основанія, ибо въ походѣ 1180 г. ихъ насчитано въ лѣтописи семь. Между тѣмъ Генрихъ Латышъ всѣми признается однимъ изъ добросовѣстныхъ хроникеровъ своего времени, котораго еще никто не

---

[24]) Извѣстія Акад. Наукъ, 1858 г., т. VII, p. 57.
[25]) Ип., 442.

могъ упрекнуть въ фактической, болѣе или менѣе важной, неточности.

Поэтому, намъ кажется, что вполнѣ естественнымъ считать Владимира непосредственнымъ преемникомъ на Полоцкомъ столѣ Всеслава. Въ самомъ дѣлѣ, лѣтопись упоминаетъ о Всеславѣ въ послѣдній разъ въ 1180 г., а Генрихъ Латышъ говоритъ, что Мейнардъ „accepta itaque licentia a rege Woldemaro de Ploceke, cui Lyvones adhuc pagani tributa solvebant“ [26]) etcet. Это было около 1186 г. Другой вопросъ, къ какой линіи Полоцкихъ князей принадлежалъ этотъ Владиміръ.

Заканчивая разсказъ о внѣшней исторіи Полоцкой области, нельзя не упомянуть объ извѣстіи Татищева о Владимирѣ Минскомъ. Сущность разсказа Татищева состоитъ въ слѣдующемъ. Въ 1182 году Василько Дрогицкій „поссоряся“ съ Владимиромъ Минскимъ, призвавъ въ помощь Поляковъ и Мазовшанъ пошелъ къ Бресту; на Бугѣ противники встрѣтились, Владиміръ проигралъ битву и ушелъ въ Минскъ, а Василько занялъ Брестъ; но „бояся самъ тутъ быть, оставилъ въ немъ брата жены своей съ Поляки, самъ возвратился въ Дрогичинъ“. Владиміръ Володаровичъ снова собралъ войско, получилъ помощь отъ князей Полоцкихъ, взялъ Брестъ, избилъ Мазовшанъ, снова пошелъ за Бугъ и наступилъ на Василька на рѣкѣ Бугѣ. Послѣдній потерпѣлъ пораженіе и удалился къ Лешку, но потомъ снова вернулся и съ помощью Поляковъ принудилъ его (Владимира) „оставя Подляшіе, область Василькову, выйти къ Бресту за рѣку Бугъ“ [27]). По нашему мнѣнію, не можетъ подлежать сомнѣнію, что имя Минска явилось здѣсь чисто случайно [28]).

Изъ разсказа Татищева ясно, что Владиміръ владѣлъ Брестомъ, что этотъ городъ однако принадлежалъ ему не какъ коренной удѣлъ, а только былъ придаткомъ къ тому удѣлу, который Татищевъ называетъ Минскимъ. Борьба на Бугѣ кого нибудь изъ Глѣбовичей Минскихъ, ихъ походы къ Бресту, Дорогичину весьма сомнительны, даже невозможны: Минскому князю съ маленькимъ войскомъ изъ

---

[26]) Heinrici Chronicon Lyroniae, ex recens. Arndt. Hannowerae, 1889 г. 1.

[27]) Татищевъ, III, 347.

[28]) Уже Арцыбашевъ замѣтилъ относительно этого извѣстія Татищева: „Мы не смѣли безъ точныхъ лѣтописныхъ словъ ввести этого переведеннаго отрывка въ наше изложеніе“, I, 228, примѣч. 1407.

своего маленькаго удѣла трудно было бы дѣлать огромные переходы къ Дорогичину и вообще въ Подляшіе, съ которымъ Полоцкъ не связывало ни одно событіе предшествующаго времени, пришлось бы проходить черезъ Пинскія и Ятвяжскія земли и пр. Далѣе, ни Татищевъ ни описанное имъ событіе не указываетъ ни однимъ словомъ на то, что тутъ есть какое нибудь соотношеніе къ землѣ Полоцкой. Кромѣ того въ передачѣ Татищева перепутаны мелкія подробности, на что указалъ уже г. Андріяшевъ, полагающій невозможнымъ приложить вполнѣ это извѣстіе къ Дрогичину [29]) Такимъ образомъ, названіе Минска попало случайно и есть перевранное имя какого нибудь города, каковыя неточности очень часто встрѣчаются у Татищева. Ближе всего предположить, что Татищевъ вмѣсто Пинскъ пишетъ здѣсь Минскъ [30]). Въ самомъ началѣ XIII в. въ Пинскѣ является Владиміръ, о борьбѣ съ Васильком котораго и дошли отголоски до Татищева.

Такимъ образомъ, повторяемъ, по нашему мнѣнію, непосредственнымъ преемникомъ на Полоцкомъ столѣ Всеслава Васильковича является Владиміръ, котораго не знаютъ русскія лѣтописи, но который хорошо былъ извѣстенъ Генриху Латышу, что вполнѣ естественно, вслѣдствіе отдѣленія Полоцкихъ интересовъ отъ интересовъ остальныхъ русскихъ земель.

Мы разсмотрѣли лишь исторію внѣшнихъ отношеній Полоцкой земли къ Смоленску и Новгороду за послѣднюю половину XII ст. Внѣшнія отношенія ея только и исчерпываются этими двумя сосѣдами; съ другой стороны, съ запада, съ начала 80-хъ годовъ начинаютъ проясняться отношенія Полоцкой области къ Литвѣ и Нѣмцамъ. Но отношенія какъ тѣ, такъ и другія въ XII ст. еще слишкомъ незначительны, не ясны, ихъ можно понять только сопоставивъ съ важными фактами послѣдующаго времени, что не входитъ въ нашу задачу. Но теперь обратимся еще къ внутренней исторіи Полоцка, разсмотримъ тѣ теченія областной жизни, о которыхъ даютъ намъ хоть какія нибудь намеки наши источники.

Въ развитіи областной жизни Полоцка замѣчаются два главныя теченія—развитіе вѣчевыхъ началъ и стремленіе пригородовъ

---

[29]) Исторія Волынской земли, р. 49.

[30]) Какъ извѣстно Татищевъ многія географическія имена читалъ невѣрно въ рукописяхъ.

сдѣлаться болѣе самостоятельными. Факты, относящіеся и къ тому и къ другому вопросу крайне скудны, большинство извѣстій было уже указано нами, а потому теперь придется еще разъ просмотрѣть ихъ со стороны внутренней жизни области.

Разсматривая распредѣленіе удѣловъ между Всеславичами, нельзя незамѣтить, что и въ Полоцкой землѣ происходитъ тоже явленіе, что и въ другихъ Русскихъ земляхъ. Полоцкій столъ, какъ главный въ области составляетъ достояніе всѣхъ Всеславичей, которые занимаютъ Полоцкъ или по старшинству, или вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, или же по приглашенію вѣча. Были ли послѣдніе два случая, занятія стола аномаліями, случайными явленіями, утверждать трудно; по крайней мѣрѣ можно намѣтить удѣлы тѣхъ изъ Всеславичей, которые оставили потомство мужское въ удѣльныхъ городахъ, но ни одна линія не владѣетъ послѣдовательно Полоцкомъ, всѣ линіи мѣняются. Полоцкій князь является лишь представителемъ области, но не имѣетъ, повидимому, фактической власти надъ остальными князьями и ихъ удѣлами. Поэтому едва ли не какъ представитель области упоминается въ походѣ 1103 г. на Половцевъ Давидъ Всеславичъ, а также и въ 1104 г. въ походѣ вмѣстѣ съ Мономахомъ на Глѣба Минскаго [31]). Съ 1128 г. Полоцкій столъ, противъ воли гражданъ („сътиснушася“) и по настоянію Мстислава Мономашича, занялъ Рогволодъ Всеславичъ вмѣсто Давида [32]) Въ 1133 г., съ началомъ княженія Ярополка, Полочане сажаютъ къ себѣ на столъ сына третьяго изъ Всеславичей—Василька Святославича [33]). Онъ княжилъ, повидимому, до 1143 г. и, вѣроятно, умеръ на этомъ столѣ, потому что занятіе Полоцка четвертымъ представителемъ Всеславичей—Рогволодомъ Борисовичемъ произошло безъ борьбы, по крайней мѣрѣ таковая, не занесена въ лѣтописи, а о Васильке она больше неупоминаетъ [34]). Наконецъ, въ 1151 г. Ростиславъ Глѣбовичъ Минскій занимаетъ столъ, послѣ того какъ Полочане „яша“ Рогволода [35]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ Всеславичи, кромѣ Романа, о смерти котораго лѣтопись упоминаетъ еще въ 1114 г., и

---

[31]) Ип., 183, 185.
[32]) Ип., 211.
[33]) Никон., 167.
[34]) Ип., 224.
[35]) Ип., 308.

Ростислава, вѣроятно не возвратившагося изъ ссылки и не оставившаго сыновей,—всѣ остальные побывали на Полоцкомъ столѣ или сами (Давидъ, Рогволодъ) или ихъ сыновья. Но вовсе нѣтъ случаевъ, чтобы племянникъ занималъ столъ при жизни дяди. Это наводитъ на мысль, что установившійся порядокъ занятія главнаго стола былъ таковъ, что его занималъ одинъ изъ Всеславичей; но думать что непремѣнно старшій въ родѣ занималъ главный столъ, факты не даютъ возможности. Исчисленные факты очень неполны для такого заключенія (главное—мы незнаемъ старшинства сыновей Всеслава), но даже прямо противорѣчитъ ему: повидимому избраніе зависѣло исключительно отъ воли вѣча; мы незнаемъ только, какъ сѣлъ первый преемникъ Всеслава—Давидъ, по избранію или по назначенію отца, но уже Рогволодъ Всеславичъ не по родовому старшинству занималъ столъ. Василько Святославичъ и Ростиславъ Глѣбовичъ тоже по избраніи и т. д. Но вѣче старается избирать старѣйшаго изъ князей,—это очевидно; причина такого явленія естественна: такой князь былъ хорошо извѣстенъ въ Полоцкѣ, успѣвалъ составить себѣ партію, вѣче могло надѣятся на умѣнье его поддержать интересы города, избавить его отъ междоусобія и проч.

Хотя и былъ признаваемъ въ древней Руси принципъ перехода главнаго стола данной области къ старшему въ семьѣ, какъ это строго выдерживалось въ Черниговѣ и Смоленскѣ, но относительно Полоцкаго стола этого сказать нельзя, какъ мы видѣли. Княжеская власть здѣсь не успѣла утвердиться, такъ какъ вѣче взяло рѣшительный перевѣсъ. Факты вѣчевыхъ рѣшеній мы уже не разъ указывали, но на переломѣ XII и XIII вѣковъ, когда наступаетъ смутное время въ исторіи Полоцкой земли, значеніе вѣча еще увеличивается. Добавимъ еще къ извѣстнымъ намъ фактамъ, что Полочане не только избирали себѣ князей и изгоняли ихъ, но также и заключали договоры, повидимому, безъ участія, по крайней мѣрѣ главнаго, представительнаго, князей своихъ.

Краткія извѣстія нашихъ лѣтописей очень краснорѣчиво говорятъ объ участіи вѣча въ междуземельныхъ отношеніяхъ. Такъ, уже разсказано, какъ въ походѣ Давида на Полоцкъ въ 1186 г. лѣтопись передаетъ рѣшеніе вѣча заключить союзъ съ Давидомъ: „и слышаша Полочане, и здумаша рекуще: не можемъ стати“ и пр. [36]). Точно

[35]) Лаврент., 383.

также самостоятельно заключаетъ союзъ съ Ярославомъ Новгородскимъ Полоцкое вѣче въ 1191 г. [37]). Однимъ словомъ, важные прерогативы Полоцкаго вѣча, кромѣ рѣшенія дѣлъ внутреннихъ, состояли въ правѣ выбирать и изгонять князя, заключать договоры съ сосѣдними князьями; въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній съ княземъ, оно призывало его къ себѣ на объясненія, какъ видно изъ переговоровъ съ Ростиславомъ Глѣбовичемъ; собиралось вѣче у собора св. Софіи. Современныя извѣстія высокаго мнѣнія о самостоятельности самоуправленія Полоцка. Всѣмъ извѣстно указаніе лѣтописи Быховца, почерпнутое, очевидно, изъ болѣе ранняго источника, что Полочане „вѣчомъ ся справляли какъ великій Новгородъ и Псковъ“ [38]). Стрыйковскій, увлекавшійся этою независимостью народнаго правленія въ Полоцкѣ, сочинилъ даже басню о правленіи 30 старѣйшинъ въ Полоцкѣ, которая, конечно, есть только подражаніе греческимъ извѣстіямъ о тридцати тираннахъ [39]).

Всѣмъ извѣстно выраженіе суздальскаго лѣтописца, „Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣче сходятся, на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороды стануть“.

Но приведенный взглядъ лѣтописца на отношенія пригородовъ къ главному городу нѣсколько не вѣренъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Полоцку. Лѣтописецъ, очевидно, приводитъ этотъ историческій принципъ древне-русской жизни, чтобы доказать правоту требованій Ростовцевъ. Но вездѣ, а тѣмъ болѣе въ Полоцкѣ, пригороды, по мѣрѣ возможности, постепенно, захватывали все большую и большую долю самостоятельности и независимости отъ главныхъ городовъ. Борьба ихъ видна въ самомъ началѣ исторической самостоятельности Полоцкихъ Кривичей. Такъ, мы уже видѣли, что въ походахъ на Глѣба Минскаго принимаетъ дѣятельное участіе съ Мономахомъ князь Полоцкій Давидъ. Минчане усердно защищаютъ своего князя. Въ этой поддержкѣ удѣла князю нельзя не видѣть борьбы его съ главнымъ городомъ, представителемъ котораго является Давидъ. Очень быть можетъ, что для Мономаха, дорожив-

---

[37]) Новгор., 164.

[38]) Pomniki do dziejaw zitewskich, Wilno 1846, изд. Нарбутта, p. 5.

[39]) Stryikowski, Kronika, въ изд. Даниловича стр. 240.

шаго старинными принципами древне-русской жизни, вмѣшательство въ дѣла борьбы удѣла съ главнымъ городомъ, кромѣ соблюденія своихъ интересовъ, имѣло также и принципіозное значеніе. Слѣдя далѣе за исторіею Полоцкой жизни, мы встрчаемся снова съ борьбой сыновей Глѣба Минскаго изъ-за Полоцкаго стола съ Рогволодомъ Борисовичемъ. Опять въ этой борьбѣ, не разъ упоминается, что именно Полочане, а не княжеская дружина являются главными защитниками Полоцкихъ интересовъ. Съ другой стороны, Дручане сильно поддерживаютъ своего кандидата на главный столъ, пока на немъ не утверждается Всеславъ Васильковичъ съ помощью Смоленскаго князя.

Такое отношеніе Полоцкихъ пригородовъ къ самому Полоцку станетъ для насъ вполнѣ понятнымъ, если мы постараемся вникнуть въ то, что такое представлялъ собою удѣлъ Полоцкой земли.

Слѣдя за борьбою князей изъ—за Полоцка, нельзя не замѣтить, что Полоцкіе удѣльные князья не переходятъ съ одного удѣла на другой, что еще сыновья Всеслава осѣли уже въ своихъ удѣлахъ. Такъ, мы знаемъ, что Глѣбъ Всеславичъ получилъ Минскъ и крѣпко держался его; сыновья его также владѣли Минскомъ и прилежащими городами. Полочане плѣннаго Рогволода отправили къ Ростиславу Глѣбовичу въ Минскъ, а его оттуда привели. Ростиславъ, узнавъ объ измѣнѣ Полочанъ пошелъ къ Володарю, брату своему, въ Минскъ, этотъ послѣдній, какъ видно изъ похода 1162 г. владѣлъ Городцемъ. Третій Глѣбовичъ „имѣя великую любовь къ Рогволоду“, получилъ отъ него Стрѣжевъ, на сѣверной сторонѣ Двины; вѣроятно, Борисовичъ хотѣлъ разъединить силы противниковъ и далъ сѣверный городъ наиболѣе дружественно расположенному къ нему Глѣбовичу. Такимъ образомъ мы видѣли, что Глѣбовичи отъ начала до конца XII ст. держатся своего отцовскаго удѣла.

Тоже мы замѣчали и за остальными линіями. Василько Святославичъ, въ 1133 г. призванный Полочанами на столъ, владѣлъ несомнѣнно отъ отца своего Витебскомъ. Мы видимъ, что впослѣдствіи Всеславъ, сынъ его, владѣлъ этимъ удѣломъ [40]). Къ Витебскому удѣлу тянулъ и Изяславль. Рогволодъ, отнимая этотъ городъ отъ Всеволода Глѣбовича и отдавая его Брячиславу Васильковичу, мотивировалъ это тѣмъ, что „того бо бѣ отцина“.

[40]) Ясно изъ извѣстія Ипат. лѣт., р. 406, 360 и др.

Борисовичъ Рогволодъ получилъ, вѣроятно, отъ отца, Друцкъ, граждане котораго поддерживали его съ такой охотой и въ которомъ мы видѣли сына его Глѣба Рогволодовича въ 1180 г., а въ 1196 г. Бориса, вѣроятно, также сына.

Не безъ вѣроятности также слѣдуетъ видѣть въ упоминаемомъ походѣ на Друцкъ въ 1180 г. Всеславѣ Микуличѣ изъ Лргожска потомка Брячислава, сына Давида Всеславича, владѣвшаго этимъ городомъ [41]).

Изъ остальныхъ Всеславичей, Романъ и Ростиславъ, очевидно, не оставили потомства, а два Рогволодовича, отправленныя Мстиславомъ въ Грецію (Никоновская лѣтопись сообщаетъ ихъ имена—Иванъ и Василій), очевидно, невернулись оттуда.

Изъ только что сказаннаго ясно, что Полоцкіе удѣлы, по тѣмъ или другимъ причинамъ, получили не временныхъ князей, но постоянныя линіи, чего не было въ другихъ областяхъ древней Руси въ данное время. Это обстоятельство значительно облегчаетъ пониманіе причинъ борьбы удѣловъ съ главнымъ городомъ. Получивъ самостоятельнаго князя, дорожащаго интересами удѣла, этотъ послѣдній естественно могъ оказать главному городу большее сопротивленіе, чѣмъ борясь самъ безъ постояннаго предводителя. Но нельзя не замѣтить также, что князь въ удѣлѣ былъ также ограничиваемъ властью мѣстнаго вѣча, какъ и въ Полоцкѣ; въ случаѣ нужды вѣче же являлось главнымъ помощникомъ князя. Описанные случаи борьбы представляютъ нѣсколько такихъ примѣровъ, въ которыхъ вліяніе вѣча очевидно. Пригородное вѣче также считало себя правоспособнымъ въ выборѣ и удаленіи князя, что мы ясно видимъ въ разсказѣ лѣтописи о вѣчевыхъ собраніяхъ въ Друцкѣ при приглашеніи туда Рогволода Борисовича и изгнаніи Глѣба Ростиславича.

Удѣльные князья распоряжались въ своихъ удѣлахъ, при дѣленіи владѣнія ими между членами своей семьи, по тому же принципу, по какому вообще дѣлились удѣлы между князьями области: старшій занималъ лучшій столъ, болѣе сильный, младшій—менѣе важный. Этотъ принципъ не успѣлъ развиться относительно главнаго города земли—Полоцка, какъ мы уже указали, но въ пригородахъ онъ едва ли не прилагался съ большею послѣдовательностью.

---

41) Ипат., 449.

Такъ, въ самомъ дѣлѣ, Ростиславъ былъ старшій, очевидно, изъ Глѣбовичей, за нимъ слѣдовалъ Володарь и Всеволодъ. Въ моментъ избранія Ростислава Полочанами мы видѣли его въ Минскѣ, но когда онъ удалился изъ Полоцка, то лѣтопись говоритъ, что Ростиславъ пошелъ къ Володарю въ Минскъ. Слѣдовательно, во время отсутствія его, братъ Володарь владѣлъ главнымъ городомъ удѣла Глѣбовичей, но когда братъ принужденъ былъ оставить главный столъ, Володаря снова мы видѣли въ Городцѣ — несомнѣнно менѣе важномъ удѣлѣ, чѣмъ Минскъ. Съ другой стороны, Всеславъ Васильковичъ владѣлъ Витебскомъ до занятія стола Полоцкаго, но завладѣвъ имъ, онъ передалъ Витебскъ брату своему Брячиславу, какъ это видно изъ похода на Друцкъ въ 1188 г. (разумѣется, Брячиславъ могъ владѣть Витебскомъ только въ тотъ незначительный періодъ времени, когда этотъ городъ отошелъ отъ Давида, то есть около 1180 года).

Но въ какомъ отношеніи находились удѣлы другъ къ другу и къ Полоцку къ концу XII ст.? Какъ кажется, источники даютъ поводъ утверждать, что удѣлы были совершенно самостоятельны во внутреннемъ управленіи и во внѣшней политикѣ согласовались или нѣтъ съ желаніями и видами главнаго города только тогда, когда это считалось полезнымъ. Такъ мы видимъ, что прежде Дручане съ княземъ своимъ Рогволодомъ заключили союзъ съ Святославомъ Ольговичемъ, находились подъ покровительствомъ Ростислава Мстиславича, не согласуясь, съ тѣмъ, насколько такіе союзы выгодны для Полоцка. Потомъ поддержкою Смоленскихъ князай пользовались Васильковичи, уступивъ даже за поддержку Витебскъ. Въ походѣ на Друцкъ 1180 года мы видимъ всѣхъ князей въ союзѣ съ Ольговичами, а одинъ только Глѣбъ Рогволодовичъ является сторонникомъ Давида, а въ 1195 г. Друцкій же князь Борисъ—уже противникъ Смоленскаго князя. Однимъ словомъ, князья удѣльные во внѣшнихъ дѣлахъ уже съ половины XII в. являются вполнѣ самостоятельными. Если каждый изъ нихъ въ отдѣльности признаетъ тотъ или другой союзъ полезнымъ, заключаетъ его. Иногда такимъ образомъ сходятся интересы большинства или всѣхъ князей; такъ всѣ они были противъ Давида въ только что названномъ походѣ, въ походѣ на него же въ 1190 г., въ соглашеніи съ Ярославомъ Новгородскимъ въ 1191 г.

Такимъ образомъ и здѣсь, въ Полоцкой области, развивались тѣже основы древне-русской общественной жизни, какія мы видимъ и въ другихъ областяхъ, но только съ тою разницею, что въ Полоцкѣ онѣ развивались гораздо скорѣе, а потому и оказались раньше обветшавшими, неудовлетворяющими жизненнымъ потребностямъ новаго общества. Но въ это время исторія выдвинула западныхъ сосѣдей Полоцкихъ Кривичей, молодое и здоровое Литовское племя, которое дало Полоцку, взамѣнъ его высоко культурныхъ началъ, жизнедѣятельныя силы.

Въ концѣ XII в. отношенія Литовцевъ къ Руси только начинаютъ зарисовываться на историческомъ горизонтѣ, а полное развитіе этихъ отношеній, замѣчательное въ культурномъ отношеніи взаимодѣйтсвіе двухъ народностей, доступно для историка только съ половины XIII ст., судьбы котораго не входятъ въ нашу задачу.

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

КРИВИЧСКОЙ и ДРЕГОВИЧСКОЙ

ЗЕМЕЛЬ

ДО КОНЦА XII СТОЛѢТІЯ.

М. Довнара-Запольскаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . V-VII

Часть I. Географическій Очеркъ земли Кривичей и Дреговичей до XII столѣтія.

Вступленіе 1

Гл. I. Страна 4

Гл. II. Пути сообщенія 16

Гл. III. Территорія и города Смоленскаго княжества до начала XIII ст. 24

Гл. IV. Территорія и города Полоцкаго и Туровскаго княжествъ 44

Часть II. Историческій Очеркъ.

Гл. I. Первыя извѣстія. Выдѣленіе Туровскаго и Смоленскаго княжествъ и борьба за самостоятельность Полоцкаго (до 1-й четв. XI в.) 63

Гл. II. Смоленское и Туровское кн. до конца XII в. . . 99

Гл. III. Истор. Полоцка отъ возвращенія князей изъ изгнанія до конца XII в. 150

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строки. Свер.	Сн.	Напечатано.	Нужно читать.
3	11	—	отличалось	отличались
7	—	8	значтеныя	значительныя
9	15	—	встрѣчаются, въ	встрѣчаются въ
9	16	—	валуни	валуны
9	—	4	насколько	нѣсколько
9	—	11	обыкновенны	обыкновенно
10	4	—	принесшихъ	принесшими
17	—	2	съвои	съ вои
19	—	16	приходить	проходить
19	—	5	указываевъ	указываетъ
26	8	—	Больвѣ	Болвѣ
26	9	—	вполовинѣ	въ половинѣ
42	—	2	Свирскей	Свирской
60	—	7	XIII ст.	XII ст.
61	—	4	1119 г.	1149
69	—	1	того что	того, что
70	1	—	сомостоятельность,	самостоятельность.
73	—	3	позднѣйшихъ	въ позднѣйшихъ
77	16	—	чародеѣ	чародѣѣ
90	—	1	пропущено:	Святослава, упом. въ 1140 г.
90	10	—	падаетъ	падать
101	16	—	искаше	„искаше
101	—	2	случилось	случилось;
106	4	—	опустшая	опустошая
106	—	8	по этому	поэтому
109	5	—	при томъ	притомъ
111	13	—	удержаться	держаться
119	—	14	не вступилъ	вступилъ
121	—	4 и 6	ять	ать
123	18	—	послалъ	послало
126	14	—	Святополку	Святославу

Quid potui, feci,
Faciant meliora potentes.

Выпуская настоящій свой трудъ въ свѣтъ, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ pro domo sua.

Немогу не обратить вниманія критики на то, что предлагаемыя „Очерки исторіи Кривичской и Дреговичской земель“ были написаны мною еще въ 1888 г. Рѣшаясь приступить теперь къ изданію ихъ, нельзя не сознаться, что они во многихъ отношеніяхъ далеко недостаточны; но всякому извѣстно, какъ трудно измѣнить кореннымъ образомъ разъ написанное, сколько представляетъ такая работа мучительныхъ затрудненій. Поэтому я рѣшился только на незначительныя измѣненія.

Причины, удерживавшія меня отъ изданія настоящаго труда болѣе двухъ лѣтъ, къ сожалѣнію, дѣйствительны и по настоящее время. Меня удерживало то обстоятельство, что нѣкоторые вопросы нашей древнѣйшей исторіи, въ основѣ своей, еще не подверглись разработкѣ, невыяснены, и именно тѣ вопросы, которые близко связаны съ исторіей нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края; таковы вопросы о скандинавскихъ сагахъ, въ которыхъ не разъ упоминаются имена Полоцка и Смоленска, какъ источникѣ для нашей исторіи, о соотношеніи Кривичей къ Новгородскимъ Славянамъ, о Кривичской колонизаціи въ область угорскихъ и литовскихъ племенъ и др.; наконецъ, для уясненія внутренняго быта первобытной эпохи далеко недостаточны сдѣланныя до настоящаго времени археологическія ра-

скопки. Въ виду того, что намѣченные вопросы исторіи Кривичей и Дреговичей, равно какъ и другіе, тѣсно съ ними связанные, требуютъ болѣе тщательной и полной обработки, то мы рѣшились издать въ настоящее время только часть предположеннаго нами труда, надѣясь въ непродолжителкномъ времени выполнить и остальную. Вотъ почему остались невыполненными обѣщанія на стр. 62 разсмотрѣть вопросъ о колонизаціи.

Предлагаемое сочиненіе мы ограничиваемъ предѣлами XII вѣка, держась строго двухъ главныхъ задачъ: разсмотрѣть географическое положеніе Туровскаго, Смоленскаго и Полоцкаго княжествъ въ политическомъ отношеніи и прослѣдить теченіе политической жизни названныхъ княжествъ, насколько возможно то и другое по нашимъ лѣтописнымъ даннымъ.

Но и въ этихъ узкихъ рамкахъ трудъ нашъ, думается, не является вполнѣ отрывочнымъ. Мы заканчиваемъ исторію Кривичей и Дреговичей какъ разъ на томъ періодѣ, когда замѣчается въ немъ переломъ. Независимость Смоленскаго княженія вполнѣ установилась и оно стремится создать изъ себя центръ на западѣ, подобный Владимирскому княжеству на востокѣ; интересы Полоцкаго княжества обращаются на западъ, къ Нѣмцамъ и Литовцамъ; послѣдній элементъ, очевидно, начинаетъ занимать здѣсь видное мѣсто, входитъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ Полочанами, начинается въ немъ пробужденіе, которое замѣтно въ послѣдней четверти XII вѣка, трудно услѣдимое по имѣющимся источникамъ, но слѣды котораго рельефно сказались только къ половинѣ слѣдующаго столѣтія. Наконецъ, Турово-Пинская область получаетъ нѣкоторую самостоятельность, свою линію князей, интересы ея также обращаются, вслѣдствіе паденія Кіева, на западъ, къ Галичу, центръ земли изъ древняго Турова переходитъ въ Пинскъ.

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить признательность профессорамъ: Владимиру Бонифатьевичу Антоновичу, Владимиру Степановичу Иконникову и Петру Васильевичу Голубовскому, содѣйствіе и указанія которыхъ во многомъ способствовали успѣшному ходу моихъ занятій.

„И нынѣ господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны, и умъ молодъ не дошелъ, слышите апостола Павла глаголюща: не клените, но благословите“.

Послѣсловіе Лаврент. лѣтоп.

„Елико обрѣтохъ, толико люботруднѣ написахъ; а елика силѣ моей невозможно, то како могу наполнити, его же не видѣвъ предъ собою лежащаго? Не имамъ бо многыя памяти, ни научихся дохторскому наказанію, еже съчиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы, яко же обычай имуть ритори“.

Тверская лѣт., р. 142.

РУССКОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Профессора Д. Тальберга.

(Продолженіе.)

ГЛАВА V.

Отдѣльныя доказательства.

Дѣйствующее право, отказавшись отъ установленія въ законѣ правилъ оцѣнки доказательствъ, ограничивается опредѣленіемъ порядка собранія и разсмотрѣнія доказательствъ; при этомъ имѣется въ виду устранить изъ судебнаго производства все, что можетъ ввести въ заблужденіе судью, и обезпечить наивысшее качество тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ судья долженъ составить убѣжденіе; такъ, законъ опредѣляетъ—при какихъ условіяхъ личный судебный осмотръ получаетъ значеніе доказательства, или кто не можетъ быть допущенъ къ свидѣтельству и т. д. Ознакомленіе съ порядкомъ собранія и разсмотрѣнія доказательствъ всего удобнѣе по отдѣльнымъ видамъ ихъ, а потому мы разсмотримъ:

I. Личный судебный осмотръ.
II. Показанія обвиняемаго.
III. Свидѣтельскія показанія.
IV. Показанія свѣдущихъ людей, или экспертиза.
V. Дознаніе чрезъ окольныхъ людей.
VI. Вещественныя и письменныя доказательства и
VII. Косвенныя улики.

I. Личный судебный осмотръ. [1])

§ 188. Личнымъ судебнымъ осмотромъ (judiciorum oculorum) называются тѣ процессуальныя дѣйствія, посредствомъ которыхъ судья убѣждается путемъ личнаго, непосредственнаго наблюденія въ существованіи или несуществованіи извѣстныхъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла; наблюденіе это выражается не только въ *обозрѣніи* глазами предмета, подлежащаго изслѣдованію, а также въ воспріятіи его посредствомъ всякаго внѣшняго чувства, слуха, осязанія и т. д., напр., при выясненіи вопроса—можетъ-ли быть слышанъ звукъ на извѣстномъ растояніи. Изъ понятія „осмотра" въ указанномъ смыслѣ исключаются тѣ личныя впечатлѣнія, которыя выноситъ судья изъ разсмотрѣнія дѣла. Личное наблюденіе, составляя наилучшее средство достиженія истины, находится въ тѣсной связи съ началомъ непосредственности судебныхъ дѣйствій; чѣмъ болѣе проведено это начало въ процессѣ, тѣмъ шире область примѣненія личнаго судебнаго осмотра и тѣмъ въ большей степени непосредственное наблюденіе судьи служитъ источникомъ его убѣжденія. При помощи личнаго осмотра судья получаетъ возможность удостовѣриться, при какой обстановкѣ, какимъ способомъ и какимъ орудіемъ совершено извѣстное преступленіе; то, что можетъ выяснить личный судебный осмотръ, не можетъ быть восполнено, по достовѣрности своей, никакимъ инымъ доказательствомъ.

Подъ личнымъ судебнымъ осмотромъ нашъ законъ понимаетъ „осмотръ и освидѣтельствованіе", произведенные *непосредственно* судебнымъ слѣдователемъ или судьею, въ отличіе отъ „осмотра и освидѣтельствованія чрезъ свѣдущихъ людей", которые обнимаютъ собою понятіе экспертизы. Предметомъ судебнаго осмотра служитъ выясненіе всѣхъ *внѣшнихъ признаковъ* преступнаго дѣянія; судья, по выраженію закона, долженъ „обращать вниманіе не только на явные признаки преступленія, но также на мѣстность и предметы, окружающіе слѣды преступленія. Въ случаѣ надобности, онъ дѣлаетъ

---

[1]) *Л. Е. Владиміровъ*, Ученіе объ уголовномъ доказательствѣ. Особ. часть, кн. I, Харьковъ, 1886 г.; *П. В. Макалинскій*, тамъ же, ч. II, стр. 258—270; *Глазеръ*, Руководство, вып. II, § 55, стр. 248—259; *Holtzendorff*, Handbuch des deutschen Strafprozessrechts, 1878, S. 221—230; *Geyer*, ibid., §§ 121—122, S. 484—489; *Ullmann*, ibid., § 77, S. 376—378; *F. Hélie*, ibid., t. IV, p. 358— 384.

надлежащія измѣренія, а если возможно, то и чертежи осмотрѣнныхъ мѣстъ и предметовъ" (ст. 315). Однимъ изъ лучшихъ средствъ для воспроизведенія внѣшней обстановки преступленія во всѣхъ подробностяхъ можетъ служить фотографія; „какъ бы ни былъ добросовѣстенъ и тщателенъ осмотръ", замѣчаетъ г. Макалинскій, „какъ-бы онъ ни былъ ясно, послѣдовательно, картинно и даже художественно изложенъ, описаніе никогда не можетъ дать того наглядnаго представленія, какъ фотографія". [1])

§ 189. Нормальными органами производства личнаго судебнаго осмотра являются лица, облеченныя судебною властью, а именно: 1, мировые судьи, земскіе начальники и городскіе судьи, которые производятъ осмотръ и освидѣтельствованіе самостоятельно или, въ качествѣ членовъ мировыхъ и уѣздныхъ членовъ, по порученію сихъ учрежденій (ст. 105, 160; прав. о земск. нач., ст. 191 и 227), судебные слѣдователи (ст. 315) и окружный судъ, который можетъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ выѣхать въ узаконенномъ составѣ судебнаго присутствія на мѣсто преступленія для мѣстнаго осмотра и вообще ближайшаго удостовѣренія въ событіи преступленія (ст. 689). Въ видѣ исключенія изъ того правила, по которому осмотръ и освидѣтельствованіе производятъ только органы судебной власти, къ производству этихъ процессуальныхъ дѣйствій допускаются: 1, *чины полиціи* по порученію мироваго судьи, когда по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ осмотръ не можетъ быть лично произведенъ мировымъ судьею или отложенъ до другого времени (ст. 105 и 106), а также—до прибытія судебнаго слѣдователя въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства (ст. 258 и 261), и 2, *чины казенныхъ управленій* по нѣкоторымъ дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ противъ имущества и доходовъ казны (ст. 1132—1149). Но осмотръ, произведенный чинами полиціи, подлежитъ повѣркѣ мироваго судьи, „въ случаѣ представленія какою либо изъ сторонъ сомнѣній въ достовѣрности его" (ст. 107), и судебнаго слѣдователя на предварительномъ слѣдствіи (ст. 269).

§ 190. Личный судебный осмотръ долженъ быть произведенъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ установленныхъ въ законѣ правилъ;

---

[1]) *П. В. Макалинскій*, тамъ же, стр. 261.

правила эти слѣдующія: *во-первыхъ*, осмотръ, кромѣ случаевъ, не терпящихъ отлагательствъ, производится *днемъ* (ст. 111 и 217); *во-вторыхъ*, при осмотрахъ должны присутствовать *понятые* въ числѣ не менѣе *двухъ* (ст. 108, 315, 321 и 1131[1]; прав. о зем. нач., ст. 191 и 192)[1]); *въ третьихъ*, обо всемъ оказавшемся при осмотрѣ долженъ быть составленъ особый *протоколъ* „по возможности, на самомъ мѣстѣ производства этого слѣдственнаго дѣйствія" и при томъ „въ той послѣдовательности, какъ осматривалось и открывалось" обнаруженное при осмотрѣ (ст. 319 и 1134; прав. о зем. нач., ст. 191). Требованіе производства осмотра днемъ вызывается тѣмъ соображеніемъ, что производство его ночью нарушило бы общій порядокъ жизни и сопряжено съ такими неудобствами, которыя лишаютъ изслѣдователя возможности хорошо все осмотрѣть и свободно распоряжаться своими дѣйствіями.[2]) Понятые при осмотрѣ являются процессуальными свидѣтелями, т. е. такими лицами, которыя присутствіемъ своимъ придаютъ законность акту осмотра и подписью своей на протоколѣ удостовѣряютъ, что все, изложенное въ немъ, вполнѣ согласно съ дѣйствительной обстановкой преступленія. При дѣйствіи стараго судопроизводства, по Своду Законовъ, въ понятые брались большею частью люди низшаго сословія, совершенно безгласные; присутствуя при обыскѣ, они не всегда понимали происходящее вокругъ нихъ и обыкновенно подписывали протоколъ, вовсе не интересуясь его содержаніемъ. Имѣя въ виду возстановить истинное значеніе понятыхъ, составители Судебныхъ Уставовъ сочли необходимымъ въ самомъ законѣ указать тѣхъ лицъ, которыя должны быть приглашаемы въ понятые, такъ: „понятыми къ осмотру и освидѣтельствованію приглашаются изъ ближайшихъ жителей въ городахъ—хозяева домовъ, лавокъ, промышленныхъ и торговыхъ заведеній, а также ихъ управляющіе и повѣренные; въ мѣстечкахъ и селеніяхъ, кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ,—землевладѣльцы, волост-

---

[1]) По германскому уставу, вмѣсто понятыхъ, требуется необходимо присутствіе при осмотрѣ *секретаря*, на обязанности котораго лежитъ составленіе протокола по указанію судьи (§ 185 и 186); по словамъ Глазера, „секретарь, ведущій протоколъ, не долженъ ограничиваться пассивною ролью". *Глазеръ*, тамъ же, стр. 250.

[2]) Въ правилахъ о зем. нач. 29 Дек. 1889 г. это условіе осмотра почему-то не указано; трудно сказать, случайный или намѣренный это пропускъ, но во всякомъ случаѣ—весьма существенный.

ныя и сельскія должностныя лица и церковные старосты; въ случаяхъ же, не терпящихъ отлагательства, судебный слѣдователь можетъ пригласить и *другихъ лицъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ*" (ст. 109 и 320; прав. о зем. нач., ст. 192). По мысли законодателя, насколько она вытекаетъ изъ перечня тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть понятыми, понятые не должны ограничиваться при осмотрѣ чисто пассивною ролью, напротивъ, они должны по возможности принимать дѣятельное участіе въ производствѣ осмотра, съ полнымъ сознаніемъ важности этого процессуальнаго дѣйствія. Въ случаяхъ осмотра и освидѣтельствованія лицъ женскаго пола, изъ уваженія къ чувству стыдливости, приглашаются въ качествѣ понятыхъ замужнія женщины (ст. 322). [1])

Обязанность явиться по призыву судебной власти въ качествѣ понятаго есть общегражданская обязанность въ той же мѣрѣ, какъ и обязанность свидѣтельствованія на судѣ; неисполненіе этой обязанности, а именно—неявка понятаго влечетъ за собою денежную отвѣтственность въ размѣрѣ двадцати пяти рублей (ст. 114, 323 и 324; прав. о зем. нач., ст. 197). Особенность отвѣтственности понятыхъ за неявку сравнительно съ таковою свидѣтелей выражается въ томъ, что понятые *могутъ* быть подвергнуты денежному взысканію, т. е. отъ усмотрѣнія судебнаго слѣдователя при производствѣ осмотра въ каждомъ данномъ случаѣ зависитъ рѣшеніе этого вопроса.

Присутствіе при осмотрѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ не составляетъ необходимаго условія законности этого процессуальнаго дѣйствія; по словамъ закона, они могутъ присутствовать при судебномъ осмотрѣ, но слѣдователь не обязанъ ожидать ихъ прибытія (ст. 316).

Протоколъ осмотра составляетъ весьма важный процессуальный актъ; въ большей части случаевъ онъ замѣняетъ для судьи, рѣшающаго дѣло по существу, непосредственное наблюденіе. Въ виду этого, протоколъ осмотра долженъ отличаться полною объективностью, точностью и полнотою; отсутствіе надлежащей полноты въ протоколѣ

---

[1]) На нашей слѣдственной практикѣ вообще не принято приглашать въ качествѣ понятыхъ женщинъ, кромѣ случая, указаннаго въ ст. 322, но законъ этого не запрещаетъ, а потому, по мнѣнію г. Макалинскаго, женщины вообще могутъ быть понятыми наравнѣ съ мужчинами. См. тамъ же, стр. 267.

служитъ основаніемъ для провѣрки его или новаго осмотра; такъ, мировые судьи, земскіе начальники и городскіе судьи, въ случаѣ представленія какою либо изъ сторонъ уважительныхъ причинъ сомнѣнія въ достовѣрности произведеннаго полиціею осмотра, обязаны повѣрить эти дѣйствія (ст. 107; прав. о зем. нач., ст. 193); судебный слѣдователь пользуется вообще правомъ повѣрять и дополнять дѣйствія полиціи по изслѣдованію преступленій (ст. 269, 258); наконецъ, судъ, признавъ протоколъ осмотра не имѣющимъ законной достовѣрности или *надлежащей полноты*, можетъ поручить одному изъ своимъ членовъ или судебному слѣдователю произвести новый осмотръ (ст. 688).

§ 191. Судъ, рѣшающій дѣло по существу, пользуется матеріаломъ осмотра и освидѣтельствованія или путемъ личнаго непосредственнаго наблюденія, или изъ протоколовъ осмотра, произведеннаго другими лицами. Значеніе того и другого источника познаній судьи въ системѣ доказательствъ различно. Въ первомъ случаѣ, когда осмотръ произведенъ тѣмъ же судьею, который рѣшаетъ дѣло по существу, основаніемъ его убѣжденія служитъ личное непосредственное наблюденіе, имѣющее по общему правилу наивысшую степень достовѣрности; все, въ чемъ судья лично удостовѣрился, что онъ видѣлъ и слышалъ, имѣетъ наивысшую доказательную силу съ его чисто субъективной точки зрѣнія. Протоколъ осмотра, читаемый на судѣ, есть производное доказательство; всякій подобный протоколъ есть въ сущности письменное свидѣтельское показаніе должностныхъ лицъ о произведенныхъ ими наблюденіяхъ. Въ случаѣ необходимости, эти лица могутъ быть вызваны въ судъ для устнаго отчета и допрашиваются въ качествѣ свидѣтелей. Но всякій протоколъ осмотра, будучи оффиціальнымъ актомъ, совершеннымъ при соблюденіи всѣхъ предписанныхъ въ законѣ правилъ, имѣетъ высокую степень вѣроятности и можетъ служить, при извѣстныхъ условіяхъ, основаніемъ убѣжденія судьи въ истинности или ложности извѣстныхъ фактическихъ обстоятельствъ.

II. Показанія обвиняемаго. [1])

§ 192. Показаніемъ обвиняемаго называются тѣ объясненія, которыя даетъ судьѣ обвиняемый по поводу преступнаго дѣянія, въ которомъ онъ обвиняется; отсюда, всѣ объясненія обвиняемаго, сдѣланныя имъ внѣ суда или не судебной власти, составляютъ сообщенія, имѣющія частный характеръ и исключаются понятіемъ „показанія обвиняемаго". Поведеніе обвиняемаго и показанія его заслуживаютъ особаго вниманія судьи, такъ какъ при помощи ихъ выясняются мотивы преступленія, мысли и намѣренія обвиняемаго, характеръ его и многія другія весьма существенныя стороны дѣла. Показаніе обвиняемаго можетъ выразиться или въ формѣ отрицанія своей виновности, или, наоборотъ, въ формѣ признанія себя виновнымъ въ совершеніи извѣстнаго преступленія; въ первомъ случаѣ, показаніе обвиняемаго составляетъ особый видъ свидѣтельства въ свою пользу (self servin evidence), во второмъ—это есть показаніе во вредъ себѣ (self disserving evidence). Признаніе можетъ быть прямо выраженнымъ и безмолвнымъ, полнымъ и неполнымъ или частичнымъ, вынужденнымъ и свободнымъ (явка съ повинною). Но кромѣ отрицанія виновности или признанія, въ судебной практикѣ встрѣчаются случаи, когда обвиняемый отказывается отвѣчать на вопросы и устраняетъ себя отъ всякаго активнаго участія въ судебномъ разбирательствѣ; подобное умышленное молчаніе или *„злостная нѣмота"*, по выраженію англичанъ, признается равносильнымъ отрицанію виновности. По нашему законодательству, „молчаніе подсудимаго не должно быть принимаемо за признаніе имъ своей вины" (ст. 685).

Показанія обвиняемаго предполагаютъ *явку* его въ судъ и *допросъ*.

§ 193. Обвиняемые, „несмотря на ихъ званіе, чины и личныя преимущества", требуются къ слѣдствію посредствомъ *призыва* или *привода* (ст. 396). Призывъ обвиняемаго дѣлается *письменною повѣсткою*, составленной по извѣстной формѣ и врученной при со-

---

[1]) *В. Володимировъ*, О вліяніи сознанія подсудимыхъ на подсудность совершеннаго преступленія, Юрид. Вѣст. 1882, Февраль; *П. В. Макашинскій*, тамъ же, ч. II, стр. 416—439; *Ю. Глазеръ*, тамъ же, т. I, вып. III, Спб. 1887, стр. 207—242; *Geyer*, ibid., §§ 141—144, S. 540—550; § 209, § 721—725; *Ullmann*, ibid., § 84, S. 408—417; § 123, S. 590—592; *F. Hélie*, ibid., t. IV, p. 564—581; VI, p. 638—642; VII, p. 418—424, 654—657.

блюденіи установленныхъ въ законѣ правилъ, но можетъ быть сдѣланъ и *словеснымъ* требованіемъ, если обвиняемый находится на мѣстѣ, гдѣ производится слѣдствіе (ст. 54—59, 377—389, 581; прав. о зем. нач., ст. 178). Вмѣняя призываемому въ обязанность „явиться лично и въ назначенный срокъ", законъ допускаетъ возможность такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ послужить препятствіемъ къ исполненію этой обязанности; обстоятельства эти точно поименованы въ Уставѣ и называются *„законными причинами неявки къ слѣдствію"*. Къ числу этихъ причинъ относятся: 1, лишеніе свободы; 2, прекращеніе сообщеній во время заразы, нашествія непріятеля, необыкновеннаго разлитія рѣкъ и тому подобныхъ непреодолимыхъ препятствій; 3, внезапное разореніе отъ несчастнаго случая; 4, болѣзнь, лишающая возможности отлучиться изъ дому; 5, смерть родителей, мужа или дѣтей или же тяжкая, грозящая смертью, болѣзнь ихъ, и 6, неполученіе или несвоевременное полученіе повѣстки (ст. 388). [1]) Наличность законной причины неявки должна быть удостовѣрена установленнымъ порядкомъ, безъ чего неявка обвиняемаго влечетъ за собою приводъ (ст. 387 и 389). *Приводъ* составляетъ такую форму доставленія обвиняемаго къ слѣдствію, которая сопровождается физическимъ принужденіемъ или угрозою прибѣгнуть къ нему. Въ производствѣ мировыхъ судей, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей приводъ, какъ мѣра крайняя, допускается только по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою заключеніе въ тюрьмѣ или болѣе строгое наказаніе (ст. 61; прав. о зем. нач., ст. 179). Въ общихъ судебныхъ мѣстахъ приводъ допускается въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, когда обвиняемый не явился по вызову въ назначенный срокъ и не представилъ удостовѣренія о законной причинѣ неявки; 2, по всѣмъ дѣламъ о преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія; 3, когда обвиняемый въ преступленіи менѣе

---

[1]) По мнѣнію г. Макалинскаго, перечисленіе въ законѣ причинъ неявки „нужно считать примѣрнымъ, такъ какъ нѣтъ возможности предусмотрѣть въ законѣ всѣ случаи, въ которыхъ нельзя не признать причины неявки уважительною, въ особенности въ виду неразвитости той среды, изъ которой по преимуществу выходятъ обвиняемые, а также отчасти неудовлетворительнаго исполненія порядка выдачи повѣстокъ". „Слѣдователь долженъ относиться строго къ неявкѣ только тогда, если усмотритъ въ ней уклоненіе отъ слѣдствія или пренебреженіе къ своему требованію." Тамъ же, ч. II, стр. 411.

важномъ не могъ быть вызванъ по укрывательству, и 4, когда обвиняемый не имѣетъ „постояннаго мѣста жительства, извѣстнаго ремесла или промысла“ (ст. 389). Приводъ обвиняемаго къ слѣдствію или въ судъ дѣлается не иначе, какъ по предъявленіи формальной о томъ повѣстки (ст. 62 и 390; прав. о зем. нач., ст. 179); безъ этого условія, приводъ теряетъ свой законный характеръ и становится актомъ произвола. По предъявленіи обвиняемому повѣстки о приводѣ, онъ приглашается слѣдовать за предъявителемъ ея, а въ случаѣ неповиновенія или сопротивленія, приводится къ слѣдствію силою (ст. 391). Приводъ обвиняемаго и взятіе его подъ стражу, кромѣ случаевъ, не терпящихъ отлагательства, производятся всегда *днемъ*, при чемъ всякое при этихъ дѣйствіяхъ оскорбленіе личности обвиняемаго влечетъ за собою законную отвѣтственность (ст. 392). Если по болѣзни или по другимъ уважительнымъ причинамъ призываемый или подлежащій приводу не можетъ явиться къ слѣдствію, то слѣдователь, смотря по обстоятельствамъ дѣла, отправляется для снятія допроса въ мѣсто пребыванія обвиняемаго или откладываетъ допросъ до явки его къ слѣдствію (ст. 397).

§ 194. Допросъ обвиняемаго есть институтъ слѣдственнаго процесса; ни римскій обвинительный процессъ временъ республики, ни древне-германское право, ни современный англійскій процессъ не знаютъ допроса обвиняемаго. Въ старомъ инквизиціонномъ процессѣ допросъ обвиняемаго служилъ средствомъ для полученія признанія, которое, по понятіямъ того времени, считалось лучшимъ и самымъ совершеннымъ доказательствомъ; предъ допросомъ обвиняемый давалъ присягу показывать одну правду, а затѣмъ—подвергался пыткѣ, которая имѣла цѣлью путемъ физическихъ мученій исторгнуть у обвиняемаго признаніе. [1]) Требованіе присяги создавало для обвиняемаго печальную альтернативу—признать себя виновнымъ, обвинить себя или совершить клятвопреступленіе, а пытка, это ужасное орудіе кровавой юстиціи, нерѣдко заставляла обвиняемаго давать ложныя показанія противъ себя.

---

[1]) О значеніи признанія и пытки въ слѣдственномъ процессѣ. См. *В. Случевскій*, Учебникъ уголовнаго процесса. Судоустройство, С.-Петербургъ 1891, стр. 20—23.

Несостоятельность, скажемъ болѣе, чудовищная нелѣпость пытки, какъ средства обнаруженія истины на судѣ по уголовнымъ дѣламъ, составляетъ положеніе до очевидности ясное и непреложное для человѣка XIX в., но много лѣтъ, цѣлые вѣка прошли, потребовались цѣлыя гекатомбы человѣческихъ жертвъ и энергическія дружныя усилія лучшихъ мыслителей Европы, прежде чѣмъ положеніе это вошло въ общее сознаніе, и пытка стала достояніемъ исторіи. Въ настоящее время вопросъ о пыткѣ стоитъ внѣ всякаго спора, но еще въ концѣ прошлаго и въ началѣ текущаго столѣтія положеніе вопроса было иное, и Бентамъ считалъ необходимымъ въ своемъ классическомъ сочиненіи высказать цѣлый рядъ соображеній противъ пытки. „Мы можемъ", говоритъ онъ: „смотрѣть на нее, какъ на бичъ, который пересталъ существовать, или который не можетъ долго удержаться у цивилизованныхъ народовъ, гдѣ онъ позоритъ суды." „Всякая строгость, даже въ слабой степени, примѣняемая къ обвиняемому съ цѣлью принудить его говорить, несправедлива, излишня и опасна. Пытка употребляется, чтобы исторгнуть сознаніе съ цѣлью восполнить недостаточность доказательствъ. При этомъ предположеніи преступленіе, значитъ, недоказано. Что же дѣлаетъ судья? Онъ предписываетъ мучить человѣка вслѣдствіе сомнѣнія о томъ-виновенъ онъ или нѣтъ, онъ наказываетъ его на основаніи подозрѣній, чтобы знать, будетъ-ли онъ имѣть право его наказывать, чтобы добыть доказательство преступленія,—онъ обходится съ нимъ такъ, какъ онъ обходился бы съ нимъ, имѣя уже это доказательство. Нѣтъ, отвѣтитъ судья, не такъ; мы имѣемъ доказательства, но прежде, нежели предать обвиняемаго смерти, надо его признаніе: оно необходимо для полнаго удовлетворенія, равно какъ и для удовлетворенія публики. Но развѣ", продолжаетъ Бентамъ: „употребляемое вами средство можетъ доставить вамъ это удовлетвореніе? Нѣтъ, не можетъ; это формальное признаніе, вырванное мученіями, оставляетъ, по малой мѣрѣ, такое же сомнѣніе, какъ и скрытое признаніе, вытекающее изъ молчанія, изъ противорѣчій и несообразностей, къ которымъ прибѣгаетъ обвиняемый при допросахъ. Такимъ образомъ, судьи ничего не выигрываютъ въ дѣлѣ увѣренности. Излишняя, какъ доказательство противъ обвиняемаго, достаточно изобличеннаго, пытка имѣетъ дѣйствіе прямо противное цѣли закона для преступника твердаго и здороваго, способнаго переносить боль и настолько привязаннаго къ жизни, чтобы сохранить ее этою цѣною; онъ увѣренъ въ конечной безнаказанности и ускользаетъ изъ рукъ правосудія, несмотря на свою виновность. Но предположимъ иной результатъ, примѣры котораго слишкомъ часто встрѣчались и вполнѣ доказаны; предположимъ, что обвиняемый невиненъ, и что сознаніе въ преступленіи вырвано у него пыткою,—это зло неисчислимое: общественное довѣріе глубоко бываетъ потрясено, невинность, единственная гарантія, на которую можно разсчитывать, не представляется болѣе вѣрнымъ ресурсомъ. И посмотрите, какой контрастъ въ результатахъ: пытка не опасна для преступника, напротивъ, она доставляетъ ему средство спасенія; вся опасность ея обрушивается на невинныхъ. Ошибка этой системы именно заключается въ томъ, что снисхожденіе вполнѣ на сторонѣ преступника, а невиннаго она губитъ." *Бентамъ*, О судебн. доказ., стр. 386—387.

Но съ отмѣной пытки въ слѣдственномъ процессѣ въ теченіе долгаго времени допросъ обвиняемаго разсматривался съ точки зрѣнія его обязанности, неисполненіе которой влекло извѣстныя неблагопріятныя для него послѣдствія; такъ, въ нѣкоторыхъ изъ нѣмецкихъ процессуальныхъ уставовъ еще текущаго столѣтія опредѣленно была выражена обязанность обвиняемаго говорить правду, и установлены были особыя взысканія за ложныя показанія (Ungehor-

sams—und Sügenstrafen). [1]) Съ реформою уголовно-процессуальнаго законодательства допросъ обвиняемаго удержанъ, но характеръ его существенно измѣнился; съ точки зрѣнія современнаго процесса, допросъ обвиняемаго составляетъ его *право*, право знать основаніе направленнаго противъ него обвиненія и представлять объясненія въ свою защиту. Судья, по господствующему воззрѣнію, не долженъ добиваться признанія, прибѣгать къ тѣмъ или другимъ уловкамъ для изобличенія человѣка, положеніе котораго и безъ того весьма тягостное.

Изъ современныхъ законодательствъ допросъ обвиняемаго наиболѣе сохранилъ слѣдственный характеръ во французскомъ уставѣ; обвиняемый, по этому уставу, допрашивается на предварительномъ слѣдствіи не только слѣдственнымъ судьею, но и прокуроромъ (Art. 40, 91 и 93), а во время приготовительныхъ къ суду дѣйствій—предсѣдателемъ суда (Art. 266 и 293). Независимо отъ этого, практикою французскихъ судовъ установленъ допросъ обвиняемаго предсѣдателемъ на судебномъ слѣдствіи, но подобная практика, превращая нерѣдко допросъ въ нравственную пытку для обвиняемаго и озлобленную борьбу между нимъ и предсѣдателемъ, представляетъ, по справедливому замѣчанію Гарро, больше неудобствъ, чѣмъ выгоды. *Garraud*, ibid., p. 696. Въ новѣйшихъ процессуальныхъ уставахъ усвоенъ болѣе правильный взглядъ на допросъ обвиняемаго. *По австрійскому* уставу, запрещается судьямъ принимать прямыя или косвенныя мѣры для полученія признанія и затягивать ради этого производство дѣла; обвиняемый пользуется правомъ не отвѣчать на предлагаемые ему вопросы (§§ 203 и 245). На предварительномъ слѣдствіи судья внушаетъ подсудимому, чтобы онъ показывалъ правду, и въ началѣ допроса объясняетъ ему сущность обвиненія, а также предъявляетъ всѣ имѣющіяся противъ него улики, дабы дать ему возможность представить извѣстныя объясненія въ свое оправданіе (§ 199). На судебномъ слѣдствіи предсѣдатель суда сообщаетъ обвиняемому содержаніе предъявленнаго противъ него обвиненія и объявляетъ ему, что онъ вправѣ представить „связное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла“ и объясненія свои по поводу отдѣльныхъ доказательствъ (§ 245). Въ общемъ, тотъ-же порядокъ допроса установленъ въ *германскомъ* уставѣ. Судья, приступая къ допросу обвиняемаго, долженъ объявить ему—въ какомъ онъ дѣяніи обвиняется; допросъ имѣетъ цѣлью дать возможность обвиняемому—устранить возникшее подозрѣніе и представить необходимыя объясненія по поводу имѣющихся противъ него уликъ (§§ 136 и 142). „Насколько обвиняемый добровольно признаетъ свою вину, замѣчаютъ составители германскаго устава, допросъ, какъ средство раскрытія истины, весьма полезенъ и при современномъ судопроизводствѣ, но, разумѣется, нельзя требовать отъ обвиняемаго, чтобы онъ, противъ воли, оказывалъ содѣйствіе къ собственному своему изобличенію.“ На судебномъ слѣдствіи, послѣ каждаго слѣдственнаго дѣйствія, предсѣдательствующій въ засѣданіи предлагаетъ обвиняемому вопросъ—не желаетъ-ли онъ представить какія либо объясненія (§ 256; срав. §§ 237, 242 и 249).

---

[1]) Напр. въ тюрингенскомъ, баденскомъ, саксонскомъ и австрійскомъ (1863) уставахъ. *Geyer*, ibid., § 141, S. 542; см. по вопросу о взысканіяхъ за ложныя показанія обвиняемыхъ. *Mittermaier*, Deutsche Strafverfahren, Bd. 1, S. 502; *Zacharia*, ibid., Bd., II, S. 225; *Walberg*, Die Gehorsamfrage in der Strafprocessordnung въ его: Gesammelte kleinere Schriften etc., zweiter Band., Wien, 1877, S. 297—304; *Ullmann*, ibid., § 84, S. 411—412.

Допросъ обвиняемаго въ дѣйствующемъ правѣ имѣетъ цѣль поставить его въ извѣстность относительно направленнаго пр тивъ него обвиненія и дать ему возможность представить этому поводу необходимыя объясненія [1]). Обвиняемый, по Уставу, обязанъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы (ст. 102, 406 685), и всякія мѣры, направленныя къ тому, чтобы вынудить него признаніе, безусловно запрещены закономъ (ст. 405; улож ст. 432). Допросъ производится судебнымъ слѣдователемъ и судьям но, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, законъ допускает допросъ обвиняемаго полиціею въ томъ случаѣ, когда „судебны слѣдователь не прибудетъ для снятія допроса въ теченіе суток по приводѣ обвиняемаго къ слѣдствію“ (ст. 400). Порядокъ до проса обвиняемаго подробно опредѣленъ въ Уставѣ. Обвиняемы долженъ быть допрошенъ судебнымъ слѣдователемъ *немедленно*, в всякомъ случаѣ—не позже сутокъ послѣ явки его или привода (ст 398); если допросъ почему либо не былъ сдѣланъ въ теченіе двѣнадцат часовъ, судебный слѣдователь долженъ означить въ протоколѣ причин отсрочки допроса (ст. 399). Требованіе допроса обвиняемаго в теченіе сутокъ вызвано, по словамъ составителей Судебныхъ Уста вовъ, тѣмъ соображеніемъ, чтобы обвиняемый не оставался долго время въ неизвѣстности относительно причины его задержанія имѣлъ „возможность, если онъ задержанъ неправильно, разъяснит эту неправильность, такъ какъ бываютъ случаи, въ которыхъ под вергаются задержанію лица, неприкосновенныя къ дѣлу, единственн по сходству фамилій или примѣтъ съ настоящимъ обвиняемым или вслѣдствіе какого либо иного стеченія обстоятельствъ, неблаго пріятныхъ для задержаннаго“ [2]). Допросъ обвиняемаго начинается съ удостовѣренія въ *самоличности* его посредствомъ, такъ назыв. формальныхъ вопросовъ: о званіи, имени, отчествѣ и фамиліи, л лѣтахъ, мѣстѣ рожденія и постоянномъ мѣстожительствѣ, о заня тіяхъ и вѣроисповѣданіи (ст. 403; сравн. ст. 638). Затѣмъ, судеб ный слѣдователь долженъ объявить обвиняемому, въ чемъ онъ об виняется (ст. 403), при чемъ ему должны быть сообщены и вс уличающія его обстоятельства, насколько это не представляет

---

[1]) Судеб. Уст. изд. Госуд. канц., ч. II, стр. 152.

[2]) Судеб. Уст., изд. Госуд. канц., мотивы къ ст. 400, стр. 153.

опасности для успѣшнаго хода слѣдствія [1]). „Чѣмъ добросовѣстнѣе слѣдователь будетъ при этомъ дѣйствовать", замѣчаетъ Глазеръ, „чѣмъ терпѣливѣе онъ будетъ въ вызовѣ обвиняемаго на объясненія и въ принятіи ихъ, чѣмъ старательнѣе, наконецъ, онъ будетъ разыскивать объективныя основанія въ пользу истинности такихъ показаній,—тѣмъ лучше будетъ исполнена воля закона, который усматриваетъ главную цѣль допроса въ защитѣ обвиняемаго" [2]).

Показанія обвиняемаго должны отличаться необходимою точностью, ясностью и опредѣленностью, а потому и самые вопросы, предлагаемые ему, должны быть кратки и ясны (ст. 404); при этомъ ни мировой судья, ни судебный слѣдователь не должны домогаться сознанія обвиняемаго „ни обѣщаніями, ни ухищреніями, ни угрозами или иными мѣрами вымогательства" (ст. 102 и 405). Съ точки зрѣнія закона, не могутъ быть предлагаемы обвиняемому вопросы: а) *темные* или *двусмысленные*, связь которыхъ съ предметомъ показаній не можетъ быть понята обвиняемымъ; b) *умичающіе* (captiosae), вынуждающіе у обвиняемаго отвѣтъ, значенія котораго онъ не сознаетъ, и с) *наводящіе* (suggestivae), когда извѣстныя обстоятельства представляются обвиняемому такъ, что ему остается лишь утвердительно отвѣчать. Обвиняемый всегда можетъ отказаться отвѣчать на предлагаемые ему вопросы (ст. 406); это—его *право*, и слѣдователь ни въ какомъ случаѣ не долженъ усматривать въ этомъ обстоятельствѣ ослушаніе или неуваженіе къ власти, еще менѣе улику противъ обвиняемаго, но обвиняемому слѣдуетъ объяснить, что, отказываясь отвѣчать, онъ дѣйствуетъ себѣ во вредъ, такъ какъ оставляетъ безъ опроверженія представленныя противъ него доказательства. Къ повторенію допросовъ судебный слѣдователь не долженъ прибѣгать безъ особой въ томъ надобности (ст. 412). Протоколъ допроса долженъ быть точнымъ воспроизведеніемъ показаній обвиняемаго; въ виду этого, показанія обвиняемаго, по Уставу, должны быть записаны „въ первомъ лицѣ, собственными словами, безъ всякихъ измѣненій, пропусковъ и прибавленій", при чемъ „грамотнымъ предоставляется самимъ вписывать въ протоколъ отвѣты, данные на словахъ, а слова и выраженія простонародныя, мѣст-

[1]) *П. В. Макалинскій*, тамъ же, ч. II, стр. 421.
[2]) *Глазеръ*, Руководство, стр. 228.

ныя и не совсѣмъ понятныя объясняются въ скобкахъ" (ст. 408 и 409). Вопросъ о томъ, насколько представляется умѣстнымъ вносить въ протоколъ допроса личныя наблюденія слѣдственнаго судьи относительно поведенія обвиняемаго—спорный въ литературѣ и различно рѣшается на практикѣ. Въ прежнее время, при дѣйствіи слѣдственнаго процесса, придавали слишкомъ большое значеніе, такъ назыв. протоколамъ жестовъ (geberdenprotokolle), но нельзя отрицать, что и теперь—поведеніе обвиняемаго во время допроса, насколько въ немъ выражается отношеніе его къ дѣлу и душевное его состояніе, имѣетъ извѣстное значеніе; при извѣстныхъ условіяхъ эти обстоятельства могутъ измѣнить самый смыслъ показаній обвиняемаго [1]).

Во время *приготовительныхъ къ суду дѣйствій* обвиняемый не допрашивается, но всѣ свѣдѣнія и объясненія относительно избранія имъ защитника или дополненія списка свидѣтелей отбираются въ судѣ предсѣдателемъ или однимъ изъ членовъ суда; при объясненіяхъ подсудимаго можетъ присутствовать избранный имъ защитникъ, и объ изложенномъ имъ составляется особый протоколъ (ст. 561—563). Отъ подсудимыхъ, содержащихся подъ стражею въ городахъ, гдѣ засѣданія суда происходятъ только временно, за отсутствіемъ предсѣдателя или члена суда, объясненія отбираются мѣстнымъ мировымъ судьею (ст. 564).

---

[1]) *Глазеръ*, тамъ же, стр. 232—233. „Способъ дачи показаній, тонъ голоса, промедленіе или, наоборотъ, поспѣшность въ отвѣтѣ, показаніе сквозь слезы или съ усмѣшкой, съ угрюмымъ видомъ или сарказмомъ, показаніе съ видомъ угрожающимъ или, напротивъ, тономъ мольбы, пожатіе плечъ, сжиманіе кулаковъ, паденіе на колѣни и т. п. движенія, сопровождающія показаніе,—всѣ эти обстоятельства могутъ измѣнить даже *смыслъ* показанія, не говоря уже, что отъ нихъ зависитъ значеніе его, какъ доказательства. Скрывать ихъ, когда они представляются явными и совершенно опредѣленными, значило бы уменьшать достовѣрность содержащагося въ протоколѣ отчета." Гольцендорфъ, напротивъ, сомнѣвается въ правѣ судьи заносить въ протоколъ свои субъективныя впечатлѣнія. Handbuch des deutsch. Strafprozessrechts, § 382—384. См. также: *Geyer*, ibid., § 144, § 549; изъ русскихъ юристовъ—*П. В. Макалинскій*, тамъ же, стр. 428—429. Впрочемъ, г. Макалинскій, отрицая основательность мнѣнія, будто слѣдователь обязанъ означать въ протоколѣ нерѣшительность допрашиваемаго въ отвѣтахъ, его колебанія и измѣненія въ лицѣ и вообще поведеніе, тѣмъ не менѣе, допускаетъ подобныя замѣтки въ тѣхъ случаяхъ, когда „обвиняемый допрашивается въ присутствіи другихъ лицъ и выражаетъ движеніе своей души какимъ нибудь рѣзкимъ, не подлежащимъ сомнѣнію или различному толкованію, способомъ". Сенатъ по д. Мерзлинскаго (1871/595) не признаетъ протоколомъ „постановленіе слѣдователя съ изложеніемъ его замѣчаній, касающихся не существа показаній допрошенныхъ имъ лицъ, а того, какимъ образомъ и въ какомъ видѣ эти лица давали свои показанія", но съ мнѣніемъ этимъ нельзя согласиться.

Допросъ обвиняемаго на *судебномъ слѣдствіи* имѣетъ нѣсколько иной характеръ сравнительно съ таковымъ у судебнаго слѣдователя; состязательность въ связи съ другими общими началами обвинительнаго процесса устраняетъ здѣсь необходимость формальнаго допроса и установленіе особыхъ правилъ въ огражденіе интересовъ обвиняемаго. По открытіи судебнаго засѣданія предсѣдатель суда предлагаетъ обвиняемому вопросы объ его имени, отчествѣ, фамиліи или прозвищѣ, званіи, лѣтахъ, вѣроисповѣданіи, жительствѣ и занятіяхъ, а также о томъ, получилъ-ли онъ копію обвинительнаго акта или жалобы частнаго обвинителя (ст. 638). Удостовѣрившись въ самоличности обвиняемаго и по выслушаніи обвинительнаго акта или частной жалобы, предсѣдатель суда излагаетъ вкратцѣ сущность обвиненія и спрашиваетъ обвиняемаго, признаетъ-ли онъ себя виновнымъ (ст. 679; сравн. ст. 91). Если обвиняемый не признаетъ себя виновнымъ, то ему предлагаются предсѣдателемъ и судьями, а также присяжными, чрезъ предсѣдателя, дальнѣйшіе вопросы, относящіеся къ обстоятельствамъ преступленія, въ которомъ онъ обвиняется (ст. 680, 684; сравн. ст. 92; прав. о зем. нач., см. 188), но подобные вопросы должны имѣть цѣлью выясненіе такихъ обстоятельствъ, о которыхъ обвиняемый не упомянулъ или неясно выразился, и во всякомъ случаѣ, какъ это видно изъ мотивовъ къ ст. 684 Устава, вопросы эти не могутъ быть направлены къ тому, чтобы вынудить у обвиняемаго признаніе. При разсмотрѣніи каждаго доказательства, предсѣдатель суда спрашиваетъ обвиняемаго, не желаетъ ли онъ въ свое оправданіе представить какія либо объясненія или опроверженія (ст. 683), но обвиняемый всегда сохраняетъ за собою право не отвѣчать на предлагаемые ему вопросы (ст. 685).

§ 185. Въ исторіи уголовнаго процесса признаніе въ теченіе долгаго времени признавалось безусловнымъ, лучшимъ доказательствомъ виновности обвиняемаго (regina probationum, probatio liquidissima); по выраженію Свода Законовъ, это—„лучшее свидѣтельство всего свѣта“. Подобный взглядъ на признаніе въ одинаковой степени присущъ какъ обвинительной, такъ и слѣдственной формѣ процесса, съ тою разницею, что въ обвинительномъ процессѣ признаніе составляетъ актъ свободной воли обвиняемаго, одно изъ послѣдствій основнаго его принципа, въ слѣдственномъ процессѣ оно

является цѣлью, какъ бы кульминаціоннымъ пунктомъ всего производства; для достиженія этой цѣли признавались дозволенными всѣ средства, начиная отъ убѣжденія и кончая пыткою, и достиженіемъ ея завершался почти всякій уголовный процессъ. Съ отмѣною теоріи формальныхъ доказательствъ падаетъ значеніе признанія, какъ безусловнаго доказательства; по господствующему воззрѣнію, признаніе составляетъ одно изъ судебныхъ доказательствъ, подлежащее на общемъ основаніи свободной оцѣнкѣ на судѣ. Одно признаніе, само по себѣ, не можетъ служить еще основаніемъ для обвинительнаго приговора; необходимо, чтобы признаніе подтверждалось другими обстоятельствами, чтобы убѣжденіе судьи въ виновности было результатомъ не односторонняго акта воли обвиняемаго, а тщательнаго, всесторонняго изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, во всей ихъ совокупности. Для достовѣрности признанія необходимы слѣдующія условія: 1) признаніе должно быть дано свободно, непринужденно, а потому признаніе, вынужденное убѣжденіями, хитростью, угрозами или насиліемъ, теряетъ всякое значеніе, если только обвиняемый не повторитъ сдѣланнаго имъ признанія при другихъ условіяхъ, не оставляющихъ сомнѣнія въ искренности и самостоятельности его; 2) признаніе должно быть заявлено предъ компетентнымъ *судьею* [1]), и 3) судья обязанъ внимательно изслѣдовать *мотивы* признанія, дабы съ большею осторожностью воспользоваться имъ. Признаніе не всегда бываетъ искреннимъ и полнымъ; обвиняемый можетъ, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ его жизни, стремиться къ тому, чтобы направить своимъ признаніемъ правосудіе на ложный путь и тѣмъ отклонить подозрѣніе отъ близкихъ ему лицъ или избѣгнуть отвѣтственности за другое дѣйствительно совершенное имъ, но не открытое и болѣе тяжкое преступленіе; нерѣдко, обвиняемый, принявъ на себя вину, многое утаиваетъ и извращаетъ, вступаетъ какъ-бы „въ торгъ съ правосудіемъ, отдавая ему то, чего нельзя не отдать, и извращая то и умалчивая о томъ, о чемъ можно умолчать и что можно извратить“ [2]). При этихъ условіяхъ задача судьи въ высшей степени усложняется; для правильнаго и согласнаго съ истиною рѣшенія

---

[1]) Вопреки господствующему мнѣнію, *Гейеръ* допускаетъ заявленіе признанія предъ не-судебными властями и даже предъ частными лицами. *Geyer*, ibid., s. 724.

[2]) *А. Ф. Кони*, Судебныя рѣчи, стр. 158.

дѣла, судья долженъ по возможности отрѣшиться отъ факта признанія, тщательно взвѣсить всѣ обстоятельства дѣла и установить внутреннюю логическую связь между этими обстоятельствами и признаніемъ.

Въ англійскомъ процессѣ признаніе обвиняемаго устраняетъ вердиктъ присяжныхъ, и судъ опредѣляетъ на основаніи его наказаніе; но, признавая безусловное значеніе за признаніемъ обвиняемаго, англійское право стремится обставить его возможными гарантіями свободнаго, непринужденнаго акта, вмѣняетъ судьѣ въ обязанность предупреждать всякій разъ обвиняемаго о послѣдствіяхъ его сознанія и только при настояніи обвиняемаго составлять о томъ протоколъ [1]). Указанное правило англійскаго процесса находится въ тѣсной связи съ особенностями обычнаго и статуарнаго права и исключительными условіями юстиціи въ Англіи; а потому при реформѣ уголовнаго законодательства на континентѣ Европы правило это, за немногими исключеніями, не было заимствовано [2]). Въ дѣйствующемъ континентальномъ законодательствѣ принятъ господствующій въ теоріи процесса взглядъ, по которому признаніе не составляетъ безусловнаго доказательства; при извѣстныхъ условіяхъ, оно можетъ устранить необходимость повѣрки доказательствъ на судебномъ слѣдствіи, но ни въ какомъ случаѣ—не устраняетъ вердикта присяжныхъ, подобно тому, какъ это мы видимъ въ англійскомъ процессѣ.

По дѣйствующему Уставу, признаніе обвиняемаго составляетъ одно изъ доказательствъ, подлежащее свободной оцѣнкѣ суда на общемъ основаніи. „Собственное сознаніе обвиняемаго", по словамъ составителей Судебныхъ Уставовъ, „можетъ быть принимаемо за доказательство противъ него только съ крайнею осторожностью" [3]); въ виду этого, *явка съ повинною* служитъ законнымъ поводомъ для начатія слѣдствія только въ томъ случаѣ, если подтвердится имѣющимися у судебнаго слѣдователя свѣдѣніями (ст. 310), а признаніе обвиня-

---

[1]) *Стифенъ*, тамъ же, стр. 409 и слѣд.; *Миттермайеръ*, тамъ же, стр. 268—269, 281.

[2]) Попытки нѣкоторыхъ изъ нѣмецкихъ сепаратныхъ законовъ, напр. прусскаго закона 3 января 1849, прусскаго устава 1867, саксонскаго закона 1 окт. 1868 г. и т. д. перенести на континентальную почву этотъ чисто національный институтъ англійскаго права, вызвали въ свое время рѣзкую критику со стороны извѣстныхъ германскихъ криминалистовъ, а именно—Миттермайера, Бэйера, Цахаріэ, Глазера и др.

[3]) Судеб. Уст., изд. Госуд. канц., мотивы къ ст. 92, стр. 63.

емаго на судебномъ слѣдствіи не исключаетъ дальнѣйшаго изслѣдованія и повѣрки доказательствъ, если только судьи, или присяжные, или прокуроръ, или участвующія въ дѣлѣ лица этого потребуютъ (ст. 682). Во всякомъ случаѣ, если даже признаніе подсудимаго и не возбуждаетъ никакого сомнѣнія, судъ обязанъ приступить къ заключительнымъ преніямъ и опредѣлить наказаніе не иначе, какъ на основаніи обвинительнаго вердикта присяжныхъ (ст. 681). Признаніе на судѣ должно быть заявлено совершенно самостоятельно, лично обвиняемымъ на судѣ; при этомъ, всякое напоминаніе обвиняемому о сознаніи, сдѣланномъ имъ на предварительномъ слѣдствіи, будетъ-ли это напоминаніе сдѣлано на словахъ, или путемъ прочтенія протокола, или допросомъ слѣдователя, будетъ дѣйствіемъ, несогласнымъ съ духомъ закона и несовмѣстнымъ съ достоинствомъ суда [1]).

III. Показанія свидѣтелей. [2])

§. 196. Свидѣтелями называются лица, дающія показанія на судѣ о личныхъ своихъ наблюденіяхъ относительно фактическихъ обстоятельствъ дѣла; свидѣтель, по выраженію закона, обязанъ показывать „всю правду, по чистой совѣсти“, о всемъ, „что онъ видѣлъ и слышалъ“, „разсказать всё, что ему извѣстно по дѣлу, не примѣшивая обстоятельствъ постороннихъ и неизвѣстно отъ кого исходящихъ“ (ст. 98, 117, 443, 718 и 721). Изъ этого опредѣленія видно, что понятіе свидѣтельства ограничивается тѣмъ, что свидѣтель лично наблюдалъ и достовѣрно знаетъ; съ этой точки зрѣнія, свидѣтель не обязанъ дѣйствовать по порученію суда, напр. производить извѣстныя изслѣдованія и наблюденія, а также не долженъ сообщать на судѣ мнѣнія своего о дѣйствительности или свойствѣ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, насколько это мнѣніе является результатомъ извѣстнаго рода умозаключенія, не имѣющаго прямаго отношенія къ предмету наблюденій свидѣтеля.

---

[1]) *П. В. Макалинскій*, тамъ же, стр. 423. K. p. 1867/283; 1869/983.

[2]) *Чебышевъ-Дмитріевъ*, тамъ же, стр. 343—364; *К. Арсеньевъ*, Преданіе суду, Спб. 1870, стр. 161—176; *П. В. Макалинскій*, тамъ же, ч. II, стр. 484—529; *Неклюдовъ*, Руководство, т. I, стр. 337—350, 431—476; *В. Спасовичъ*, Сочиненія, Спб. 1890, т. III, стр. 339—357; *Глазеръ*, Руководство, стр. 112—206; *Geyer*, ibid., §§ 130—140, S. 506—535; § 210, S. 725—729; *Ullmann*, ibid., §§ 80—83, S. 392—408; *F. Hélie*, ibid., t. IV, p. 449, 456—491, 650; t. VI, p. 242—255, 596—614; t. VII, p. 570—703; *Garraud*, ibid., p. 525—600.

Свидѣтельство на судѣ составляетъ общегражданскую обязанность, неисполненіе которой, при извѣстныхъ условіяхъ, вызываетъ принудительныя мѣры; обязанность эта содержитъ въ себѣ слѣдующія составныя части, а именно: а, обязанность явки по вызову въ судъ; б) обязанность изложить на судѣ свое показаніе; в, обязанность дать по требованію суда присягу въ обезпеченіе правдивости показанія; г, обязанность оставаться въ судебномъ засѣданіи, пока не будетъ оконченъ допросъ и получено разрѣшеніе удалиться, и, наконецъ, д, обязанность вообще повиноваться всѣмъ распоряженіямъ суда, насколько они касаются подлежащаго судебному разбирательству дѣла, напр. разсматривать предъявленные лица и предметы для опредѣленія тождества ихъ и т. д. Въ дѣйствующемъ законодательствѣ нѣтъ прямаго указанія относительно обязанности свидѣтельствовать на судѣ, но эта обязанность несомнѣнно вытекаетъ изъ цѣлаго ряда статей Устава [1]); такъ, свидѣтели, неявившіеся по вызову, подвергаются денежному взысканію, а въ извѣстныхъ случаяхъ и приводу (ст. 69, 189, 438 и 440, 642—644), свидѣтели, явившіеся по вызову въ судъ, не могутъ безъ разрѣшенія предсѣдателя удаляться изъ засѣданія до окончанія судебнаго слѣдствія (ст. 727 и 728) и т. д. [2])

§ 197. Свидѣтели вызываются судомъ по непосредственному его усмотрѣнію или по указаніямъ сторонъ; необходимость вызова устраняется, если сами стороны обяжутся представить свидѣтелей (ст. 65, 159 и 576; прав. о земск. нач., ст. 189 и 61). Относительно вызова свидѣтелей прокуроръ имѣетъ особыя права; судъ, во время подготовительныхъ къ суду дѣйствій, не можетъ отказать прокурору въ вызовѣ всѣхъ указанныхъ имъ свидѣтелей, между тѣмъ, какъ вызовъ прочихъ свидѣтелей обязателенъ для суда только въ томъ случаѣ, если они допрошены были на предварительномъ слѣд-

---

[1]) *А. Мартыновъ*, Объ обязанности свидѣтеля давать показанія на судѣ и о послѣдствіяхъ неисполненія этой обязанности, Судебный Вѣстн. 1877, № 10; *П. В. Макаринскій*, тамъ же, стр. 503—506.

[2]) По мнѣнію Сената, свидѣтели безвыходно должны оставаться въ свидѣтельской комнатѣ во время засѣданій и перерыва *днемъ* (К. р. 1873/598), но законъ не обязываетъ предсѣдателя, въ предупрежденіе сношеній допрошенныхъ свидѣтелей съ недопрошенными, оставлять послѣднихъ на *ночь* въ помѣщеніи суда. К. р 1880 1, по д. Сулятицкаго, см. также: Кр. 1872/223 и 1873 598. Временная отлучка свидѣтеля не имѣетъ, по мнѣнію Сената, существеннаго значенія, если не будетъ доказано, что свидѣтель вошелъ въ стачку съ другими свидѣтелями по тому же дѣлу. К. р. 1884/13, по д. Мельницкихъ.

ствіи (ст. 573 и 574). [1]) Основаніемъ такого неравенства правъ послужило, какъ это видно изъ мотивовъ къ ст. 573, то соображеніе, что „прокуроръ, какъ блюститель закона и общественныхъ интересовъ", преслѣдующій исключительно цѣль—раскрытіе истины, „не станетъ требовать свидѣтелей по обстоятельствамъ побочнымъ и не идущимъ къ предмету обвиненія, дабы не запутать дѣла и не обременять никого вызовами въ судъ безъ дѣйствительной въ томъ нужды". [2]) Вызовъ новыхъ, неспрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи свидѣтелей судъ, по просьбѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, разрѣшаетъ по соображеніи „основательности предъявленныхъ къ тому причинъ и важности обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію" (ст. 575), но въ случаѣ отказа, участвующія въ дѣлѣ лица могутъ заявить, что они принимаютъ вызовъ новыхъ свидѣтелей *на свой счетъ*, и тогда „дѣлается *немедленно* распоряженіе о вызовѣ сихъ свидѣтелей" (ст. 576). Такимъ образомъ, участвующія въ дѣлѣ лица, т. е. частный обвинитель, гражданскій истецъ и обвиняемый, пользуются безусловнымъ правомъ вызова свидѣтелей, спрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, и ограниченнымъ въ вызовѣ *новыхъ* свидѣтелей на счетъ казны; право же вызова свидѣтелей на свой счетъ не подлежитъ, съ точки зрѣнія закона, никакому ограниченію, такъ какъ явка многихъ свидѣтелей при этомъ условіи не обременяетъ казны, а самый вопросъ о допустимости того или другого показанія съ большею правильностью можетъ быть рѣшенъ на судебномъ слѣдствіи въ публичномъ засѣданіи суда. [3])

---

[1]) О примѣненіи ст. 574 у. у. с., см. статьи г. *Компанейца*, Жур. гр. и уг. права, 1886 г., кн. 6. и *М. Гребенщикова*, тамъ же, 1887, кн. 3.

[2]) Суд. Уст., изд. Госуд. Канц., мотивы къ ст. 573, стр. 218—219. Г. Арсеньевъ находитъ неправильнымъ положеніе, ставящее прокурора въ исключительныя условія относительно вызова свидѣтелей; „просьба о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, замѣчаетъ названный авторъ, предъявленная защитникомъ, могла бы быть поставлена безъ всякой опасности для правосудія на одинъ уровень съ требованіями прокурора. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ существуетъ достаточное основаніе предполагать, что вызовъ новыхъ свидѣтелей дѣйствительно необходимъ для разъясненія дѣла." Тамъ же, стр. 166.

[3]) Несмотря на совершенно ясный и не подлежащій, повидимому, никакому сомнѣнію смыслъ ст. 576, Сенатъ призналъ, что удовлетвореніе ходатайства подсудимаго о вызовѣ на *его счетъ* такихъ свидѣтелей, въ вызовѣ которыхъ на счетъ казны было ему отказано, должно послѣдовать по *постановленію суда* и только въ томъ случаѣ, если судъ найдетъ уважительныя причины къ отмѣнѣ своего опредѣленія объ отказѣ въ вызовѣ ихъ на счетъ казны, по ст. 575 (К. р. 1878/34, по д. Вѣры Засуличъ); мнѣніе это крайне неправильно, идетъ въ разрѣзъ съ буквальнымъ и логическимъ смысломъ закона и можетъ быть объяснено только исключитель-

Во время пересмотра дѣла въ апелляціонномъ порядкѣ свидѣтели вызываются судомъ по непосредственному усмотрѣнію или по просьбѣ о томъ сторонъ (ст. 159 и 879) [1]); въ частности, въ мировыхъ съѣздахъ стороны могутъ приводить свидѣтелей, какъ бывшихъ при первоначальномъ разбирательствѣ, такъ и тѣхъ, которые по какимъ либо уважительнымъ причинамъ не могли явиться, но въ случаѣ неявки свидѣтелей—разсмотрѣніе дѣла можетъ быть отложено по просьбѣ сторонъ, если съѣздъ не встрѣтитъ къ этому препятствій (ст. 159) [2]). Въ интересахъ явившихся свидѣтелей, особенно если дѣло сложное, и число свидѣтелей велико, слѣдуетъ по возможности избѣгать откладыванія дѣлъ за неявкой того или другого свидѣтеля и пользоваться этимъ правомъ только въ случаяхъ необходимости разъяснить показаніями неявившагося свидѣтеля особо важныя и существенныя обстоятельства дѣла.

Вызовъ, или приказъ свидѣтелю явиться въ судъ, можетъ быть, по формѣ, *письменнымъ*, когда свидѣтель вызывается письменною повѣсткою, или *словеснымъ*, когда лицо, подлежащее вызову, находится въ мѣстѣ пребыванія суда и можетъ быть вызвано словеснымъ требованіемъ судьи, безъ соблюденія тѣхъ формальностей, съ которыми связанъ вызовъ по повѣсткѣ (ст. 54 и 65, 435 и 377, 581; прав. о земск. нач., ст. 189 и 36). Первая форма вызова составляетъ общее правило въ судебномъ производствѣ дѣлъ, вторая—исключеніе, допускаемое закономъ въ видѣ упрощенія судебной проце-

---

ными условіями внутренней политической жизни Россіи, при которыхъ состоялось рѣшеніе по дѣлу Вѣры Засуличъ. См. прекрасный разборъ этого рѣшенія въ статьѣ *В. Спасовича*, О вызовѣ свидѣтелей къ судебному слѣдствію, въ Журн. гражд. и угол. права, 1883 г., кн. 2; также—Сочиненія, т. III, стр. 343—349.

[1]) Сенатъ совершенно основательно признаетъ за мировыми съѣздами право вызывать по своему усмотрѣнію свидѣтелей по дѣламъ, не подлежащимъ прекращенію въ порядкѣ частнаго примиренія, К. р. 1868/594, 1871/1016, 1872/160 и 1872/577.

[2]) Порядокъ вызова и допроса свидѣтелей въ мировыхъ съѣздахъ едва намѣченъ въ законѣ, а потому, естественно, установился у насъ болѣе судебною практикою. См. *Эрленбогенъ*, О примѣненіи ст. 159 Устава, Журн. гражд. и уг. права, 1886, кн. 6; *И. Остряковъ*, Вызовъ и допросъ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ, разсматриваемымъ въ мировыхъ съѣздахъ. Уставъ угол. суд., ст. 159, 165, 194 и 197. Юрид. Вѣстн. 1890, кн. 1, 2 и 5—6. Г. Остряковъ, между прочимъ, неосновательно оспариваетъ установленный судебной практикой порядокъ откладыванія дѣлъ за неявкой свидѣтелей; порядокъ этотъ основанъ на буквальномъ смыслѣ ст. 159 и имѣетъ за собою весьма вѣскія теоретическія основанія. Въ силу начала непосредственности судебныхъ дѣйствій, судъ не можетъ, какъ полагаетъ авторъ, допросивъ явившихся свидѣтелей, отложить допросъ неявившихся свидѣтелей до слѣдующаго засѣданія.

дуры; подъ „словеснымъ требованіемъ“ слѣдуетъ понимать не только личное обращеніе судьи, а вообще—всякое его требованіе, личнымъ предъявленное или переданное чрезъ третье должностное лицо, напр. полицейскаго чиновника или служителя. [1]) Повѣстка о явкѣ въ судъ должна быть составлена по извѣстной формѣ, въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ вручается призываемому, а на другомъ онъ расписывается; затѣмъ, повѣстка должна быть вручена при соблюденіи извѣстныхъ указанныхъ въ законѣ правилъ (ст. 55—59, 435, 377—386, 581; прав. о земск. нач., ст. 189, 36—38). Свидѣтели, по общему правилу, вызываются непосредственно, за исключеніемъ нижнихъ воинскихъ чиновъ и служащихъ въ таможнѣ, вызываемыхъ чрезъ ихъ ближайшее начальство (ст. 68, 436, 582 и 1199).

§ 198. Каждый обязанъ явиться свидѣтелемъ по вызову компетентной судебной власти; въ противномъ случаѣ, подлежитъ *денежному взысканію* и *приводу*. Размѣръ денежнаго взысканія различный, отъ 5 до 100 р., а именно: въ производствѣ городскихъ судей и земскихъ начальниковъ неявившійся свидѣтель въ первый разъ подвергается взысканію не свыше 5 р., во второй разъ—не свыше 10 р. (прав. о зем. нач., ст. 63 и 189); въ производствѣ мировыхъ судей неявка свидѣтеля влечетъ за собою взысканіе не свыше 25 р., а въ случаѣ вторичной неявки—въ двойномъ размѣрѣ (ст. 69); на предварительномъ слѣдствіи — неявившійся свидѣтель подвергается взысканію не свыше 50 р. (ст. 438), а на судебномъ слѣдствіи—не свыше 100 р. и, кромѣ того, платежу издержекъ, причиненныхъ отсрочкой засѣданія (ст. 643) [2]). Но неявившійся свидѣтель освобождается отъ взысканія, если въ теченіе двухнедѣльнаго срока со дня объявленія ему опредѣленія о наложенномъ на него взысканіи представитъ уважительныя оправданія или удостовѣреніе о *законной причинѣ* неявки (ст. 70, 440 и 644; прав. о зем. нач., ст. 63 и 189). Законными причинами неявки свидѣтелей, кромѣ указанныхъ въ ст. 388 относительно неявки обвиняемаго,

---

[1]) *Чебышевъ-Дмитріевъ*, тамъ же, стр. 351 — 352; *П. В. Макалинскій*, тамъ же, стр. 402.

[2]) Въ нашей литературѣ затронутъ вопросъ—можетъ-ли денежное взысканіе за неявку къ слѣдствію замѣнено другимъ какимъ либо наказаніемъ? См. статью барона *Клебека*, въ Журн. гражд. и уголов. права, за 1872 г., кн. 5—6.

признаются: а) особыя военныя обстоятельства, дѣлающія невозможнымъ для воинскихъ чиновъ отлучку ихъ изъ мѣста служенія (ст. 439 и 642, п. 1), и б) жительство въ другомъ судебномъ округѣ и при томъ въ такой отдаленности, что свидѣтель поставленъ въ невозможность, безъ особыхъ затрудненій, явиться въ судъ (ст. 642, п. 2). Въ производствѣ мировыхъ судей, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей неявившійся свидѣтель, кромѣ указанныхъ въ законѣ причинъ, можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности и по другимъ основаніямъ, признаннымъ судьею уважительными.

Приводъ свидѣтеля составляетъ крайнее средство принужденія, а потому допускается въ Уставѣ въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, когда это безусловно представляется необходимымъ для успѣшнаго хода дѣла. Первоначально мировые судьи вовсе не имѣли права привода, а въ общихъ судебныхъ мѣстахъ—онъ установленъ только въ случаѣ вторичной неявки на предварительномъ слѣдствіи (ст. 438) или въ случаѣ отсрочки засѣданія въ окружномъ судѣ за неявкою кого либо изъ свидѣтелей, показаніе коего является существеннымъ по дѣлу, но и въ послѣднемъ случаѣ судъ имѣетъ альтернативное право: сдѣлать распоряженіе о вторичномъ вызовѣ свидѣтеля или прибѣгнуть къ приводу его (ст. 641). По закону 24 Апрѣля 1887 года, ст. 69 Устава измѣнена въ томъ смыслѣ, что свидѣтель, въ случаѣ *вторичной* неявки по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, за которыя въ законѣ положено заключеніе въ тюрьмѣ, можетъ быть подвергнутъ мировымъ судьею приводу (ст. 69, по прод. 1887 г.); правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, 29 Декабря 1889 года идутъ еще далѣе въ расширеніи права привода свидѣтеля и устанавливаютъ приводъ въ случаяхъ первой неявки по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою заключеніе въ тюрьмѣ, и даже *безъ всякаго предварительнаго вызова* (ст. 179). Трудно сказать, насколько правило это вызвано потребностями дѣйствительной жизни и данными судебной практики, но едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что оно можетъ вызвать на практикѣ величайшія стѣсненія личной свободы гражданъ, особенно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что примѣнять это правило будутъ призваны лица административнаго вѣдомства, облеченныя судебною властью.

§ 199. Свидѣтель, вызванный въ судъ, обязанъ подкрѣпить свидѣтельство *присягою*; требованіе это имѣетъ своимъ основаніемъ то соображеніе, что показаніе, данное подъ присягою, представляетъ большее ручательство въ правильности и серьезномъ отношеніи къ дѣлу, чѣмъ безприсяжное показаніе. Въ старомъ правѣ, при дѣйствіи теоріи формальныхъ доказательствъ, присяга имѣла большое значеніе, но и въ дѣйствующемъ правѣ присяга признается однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ обезпеченія истины на судѣ и составляетъ общее правило, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ она теряетъ почему либо свое значеніе; въ этихъ случаяхъ свидѣтели допрашиваются безъ присяги.

Исключеніе въ современномъ законодательствѣ составляетъ Англія, по законамъ которой присяга разсматривается, какъ необходимое условіе всякаго свидѣтельскаго показанія, и безъ присяги никто не допускается къ свидѣтельству. Мнѣнія англійскихъ юристовъ относительно присяги раздѣлились. По мнѣнію *Бентама*, „судебная присяга производитъ положительно вредное вліяніе". „У судей, замѣчаетъ онъ, является склонность придавать показанію болѣе довѣрія, нежели слѣдуетъ. На чемъ основано это довѣріе? На предположеніи, достоинство котораго они не могутъ оцѣнить, что свидѣтель находится подъ вліяніемъ религіознаго возбужденія, подъ вліяніемъ болѣе сильнымъ, нежели интересъ, который онъ можетъ имѣть въ дѣлѣ. Скажутъ, что посторонній свидѣтель не можетъ имѣть интереса, но тѣ, которые это говорятъ, имѣютъ въ виду только денежные интересы; они забываютъ объ интересахъ партіи, любви, ненависти и всѣхъ другихъ страстей, съ которыми совѣсть можетъ находиться въ борьбѣ и быть ими побѣждена." „Чѣмъ менѣе у судьи опытности и находчивости, тѣмъ болѣе присяга поощряетъ его къ лѣности, и тѣмъ болѣе онъ придаетъ ей значенія"; „опытному судьѣ присяга не внушаетъ никакого довѣрія: онъ столько разъ видѣлъ нарушеніе присяги ложью, а потому все свое вниманіе обращаетъ на качество показанія." Затѣмъ, присяга имѣетъ естественное свойство усиливать упорство свидѣтеля въ поддержаніи высказанной имъ лжи „изъ опасенія отвѣтственности за клятвопреступленіе". „Значеніе, присвоенное этому религіозному средству, породило еще болѣе важное зло: въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, странахъ образовался классъ закоренѣлыхъ и безстыдныхъ людей, которые обратили въ ремесло присягу на судѣ. Это люди потерянные, у которыхъ не остается ни нравственной, ни религіозной узды. Я не говорю, что съ отмѣною присяги исчезнетъ лжесвидѣтельство, но очевидно, что если присяжное показаніе имѣетъ въ глазахъ судей болѣе значенія, нежели безприсяжное, этотъ излишекъ довѣрія—есть какъ бы премія клятвопреступленію: свидѣтелю присягающему платятъ дороже, чѣмъ неприсягающему." „Къ опасностямъ этой мнимой гарантіи, говоритъ Бентамъ, слѣдуетъ отнести также тонкости и увертки, употребляемыя свидѣтелями, которые имѣютъ нѣкоторую тѣнь религіозной совѣсти и думаютъ обойти затрудненіе. Они не обращаютъ вниманія на цѣль акта и не считаютъ себя связанными словами, которыя они произносятъ; они считаютъ, что не клялись, если при церемоніи не были соблюдены въ точности формы, освященныя ихъ суевѣріемъ; въ случаѣ присяги евреевъ надо убѣдиться—есть-ли у него на головѣ шапка, и что такое шапка по толкованію его закона, есть-ли у него въ рукахъ настоящая, почитаемая имъ книга, и на какомъ языкѣ она написана. Англичанинъ, также, какъ и этотъ еврей, не очень совѣстливый, спокойно нарушитъ клятву, если онъ приложитъ свои губы

не къ евангелію, а къ своей рукѣ или перчаткѣ, или къ другой книгѣ, а не библіи. Въ Индіи суды испытываютъ тѣ же затрудненія съ магометанами и индусами." Наконецъ, „когда эта церемонія признается неизбѣжнымъ условіемъ для свидѣтельскихъ показаній, правосудіе лишается свидѣтельства многихъ лицъ, которыя, напримѣръ, по правиламъ ихъ вѣры, признаютъ недозволеннымъ клясться. Такъ, въ Англіи квакеры не допускаются въ качествѣ свидѣтелей по уголовнымъ дѣламъ, хотя хорошо извѣстно, что ни одно христіанское общество не предано истинѣ съ такою добросовѣстностью". См. *Бентамъ*, тамъ же, стр. 87—91. Мнѣніе Бентама о присягѣ далеко не раздѣляется другими англійскими юристами; „каково бы ни было нравственное различіе между клятвопреступнымъ лжесвидѣтельствомъ и иными особенно зловредными видами умышленной лжи, замѣчаетъ Стифенъ, не подлежитъ сомнѣнію, что дача присяги оказываетъ сильное вліяніе на умы людей, и что посему весьма желательно пользоваться выгодами, проистекающими отъ этого вліянія, коль скоро тому благопріятствуютъ обстоятельства." Признавая, такимъ образомъ, большое значеніе за присягою, Стифенъ очень сурово относится къ случаямъ клятвопреступленія. „Клятвопреступленіе, по словамъ его, есть одно изъ немногихъ преступленій, наказуемость которыхъ стоитъ въ большей части случаевъ ниже надлежащаго уровня"; могутъ быть такія обстоятельства, „въ которыхъ ни одна казнь, кромѣ смертной, не будетъ въ примѣненіи къ нему слишкомъ строгою." *Стифенъ*, тамъ же, стр. 356, 360.

Въ нашемъ правѣ подкрѣпленіе свидѣтельскихъ показаній присягой составляетъ общее правило на судебномъ слѣдствіи въ общихъ судебныхъ мѣстахъ и на практикѣ, какъ это указано будетъ ниже, въ мировыхъ съѣздахъ; въ прочихъ частяхъ и видахъ судопроизводства, а именно—въ производствѣ мировыхъ судей, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей, а также на предварительномъ слѣдствіи, допросъ свидѣтелей *безъ присяги*, наоборотъ, составляетъ общее правило, а присяга—исключеніе. Относительно присяги свидѣтелей закономъ и судебною практикою установлены нижеслѣдующія правила:

1. Свидѣтели допрашиваются мировымъ судьею подъ присягою, если не будутъ отъ нея освобождены по обоюдному согласію сторонъ (ст. 97), или когда священникъ отсутствуетъ (ст. 98), т. е. когда его нѣтъ на лицо въ камерѣ мироваго судьи, но на практикѣ свидѣтели весьма рѣдко приводятся къ присягѣ; [1]) подобный порядокъ не противорѣчитъ закону и вполнѣ отвѣчаетъ высказанной въ мотивахъ къ ст. 97 Устава мысли, что по маловажнымъ дѣламъ нѣтъ надобности часто прибѣгать къ присягѣ, дабы постояннымъ повтореніемъ ея не поколебать значенія этого обряда. [2])

---

[1]) *Н. Неклюдовъ*, Руководство, стр. 456.

[2]) Суд. Уст., изд. Госуд. Канц., ч. II, стр. 64.

2. Въ производствѣ земскихъ начальниковъ и городскихъ судей показанія свидѣтелей подтверждаются присягою только *„въ случаяхъ особо важныхъ“*, по требованію сторонъ, признанному уважительнымъ, или по собственному усмотрѣнію городскаго судьи или земскаго начальника (прав. о зем. нач., ст. 57 и 189).

3. На предварительномъ слѣдствіи свидѣтели приводятся къ присягѣ только въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда свидѣтель собрался въ дальній путь, и возвращеніе его можетъ замедлиться; б) когда свидѣтель находится въ болѣзненномъ состояніи, угрожающемъ опасностью его жизни, и в) когда свидѣтель имѣетъ жительство внѣ округа того суда, которому подсудно дѣло, и при томъ въ такой отдаленности отъ мѣста судебныхъ засѣданій, что ему, безъ особаго затрудненія, явиться въ судъ невозможно (ст. 442).

4. Во всѣхъ случаяхъ, когда свидѣтели допрашиваются безъ присяги, лица, производящія допросъ, обязаны напомнить имъ объ обязанности показать все имъ извѣстное по чистой совѣсти и предупредить, что, въ случаѣ необходимости, они должны будутъ подтвердить присягою показанное ими; у мировыхъ судей они даютъ въ томъ подписку (ст. 98, 443; прав. о зем. нач., ст. 57 и 189).

5. Свидѣтели, приведенные къ присягѣ у мироваго судьи, въ мировыхъ съѣздахъ вновь не присягаютъ, но предсѣдатель съѣзда обязанъ напомнить о данной ими присягѣ (ст. 163); но такъ какъ случаи присяги свидѣтелей у мироваго судьи очень рѣдки, то на практикѣ установился, въ видѣ общаго правила, порядокъ допроса свидѣтелей подъ присягою, при чемъ свидѣтели даютъ присягу по тѣмъ же правиламъ, какъ у мировыхъ судей (ст. 156). [1]) Въ уѣздныхъ съѣздахъ свидѣтели приводятся къ присягѣ, если это признано будетъ съѣздомъ необходимымъ (прав. о зем. нач., ст. 228).

6. Свидѣтели приводятся къ присягѣ въ судебномъ засѣданіи, каждый по обряду своего вѣроисповѣданія (ст. 771); они даютъ при-

---

[1]) Сенатъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній держится того мнѣнія, что свидѣтели, допрошенные мировымъ судьею безъ присяги или вовсе не допрошенные, допрашиваются въ мировомъ съѣздѣ не иначе, какъ подъ присягою, если не будутъ освобождены отъ оной съ согласія обѣихъ сторонъ; неисполненіе этого обряда признается существеннымъ нарушеніемъ формъ судопроизводства. К. р. 1876/130, по д. Шлейзингера и др. *Г. Неклюдовъ* совершенно неосновательно оспариваетъ это вполнѣ правильное мнѣніе, съ рѣдкою послѣдовательностью проведенное во всѣхъ рѣшеніяхъ Сената. Тамъ же, стр. 658, 660—661.

сягу по установленной въ законѣ формѣ, при чемъ свидѣтели православнаго исповѣданія приводятся къ присягѣ не иначе, какъ священникомъ, а свидѣтели другихъ исповѣданій, за отсутствіемъ духовнаго лица ихъ исповѣданія, приводятся къ присягѣ предсѣдателемъ суда (ст. 713—715). [1]) Въ случаѣ отказа свидѣтеля дать присягу, судъ долженъ допросить его безъ присяги и отмѣтить о семъ въ протоколѣ. [2])

Требованіе присяги далеко не безусловное; въ однихъ случаяхъ законъ вовсе *не допускаетъ* ея, въ другихъ — *освобождаетъ* отъ исполненія этой обязанности. I. Недопущеніе или устраненіе отъ присяги можетъ быть: безусловное и условное; *безусловно не допускаются* къ присягѣ слѣдующія лица: 1) отлученные отъ церкви по приговору духовнаго суда; 2) малолѣтніе, не достигшіе четырнадцати лѣтъ; 3) слабоумные, непонимающіе святости присяги, и 4) лица евангелическаго исповѣданія, пока они не конфирмованы (ст. 95 и 706; прав. о зем. нач., ст. 58); *условно*, въ случаѣ предъявленія которою либо изъ сторонъ отвода, *устраняются отъ свидѣтельства*: 1) лишенные по суду всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ; 2) потерпѣвшее отъ преступленія лицо, хотя бы оно не участвовало въ дѣлѣ, а также мужъ или жена его, родственники по прямой линіи и родные его братья или сестры; 3) другіе по боковымъ линіямъ родственники какъ потерпѣвшаго лица,

---

[1]) По разъясненію Сената, предсѣдателемъ приводятся къ присягѣ: а) свидѣтели калмыки далай-ламскаго вѣроученія (К. р. 1872/881); б) свидѣтели магометанскаго вѣроисповѣданія, если духовное лицо того же исповѣданія не знаетъ русскаго языка (К. р. 1872/1155); в) свидѣтели, принадлежащіе къ ересямъ, недопускающимъ ихъ къ присягѣ у православнаго священника (К. р. 1873/239); г) свидѣтели армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія, не желающіе принять присягу у православнаго священника (К. р. 1873/574), и д) евреи въ случаѣ отсутствія раввина (К. р. 1874/375).

[2]) К. р. 1879/69, по д. Фешковскаго. Въ дѣйствующемъ Уставѣ вовсе не предусмотрѣны случаи отказа свидѣтеля отъ дачи показаній и въ частности отъ присяги, и судъ поставленъ въ необходимость въ случаяхъ этого рода привлекать къ отвѣтственности виновныхъ по ст. 29 м. у. за неисполненіе законныхъ требованій. См. А. *Квачевскій*, тамъ же, ч. III, стр. 458; *П. В. Макалинскій*, тамъ же, стр. 503—506. Иное положеніе этого вопроса на Западѣ; въ старомъ правѣ свидѣтельство вынуждалось пыткою, въ современномъ правѣ—по французскому уставу, виновный въ отказѣ отъ свидѣтельства подвергается денежному взысканію до 100 фр. (Art. 80, 92, 157, 269 и 304), по австрійскому уставу, свидѣтель, отказавшійся отъ показанія или присяги, подвергается штрафу до 100 гульденовъ (§ 160) и по германскому—до 300 марокъ или аресту до 6 недѣль (§ 69). См. *Ullmann*, ibid., § 80, § 594—595; *Geyer*, ibid., § 153, S. 512—513.

такъ и подсудимаго, въ третьей и четвертой степеняхъ и свойственники обѣихъ сторонъ въ первыхъ двухъ степеняхъ; 4) состоящіе съ участвующими въ дѣлѣ лицами въ особенныхъ отношеніяхъ или по усыновленію, или по опекѣ, или по управленію однимъ изъ нихъ дѣлами другого, а также имѣющіе тяжбу съ кѣмъ либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, и 5) евреи—по дѣламъ бывшихъ ихъ единовѣрцевъ, принявшихъ христіанскую вѣру, и раскольники—по дѣламъ лицъ, обратившихся изъ раскола въ православіе (ст. 96 и 707; прав. о зем. нач., ст. 60). II. Отъ присяги *освобождаются*: 1) священнослужители и монашествующіе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и 2) лица, принадлежащія къ исповѣданіямъ и вѣроученіямъ, не пріемлющимъ присяги; вмѣсто присяги они даютъ обѣщаніе показать всю правду по чистой совѣсти (ст. 99 и 712; прав. о зем. нач., ст. 59).

§ 200. Свидѣтели допрашиваются въ *мѣстѣ* производства слѣдствія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ видѣ исключенія, допускается допросъ свидѣтелей „въ мѣстѣ жительства“ ихъ, а именно: 1) въ случаѣ болѣзни или другой причины, препятствующей свидѣтелю явиться къ слѣдствію (ст. 71 и 433; прав. о зем. нач., ст. 65); 2) когда необходимо допросить значительное число лицъ, живущихъ въ одномъ мѣстѣ (ст. 71 и 434; прав. о зем. нач., ст. 65); 3) когда свидѣтели, принадлежащіе къ высшимъ чинамъ гражданской или военной службы, напр. особы, имѣющія чины первыхъ двухъ классовъ, члены Госуд. Совѣта, министры и т. д., потребуютъ допроса ихъ въ мѣстѣ ихъ жительства (примѣч. къ ст. 65 и 433), и 4) когда, по удостовѣренію военнаго начальства, воинскіе чины не могутъ явиться въ судъ (ст. 67).

Въ видахъ возможнаго облегченія свидѣтельской обязанности и огражденія интересовъ частныхъ лицъ, законъ предписываетъ назначать для явки свидѣтелей, по возможности, *время*, свободное отъ занятій ихъ, и немедленно допрашивать. Въ случаѣ какого либо препятствія къ снятію допроса въ теченіе *двѣнадцати часовъ* послѣ явки, причины сего должны быть означены слѣдователемъ въ протоколѣ (ст. 437 и 443). На судебномъ слѣдствіи время допроса свидѣтеля опредѣляется сложностью и продолжительностью извѣстнаго дѣла, но свидѣтели послѣ допроса могутъ, съ разрѣшенія предсѣдателя, удалиться изъ засѣданія до окончанія судебнаго слѣдствія (ст. 727 и 728).

Порядокъ допроса свидѣтелей различный на предварительномъ слѣдствіи и судебномъ слѣдствіи. Предварительное слѣдствіе, какъ извѣстно, имѣетъ слѣдственный характеръ, а потому допросъ свидѣтелей здѣсь производится *исключительно* судебнымъ слѣдователемъ (ст. 446—453); на судебномъ слѣдствіи, которое построено на состязательномъ началѣ, свидѣтели, напротивъ, допрашиваются главнымъ образомъ сторонами (ст. 719—723), и судьи предлагаютъ свидѣтелямъ лишь дополнительные вопросы (ст. 724). Свидѣтели на предварительномъ слѣдствіи допрашиваются, во избѣжаніе стачекъ, *порознь* и первоначально, если это окажется необходимымъ, въ отсутствіи обвиняемаго, при чемъ все показанное свидѣтелемъ при этихъ условіяхъ сообщается обвиняемому (ст. 446 и 448). Вопросы слѣдователя, а также отвѣты на нихъ должны быть *кратки и ясны*; всякій свидѣтель допрашивается объ отношеніяхъ его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ (ст. 447). Потерпѣвшій можетъ предлагать вопросы свидѣтелямъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія слѣдователя (ст. 304, п. 2), а обвиняемый пользуется правомъ опровергать сдѣланныя противъ него показанія и просить слѣдователя о предложеніи свидѣтелю новыхъ вопросовъ (ст. 448). Въ случаѣ необходимости, слѣдователь можетъ передопросить свидѣтеля (ст. 451), а для разъясненія противорѣчій свидѣтелямъ дается *очная ставка*, т. е. свидѣтели допрашиваются совмѣстно, одинъ въ присутствіи другого. Всякая очная ставка ослабляетъ до извѣстной степени непосредственность и самостоятельность свидѣтельскаго показанія, а потому законъ допускаетъ эту мѣру только въ крайнихъ случаяхъ, „когда отъ разъясненія противорѣчій въ показаніяхъ свидѣтелей зависитъ дальнѣйшее направленіе слѣдствія“ (ст. 452), напр., когда очная ставка можетъ измѣнить подсудность дѣла или квалификацію преступнаго дѣянія, или устранить имѣющіяся противъ обвиняемаго улики, или повлечь за собою привлеченіе къ слѣдствію новыхъ лицъ и т. д. [1])

На судебномъ слѣдствіи свидѣтели также допрашиваются *порознь*, отдѣльно одинъ отъ другого (ст. 699); основаніемъ этого общаго процессуальнаго правила служитъ то соображеніе, что показанія свидѣтелей при этихъ условіяхъ сохраняютъ необходимую самостоятельность, и согласіе ихъ между собою пріобрѣтаетъ особенное значеніе при оцѣнкѣ

[1]) *П. В. Макалинскій*, тамъ же, стр. 527—528.

извѣстныхъ фактическихъ обстоятельствъ дѣла. Прежде допроса по существу, каждому свидѣтелю предлагаются предварительные вопросы для опредѣленія его личности и отношенія къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ (ст. 702), посколько разъясненіе этихъ обстоятельствъ можетъ послужить основаніемъ для отвода (сравн. ст. 703). [1]) Затѣмъ, по разрѣшеніи вопроса о допущеніи свидѣтелей къ допросу, по заявленіямъ сторонъ (ст. 703—710), и приводѣ къ присягѣ (ст. 711—715), предсѣдатель суда напоминаетъ свидѣтелю объ отвѣтственности за ложныя показанія (ст. 716), а тѣмъ изъ свидѣтелей свѣтскаго званія, которые допрашиваются безъ присяги, дѣлаетъ увѣщаніе, „дабы они, отрѣшившись отъ всякаго вліянія на нихъ вражды, дружбы или страха, говорили сущую правду и только одну правду, не увеличивая и не уменьшая извѣстныхъ имъ обстоятельствъ, а показывали все такъ, какъ это случилось“ (ст. 717). Допросъ свидѣтеля начинается предложеніемъ изложить все, что ему извѣстно по дѣлу „*не примѣшивая*, по выраженію закона, *обстоятельствъ посторонних и не повторяя слуховъ, неизвѣстно отъ кого исходящихъ*“ (ст. 718) [2]); по изложеніи свидѣтелемъ въ болѣе или менѣе связномъ разсказѣ всего, что ему извѣстно по дѣлу, предсѣдатель суда предоставляетъ сторонамъ предложить свидѣтелямъ вопросы „по всѣмъ предметамъ, которые каждая изъ нихъ признаетъ нужнымъ выяснить“ (ст. 719). Каждый свидѣтель допрашивается первоначально тою стороною, по просьбѣ которой онъ вызванъ въ судъ, а потомъ—противною стороною, при чемъ каждая изъ сторонъ можетъ предложить свидѣтелю вторичные вопросы въ разъясненіе отвѣтовъ, данныхъ на вопросы противной стороны (ст. 100, 161, 720 и 723); въ этомъ выражается сущность, такъ назыв., *перекрестнаго допроса* (cross-examination), путемъ котораго свидѣтель допрашивается и передопрашивается обѣими сторонами, съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Перекрестный допросъ составляетъ одно изъ лучшихъ средствъ разслѣдованія истины на судѣ; благодаря этому допросу, устраняет-

---

[1]) К. р. 1874/668, по д. Ракитянскаго.

[2]) По разъясненію Сената, допросъ свидѣтелей необходимо долженъ начинаться съ общаго вопроса, указаннаго въ ст. 718, а потому несоблюденіе этого порядка путемъ прямаго обращенія къ нимъ съ частными вопросами составляетъ одно изъ существенныхъ нарушеній формъ судопроизводства. К. р. 1875/337, по д. Шмулевичъ.

ся односторонность свидѣтельскихъ показаній, послѣднія пріобрѣтаютъ большую ясность и опредѣленность, и легко обнаруживается въ нихъ всякая фальшь, неискренность и нетвердость. „Только при помощи этого допроса", замѣчаетъ Бентамъ: „неопредѣленное показаніе становится подробнѣе и пополняется всѣми характеристическими особенностями, спутанное показаніе становится точнымъ и выходитъ изъ тумана, его окружащаго"; „при успѣшномъ употребленіи этого орудія, опытными руками, свидѣтель, намѣревавшійся обмануть и скрыть истину, аттакуемый неожиданными вопросами, на которые онъ долженъ отвѣчать немедленно, приводится къ самоизобличенію." [1])

Но перекрестный допросъ есть обоюдоострое орудіе въ процессуальномъ искусствѣ, нерѣдко на практикѣ онъ превращается въ нравственную пытку для свидѣтеля, который, будучи тѣснимъ вопросами съ разныхъ сторонъ, невольно можетъ спутаться въ отвѣтахъ и этимъ ввести въ заблужденіе судей; поэтому пользованіе перекрестнымъ допросомъ требуетъ большой осторожности и чувства мѣры со стороны тѣхъ, кто его ведетъ, а также много житейскаго такта. Во всякомъ случаѣ, дѣйствія сторонъ во время перекрестнаго допроса подлежатъ контролю предсѣдательствующаго въ судебномъ засѣданіи, на обязанности котораго лежитъ устраненіе изъ судебнаго разбирательства всего, что не относится къ дѣлу и препятствуетъ правильному ходу правосудія. По мысли законодателя, перекрестный допросъ составляетъ какъ бы дополнительное средство къ связному и послѣдовательному изложенію свидѣтелемъ своего показанія и можетъ быть допущенъ только послѣ главнаго допроса тою стороною, по просьбѣ которой свидѣтель вызванъ [2]).

Въ англійскомъ процессѣ различаются: *главный допросъ* (examination in chief), который состоитъ въ допросѣ свидѣтеля тою стороною, которою онъ представленъ, и *перекрестный допросъ* (cross examination), который допускается послѣ главнаго допроса и состоитъ въ томъ, что свидѣтель допрашивается противною стороною. Правила о перекрестномъ допросѣ возникли, благодаря тому обстоятельству, что

---

[1]) *Бентамъ*, тамъ же, стр. 59—60; см. также, стр. 70—71.

[2]) Суд. Уст., изд. Госуд. Канц., мотивы къ ст. 723, стр. 260. „Перекрестный допросъ, при всей его цѣлесообразности", замѣчаютъ составители Судеб. Уст., „можетъ принести пользу только тогда, когда употребляется дополнительнымъ средствомъ къ свободному изложенію свидѣтелемъ своего показанія. Разсказъ свидѣтеля, состоящій единственно изъ отвѣтовъ на данные ему вопросы, не можетъ имѣть ни той связи, ни той послѣдовательности, которыя необходимы для яснаго уразумѣнія его показанія."

каждый свидѣтель допрашивался не судьею, а стороною, его пригласившею; разъ допущенъ былъ допросъ свидѣтеля, вызваннаго одною стороною, необходимо было допустить допросъ и противной стороною, т. е. перекрестный допросъ. „Вся теорія перекреснаго допроса", по словамъ Стифена, „основана на томъ, что свидѣтели обвиненія неблагопріятны для подсудимаго и будутъ показывать противъ него, по сему онъ вправѣ повѣрять ихъ показанія всѣми мѣрами, какія состоятъ въ его власти, приводить имъ на память самымъ рѣзкимъ образомъ всѣ обстоятельства для него благопріятныя, которыя они могли позабыть или скрыть, раскрывать и обнаруживать всѣ малозамѣтныя недомолвки или противорѣчія въ ихъ показаніяхъ." Стифенъ, тамъ же, стр. 363—364. Въ Англіи господствуетъ убѣжденіе, что только при помощи перекреснаго допроса возможно избѣжать односторонности и обнаружить истину и что путемъ этого допроса всего вѣрнѣе можно обличить лживаго свидѣтеля. „Искусство адвоката, руководящаго перекреснымъ допросомъ", замѣчаетъ Миттермайеръ, „состоитъ въ томъ, чтобы указать, какія отношенія, уменьшающія достовѣрность свидѣтеля, существуютъ между нимъ, обвинителемъ и обвиняемымъ; далѣе, обнаружить интересы, побужденія и наклонности свидѣтеля, выставить его умственныя и физическія способности, средства, употребленныя имъ для узнанія истины, и источники его свѣдѣній." *Миттермайеръ*, тамъ-же, стр. 333—334.

По содержанію допроса, каждая сторона имѣетъ право предлагать свидѣтелю вопросы не только о томъ, что онъ видѣлъ или слышалъ, но также и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя доказываютъ, что онъ не могъ показаннаго имъ видѣть и слышать (ст. 721). Равнымъ образомъ, свидѣтели могутъ быть допрашиваемы о поведеніи обвиняемаго, о его связяхъ и образѣ жизни; по замѣчанію составителей Судебныхъ Уставовъ, разсуждая о степени виновности обвиняемаго, „не возможно обойтись безъ соображенія поступка, за который подсудимый подлежитъ отвѣтственности, съ прошедшею его жизнію. Судомъ всегда судится не отдѣльный поступокъ подсудимаго, но вся его личность, насколько она проявилась въ извѣстномъ противозаконномъ поступкѣ" [1]). Свидѣтель не можетъ отказаться отъ объясненій замѣченныхъ въ его показаніяхъ противорѣчій и несообразностей, но онъ не обязанъ отвѣчать на вопросы, уличающіе его самого въ какомъ либо преступленіи, такъ назыв., *обличительные* вопросы („captiosae") (ст. 722). Подобные вопросы не должны быть допускаемы, такъ какъ самая постановка ихъ, сама по себѣ, создаетъ для свидѣтеля извѣстныя невыгодныя послѣдствія, ставитъ его въ ложное положеніе и подрываетъ до извѣстной степени достовѣрность

---

[1]) Суд. Уст., изд. Госуд. Канц., стр. 171. Въ томъ же смыслѣ высказался Сенатъ въ рѣшеніяхъ по дѣлу Рыбаковской 1868 г., Умецкихъ и Насавина 1869 г. и Паскаля 1877 г. См. заключеніе оберъ-прокурора А. Ѳ. Кони по дѣлу Вельяшова и др. Юрид. Лѣтоп., 1890 г., Декабрь, стр. 495.

его показаній, нерѣдко въ ущербъ интересамъ правосудія [1]). Вопросы, предлагаемые свидѣтелю, должны быть кратки и ясны (ст. 447), поэтому—слѣдуетъ избѣгать, такъ назыв., *наводящихъ* или *руководящихъ* вопросовъ (leading questions, suggestivae), въ которыхъ свидѣтелю какъ бы подсказывается желаемый отвѣтъ, и на которые онъ можетъ отвѣчать только однословно: да или нѣтъ. Подобные вопросы всегда допускаютъ сомнѣніе, что послужило основаніемъ свидѣтельскаго показанія—собственное наблюденіе или подсказанный ему отвѣтъ; впрочемъ, руководящіе вопросы не могутъ быть безусловно воспрещены, особенно—при перекрестномъ допросѣ, когда необходимо выяснить противорѣчіе въ свидѣтельскомъ показаніи или вызвать отвѣтъ у свидѣтеля противной стороны, нерасположеннаго вообще къ показанію въ пользу стороны предлагающей вопросъ [2]). Вопросы о прежней жизни свидѣтеля съ цѣлью опорочить его и ослабить значеніе его показанія часто бываютъ безполезны и почти всегда мучительны для свидѣтеля, который вправѣ требовать, чтобы личность его и частная жизнь были уважаемы на судѣ; поэтому стороны могутъ предлагать подобные вопросы лишь настолько, насколько это необходимо для отвода свидѣтеля на основаніи ст. 704—710 Устава, и, за отсутствіемъ причинъ къ отводу не могутъ, какъ это признаетъ Сенатъ, „опорочивать свидѣтелей на судѣ разспросами о личныхъ качествахъ ихъ и событіяхъ минувшей ихъ жизни, подъ предлогомъ оцѣнки достовѣрности представляемыхъ ими показаній“ [3]).

Въ англійскомъ процессѣ принято за правило, что свидѣтели обязаны отвѣчать на вопросы о честности своего характера, если только они находятся въ непосредственной связи съ предъявленнымъ обвиненіемъ. *Миттермайеръ*, тамъ же, стр. 334. Вопросы о честности свидѣтеля, замѣчаетъ Стифенъ, часто бываютъ суще-

---

[1]) По мнѣнію Сената, запрещеніе предсѣдателю предлагать свидѣтелю уличающіе его вопросы выходитъ изъ предѣловъ ст. 722. К. р. 1872/1487; съ мнѣніемъ этимъ нельзя согласиться, такъ какъ всякій вопросъ, на который свидѣтель вправѣ не отвѣчать, долженъ быть признанъ неумѣстнымъ съ точки зрѣнія закона.

[2]) *Бентамъ*, тамъ же, стр. 106; *Стифенъ*, тамъ же, стр. 360—365; *Миттермайеръ*, тамъ же, стр. 329—330; *Geyer*, ibid., § 140, S. 537; *Ullmann*, ibid., § 81, S. 401; *Глазеръ*, тамъ же, стр. 176—177. По общему правилу, замѣчаетъ Миттермайеръ, въ англійскомъ процессѣ не допускаются руководящіе вопросы, но практическій смыслъ англичанъ, не допускающій никакого абсолютнаго правила, признаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимость ихъ. „Наводящіе вопросы, по словамъ Бентама, не всегда противорѣчатъ видамъ правосудія; они даже прямо допускаются въ извѣстныхъ случаяхъ, или какъ средство выясненія, или какъ пособіе памяти.“

[3]) К. р. 1874/372, по д. Разсудина.

ственны не только, когда касаются фактовъ, состоящихъ въ связи съ спорными, но даже когда и не касаются этихъ фактовъ. Тамъ же, стр. 381—382. Изъ англійскихъ юристовъ Бентамъ критически относится къ запрещенію предлагать свидѣтелю вопросы, дискредитирующіе его. Тамъ же, стр. 110—111. Дѣйствующій въ Германіи законъ предписываетъ по возможности щадить свидѣтеля при допросѣ; только въ случаѣ необходимости имъ допускаются „вопросы о такихъ обстоятельствахъ, которыя касаются достовѣрности его показаній по извѣстному подлежащему разсмотрѣнію дѣлу“ (§ 67). По австрійскому уставу, судебный слѣдователь не долженъ предлагать свидѣтелю вопросы объ уголовныхъ преслѣдованіяхъ, которымъ онъ подвергался, и о результатахъ его судимости, если это, по словамъ закона, „не безусловно необходимо вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ даннаго случая“ (§ 166). *Глазеръ*, Тамъ же стр. 174—175.

По окончаніи допроса свидѣтелей сторонами предсѣдатель и члены суда, а также присяжные засѣдатели черезъ предсѣдателя могутъ предлагать свидѣтелю *дополнительные* вопросы, имѣющіе цѣлью выяснить съ большею обстоятельностью предметъ показанія свидѣтеля, не вполнѣ разъясненный отвѣтами его на вопросы сторонъ (ст. 724); такимъ образомъ, допросъ свидѣтелей судьями является съ точки зрѣнія закона какъ бы дополненіемъ къ допросу сторонами и допускается лишь настолько, насколько это требуется обстоятельствами дѣла. Для устраненія противорѣчій между показаніями свидѣтелей судъ можетъ передопросить ихъ и дать имъ очную ставку, т. е. свести ихъ съ глазу на глазъ (ст. 626, сравн. ст. 101); очная ставка на судебномъ слѣдствіи имѣетъ болѣе широкое примѣненіе и допускается закономъ безъ тѣхъ ограниченій, которыя установлены на предварительномъ слѣдствіи. Для установленія тождества предметовъ слѣдствія каждому свидѣтелю предъявляются вещественныя и письменныя доказательства (ст. 725).

При допросѣ свидѣтелей, объясняющихся на непонятномъ для судебнаго слѣдователя или судей языкѣ, приглашаются свѣдущія въ этомъ языкѣ лица, а допросъ нѣмыхъ и глухихъ производится черезъ посредство лицъ, умѣющихъ съ ними объясняться (ст. 410, 411, 450, 579, 580).

§ 201. Показанія свидѣтелей составляютъ обыкновенный и наиболѣе обильный источникъ нашихъ познаній вообще и въ частности на судѣ; рѣдкое уголовное дѣло обходится безъ свидѣтелей. Въ основаніи нашего отношенія къ свидѣтельскимъ показаніямъ, какъ это указано выше (§ 80), лежитъ предположеніе, что каждый свидѣтель показываетъ правду, то, что онъ видѣлъ и слышалъ, но общая презумпція въ пользу правдивости свидѣтеля устраняется тамъ, гдѣ есть

основаніе заподозрить искренность его, *желаніе или волю* показать правду по дѣлу, или когда возникаетъ сомнѣніе въ *способности* свидѣтеля показать согласно съ истиною то, что онъ лично наблюдалъ.

Свидѣтель можетъ уклониться отъ истины, не желать показать правду подъ вліяніемъ различныхъ мотивовъ, личныхъ, религіозныхъ или политическихъ, чаще всего—вслѣдствіе особаго отношенія къ дѣлу; здѣсь слѣдуетъ различать отношенія свидѣтелей *къ лицамъ*, участвующимъ въ процессѣ, обвиняемому и потерпѣвшему, напр. родство, свойство, особая дружба или вражда, и отношенія *къ предмету* показаній, которыя исключаютъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ сомнительнымъ объективность и безпристрастіе свидѣтельскаго показанія, придаютъ ему характеръ свидѣтельства „въ собственномъ дѣлѣ и своихъ интересахъ“ (pro domo suo), напр. показанія частнаго обвинителя или потерпѣвшаго, соучастниковъ и др. При оцѣнкѣ показаній лицъ, находящихся въ отношеніи брака, родства или свойства съ потерпѣвшимъ или обвиняемымъ, не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что далеко не всегда отношенія этого рода располагаютъ къ показаніямъ въ пользу того или другого изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, что нерѣдко въ основѣ этихъ отношеній вмѣсто любви и сочувствія лежитъ открытое или плохо скрываемое чувство непріязни и вражды [1]). Относительно показаній потерпѣвшаго или соучастника слѣдуетъ соблюдать большую осторожность, но едва ли основательно относиться съ безусловнымъ недовѣріемъ ко всякому свидѣтельскому показанію подобнаго рода. Дѣйствительная жизнь представляетъ намъ безконечное разнообразіе, и искусство судьи заключается въ томъ, чтобы, отрѣшившись отъ всякихъ презумпцій и шаблонныхъ правилъ, разобраться въ этомъ разнообразіи, отличить правду отъ лжи; потерпѣвшій можетъ быть заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицомъ, но показаніе его, въ силу присущихъ ему личныхъ качествъ и высокой правдивости всегда и во всѣхъ случаяхъ, можетъ быть признано вполнѣ достовѣрнымъ.

---

[1]) *Geyer*, ibid., § 43, S. 296.

IV. Показанія свѣдущихъ людей. [1])

§ 202. Изслѣдованіе и рѣшеніе фактическихъ вопросовъ въ процессѣ нерѣдко требуетъ спеціальныхъ познаній, которыхъ вообще нельзя предполагать у судей; въ этихъ случаяхъ приглашаются *свѣдущіе люди или эксперты*, т. е. лица, обладающія спеціальными свѣдѣніями или опытностью въ какомъ либо занятіи и вызванныя въ судъ для разъясненія такихъ вопросовъ, для пониманія которыхъ недостаточно общаго или юридическаго образованія. [2]) Дѣятельность свѣдущихъ людей выражается въ производствѣ *экспертизы*, которая большею частью состоитъ изъ изслѣдованія извѣстныхъ предметовъ и заключенія или мнѣнія на основаніи произведенныхъ изслѣдованій или данныхъ судебнаго производства; не всегда эти части экспертизы совпадаютъ въ одномъ лицѣ, такъ, напр., изслѣдованіе можетъ быть произведено однимъ лицомъ, а заключеніе дано другимъ, затѣмъ—часто отъ эксперта требуется лишь одно изслѣдованіе и отчетъ объ оказавшемся при семъ, напр. въ случаяхъ внѣшняго осмотра, опредѣленія свойства состава, признаваемаго ядомъ, провѣрки счетовъ и т. д. Въ сущности, обязанности эксперта состоятъ въ томъ, что онъ оказываетъ содѣйствіе правосудію въ разъясненіи вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ требуетъ спеціальныхъ свѣдѣній; въ частности, свѣдущіе люди обязаны являться по вызову въ судъ, отвѣчать на всѣ предлагаемые вопросы, насколько послѣдніе находятся въ связи съ ихъ спеціальностью, и подчиняться во время производства экспертизы *руководству* судьи. „Это руководство, замѣчаетъ Глазеръ, обусловливается и оправдывается тѣмъ, что показанія свѣдущихъ лю-

[1]) *Л. Е. Владимировъ*, Объ экспертизѣ въ уголовномъ судѣ. Харьковъ; его же, Ученіе о доказательствахъ, Особ. часть, кн. I, X. 1886 г.; *П. В. Макалинскій*, тамъ же, ч. II, стр. 270—354; *Н. Неклюдовъ*, тамъ же, т. I, стр. 483—501; *Вислоцкій*, О достоинствѣ судебно-медицинской экспертизы въ уголовномъ судопроизводствѣ. Варшава, 1873; *В. Фуксъ*, Уголовно-судебная экспертиза, Журн. гражд. и угол. права, 1887 г., кн. 4 и 5; *Глазеръ*, тамъ же, §§ 56—60, стр. 259—307; *Geyer*, ibid., §§ 123—129, S. 489—505; §§ 207—208, S. 716—720; его же въ Holtzendorff's Handbuch, Zweiter Bd., §§ 16—26, S. 231—259; *Ullmann*, ibid., §§ 78—79, S. 378—391; *F. Hélie*, ibid., t. IV, p. 524—539; t. VI, p. 270—275; t. VII; p. 662—666.

[2]) Германскій уставъ различаетъ понятія „эксперта и свѣдущихъ свидѣтелей“ (§ 85): послѣдними признаются такія лица, которыя, обладая спеціальными свѣдѣніями, въ то же время являются по обстоятельствамъ дѣла свидѣтелями, совершенно случайно наблюдавшими извѣстные факты, напр. врачъ, пользовавшій умершее лицо.

дей являются по своей природѣ доказательствами, а таковыя по общему правилу представляются судьѣ (judici fit probatio), но руководство судьи имѣетъ свои предѣлы, дальше которыхъ оно не должно идти, такъ—судья не долженъ касаться достоинства техническихъ методовъ, примѣняемыхъ свѣдущими людьми, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ этомъ отношеніи существуютъ особыя правила, установленныя отчасти въ Уставѣ Угол. Судопр., отчасти въ спеціальныхъ законахъ." [1])

По дѣйствующему Уставу, свѣдущіе люди приглашаются во всѣхъ случаяхъ, „когда для точнаго уразумѣнія встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства *необходимы* спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ, промыслѣ или какомъ либо занятіи" (ст. 112, 325, 1160; прав. о зем. нач., ст. 194) [2]); они излагаютъ на судѣ *мнѣнія* или даютъ въ однихъ случаяхъ—*заключенія*, въ другихъ—*отчетъ* и *объясненія* по поводу произведенныхъ изслѣдованій (ст. 113, 334, 345, 690—694). Обращеніе къ свѣдущимъ людямъ обязательно для суда, коль скоро возникаетъ вопросъ, относящійся къ извѣстной спеціальности, при чемъ обладаніе судьей спеціальными свѣдѣніями нисколько не освобождаетъ его отъ обязанности обратиться къ помощи эксперта, такъ какъ судья, очевидно, не можетъ безъ ущерба правосудію совмѣщать въ своей особѣ обязанности судьи и свѣдущаго лица въ извѣстномъ спеціальномъ вопросѣ (ст. 693). [3]) Законъ устанавливаетъ лишь общее правило о приглашеніи свѣдущихъ людей во всѣхъ случаяхъ, когда для правильнаго разрѣшенія дѣла необходимы спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ какомъ либо занятіи; затѣмъ, рѣшеніе вопроса—въ какихъ именно

---

[1]) *Глазеръ*, тамъ же, стр. 293.

[2]) По разъясненію Сената, судъ не вправѣ, безъ выслушанія заключенія свѣдущихъ людей, дѣлать постановленія о такомъ обстоятельствѣ, для разъясненія котораго требуются особыя свѣдѣнія въ какой либо наукѣ, искусствѣ или ремеслѣ. К. р. 1874 г./283, по д. Кузнецова.

[3]) *Н. Неклюдовъ*, тамъ же, стр. 491—492; *Л. Владиміровъ*, тамъ же, стр. 16. *Г. Фухсъ*, признавая безусловно необходимымъ содѣйствіе экспертовъ въ томъ случаѣ, въ которомъ требуется не только констатированіе фактовъ и явленій, но и указаніе существующей или предполагаемой между ними связи, т. е. заключенія, высказываетъ ту мысль, что „по сущности той задачи, которая преслѣдуется *при осмотрахъ*, нѣтъ серьезныхъ основаній къ непремѣнному требованію эксперта, если судья самъ обладаетъ спеціальными свѣдѣніями". Тамъ же, кн. 4., стр. 25—30.

случаяхъ слѣдуетъ вызвать свѣдущее лицо, всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія суда въ каждомъ конкретномъ случаѣ. [1])

§ 203. Вопросъ о сущности экспертизы и значеніи ея въ системѣ доказательствъ спорный; въ литературѣ существуетъ три различныхъ воззрѣнія на экспертизу. Согласно одному—весьма старому, экспертиза не составляетъ вовсе доказательства, такъ какъ эксперты суть *judices facti*, и рѣшенія ихъ обязательны для суда. Воззрѣніе это, господствовавшее среди юристовъ XVI в. [2]), которые называли экспертовъ, преимущественно медиковъ, судьями, а мнѣнія ихъ—*sententia*, нашло поддержку со стороны нѣкоторыхъ писателей текущаго столѣтія (Бирнбаумъ, Карминіани и др.) и въ лицѣ отечественнаго криминалиста проф. Л. Е. Владимірова. [3]) Подобный взглядъ на экспертизу безусловно неправиленъ; послѣдовательное проведеніе его привело бы къ ограниченію внутренняго убѣжденія судьи при оцѣнкѣ доказательствъ, отъ чего съ отмѣной теоріи формальныхъ доказательствъ отказался современный процессъ. Если это воззрѣніе имѣло нѣкоторый смыслъ и значеніе въ средніе вѣка, то въ наше время, при современныхъ условіяхъ правосудія, въ виду всѣмъ извѣстной обстановки экспертизы и ея неустойчивости, неопредѣленности и противорѣчія, оно является своего рода парадоксомъ и едва-ли

[1]) Сенатъ въ цѣломъ рядѣ рѣшеній призналъ, что рѣшеніе вопроса о необходимости приглашенія свѣдущихъ людей вполнѣ зависитъ отъ суда, разсматривающаго дѣло по существу, и не подлежитъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ. См. К. р. 1867/248, 1868/970, 1869/63, 1869/456, 1870/867, 1871/1176, 1872/1129. Въ другихъ рѣшеніяхъ Сенатъ, повидимому, измѣняетъ этотъ взглядъ и входитъ въ разсмотрѣніе этого вопроса, но точныхъ правилъ на этотъ счетъ не выработалъ, да едва-ли и могъ выработать, въ виду величайшаго разнообразія случаевъ дѣйствительной жизни; въ частности, рѣшеніями Сената разъяснено, что при распознаваніи фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, если поддѣлка настолько груба, что бросается въ глаза, судъ можетъ не обращаться къ свѣдущимъ людямъ (К. р. 1871/337, 1875/145); что предъявленіе присяжнымъ и сличеніе ими документовъ (К. р. 1867/383, 1869/2021, 1876/315), а также производство присяжными опыта сожженія куска резиновой калоши для сличенія пепла отъ него съ другой обгорѣвшей калоши (К. р. 1876/1)—есть смѣшеніе обязанностей присяжныхъ и экспертовъ; что при нарушеніи строительнаго устава необходимо удостовѣриться въ неправильности постройки черезъ свѣдущихъ людей (К. р. 1868/551, 1874/479, 1871/197 и т. д.); что для оцѣнки письма на французскомъ языкѣ судъ долженъ выслушать эксперта (К. р. 1878/64) и т. д. См. *Фуксъ*, тамъ же, кн. 5, стр. 1—8.

[2]) *Bartoleus*, Tractatus de testibus, 1596; *Millaeus*, Pract. crim. persequ., Paris, 1541; *Blancus*, Pract. crim., 1567.

[3]) *Л. Е. Владимировъ* въ Revue de droit internat., IV, p. III и слѣд. См. также указанныя выше сочиненія названнаго автора.

заслуживаетъ серьезнаго опроверженія [1]). По другому воззрѣнію, экспертиза есть одинъ изъ видовъ доказательствъ, при чемъ одни изъ писателей признаютъ экспертовъ свидѣтелями (Каррара, англійскіе юристы—Бестъ, Стифенъ и др.), называютъ ихъ учеными или раціональными свидѣтелями (Грольманъ, Штибель), другіе—относятъ экспертизу къ личному осмотру, напр. Ярке, Фейербахъ, Титтманнъ, а въ новѣйшее время Бонье и отчасти Глазеръ. По поводу этого воззрѣнія слѣдуетъ замѣтить, что между экспертами и свидѣтелями существуетъ настолько рѣзкое различіе, что эти понятія никакъ нельзя отождествлять; свидѣтели создаются обстоятельствами дѣла, условіями и обстановкой преступленія, а эксперты приглашаются въ судъ по усмотрѣнію суда и сторонъ, безъ всякаго отношенія къ дѣлу; затѣмъ—свидѣтели излагаютъ на судѣ только *факты*, то, что они случайно или по особымъ отношеніямъ къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ видѣли и слышали, эксперты—изслѣдуютъ и оцѣниваютъ факты по порученію суда и излагаютъ *мнѣнія* или *заключенія*. [2]) Равнымъ образомъ, нѣтъ основанія признавать экспертизу видомъ личнаго осмотра; не всегда между этими процессуальными дѣйствіями существуетъ связь, весьма часто свѣдущіе люди даютъ заключенія

[1]) Мнѣніе проф. Л. Е. Владимірова о значеніи экспертизы нашло большое сочувствіе среди медиковъ. См. Суд. Вѣстникъ, за 1870 г., № 85; Архивъ Судеб. Мед., за 1866 г. № 4, 1867, №№ 23; *В. Штольцъ*, Руководство къ изученію судебной медицины для юристовъ, Спб. 1885, стр. 29—31. Иное болѣе трезвое отношеніе къ вопросу мы находимъ въ трудахъ д-ра Вислоцкаго: О достоинствѣ судебной медицинской экспертизы. Варшава, 1872, стр. 141, 161—162 и *В. Чижа*, Лекціи по судебной психопатологіи, Спб. 1890 г., стр. 323. „Врачъ, говоритъ проф. В. Чижъ, всегда и вездѣ—совѣтникъ, свѣдущее лицо; его дѣло подавать совѣты, основанные на его спеціальныхъ познаніяхъ, и, наконецъ, какъ представитель науки, онъ обязанъ всѣми средствами убѣждать въ справедливости высказаннаго, но этимъ роль его исчерпывается.“ Признавая экспертовъ судьями факта, послѣдователи этого воззрѣнія вынуждены были установить совершенно искусственное, не имѣющее никакой опоры въ законодательствѣ, дѣленіе экспертовъ на *научныхъ* и *техническихъ* или справочныхъ свидѣтелей; только мнѣнія первыхъ, научныхъ экспертовъ, имѣютъ обязательную для суда силу; но кого, кромѣ медиковъ, слѣдуетъ признавать научными экспертами, гдѣ граница, отдѣляющая науку отъ прикладныхъ знаній, остается открытымъ вопросомъ. Отождествляя дѣятельность экспертовъ и присяжныхъ, доказывая аналогію между мнѣніями свѣдущихъ людей и судебными рѣшеніями, проф. Владиміровъ приходитъ къ весьма страннымъ заключеніямъ, такъ, напр., ограничиваетъ права, такъ назыв., справочныхъ свидѣтелей на ознакомленіе съ обстоятельствами дѣла (стр. 19), отрицаетъ права сторонъ при оцѣнкѣ заключенія научныхъ экспертовъ ссылаться на мнѣнія писателей (стр. 22) и т. д., и впадаетъ въ цѣлый рядъ противорѣчій (стр. 22—23, 115—116).

[2]) О различіи между свидѣтелями и свѣдущими людьми см. *F. Hélie*, ibid., t. IV № 1890, p. 325—327; *Глазеръ*, тамъ же, стр. 261; *Л. Е. Владиміровъ*, тамъ же, стр. 36—53; *В. Фуксъ*, тамъ же, книга 4, стр. 32 и слѣд.

только на основаніи данныхъ судебнаго производства, напр. по вопросамъ о томъ—могъ-ли ударъ извѣстнымъ орудіемъ причинить смерть, или насколько сильно дѣйствіе извѣстнаго ядовитаго вещества и т. д. [1]) Наиболѣе правильнымъ представляется третье господствующее воззрѣніе, по которому экспертиза составляетъ совершенно самостоятельный видъ доказательствъ, служитъ однимъ изъ средствъ, путемъ котораго судья убѣждается въ истинности или ложности извѣстныхъ фактическихъ обстоятельствъ [2]); сущность этого доказательства именно состоитъ въ мнѣніи или заключеніи, которое даютъ на судѣ свѣдущіе люди по предмету ихъ спеціальности.

По дѣйствующему законодательству, экспертиза признается на предварительномъ слѣдствіи однимъ изъ видовъ осмотра и освидѣтельствованія; это видно изъ того, что законъ нашъ различаетъ: 1, осмотръ и освидѣтельствованіе черезъ судебнаго слѣдователя (ст. 315—324), 2, осмотръ и освидѣтельствованіе черезъ свѣдущихъ людей вообще (ст. 325—352) и 3, освидѣтельствованіе обвиняемаго, оказавшагося сумасшедшимъ (ст. 353—356). Но на судебномъ слѣдствіи, повидимому, экспертиза признается однимъ изъ видовъ доказательствъ вообще и допускается совершенно независимо отъ осмотра, напр. въ случаяхъ оцѣнки похищеннаго, но не найденнаго имущества (ст. 113, 335), для объясненія какого либо предмета (ст. 578) и т. д. [3])

---

[1]) Большинство писателей, относящихъ экспертизу къ личному осмотру, напр. *Фейербахъ*, *Титтманнъ*, *Ярке*, *Боньe*, а также—*Ягеманъ*, *Шварце* и др., называетъ экспертовъ *помощниками судьи*; въ сущности, названіе это нисколько не уясняетъ понятія экспертизы, такъ какъ и свидѣтели помогаютъ судьѣ въ дѣлѣ открытія истины и въ равной мѣрѣ могутъ быть названы помощниками судьи.

[2]) Первоначально этотъ взглядъ высказалъ Клейншродъ, а затѣмъ ученіе объ экспертизѣ, какъ особомъ самостоятельномъ видѣ доказательствъ, получило наибольшее развитіе въ трудахъ Миттермайера и Цахаріэ; къ числу послѣдователей этого воззрѣнія принадлежатъ: Планкъ, Вальтеръ, Китка, Ульманъ, Гейеръ и др.

[3]) Выдѣленіе правилъ объ осмотрѣ и освидѣтельствованіи *чрезъ врачей* въ особую рубрику въ Уставѣ нерѣдко служитъ основаніемъ для совершенно неправильнаго взгляда на положеніе врача-эксперта, такъ, напр., д-ръ Штольцъ видитъ въ этомъ указаніе на то, что законъ нашъ различаетъ техническую и научную, т. е. врачебную экспертизу (*тамъ же*, стр. 26—27); повидимому, и Сенатъ склоняется къ тому мнѣнію, что законъ нашъ ставитъ врачей—экспертовъ въ какое-то исключительное, особое положеніе. (Р. О. Собр. Сената за 1875, № 54). Въ дѣйствительности, это не такъ; законъ первоначально опредѣляетъ общія правила производства экспертизы (ст. 325—335), дѣйствіе которыхъ распространяется на всѣхъ экспертовъ вообще, въ томъ числѣ и на врачей, что видно изъ того, что ст. 326, перечисляя—кто можетъ быть приглашенъ въ качествѣ свѣдущаго лица, называетъ въ числѣ прочихъ и врачей. Но случаи судебно-медицинской экспертизы наиболѣе часты на практикѣ, они представляютъ

Въ исторіи экспертиза тѣсно связана съ осмотромъ мертвыхъ тѣлъ и тѣлесныхъ поврежденій, а потому первоначально экспертами исключительно являются медики. Хотя еще въ каноническомъ правѣ папы Иннокентія III упоминается объ исключительной компетентности врачей по вопросамъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, но собственно начальнымъ періодомъ въ исторіи экспертизы слѣдуетъ признавать XVI в., когда въ западно-европейскомъ законодательствѣ, напр. Судебникѣ Карла V, появляются первыя постановленія объ экспертизѣ чрезъ врачей въ случаяхъ смертельныхъ ранъ, отравленія, изгнанія плода, скрытія беременности и т. д. Дальнѣйшее развитіе экспертизы чрезъ врачей выражается въ правилахъ объ освидѣтельствованіи душевно-больныхъ, которыя впервые появляются въ нѣмецкихъ партикулярныхъ уставахъ XVIII в. (прус. земс. право 1721 г., Theresiana и др.). Со времени Андруазе Паре (Les oeuvres, 1575) и Bartolen'a (Tract. de Testibus, 1596) начинается дѣятельная разработка вопроса о врачебной экспертизѣ въ литературѣ; наибольшею извѣстностью пользуются труды Галена и Бона въ XVII в., Генке, Chaussier, Marі, Орлифа (1828 г.), Каспера (1858), Шауштейна (1862 г.), Бухнера, Лакассана (1878 г.) и Тайлора (1881 г.). По мѣрѣ развитія и усовершенствованія процессуальныхъ формъ понятіе экспертизы расширяется; экспертами являются не только врачи, но и другія лица, обладающія извѣстными спеціальными свѣдѣніями. Въ исторіи русскаго права впервые упоминается объ осмотрѣ черезъ врачей въ Воинскихъ Артикулахъ Петра В. (арт. 154); закономъ этимъ предписывается призывать лекарей для вскрытія и опредѣленія причинъ смерти, но предписаніе это оставалось въ теченіе долгаго времени безъ примѣненія, за отсутствіемъ врачей, особенно въ провинціи. Въ 1815 г. состоялось распоряженіе объ освидѣтельствованіи сумасшедшихъ по гражданскимъ дѣламъ, а въ 1828 г. Медицинскій Совѣтъ издалъ руководство врачамъ: „Наставленіе врачамъ при судебномъ осмотрѣ и вскрытіи мертвыхъ тѣлъ", которое сохраняетъ силу свою и по настоящее время. Въ Сводѣ Законовъ устанавливается болѣе широкое понятіе экспертизы, а именно по ст. 953 XV т., ч. 2, (изд. 1832 г.): „Если точное уясненіе встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства предполагаетъ особенныя свѣдѣнія или опытность въ какой либо наукѣ, искусствѣ или ремеслѣ, то надлежитъ истребовать о томъ показаніе и мнѣніе свѣдущихъ людей, соображаясь съ правилами, изложенными въ главѣ объ изслѣдованіи происшествія и осмотрѣ". Дальнѣйшее развитіе экспертиза получаетъ въ Судебныхъ Уставахъ; вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ у насъ судебно-медицинская литература, переводная и оригинальная, и появляется спеціальный судебно-медицинскій журналъ. [1])

§ 204. Свѣдущіе люди по общему правилу вызываются судомъ (ст. 112, 325, 538 и 690), но стороны могутъ просить во вре-

---

особенную важность, напр. случаи убійства, нанесенія ранъ, увѣчія и т. д., а потому естественно было со стороны законодателя опредѣлить съ большею подробностью правила осмотра и и освидѣтельствованія чрезъ врачей.

[1]) Изъ учебниковъ по судебной медицинѣ заслуживаютъ вниманія: *Практическое руководство по судебной медицинѣ*, составленное по *Касперу*, 1872—1873; *Гофманъ*, Учебникъ судебной медицины. Казань, 1878 г. (переводъ); *В. Штольцъ*, Руководство къ изученію судебной медицины для юристовъ. Спб. 1885 г. По психіатріи: *Гризингеръ*, Душевныя болѣзни (для врачей и учащихся). 1867 г. (переводъ); *Крафтъ-Эбингъ*, Учебникъ психіатріи. 1881 г. (переводъ); *Фрезе*, Очеркъ судебной психологіи. Казань, 1871 г.; *В. Чижъ*, Лекціи по судебной психопатологіи. Спб. 1890 г.

мя приготовительныхъ къ суду дѣйствій о вызовѣ ихъ въ сроки, опредѣленные для вызова свидѣтелей (см. 578). Въ качествѣ свѣдущихъ людей могутъ быть приглашаемы: врачи, фармацевты, профессора, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, пріобрѣвшія продолжительными занятіями по какой либо службѣ особенную опытность (ст. 326). Свѣдущіе люди должны имѣть всѣ качества достовѣрныхъ свидѣтелей, приводятся къ присягѣ на судѣ тѣмъ же порядкомъ, какъ свидѣтели, и подлежатъ отводу на общемъ съ свидѣтелями основаніи (ст. 327, 694). Выборъ ихъ или рѣшеніе вопроса, кого именно пригласить въ качествѣ эксперта, вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія суда, который, однако, обязанъ въ этомъ руководствоваться также и указаніями сторонъ (ст. 692). Въ видѣ исключенія, свобода выбора свѣдущихъ людей ограничивается закономъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) для осмотра и освидѣтельствованія мертвыхъ тѣлъ, различнаго рода поврежденій, слѣдовъ насилія и общаго состоянія здоровья потерпѣвшаго отъ преступленія или самого обвиняемаго, судебный слѣдователь обязательно приглашаетъ судебнаго врача (въ уѣздахъ — уѣзднаго врача, а въ городахъ—городскаго или полицейскаго врача), и только въ случаѣ, если послѣдній не можетъ явиться по болѣзни или по другой уважительной причинѣ, можетъ быть приглашенъ другой военный, гражданскій или вольнопрактикующій врачъ (ст. 336 и 337); 2) повивальныя бабки не приглашаются для самостоятельнаго судебно-медицинскаго освидѣтельствованія, а могутъ участвовать въ немъ только въ качествѣ помощницъ судебнаго врача (ст. 350); 3) освидѣтельствованіе безумныхъ и сумасшедшихъ производится въ окружномъ судѣ черезъ врачебнаго инспектора или его помощника и двухъ врачей, по назначенію врачебнаго отдѣленія; но суду предоставляется право, по просьбѣ сторонъ или по собственному усмотрѣнію, пригласить къ участію въ освидѣтельствованіи еще и третьяго врача (ст. 355); 4) въ случаяхъ совершенія преступленій и проступковъ противъ имущества и доходовъ казны, когда для изслѣдованія нарушенія необходимы спеціальныя свѣдѣнія, судебный слѣдователь обязанъ пригласить въ качествѣ свѣдущаго лица кого либо изъ служащихъ въ казенномъ управленіи, но ему не возбраняется, вмѣстѣ съ должностными лицами, пригласить и частныхъ лицъ, обладающихъ спеціаль-

ными свѣдѣніями (ст. 1160) [1]), и, наконецъ, 5) свѣдущіе люди не могутъ быть избраны изъ лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ или изъ состоящихъ по дѣлу свидѣтелями, судьями или присяжными засѣдателями (ст. 693).

Относительно *числа* свѣдущихъ людей въ Уставѣ нѣтъ ограниченій; такъ, судебный слѣдователь можетъ пригласить къ освидѣтельствованію мертваго тѣла не одного, а нѣсколькихъ врачей, не исключая того, который пользовалъ умершее лицо, если требуется объясненіе хода болѣзни и леченія (ст. 338).

Явка въ судъ и производство экспертизы по требованію судебной власти составляютъ общегражданскую обязанность, неисполненіе которой влечетъ за собою денежную отвѣтственность; за неявку къ слѣдствію и суду безъ уважительныхъ причинъ свѣдущіе люди подвергаются той же отвѣтственности, какъ и понятые, а именно денежному взысканію не свыше *двадцати пяти рублей* (ст. 114 и 328; прав. о земск. нач., ст. 197), но могутъ быть освобождены отъ взысканія, если представятъ въ теченіе двухнедѣльнаго срока, со времени сообщенія имъ опредѣленія о наложенномъ взысканіи, удостовѣреніе, что они не могли явиться (ст. 323, 324, 328 и 329).

При разсмотрѣніи причинъ неявки свѣдущихъ людей, состоящихъ на государственной службѣ, „должно быть принимаемо въ уваженіе“, по словамъ закона, удостовѣреніе начальства о служебныхъ занятіяхъ, препятствующихъ ихъ явкѣ (ст. 329).

---

[1]) По разъясненію Сената—производство экспертизы по дѣламъ, связаннымъ съ нарушеніемъ казеннаго интереса, одними частными лицами составляетъ существенное нарушеніе закона. Кас. рѣш. $1871/_{347}$, $1875/_{102}$. Кромѣ указанныхъ въ законѣ случаевъ ограниченій свободы выбора экспертовъ, Министерство Юстиціи вмѣняетъ судебнымъ слѣдователямъ въ обязанность по дѣламъ о несчастныхъ случаяхъ на желѣзныхъ дорогахъ, независимо отъ приглашенія свѣдущихъ людей по 326 ст., обращаться съ требованіями о назначеніи экспертовъ къ мѣстной правительственной инспекціи желѣзныхъ дорогъ или въ Министерство Путей Сообщенія. (Циркуляры 16 августа 1876 г. за № 13703 и 29 апрѣля 1879 г. за № 8023.) Равнымъ образомъ, судебнымъ слѣдователямъ, согласно циркуляру Министерства Юстиціи отъ 23 мая 1878 г. за № 19559, предлагается, въ видахъ устраненія неудобствъ, возникающихъ въ преподаваніи рисованія и черченія въ учебныхъ заведеніяхъ отъ исключительнаго приглашенія учителей этихъ предметовъ для сличенія подписей и почерковъ,—обращаться для этой надобности къ инымъ должностнымъ и частнымъ лицамъ, какъ-то: къ дѣлопроизводителямъ, секретарямъ, столоначальникамъ, содержателямъ типографій и литографій и членамъ полицейскаго управленія, которые, въ силу долговременныхъ занятій своимъ предметомъ, могутъ считаться вполнѣ свѣдущими въ дѣлѣ сличенія почерковъ. (Собр. циркул. и инструкцій Мин. Юстиціи ч. II, № 21.)

По разъясненію Сената, судебный слѣдователь не вправѣ собственною властью подвергать взысканію судебныхъ врачей за неявку къ слѣдствію по его приглашенію, такъ какъ врачи привлекаются за это къ отвѣтственности прокуроромъ въ порядкѣ 483—490 ст. Уст. (Рѣш. Общ. Собр. 1875/54 по дѣлу Теръ-Давыдова.) Мнѣніе Сената неправильно по слѣдующимъ соображеніямъ: *во-первыхъ*—въ законѣ не установлено никакихъ изъятій для отвѣтственности судебныхъ врачей, приглашаемыхъ въ качествѣ свѣдущихъ людей; *во-вторыхъ*—при выработкѣ Судебныхъ Уставовъ вопросъ этотъ былъ предметомъ обсужденія, и большинство редакціонной комиссіи признало за судебными слѣдователями право подвергать судебныхъ врачей денежному взысканію за неявку, наравнѣ съ прочими свѣдущими людьми, и Государственный Совѣтъ утвердилъ это предположеніе (Объясн. записка, стр. 184—187, 233—227; см. также мотивы къ ст. 490); *въ-третьихъ*—то обстоятельство, что по ст. 874 Уложенія о нак. уѣздный городовой или полицейскій врачъ за неявку для производства судебно-медицинскаго изслѣдованія по законному требованію полиціи подвергаются вычету трехъ мѣсяцевъ изъ времени службы, нисколько не устраняетъ права судебнаго слѣдователя примѣнять ст. 328 Устава по отношенію къ судебнымъ врачамъ, подобно тому, какъ эта же статья Уложенія не устраняла прежде наложенія взысканія на медицинскихъ чиновниковъ по усмотрѣнію Губернскаго Правленія; по Своду (т. XV, ч. 2, ст. 827), статья эта имѣетъ въ виду случаи преданія врачей суду и, по буквальному смыслу, относится исключительно къ неявкѣ врачей по требованію *полиціи*, наконецъ, *въ-четвертыхъ*,—если вообще свѣдущіе люди, состоящіе на государственной службѣ, могутъ быть подвергаемы по ст. 328 денежному взысканію за неявку по постановленію судебнаго слѣдователя, то нѣтъ никакихъ основаній дѣлать въ этомъ отношеніи исключенія для судебныхъ врачей; ст. 489 Устава о привлеченіи къ слѣдствію чрезъ прокурора судебныхъ врачей имѣетъ, очевидно, въ виду болѣе серьезные случаи нарушеній обязанностей этими должностными лицами. См. по этому вопросу *П. В. Макалинскаго*, стр. 280—289.

§ 205. Необходимость въ производствѣ экспертизы чаще всего встрѣчается *на предварительномъ слѣдствіи*, такъ какъ основаніемъ всякаго слѣдствія въ случаяхъ убійства, тѣлесныхъ поврежденій, изнасилованія, подлога, растраты и другихъ преступленій, оставляющихъ послѣ себя внѣшніе слѣды (vestigia delicti), служитъ возможно полное выясненіе объективнаго состава преступленія (corpus delicti). Въ виду этого, производство экспертизы здѣсь имѣетъ особенное значеніе, и законъ съ наибольшею подробностью опредѣляетъ правила ея, которыя раздѣляются на *общія* для всякаго рода экспертизы и *спеціальныя* относительно нѣкоторыхъ ея видовъ.

1. Призывая свѣдущихъ людей къ участію въ экспертизѣ, судебный слѣдователь обязанъ предварительно лично ознакомиться съ предметомъ, подлежащимъ экспертизѣ, для чего законъ вмѣняетъ ему въ обязанность произвести внѣшній осмотръ этихъ предметовъ и составить протоколъ о видимыхъ признакахъ преступленія, если таковые окажутся, а равно о всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ положеніи осматриваемыхъ предметовъ (ст. 330).

2. По общему правилу, освидѣтельствованіе черезъ свѣдущихъ людей производится въ присутствіи судебнаго слѣдователя и понятыхъ, но если къ этому встрѣтятся *особыя препятствія*, то экспертиза можетъ быть произведена безъ соблюденія этого условія (ст. 331); особыя препятствія къ присутствію слѣдователя и понятыхъ при экспертизѣ, о которыхъ упоминается въ законѣ, могутъ встрѣтиться только въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, при химическихъ и микроскопическихъ изслѣдованіяхъ, требующихъ продолжительнаго времени, или когда самый предметъ изслѣдованія, какъ-то: —окровавленное платье, внутренности желудка, поддѣльные денежные знаки, монеты и т. п., отправляется для изслѣдованія въ спеціальныя учрежденія. Въ частности, судебный слѣдователь не присутствуетъ при такомъ освидѣтельствованіи женщинъ, которое сопровождается обнаженіемъ скрытыхъ частей тѣла, если свидѣтельствуемыя потребуютъ, чтобы судебный слѣдователь при этомъ не находился (ст. 351). Значеніе понятыхъ при экспертизѣ то же, что при судебномъ осмотрѣ; присутствіемъ своимъ и подписью подъ актомъ осмотра и освидѣтельствованія черезъ свѣдущихъ людей они удостовѣряютъ, что все изложенное въ этомъ актѣ согласно съ дѣйствительностью, насколько это доступно ихъ пониманію и можетъ быть воспринято путемъ внѣшнихъ чувствъ— зрѣнія, слуха, осязанія и т. п.

3. Взаимныя отношенія судебнаго слѣдователя и эксперта выражаются въ томъ, что первый обязанъ формулировать, словесно или письменно, вопросы, подлежащіе разрѣшенію свѣдущихъ людей (ст. 332), а эксперты обязаны дать отвѣты на эти вопросы; но при этомъ послѣдніе не должны упускать изъ вниманія и такихъ признаковъ, на которые слѣдователь не обратилъ вниманія, но изслѣдованіе коихъ можетъ привести къ открытію истины (ст. 333). Такимъ образомъ, хотя судебный слѣдователь ставитъ вопросы, и ему принадлежитъ руководство экспертизой, но этимъ не устраняется самостоятельность дѣйствій эксперта, который можетъ и долженъ, независимо отъ указаній слѣдователя, изслѣдовать всѣ обстоятельства дѣла, насколько они относятся къ предмету его спеціальности; у слѣдователя и эксперта, съ точки зрѣнія закона, должна быть одна общая цѣль—открытіе истины, и они должны идти къ этой цѣли сообща, какъ бы восполняя дѣятельность другъ друга.

4. Въ случаѣ сомнѣнія въ правильности заключенія свѣдущихъ людей или противорѣчія въ мнѣніяхъ ихъ, судебный слѣдователь требуетъ заключенія отъ другихъ свѣдущихъ людей или отправляетъ самый предметъ изслѣдованія, если это возможно, въ спеціальное учрежденіе (ст. 334). Само собою разумѣется, что всякое сомнѣніе въ правильности произведенной экспертизы должно имѣть свои основанія, которыя должны быть изложены въ особомъ мотивированномъ постановленіи слѣдователя (ст. 467 и 472); только при этомъ условіи можетъ быть до извѣстной степени устраненъ произволъ въ назначеніи новыхъ освидѣтельствованій.

§ 206. Изложенныя общія правила относительно производства экспертизы на предварительномъ слѣдствіи получаютъ дальнѣйшее развитіе въ примѣненіи къ отдѣльнымъ, наиболѣе часто въ практикѣ встрѣчающимся случаямъ; но случаи эти представляютъ такія особенности, которыя вызываютъ установленіе, кромѣ того, особаго порядка экспертизы. Сюда относятся: 1) освидѣтельствованіе и вскрытіе мертвыхъ тѣлъ, 2) изслѣдованіе тѣлесныхъ поврежденій и состоянія здоровья, 3) освидѣтельствованіе сумасшедшихъ, 4) сличеніе почерковъ и 5) оцѣнка похищеннаго.

1. *Освидѣтельствованіе и вскрытіе мертвыхъ тѣлъ* имѣетъ цѣлью обнаруженіе признаковъ преступленія; поэтому эти процессуальныя дѣйствія имѣютъ въ высшей степени важное значеніе. До прибытія судебнаго врача на мѣсто нахожденія тѣла судебный слѣдователь обязанъ, при сомнѣніи въ дѣйствительномъ наступленіи смерти человѣка, принять мѣры къ его оживленію, въ противномъ случаѣ — къ сохраненію тѣла отъ порчи и случайныхъ поврежденій и затѣмъ удостовѣриться, путемъ осмотра и предъявленія другимъ лицамъ, въ тождествѣ мертваго тѣла съ лицомъ, о смерти коего производится слѣдствіе (ст. 340, п. 1 и 2); кромѣ того, по ст. 1740 Уст. Суд. Медиц., тѣло, подлежащее изслѣдованію, должно оставаться, „*если возможно*, въ томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи, въ которомъ человѣкъ умеръ“. О всѣхъ принятыхъ до прибытія судебнаго врача мѣрахъ судебный слѣдователь составляетъ установленнымъ порядкомъ протоколъ (ст. 340, п. 3). Судебно-медицинскій осмотръ мертвыхъ тѣлъ производится въ присутствіи судебнаго слѣдователя и понятыхъ (331 и 343); кромѣ того, къ осмотру и освидѣтельствованію мертвыхъ тѣлъ священнослужителей и монашествующихъ пригла-

шаются мѣстный благочинный или настоятель монастыря, смотря по тому, къ какому изъ этихъ духовныхъ сословій принадлежало лицо, умершее насильственною смертью (ст. 339).

„Осмотръ мертвыхъ тѣлъ и заключеніе по оному о причинѣ смерти, по словамъ закона, есть одна изъ важнѣйшихъ обязанностей судебнаго врача. На его мнѣніи нерѣдко основывается приговоръ, рѣшающій честь, свободу и жизнь подсудимаго“ (ст. 1736 Уст. Суд. Медиц.). Открытіе истины составляетъ главный предметъ стараній судебнаго врача, а потому онъ обязанъ различать при осмотрахъ то, что никакому сомнѣнію не подлежитъ, отъ того, что только вѣроятно; „въ сомнительныхъ случаяхъ, гдѣ обстоятельства дѣла не совершенно открыты, лучше, по выраженію закона, признаться въ невозможности произнесть рѣшительное заключеніе, чѣмъ затмѣвать и запутывать дѣло неосновательнымъ мнѣніемъ“ (ст. 1753 Уст. Суд. Мед.). Въ этомъ выражается сущность обязанностей судебнаго врача. Врачъ, производящій освидѣтельствованіе и вскрытіе мертвыхъ тѣлъ, пользуется извѣстною инициативой и самостоятельностью дѣйствій; приступая къ вскрытію, онъ на общемъ основаніи имѣетъ право требовать сообщенія ему тѣхъ свѣдѣній о мертвомъ тѣлѣ, которыя могутъ служить указаніемъ—на что онъ долженъ обратить при вскрытіи особенное вниманіе (ст. 1741 Уст. Суд. Мед.; ст. 341), и затѣмъ самое вскрытіе онъ производитъ совершенно самостоятельно, руководствуясь Уставомъ Суд. Медицины [1]) и указаніями науки. При изслѣдованіи онъ обязанъ осмотрѣть поверхность тѣла, его углубленія и отверстія, суставы, цѣлость костей и со-

---

[1]) Правила Устава Судебной Медицины (Св. Зак., т. XIV) о судебной медицинской экспертизѣ вообще и въ частности объ осмотрѣ и вскрытіи мертвыхъ тѣлъ въ значительной степени устарѣли, отличаются крайней регламентаціей и вовсе не согласуются съ дѣйствующимъ уставомъ угол. судопроизводства. Наибольшее недоразумѣніе вызываетъ ст. 1744, по коей „врачъ, производящій судебное изслѣдованіе, яко чиновникъ, долженствующій по сему предмету имѣть особенныя свѣдѣнія, считается въ семъ случаѣ первымъ лицомъ“. Статья эта, имѣвшая свое основаніе при старыхъ судебныхъ порядкахъ, когда врачъ, по обстановкѣ осмотра, дѣйствительно являлся первымъ лицомъ, утратила въ настоящее время всякое значеніе. Одни изъ отечественныхъ юристовъ пользуются этою статьей для доказательства того положенія, что врачъ при медицинскомъ осмотрѣ есть главное лицо (*Л. В. Владиміровъ*, тамъ-же, стр. 29—30), другіе признаютъ, что ст. 1744 рѣзко дисгармонируетъ съ постановленіями уст. угол. судопр. и съ введеніемъ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ и должна считаться упраздненною. (*П. В. Макалинскій*, тамъ-же, стр. 315; А. Ѳ. Кони въ докладѣ его о судебно-медицинской экспертизѣ, читанномъ въ С.-Петербургскомъ Юрид. Обществѣ. Юрид. Лѣтопись, 1891, январь, стр. 78—79).

стояніе внутреннихъ органовъ и, по возможности, разъясняетъ присутствующимъ значеніе всякаго пятна, знака, раны, поврежденія и болѣзненныхъ измѣненій, опредѣляетъ степень гнилости и происшедшія отъ того явленія и отвѣчаетъ на предлагаемые ему вопросы (ст. 342). Обо всемъ оказавшемся при осмотрѣ тѣла составляется врачомъ актъ осмотра или свидѣтельство (visum repertum), который долженъ быть переданъ слѣдователю, если возможно, вслѣдъ за освидѣтельствованіемъ, во всякомъ случаѣ никакъ не позже трехъ сутокъ (ст. 1747 и 1748 Уст. Суд. Мед.; ст. 344).

Важнѣйшія правила, которыя должны быть соблюдены при освидѣтельствованіи и вскрытіи мертвыхъ тѣлъ, заключаются въ слѣдующемъ:

1. Ко вскрытію мертваго тѣла ни въ какомъ случаѣ не должно приступать прежде истеченія двадцати четырехъ часовъ послѣ смерти, исключая только, когда беременная женщина на второй половинѣ своей беременности скоропостижно умерла (ст. 1742 Уст. Суд. Мед.).

2. Самый осмотръ должно производить не торопливо и съ надлежащими предосторожностями, въ удобномъ и свѣтломъ мѣстѣ; если-же подлежащее изслѣдованію тѣло находится въ тѣсномъ, темномъ и не провѣтриваемомъ мѣстѣ, то его должно перенести въ другое болѣе удобное мѣсто (ст. 1743 и 1761).

3. По перенесеніи тѣла въ свѣтлое и удобное для вскрытія мѣсто и положеніи его на столѣ или на доскахъ такъ, чтобы со всѣхъ сторонъ можно было къ нему свободно приступить, надлежитъ сперва подробно описать имѣющуюся на немъ одежду, замѣчая—не находится ли на оной илъ, навозъ, песокъ, кровь, обгорѣлыя мѣста, дыры, сдѣланныя какимъ либо орудіемъ и т. п. Послѣ сего слѣдуетъ тѣло осторожно раздѣть; платье, которое нельзя удобно снять, должно разрѣзывать туповонечными ножницами. Потомъ, должно тѣло обмыть холодною или теповатою водою, посредствомъ губки, отмѣчая обстоятельно, въ какихъ онаго мѣстахъ находятся пятна отъ запекшейся крови, отъ навоза и т. п. Буде на мѣстахъ, волосами покрытыхъ, видны слѣды поврежденій, то волосы должно съ осторожностью остричь ножницами (ст. 1763).

4. Тѣла замерзшихъ должно отогрѣвать исподоволь, ибо отъ скораго отогрѣванія тѣла могутъ произойти измѣненія во внутренностяхъ онаго (ст. 1764).

5. По окончаніи наружнаго осмотра тѣла слѣдуетъ приступить къ вскрытію онаго. Первоначально надлежитъ вскрывать ту полость тѣла, въ которой и по наружному осмотру можно предполагать поврежденіе, бывшее причиною смерти. Во всѣхъ другихъ случаяхъ должно вскрывать сперва черепную, потомъ грудную и наконецъ брюшную полость (ст. 1770).

6. Необходимо нужно всегда вскрывать по крайней мѣрѣ три главныя полости человѣческаго тѣла. Отъ сего правила нельзя отступать даже и тогда, когда причина смерти, по вскрытіи одной полости, была-бы обнаружена, потому что весьма часто причина смерти можетъ находиться въ различныхъ мѣстахъ и быть сложною (1771).

7. Въ важныхъ и сомнительныхъ случаяхъ не должно довольствоваться вскрытіемъ трехъ главныхъ полостей; но для вѣрнѣйшаго открытія причинъ смерти нужно изслѣдовать также шею, позвоночный столбъ, мошоночную полость; однимъ словомъ всякую часть тѣла, заключающую въ себѣ какіе-либо важные органы (ст. 1772).

Но будучи до извѣстной степени хозяиномъ своего дѣла, главнымъ распорядителемъ вскрытія, посколько оно требуетъ техники и спеціальныхъ знаній, врачъ въ то-же время не долженъ упускать изъ виду, что онъ призванъ оказать содѣйствіе правосудію въ открытіи истины, что дѣятельность судебнаго слѣдователя и врача въ случаяхъ судебно-медицинской экспертизы имѣетъ одну цѣль, что онѣ тѣсно соприкасаются и дополняютъ одна другую, и что производство экспертизы есть одно изъ процессуальныхъ дѣйствій, руководство и направленіе которыхъ всецѣло зависитъ отъ лицъ, облеченныхъ закономъ судебною властью. Если врачъ, какъ лицо обладающее спеціальными свѣдѣніями и подготовкою, совершенно самостоятеленъ въ производствѣ самаго освидѣтельствованія и вскрытія, то, съ другой стороны, судебный слѣдователь дѣлаетъ всѣ распоряженія по устройству и организаціи экспертизы, предлагаетъ экспертамъ вопросы (Уст. Суд. Мед., ст. 1738, 1748; ст. 342) и слѣдитъ за всѣми дѣйствіями врача съ формальной стороны [1]); такъ, слѣдователь, а равно понятые и прочія приглашенныя къ осмотру трупа лица имѣютъ право заявлять свое мнѣніе о дѣйствіяхъ и объясненіяхъ врача, которыя имъ покажутся сомнительными, что и заносится въ протоколъ (ст. 343), а въ случаѣ противорѣчія акта осмотра или свидѣтельства (visum repertum) съ обстоятельствами слѣдствія, или разногласія въ мнѣніи врачей, или сомнѣнія въ правильности истолкованія найденныхъ признаковъ, судебный слѣдователь представляетъ копію свидѣтельства въ Врачебное Отдѣленіе Губернскаго Правленія, которое разрѣшаетъ сомнѣніе или затребованіемъ дополнительныхъ объясненій отъ врачей, или назначеніемъ переосвидѣтельствованія (ст. 345). Такимъ образомъ, относительно судебно-медицинской экспертизы при осмотрѣ мертвыхъ тѣлъ сохраняетъ силу выраженное въ ст. 334 общее правило о новой экспертизѣ въ случаяхъ сомнѣнія въ правильности заключенія свѣдущихъ людей, съ тою особенностью, что переосвидѣтельствованіе мертваго тѣла не можетъ быть назначено по усмотрѣнію судебнаго слѣдователя; основаніемъ этой особенности служитъ не намѣреніе законодателя поставить въ особое положеніе врача-эксперта, а исключительно то соображеніе, что переосвидѣтельствованіе мертваго тѣла связано всегда съ вырытіемъ его

[1]) К. р. 1882, № 49.

изъ земли,—подобная же мѣра требуетъ большой осторожности съ чисто религіозной точки зрѣнія. Порядокъ переосвидѣтельствованія мертваго тѣла слѣдующій: къ вырытію тѣла, преданнаго землѣ, слѣдователь приступаетъ только въ присутствіи приглашеннаго врача, при чемъ предварительно объясняетъ ему цѣль переосвидѣтельствованія, сообщаетъ протоколъ и актъ первоначальнаго осмотра и сколько времени находилось тѣло въ землѣ; къ переосвидѣтельствованію приглашается, если возможно, и врачъ, производившій первоначальный осмотръ, а для удостовѣренія въ тождествѣ умершаго приглашаются священникъ и другія лица, бывшія при погребеніи (ст. 346 и 347).

2. При изслѣдованіи ранъ, побоевъ, увѣчья, членовредительства, ископленій, изнасилованія, поврежденій въ здоровьи, преждевременнаго разрѣшенія отъ бремени вслѣдствіе изгнанія плода или насилія и тому подобныхъ послѣдствій преступныхъ дѣяній, судебный врачъ опредѣляетъ, по возможности: 1) свойство поврежденія и вліяніе его на здоровье свидѣтельствуемаго лица; 2) средства, употребленныя при насиліи или поврежденіи, и 3) давно ли произведено поврежденіе или въ недавнее время (ст. 349). Понятіе *тѣлесныхъ поврежденій* (laesiones) обнимаетъ собою вообще тѣ болѣзненныя явленія, которыя происходятъ въ организмѣ человѣка вслѣдствіе насилій какъ механическихъ, такъ и химическихъ (ст. 1855 Уст. Суд. Мед.); при опредѣленіи свойства поврежденія и вліянія его на здоровье, врачъ, по возможности, долженъ руководствоваться тою квалификаціею, которая установлена въ Уложеніи, т. е. опредѣлить: слѣдуетъ ли признать тѣлесное поврежденіе тяжкимъ, менѣе тяжкимъ или легкимъ [1]). Освидѣтельствованіе лицъ женскаго пола составляетъ весьма стѣснительную и крайнюю мѣру, а потому законъ вмѣняетъ въ обязанность судебному слѣдователю прибѣгать къ этой мѣрѣ только относительно лицъ, на которыхъ падаетъ основательное подозрѣніе (ст. 352); при самомъ изслѣдованіи онъ не присутствуетъ, если оно сопровождается обнаженіемъ скрытыхъ частей тѣла, и свидѣтельствуемая этого потребуетъ (ст. 351), но отсутствіе слѣдователя должно быть ограничено только моментомъ подобнаго освидѣтельствованія, и судебный слѣдователь не вправѣ поручать врачу про-

[1]) Рѣш. Об. Собр. Сената за 1886 г., № 17.

изводство освидѣтельствованія заочно, безъ личнаго своего участія [1]).

3. *Освѣдѣтельствованіе умственныхъ способностей* обвиняемаго устанавливается въ законѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда во время производства уголовнаго дѣла обнаружится, что преступленіе совершено въ состояніи психическаго разстройства, или когда обвиняемый впадетъ въ такое состояніе послѣ совершенія преступленія во время производства слѣдствія или въ промежутокъ времени отъ преданія суду до исполненія судебнаго приговора (ст. 353; примѣч. къ ст. 692) [2]). Если на предварительномъ слѣдствіи обнаружится, что обвиняемый совершилъ преступленіе въ состояніи умственнаго разстройства или психически боленъ, то судебный слѣдователь обязанъ предварительно удостовѣриться въ томъ черезъ освидѣтельствованіе его судебнымъ врачомъ, а также путемъ разспроса самого обвиняемаго и тѣхъ лицъ, которымъ ближе извѣстенъ образъ его дѣйствій и сужденій [3]), а затѣмъ все производство съ мнѣніемъ врача о степени безумства или умственнаго разстройства передаетъ на дальнѣйшее распоряженіе прокурора, который вноситъ его съ своимъ письменнымъ заключеніемъ на разсмотрѣніе окружнаго суда (ст. 353 и 354); въ случаѣ надобности, судебный слѣдователь можетъ помѣстить обвиняемаго въ спеціальное заведеніе для душевно-больныхъ для испытанія, въ теченіе извѣстнаго срока [4]). Освидѣтельствованіе безумныхъ и сумасшедшихъ производится въ присутствіи окружнаго суда, черезъ врачебнаго инспектора или его помощника и двухъ врачей, по назна-

[1]) *В. В. Макалинскій*, тамъ же, стр. 340.

[2]) По этому вопросу см.: *И. Щеголовитовъ*, Порядокъ освидѣтельствованія умственныхъ способностей привлекаемыхъ къ уголовной отвѣтственности, Юридич. Вѣстн., 1889, кн. 2; 1891 г., кн. 1. *А. Ѳ. Кони*, Освидѣтельствованіе сумасшедшихъ въ присутствіи Губернскаго Правленія. Юридич. Лѣт., 1891, январь.

[3]) Въ видахъ болѣе правильной постановки психіатрической экспертизы Министерство Юстиціи, по соглашенію съ медицинскимъ совѣтомъ выработало, для руководства судебныхъ слѣдователей, перечень вопросовъ, предварительное разъясненіе коихъ путемъ допроса обвиняемаго и свидѣтелей представляется необходимымъ. (Циркуляръ Мин. Юстиц. отъ 28 октября 1888 г. за № 26199, Сборн. циркуляровъ, ч. III, № 285.) См. *В. В. Макалинскій*, тамъ-же, стр. 343.

[4]) По германскому уставу, испытаніе душевно-больнаго въ спеціальныхъ заведеніяхъ не можетъ продолжаться болѣе 6 мѣсяцевъ (§ 81). Въ нашемъ Уставѣ ничего не говорится о правѣ слѣдователя отдавать душевныхъ больныхъ для испытанія въ особыя заведенія, но подобное право логически вытекаетъ изъ буквальнаго смысла ст. 353. См. *В. Чижъ*, тамъ же, стр. 321.

ченію Врачебнаго Отдѣленія Губернскаго Правленія (ст. 356). Особенность освидѣтельствованія безумныхъ и сумасшедшихъ заключается въ томъ, что вопросы, связанные съ этого рода экспертизою, рѣшаются *коллегіально* судомъ и врачами, при чемъ судъ, на общемъ основаніи, ставитъ вопросы экспертамъ и можетъ соглашаться или не соглашаться съ мнѣніемъ врачей [1]).

4. Подлинность письменныхъ актовъ и подписей устанавливается путемъ *сличенія почерковъ* (comparatio litterarum); обыкновенно, для этой цѣли приглашаются учителя чистописанія и каллиграфіи, но въ послѣднее время, когда съ успѣхами въ различныхъ отрасляхъ знанія самые способы поддѣлки документовъ достигли значительной степени совершенства, и примитивный способъ копированія чужаго почерка на глазъ сталъ конкуррировать съ различнаго рода искусственными пріемами посредствомъ особыхъ механическихъ приспособленій, химическихъ препаратовъ, фотографіи и т. д., прежняя каллиграфическая экспертиза нерѣдко оказывается безсильною обнаружить подлогъ и съ успѣхомъ замѣняется фотографіей. Путемъ фотографіи подпись можетъ быть увеличена до какихъ угодно размѣровъ, вслѣдствіе чего становятся наглядными всѣ особенности почерка, опредѣляется способъ поддѣлки, и ясно обозначается все, находившееся подъ текстомъ и подписью; независимо отъ этого, фотографія можетъ возстановить текстъ, залитый чернилами, и опредѣлить составъ чернилъ и бумаги безъ всякаго поврежденія документа. Фотографическая экспертиза имѣетъ пока весьма ограниченное примѣненіе, но, несомнѣнно, станетъ со временемъ однимъ изъ наиболѣе употребительныхъ пріемовъ при сличеніи почерковъ [2]).

---

[1]) Рѣш. Общ. Собр. Сената за 1873 г., № 53.

[2]) У насъ въ Россіи впервые изслѣдованіе документовъ путемъ фотографіи было примѣнено въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ въ 1889 году по дѣлу Юнгерца и Рокосовскаго по обвиненію въ подлогѣ; въ настоящее время для производства подобной экспертизы въ этомъ судѣ существуетъ особое помѣщеніе съ необходимыми приспособленіями. См. объ экспертизѣ почерковъ путемъ фотографіи: *П. В. Макалинскій*, тамъ-же, т. II, стр. 274—279; *В. Фуксъ*, тамъ-же, кн. 5, стр. 11—13; Жур. Гражд. и угол. права, 1889, кн. 10, юридическая хроника, стр. 125—131; въ послѣднее время, вслѣдствіе одного весьма печальнаго случая ошибки каллиграфовъ при опредѣленіи подлинности документа (въ Витебскомъ окр. судѣ по дѣлу Сазонова), вопросъ о фотографической экспертизѣ обратилъ на себя особенное вниманіе и вызвалъ два доклада: г. *Звѣрева* въ засѣданіи V отдѣла Импер. Технич. Общества (въ декабрѣ 1890 г.) и г. *Щегловитова* въ С.-Петербур. Юрид. Обществѣ (15 декабря 1890 г.).

5. *Оцѣнка имущества*, добытаго или поврежденнаго преступнымъ дѣяніемъ, производится, по общему правилу, черезъ присяжныхъ оцѣнщиковъ, но при невозможности обратиться къ нимъ или въ случаѣ отсутствія предмета, подлежащаго оцѣнкѣ, послѣдняя дѣлается на предварительномъ слѣдствіи чрезъ сторонних лицъ, имѣвшихъ свѣдѣнія о стоимости сего предмета (ст. 335); мировые судьи опредѣляютъ цѣну похищеннаго по доказательствамъ, представленнымъ сторонами, или по выслушаніи мнѣнія свѣдущихъ людей (ст. 113).

§ 207. На судебномъ слѣдствіи свѣдущіе люди приглашаются для представленія объясненій и „обстоятельнаго отчета о произведенномъ ими освидѣтельствованіи или испытаніи“ (ст. 690) или для производства новой экспертизы (ст. 692). Въ первомъ случаѣ, свѣдущіе люди являются какъ-бы свидѣтелями, даютъ показаніе о томъ, что ими было усмотрѣно при экспертизѣ на предварительномъ слѣдствіи, дополняютъ и развиваютъ заключеніе по ранѣе произведенному ими изслѣдованію или испытанію [1]). Производство новаго изслѣдованія или испытанія, по возможности, происходитъ въ засѣданіи суда; во всякомъ случаѣ, свѣдущіе люди представляютъ въ судебномъ засѣданіи обстоятельный отчетъ объ оказавшемся при новомъ освидѣтельствованіи и испытаніи (ст. 692).

Относительно производства экспертизы на судебномъ слѣдствіи сохраняютъ силу общія правила Устава объ осмотрѣ и освидѣтельствованіи черезъ свѣдущихъ людей на предварительномъ слѣдствіи. Отношенія суда и свѣдущихъ людей тѣ же: суду принадлежитъ главное руководство, а экспертамъ—право самостоятельныхъ дѣйствій въ области ихъ спеціальныхъ знаній, судъ ставитъ вопросы, эксперты—даютъ на нихъ отвѣты на основаніи научныхъ данныхъ или опытности, пріобрѣтенной въ какомъ либо занятіи; судъ и эксперты, при

---

[1]) По мнѣнію г. Вислоцкаго, вызовъ экспертовъ, производившихъ осмотръ и освидѣтельствованіе на предварительномъ слѣдствіи, неоснователенъ и вреденъ для правосудія. „Всѣ попытки врачей-экспертовъ, говоритъ онъ, представлять свое свидѣтельство по памяти ведутъ къ неточностямъ, ибо ежедневный опытъ убѣждаетъ, что нѣтъ возможности сохранить въ памяти въ теченіе извѣстнаго времени со всею отчетливостью разныя мелкія обстоятельства дѣла, замѣченныя при изслѣдованіи. Приведеніе врачомъ-экспертомъ новыхъ обстоятельствъ, не находящихся въ протоколѣ судебно-медицинскаго изслѣдованія, при личномъ объясненіи на судѣ, не только не укрѣпляетъ судебной достовѣрности всей экспертизы, но, напротивъ, ослабляетъ и даже уничтожаетъ ее устраненіемъ условій ея точности и объективности“. Тамъ-же, стр. 108; см. также *В. Фуксъ*, тамъ-же, кн. 5, стр. 35—36.

всемъ различіи функцій и положенія въ процессѣ, обязаны стремиться къ достиженію одной и той-же цѣли; по существу обѣ дѣятельности, какія указано выше, совпадаютъ и взаимно дополняютъ одна другую. Поэтому, насколько судъ обязанъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры для облегченія дѣятельности экспертовъ, настолько послѣдніе должны сообразовать свои дѣйствія съ требованіями органовъ судебной власти. Съ точки зрѣнія указанныхъ отношеній, по разъясненію Сената, свѣдущіе люди совершенно основательно пользуются правомъ обозрѣвать все письменное дѣлопроизводство [1]), присутствовать въ судебныхъ засѣданіяхъ во время судебнаго слѣдствія [2]), предлагать, черезъ предсѣдателя вопросы свидѣтелямъ [3]) и совѣщаться между собою передъ дачею показанія [4]).

§ 208. Показанія свѣдущихъ людей, какъ указано выше, есть одно изъ судебныхъ доказательствъ, подлежащее свободной оцѣнкѣ судьи въ каждомъ конкретномъ случаѣ; не заключая въ себѣ внѣшней обязательной силы, заключеніе экспертовъ можетъ пріобрѣсть при извѣстныхъ условіяхъ наивысшую степень достовѣрности, но въ силу внутреннихъ своихъ свойствъ. Въ частности, доказательная сила показаній свѣдущихъ людей зависитъ отъ слѣдующихъ условій: *во-первыхъ*, способности и личныхъ качествъ эксперта, какъ-то: его научнаго авторитета, степени опытности и пріобрѣтенной репутаціи, оффиціальнаго положенія и т. д.; *во-вторыхъ*, способа изслѣдованія или тѣхъ пріемовъ, методы, путемъ которыхъ экспертъ пришелъ къ извѣстному заключенію, насколько это, конечно, доступно пониманію судьи, неспеціалиста, и, наконецъ, *въ-третьихъ*, отъ формы заключенія, степени ясности его и опредѣленности. Наибольшую достовѣрность показаніе свѣдущихъ людей пріобрѣтаетъ, когда нѣсколько экспертовъ приходятъ къ одному и тому же заключенію и при томъ на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, но и въ этомъ случаѣ заключеніе экспертовъ, хотя бы оно было основано на точныхъ данныхъ науки, не имѣетъ безусловно обязательной силы для судьи [5]); къ

---

[1]) Кас. рѣш. 1868/944.

[2]) Кас. рѣш. 1873/713 по д. Кузовлева. См. также: *Л. Е. Владимировъ*, тамъ-же, стр. 18, 94 и слѣд.; *В. Фуксъ*, тамъ-же, кн. 4, стр. 37.

[3]) Кас. рѣш. 1874/47, по дѣлу Хосамудинова.

[4]) Кас. рѣш. 1869/298.

[5]) *Geyer* въ Lehrbuch herausg. v. Holtzendorff, § 259.

тому же „наука и ея представители, по вѣрному замѣчанію одного изъ отечественныхъ психіатровъ, не имѣютъ ничего принудительнаго и въ этомъ ея сила, поэтому было-бы непослѣдовательно, если-бы заключенія экспертовъ были обязательны“ [1]).

V. Дознаніе чрезъ окольныхъ людей. [2])

§ 209. Дознаніемъ чрезъ окольныхъ людей называются такія процессуальныя дѣйствія, путемъ которыхъ производится изслѣдованіе прошлой жизни подсудимаго. Институтъ этотъ всецѣло возникъ и развился на почвѣ слѣдственнаго процесса, который вообще дѣлалъ всего человѣка, всю его личность предметомъ изслѣдованія; предварительное слѣдствіе въ этомъ процессѣ подраздѣлялось, какъ извѣстно, на общее или генеральное слѣдствіе (inquis. generalis) и спеціальное (inquis. specialis), изъ которыхъ первое исключительно касалось личности, характера и прошлой жизни подсудимаго (vita ante acta) вообще, безотносительно къ факту совершеннаго имъ преступленія. Въ современномъ законодательствѣ не существуетъ болѣе дознанія чрезъ окольныхъ людей, какъ особой процессуальной формы, за исключеніемъ дѣйствующаго Устава, въ которомъ дознаніе чрезъ окольныхъ людей удержалось больше, кажется, въ силу историческихъ традицій, какъ осколокъ *повальнаго обыска*, имѣвшаго въ теченіе долгаго времени большое значеніе въ исторіи русскаго уголовнаго процесса.

По Своду Законовъ, повальный обыскъ состоялъ въ томъ, что лица, производившія слѣдствіе, собирали всѣхъ лицъ изъ даннаго околотка и, при соблюденіи извѣстныхъ формальностей, отбирали мнѣніе всего околотка о подсудимомъ; но этотъ обыскъ производился крайне небрежно, показаніе одного обыкновенно повторялось всею массой окольныхъ людей, стороны не имѣли права отвода, и въ законѣ не было опредѣленныхъ условій относительно допущенія къ показанію этихъ людей. Обыскъ по Своду не былъ совершеннымъ до-

[1]) *В. Чижъ*, тамъ-же, стр. 323.

[2]) О дознаніи чрезъ окольныхъ людей см. Журн. Мин. Юстиціи, за 1861 г., т. XXV; *Ш. В. Макалинскій*, тамъ же, ч. II, стр. 530—532; *Zacharia*, ibid., Bd. II, § 123, S. 333—334; *Geyer*, ibid., § 144, S. 548—549.

казательствомъ, а принимался только въ подкрѣпленіе другихъ доказательствъ вслѣдствіе чего онъ утратилъ всякое свое значеніе и превратился въ простую формальность. Неудовлетворительная постановка повальнаго обыска по Своду и другія соображенія вызвали первоначально, при изданіи Судебныхъ Уставовъ, предположеніе отмѣнить вовсе эту, „болѣе вредную, чѣмъ полезную", процессуальную форму, но при окончательномъ обсужденіи Устава это предположеніе не было принято, и установлены особыя правила о дознаніи чрезъ окольныхъ людей, съ устраненіемъ недостатковъ прежняго повальнаго обыска. [1])

§ 210. Дознаніе чрезъ окольныхъ людей по Уставу имѣетъ своею задачею собраніе свѣдѣній о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни обвиняемаго (ст. 454); дознаніе допускается закономъ въ двухъ случаяхъ: *во-первыхъ*—когда слѣдователь признаетъ это необходимымъ для разъясненія дѣла, и *во-вторыхъ*—когда обвиняемый въ показаніяхъ своихъ сошлется на мѣстныхъ жителей.

Порядокъ дознанія слѣдующій: извѣстивъ о времени и мѣстѣ дознанія прокурора или его товарища, а также участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, судебный слѣдователь составляетъ на мѣстѣ дознанія списокъ домохозяевъ и старшихъ въ семействахъ лицъ, живущихъ въ одномъ околоткѣ съ обвиняемымъ, при чемъ изъ списка исключаются родственники обвиняемаго или потерпѣвшаго въ первыхъ четырехъ степеняхъ родства, свойственники въ первыхъ двухъ степеняхъ и нѣкоторыя другія лица (ст. 455—458). Составивъ такимъ образомъ списокъ и исправивъ его согласно замѣчаніямъ сторонъ, судебный слѣдователь избираетъ *по жребію* изъ этого списка *двѣнадцать* человѣкъ, а если въ спискѣ состоитъ всего двѣнадцать, то—шесть человѣкъ (ст. 459—461). Стороны пользуются правомъ отвода окольныхъ людей по тѣмъ же причинамъ, какъ и свидѣтелей (ст. 462); независимо отъ этого, каждой изъ сторонъ предоставляется право отвести не болѣе двухъ окольныхъ людей *безъ объясненія причинъ*, подобно тому, какъ это допускается закономъ относительно присяжныхъ (ст. 463). Отведенныя лица замѣняются дру-

[1]) Судебн. Уст., изд. Госуд. Канц., ч. II, стр. 169—173.

гими [1]), при чемъ въ окончательномъ спискѣ должно быть не менѣе шести человѣкъ, которые по внесеніи именъ ихъ въ протоколъ допрашиваются *подъ присягою* съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для свидѣтелей (ст. 464—466). Въ сущности, какъ это видно изъ изложеннаго, дознаніе чрезъ окольныхъ людей имѣетъ нѣкоторыя общія черты по формѣ съ институтомъ присяжныхъ (избраніе по жребію, число 12, право немотивированнаго отвода), а по содержанію съ допросомъ свидѣтелей; окольные люди, подобно свидѣтелямъ, показываютъ подъ присягою объ извѣстныхъ имъ фактахъ, но различіе здѣсь выражается въ томъ, что свидѣтели даютъ показанія объ обстоятельствахъ, относящихся къ данному преступленію, а окольные люди о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни подсудимаго, о его репутаціи вообще, безотносительно къ преступленію, имъ совершенному, затѣмъ—свидѣтели создаются обстоятельствами дѣла, а окольные люди избираются изъ лицъ, жившихъ съ подсудимымъ въ одномъ околоткѣ и знавшихъ его.

§ 211. Свѣдѣнія о прошлой жизни подсудимаго могутъ быть весьма полезны не только въ интересахъ обвиненія, но и защиты въ тѣхъ случаяхъ, когда вся прошлая, безупречная жизнь человѣка говоритъ противъ возможности совершенія имъ преступленія, въ которомъ онъ обвиняется или придаетъ ему характеръ случайнаго, несчастнаго совпаденія обстоятельствъ; „преступленіе, составляющее въ жизни подсудимаго изолированный фактъ, по справедливому замѣчанію составителей Судебныхъ Уставовъ, не можетъ имѣть предъ судомъ одинаковаго значенія съ тѣмъ, которое проистекаетъ изъ глубоко укоренившейся въ подсудимомъ наклонности козлу.“ Но во всякомъ случаѣ свѣдѣнія эти составляютъ лишь косвенное доказательство, подлежащее оцѣнкѣ только по связи съ другими обстоятельствами дѣла. [2]) Свѣдѣнія о прошлой жизни подсудимаго,

---

[1]) По ст. 464 „отведенныя лица замѣняются другими порядкомъ, указаннымъ въ ст. 461“ т. е. *по жребію*; но является вопросъ: имѣютъ-ли стороны право отвода относительно вновь избранныхъ? Въ законѣ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ; между тѣмъ, въ дѣйствительности можетъ оказаться, что въ составъ окольныхъ людей могутъ попасть лица, подлежащія отводу по ст. 462, 704—709.

[2]) „Уже по самому существу своему, замѣчаетъ Г. Спасовичъ, показанія обыскныхъ людей могутъ имѣть весьма малое вліяніе на установленіе достовѣрности преступленія. Дурное поведеніе подсудимаго есть только улика и то довольно слабая, довольно сомнительная, изъ которой опасно дѣлать какой либо выводъ, и то только о нравственной способности обвиняемаго къ совершенію преступленія, а не о дѣйствительности совершенія этого преступленія.“ Сочиненія, стр. 199.

добытыя дознаніемъ чрезъ окольныхъ людей, служатъ главнымъ образомъ однимъ изъ основаній для направленія дѣла на предварительномъ слѣдствіи и во время приготовительныхъ къ суду дѣйствій, когда рѣшаются вопросы объ основательности подозрѣнія или вѣроятности обвиненія. Хотя законъ, допуская прочтеніе на судебномъ слѣдствіи протоколовъ объ осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ, обыскахъ и выемкахъ, не упоминаетъ вовсе о протоколахъ дознанія чрезъ окольныхъ людей (ст. 687), но Сенатъ, основываясь на соображеніяхъ Государственнаго Совѣта при изданіи Судебныхъ Уставовъ, допускаетъ прочтеніе акта дознанія чрезъ окольныхъ людей; [1]) но предсѣдатель суда обязанъ всякій разъ предостеречь присяжныхъ отъ увлеченій отъ неправильныхъ заключеній по поводу свѣдѣній о прошлой жизни подсудимаго, приведенныхъ въ актѣ дознанія. [2])

VI. Вещественныя и письменныя доказательства.

§ 212. Подъ вещественными доказательствами понимаются предметы, на которые направлено преступное дѣяніе, или которые служили орудіями преступленія или которые сохранили слѣды преступленія; [3]) въ частности, законъ признаетъ вещественнымъ доказательствомъ поличное, орудіе, коимъ совершено преступленіе, подложные документы, фальшивыя монеты, окровавленные или поврежденные предметы и вообще все найденное при осмотрѣ мѣста, при обыскѣ или выемкѣ, и могущее служить къ обнаруженію преступленія и къ уликѣ преступника (ст. 371).

Вещественныя доказательства имѣютъ весьма важное значеніе при опредѣленіи виновности обвиняемаго, а потому законъ опредѣляетъ подробно правила собранія и сохраненія этихъ доказательствъ на предварительномъ слѣдствіи и порядокъ пользованія ими на судебномъ слѣдствіи.

Вещественныя доказательства на предварительномъ слѣдствіи должны быть подробно описаны въ протоколѣ съ указаніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ отысканіе и взятіе ихъ; затѣмъ, по

---

[1]) К. р. 1867/353, 1868/829, по д. Рыбаковской; 1875/67 по д. Вагановыхъ; 1876/129, по д. Кулагина и Иконникова.

[2]) Суд. Уст., изд. Госуд. Канц., ч. II, стр. 171.

[3]) К. р. 1875/399.

возможности, перенумерованы, уложены, запечатаны и пріобщены къ дѣлу (ст. 371—372). Если вещественныя доказательства не могутъ быть отдѣлены отъ мѣста, гдѣ найдены, напримѣръ: кровь на стѣнахъ зданія, деревьяхъ и тому подобное, но ихъ необходимо сохранить для осмотра чрезъ свѣдующихъ людей, то слѣдователь обязанъ принять надлежащія мѣры къ огражденію слѣдовъ преступленія отъ всякаго измѣненія или истребленія (ст. 373). Предметы похищенные или отнятые, по отысканіи и оцѣнкѣ ихъ, возвращаются подъ росписку тѣмъ, у кого были похищены или отняты, если въ приложеніи этихъ предметовъ къ дѣлу не представляется особенной надобности (ст. 375—376).

На судебномъ слѣдствіи, вещественныя доказательства, могущія служить къ обнаруженію преступленія или выясненію виновности лица, должны быть внесены въ засѣданіе суда и положены предъ судьями, если къ этому не встрѣтится препятствій въ объемѣ или качествѣ вещей; вещественныя доказательства, по осмотрѣ ихъ судьями и присяжными, предъявляются сторонамъ (ст. 696 — 697). Вещественныя доказательства, имѣющія существенное въ дѣлѣ значеніе, не возвращаются ихъ хозяину до вступленія приговора въ законную силу; въ противномъ случаѣ, возвращаются по принадлежности безъ особаго о томъ иска заинтересованнаго лица (ст. 771). Въ производствѣ мировыхъ судей, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей вещи, добытыя преступнымъ дѣяніемъ, возвращаются хозяину, который въ случаѣ надобности обязанъ доставить ихъ ко времени разсмотрѣнія дѣла въ мировомъ или уѣздномъ съѣздѣ (ст. 126; прав. о зем. нач., ст. 208).

§ 213. Письменными доказательствами служатъ документы, подъ которыми понимаются письменные знаки, посредствомъ которыхъ запечатлѣвается нѣчто уже совершившееся или имѣющее быть совершеннымъ, истинное или ложное, безразлично. Пользованіе документами, какъ письменнымъ доказательствомъ, предполагаетъ *дѣйствительность* ихъ, т. е. что они дѣйствительно исходятъ отъ того лица, которое значится на документѣ, какъ его авторъ. Въ дѣйствующемъ законодательствѣ нѣтъ особыхъ опредѣленій о письменныхъ доказательствахъ за исключеніемъ ст. 629, по которой участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ не возбраняется прочтеніе полученныхъ ими писемъ или находящихся у нихъ *документовъ*, когда тѣ или другія отно-

сятся къ предмету ихъ показаній; изъ этой статьи видно, что документы могутъ быть представляемы въ подкрѣпленіе устныхъ показаній. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что документы не имѣютъ самостоятельнаго значенія въ системѣ уголовныхъ доказательствъ и въ большинствѣ случаевъ служатъ дополненіемъ другихъ доказательствъ, напр. личнаго осмотра, показаній обвиняемаго, свидѣтелей или сами требуютъ подкрѣпленія другими доказательствами.

VII. Косвенныя доказательства или улики. [1])

§ 214. Косвенныя доказательства или улики имѣютъ весьма широкое примѣненіе въ уголовныхъ дѣлахъ и всегда служили однимъ изъ основаній судебныхъ рѣшеній; уже въ древнѣйшій періодъ римскаго права допускалось осужденіе на основаніи однихъ косвенныхъ уликъ, а въ эпоху quaestiones perpetuae, по словамъ Гейба, „создалась полная теорія косвенныхъ уликъ и система столь глубоко обдуманная и законченная, что впослѣдствіи, во время классической юриспруденціи, для ея развитія требовалось весьма немногое.“ Италіанскіе юристы обратили особенное вниманіе на косвенныя улики, какъ основаніе для уголовнаго преслѣдованія; впрочемъ, въ слѣдственномъ процессѣ улики всегда занимали второстепенное, подчиненное мѣсто въ системѣ формальныхъ доказательствъ и признавались *несовершеннымъ* доказательствомъ.

Не признавая улики совершеннымъ доказательствомъ, дореформенное законодательство подробно опредѣляло—какія именно обстоятельства слѣдуетъ признавать косвенными доказательствами, такъ въ Судебникѣ Карла V (Carolina), уликою служитъ присутствіе въ опасномъ мѣстѣ, возбуждающемъ подозрѣніе, особыя примѣты извѣстнаго лица, совпадающія съ примѣтами розыскиваемаго преступника, общеніе съ подозрительными людьми, внезапное исчезновеніе вслѣдъ за совершеніемъ преступленія и т. д.; по Своду Законовъ, въ которомъ всецѣло воспроизведено господствовавшее повсюду на Западѣ ученіе о доказательствахъ, къ числу уликъ или признаковъ преступленія отнесены слѣдующія обстоятельства: 1, когда обвиняемый въ нанесеніи обиды находился съ обиженнымъ прежде во враждѣ или ссорѣ; 2, когда обвиняемому отъ совершенія преступленія послѣдовать могла прибыль; 3, когда обвиняемый прежде того равныя же чинилъ противозаконныя дѣянія; 4, когда обвиняемый былъ съ другими преступниками въ связяхъ сообщества; 5, когда гласъ народа винитъ подсудимаго въ преступленіи (худая молва, злые слухи); при чемъ наблюдать надлежитъ, чтобы тотъ слухъ былъ правдѣ подобенъ, не вымышленъ изъ злаго умысла, вражды, ненависти или мщенія; 6, когда обви-

[1]) См. указанные выше источники (§ 178).

няемый предъ тѣмъ чинилъ угрозы совершить то преступное дѣяніе, въ коемъ обвиняется; 7, когда обвиняемый похвалялся совершеніемъ преступленія; 8, когда обвиняемаго видѣли во время совершенія преступленія на томъ мѣстѣ, гдѣ оно учинено; 9, когда обвиняемаго видѣли съ оружіемъ во время совершенія преступленія на томъ мѣстѣ, гдѣ оно учинено; 10, когда обвиняемый пойманъ съ поличнымъ; 11, когда у обвиняемаго отысканы какіе либо инструменты, которые къ учиненію преступленія необходимы, и если при томъ инструменты сіи для него не суть обыкновенные, какъ напримѣръ инструменты къ поддѣлкѣ монетъ, кредитныхъ билетовъ или печатныхъ паспортовъ; 12; когда обвиняемый бѣжалъ или бѣжать вознамѣрился; 13, когда обвиняемый учинилъ внѣ суда признаніе въ преступленіи; 14, когда на обвиняемаго учинено было показаніе однимъ свидѣтелемъ; 15, когда обвиняемый учинилъ двоякое показаніе и свои слова толковалъ превратно. Сводъ Зак., изд. 1857, т. XV, ч. II, ст. 343.

Разработка вопроса о косвенныхъ доказательствахъ или теоріи уликъ началась съ особенною силою съ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, главнымъ образомъ, въ германской литературѣ; особенное вниманіе при этомъ обращено было на классификацію уликъ, которыя обыкновенно подраздѣлялись на *общія* (indicia communia) и свойственныя отдѣльнымъ преступленіямъ (ind. propria), *опредѣленныя* и *неопредѣленныя* (generalia), обличающія склонность къ преступленіямъ опредѣленнаго рода безотносительно къ тому или другому преступному дѣянію, *ближайшія* (ind. proxima) и *отдаленныя* (ind. remota), по времени совпаденія—*предшествующія* (ind. antecedentia), *сопутствующія* (ind. coexistentia, concomitantia, concurrentia) и *послѣдующія* (ind. subsequentia). Въ настоящее время, всѣ эти дѣленія признаны излишними какъ въ теоретическомъ, такъ равно и въ практическомъ отношеніяхъ; косвенныя доказательства на столько разнообразны, что нѣтъ никакой возможности подвести ихъ подъ какія либо общія формулы и рубрики. „Всѣ поступки подсудимаго, замѣчаетъ одинъ изъ англійскихъ юристовъ, все, что бросаетъ какой нибудь свѣтъ на его поведеніе, всѣ дѣйствія другихъ лицъ, приковановенныхъ къ дѣлу, все, что доходило до свѣдѣнія подсудимаго и могло имѣть вліяніе на него; его дружескія и враждебныя отношенія, его обѣщанія, угрозы, правдивость его рѣчей, лживость его оправданій, притязаній и объясненій; его наружность, тонъ рѣчи, молчаніе на вопросы; все, что можетъ объяснить связь между этими частностями, и, наконецъ, каждое обстоятельство, какъ предшествовавшее и современное преступленію, такъ и послѣдовавшее за нимъ,— все это, представляетъ обстоятельственныя или косвенныя улики. Эти обстоятельства безконечно разнообразны и не могутъ быть

подведены подъ какое-нибудь общее правило, или подчинены какой-нибудь классификаціи." [1])

§ 215. Изъ числа косвенныхъ доказательствъ, которыя по своему разнообразію не могутъ быть классифицированы заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующія обстоятельства:

1. Угрозы и другіе признаки умысла, которыми обнаруживается намѣреніе преступника или выраженія особаго удовольствія, злорадство по поводу событій, находящихся въ связи съ совершеннымъ преступленіемъ.

2. Открытіе у обвиняемаго орудій или средствъ къ совершенію преступленія, какъ-то: яда, инструментовъ для дѣланія монетъ, горючихъ или взрывчатыхъ веществъ, особыхъ ключей или отмычекъ, потайныхъ фонарей и т. д. При оцѣнкѣ подобнаго рода уликъ должно быть принято во вниманіе соціальное положеніе лица, такъ, медикъ или аптекарь, по спеціальности своей, могутъ имѣть законныя причины держать у себя ядовитыя вещества, пиротехники—взрывчатыя вещества, слесари—ключи и т. д.

3. Пользованіе плодами преступленія; сила этой улики признавалась съ самыхъ древнихъ временъ и имѣетъ своимъ основаніемъ то основательное предположеніе, что человѣкъ, внезапно разбогатѣвшій или измѣнившій образъ своей жизни, при наличности другихъ доказательствъ его виновности, дѣйствительно совершилъ приписываемое ему преступленіе. „Но правило это, замѣчаетъ Уильзъ, должно быть примѣняемо съ большой осторожностью и разборчивостью, потому что одно владѣніе похищенною собственностью, хотя бы и вскорѣ послѣ покражи, но не подкрѣпляемое другими уликами, представляетъ иногда обманчивый и крайне опасный признакъ."

4. Сбивчивыя, противорѣчивыя объясненія или прямо ложныя показанія обвиняемаго нерѣдко могутъ послужить одною изъ уликъ, говорящихъ противъ него; насколько откровенное, чистосердечное показаніе производитъ благопріятное впечатлѣніе на судей, настолько всякая ложь въ показаніяхъ обвиняемаго, напротивъ, усиливаетъ подозрѣніе въ его виновности.

5. Скрытіе, уничтоженіе и поддѣлка признаковъ преступленія, когда подсудимый уничтожаетъ признаки тождественности на вещахъ,

---

[1]) *Уильзъ*, тамъ же, стр. 36.

напр. рѣзьбу на посудѣ, или старается уничтожить кровавыя пятна или пытается предупредить вскрытіе тѣла посредствомъ поспѣшнаго погребенія его, или подкупаетъ свидѣтелей и т. д. Всѣ подобныя обстоятельства признаются косвенными уликами на томъ общемъ основаніи, что всякое дѣйствіе разумнаго существа должно имѣть свою причину и обвиняемый, не умѣющій объяснить причины своихъ дѣйствій, тѣмъ самымъ усиливаетъ предположеніе о его виновности.

Но какъ не убѣдительны бываютъ подобнаго рода улики, онѣ не могутъ заслуживать полнаго довѣрія; нерѣдко, обвиняемый, будучи совершенно невиновнымъ въ приписываемомъ преступленіи, даетъ ложныя объясненія судьи, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе. [1])

6. Тождество лица; оно можетъ быть доказываемо какъ показаніями свидѣтелей, очевидцевъ, такъ равно и другими средствами, напр. отпечатаніемъ сапоговъ на землѣ или снѣгу, кусками платья, бумаги и т. д. Какъ ни убѣдительно само по себѣ свидѣтельское показаніе или показаніе пострадавшаго о тождествѣ обвиняемаго съ дѣйствительнымъ виновникомъ, но и это показаніе не всегда заслуживаетъ довѣрія; судебная практика представляетъ не мало примѣровъ, когда самыя ясныя, повидимому, неопровержимыя свидѣтельства нашихъ чувствъ оказываются совершенно ошибочными. [2])

§ 216. Косвенныя доказательства или улики по силѣ и значенію своему въ системѣ доказательствъ уступаютъ прямымъ доказательствамъ, но не всегда въ дѣлѣ имѣются прямыя доказательства, напр. въ случаяхъ отравленія, [3]) не всегда онѣ могутъ, сами по себѣ, служить основаніемъ убѣжденія судьи, а потому косвенныя улики часто воспроизводятъ вполнѣ или восполняютъ общую картину совершеннаго преступленія, изобличаютъ виновнаго и при извѣстныхъ

---

[1]) Поучительнымъ примѣромъ въ этомъ родѣ можетъ служить случай изъ англійской судебной практики, приведенный въ соч. Уильза, на стр. 81.

[2]) *Уильзъ*, тамъ же, стр. 32—33.

[3]) „Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ юристовъ—практиковъ, что въ большинствѣ дѣлъ объ отравленіи нельзя искать и странно было бы требовать прямыхъ доказательствъ виновности. Самая природа преступленія противорѣчитъ этому. Могутъ быть только улики, только косвенныя доказательства, изъ которыхъ должно складываться предположеніе о виновности, о томъ, что именно это лицо дало этотъ ядъ и что иначе объяснить себѣ его присутствіе въ организмѣ—невозможно. Предположеніе это должно быть вѣское, должно покоиться на твердо установленныхъ данныхъ дѣла. *А. Ф. Кони*, Судебныя рѣчи, стр. 487 и 428—429.

условіяхъ устанавливаютъ полную юридическую достовѣрность. Для этого необходимо: *во-первыхъ*—установить дѣйствительность того обстоятельства, которое должно служить уликою; *во-вторыхъ*—установить связь или соотвѣтствіе между событіемъ, допускаемымъ въ видѣ гипотезы, съ каждой добытой уликою въ отдѣльности и со всею ихъ совокупностью. Въ этой, по выраженію Глазера, *примѣркѣ* извѣстнаго предполагаемаго событія къ матеріалу, заключающемуся въ обстоятельствахъ, связанныхъ съ происшествіемъ, заключается единственно вѣрное средство перейти отъ *вѣроятности* къ *достовѣрности*; „такое сравненіе одного факта съ другими, замѣчаетъ онъ, подобно складыванію отдѣльныхъ частей тѣла или наложенію на вещь сдѣланныхъ съ нея оттисковъ. Если обнаруживается полное сходство сравниваемыхъ предметовъ и, при томъ, признаки сходства отчетливы и точно индивидуальны, то результатъ подобнаго сравненія имѣетъ доказательную силу, какой едва-ли можно достигнуть инымъ способомъ: таковы, напр. случаи, когда изъ печатной страницы книги оказывается вырваннымъ клочекъ, и затѣмъ находится кусокъ бумаги, который, будучи приложенъ къ страницѣ, вполнѣ подходитъ къ ней и къ ея тексту,—когда при укушеніи обнаруживается на ранѣ отпечатокъ, совершенно соотвѣтствующій челюсти подсудимаго, у котораго недостаетъ извѣстныхъ зубовъ; когда на мягкой землѣ открытъ слѣдъ ноги, въ которомъ сапожные гвозди расположены въ томъ же порядкѣ и съ тѣми же пробѣлами, какъ и на башмакѣ обвиняемаго; когда найденный на землѣ отпечатокъ колѣна вполнѣ соотвѣтствуетъ ткани, изъ которой сдѣлана юбка, и формѣ заплаты, случайно вшитой на мѣстѣ юбки, приходящемся супротивъ колѣна;—когда возлѣ трупа убитаго человѣка найдена стеклянная пуговица и вслѣдъ затѣмъ обнаружено, что подсудимый носитъ на своей одеждѣ такія же пуговицы, что одна изъ нихъ отскочила, и что нижняя поверхность найденной пуговицы точно соотвѣтствуетъ тому мѣсту ткани одежды подсудимаго, на которомъ прежде была пуговица.“ [1])

Такимъ образомъ, вся сила и убѣдительность косвенныхъ доказательствъ или уликъ заключается въ совпаденіи, полной гармоніи и логической связи событія, допускаемаго въ видѣ гипотезы, съ обстоятельствами дѣла и въ невозможности допустить иное какое либо

---

[1]) *Глазеръ*, тамъ же, стр. 331.

объясненіе, кромѣ того, которое вытекаетъ изъ совокупности этихъ обстоятельствъ; связующимъ элементомъ, такъ сказать, цементомъ, является *умозаключеніе*, которое на основаніи цѣлаго ряда фактовъ, добытыхъ синтетическимъ путемъ и тѣсно связанныхъ между собой, приводитъ судью къ извѣстному выводу объ истинности или ложности допущеннаго предположенія.

Въ литературѣ существуетъ множество попытокъ опредѣлить доказательную силу уликъ и тѣ условія, при которыхъ онѣ пріобрѣтаютъ юридическую достовѣрность; въ видахъ выясненія вопроса мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. „Улики, замѣчаетъ г. Спасовичъ, это-лучи свѣта, проясняющіе для судьи темный вопросъ о винѣ. Онѣ ложатся на извѣстномъ лицѣ подозрѣніемъ; чѣмъ ихъ больше, тѣмъ подозрѣніе сильнѣе; чѣмъ менѣе можетъ отклонить ихъ отъ себя подсудимый, тѣмъ вѣроятнѣе становится подозрѣніе; наконецъ, эта вѣроятность превращается въ полную достовѣрность, когда подсудимый не имѣетъ никакой возможности оправдаться. Подсудимый былъ, положимъ, во враждѣ съ убитымъ, онъ грозилъ, что убьетъ его; подсудимаго видѣли близъ мѣста совершенія убійства и вскорѣ послѣ совершенія съ окровавленнымъ ножомъ, на немъ самомъ нашли кровавыя пятна; въ его карманѣ наконецъ отысканъ бумажникъ, принадлежавшій убитому: всѣ эти обстоятельства только улики, но совокупность ихъ можетъ составить основаніе, столь же прочное для присужденія виновнаго къ наказанію, какъ и собственное признаніе или свидѣтельскія показанія". По словамъ Бауера (Anzeigenbeweis, S. 130, 131)" „если нѣсколько косвенныхъ уликъ приводятъ къ одному и тому же событію, и при этомъ взаимно подтверждаютъ одна другую, то доказательная сила каждой изъ нихъ увеличивается. Чѣмъ глубже при этомъ связь каждой улики съ обстоятельствомъ, которое ею доказывается, чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе улик и, изъ конхъ можно сдѣлать заключеніе объ одномъ и томъ же событіи, чѣмъ тѣснѣе онѣ переплетаются между собою, тѣмъ онѣ сильнѣе побуждаютъ къ признанію истинности извѣстнаго событія, такъ какъ съ помощью логической комбинаціи и индукціи и въ силу того правила, основаннаго на логикѣ и данныхъ опыта, по которому въ обыкновенной жизни достовѣрнымъ считается всякое обстоятельство, коего противоположность не имѣетъ разумнаго основанія, извѣстное число основаній вѣроятности обращается въ доказательство, дающее полную юридическую достовѣрность." Наиболѣе вѣрное опредѣленіе даетъ англійскій юристъ Уильзъ; „косвенныя или обстоятельственныя улики, замѣчаетъ онъ, могутъ служить основаніемъ для заключенія о виновности подсудимаго только въ такомъ случаѣ, когда факты, представляющіе признаки виновности совершенно несовмѣстны съ невинностью и не могутъ быть объяснены никакимъ другимъ предположеніемъ. Въ этомъ самомъ состоитъ главное правило и, такъ сказать, пробный камень для опредѣленія силы и значенія косвенныхъ уликъ." (В. Спасовичъ, тамъ же, стр. 214; Уильзъ, тамъ же, стр. 146; Глазеръ, тамъ же, стр. 370—371).

ГЛАВА VI.

Мѣры сохраненія слѣдовъ преступленія и обезпеченія явки обвиняемаго.

I. Обыскъ и выемка.

§ 217. Обыскъ и выемка имѣютъ цѣлью разысканіе предметовъ, обнаруживающихъ преступленіе, и производятся во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда есть основаніе предполагать, что въ томъ или другомъ помѣщеніи скрыты: или обвиняемый, или предметъ преступленія, или вещественныя доказательства, необходимыя для объясненія дѣла (ст. 357). Законъ не дѣлаетъ различія между *„обыскомъ“* и *„выемкой“*, такъ какъ эти процессуальныя дѣйствія на практикѣ большею частію совершенно сливаются; тѣмъ не менѣе, между ними существуетъ различіе: *обыскъ* есть разысканіе въ скрытомъ, запертомъ помѣщеніи подозрѣваемаго лица или вещественныхъ доказательствъ, а *выемка* есть взятіе найденнаго, завладѣніе, захватъ разыскиваемаго лица или вещи; такимъ образомъ, выемка есть результатъ обыска. Въ этомъ значеніи обыскъ и выемка могутъ быть и отдѣльными слѣдственными дѣйствіями: обыскъ можетъ не сопровождаться выемкой, напр. когда при обыскѣ ничего не найдено, и, наоборотъ, выемка можетъ не быть послѣдствіемъ обыска, напр. въ случаѣ взятія вещи внѣ жилаго помѣщенія. Хотя законъ говоритъ объ обыскѣ и выемкѣ *въ „домахъ“*, но эти процессуальныя дѣйствія могутъ быть совершены и въ иномъ какомъ либо обитаемомъ и закрытомъ жиломъ помѣщеніи, кромѣ „дома.“ [1])

---

[1]) *А. Квачевскій*, тамъ же, ч. III, стр. 305.

Обыскъ и выемка по своему значенію представляютъ мѣры, нарушающія неприкосновенность семейнаго, домашняго очага и сокровеннѣйшихъ сторонъ человѣческой жизни; важность разсматриваемыхъ процессуальныхъ дѣйствій въ частной и общественной жизни вызываетъ необходимость установить въ законѣ точныя правила относительно лицъ, имѣющихъ право производить обыскъ, условій и порядка производства этихъ процессуальныхъ дѣйствій. Нормальными органами производства обыска признаются: *мировые судьи*, *земскіе начальники*, *городскіе судьи* и *судебные слѣдователи* (ст. 105 и 357—370; прав. о зем. нач., ст. 191 и 193), но въ видѣ изъятія изъ этого общаго правила законъ допускаетъ производство обыска чинами *полиціи* и *казенныхъ управленій* по преступленіямъ и проступкамъ противъ доходовъ казны. Полиція не имѣетъ самостоятельнаго права на производство обыска (ст. 254), а производитъ осмотръ *по порученію* мироваго судьи, земскаго начальника и городскаго судьи, и то только въ крайнемъ исключительномъ случаѣ, когда эти должностныя лица по особымъ обстоятельствамъ не могутъ лично произвести эти дѣйствія или отложить ихъ до другого времени (ст. 105, 106; прав. о зем. нач., ст. 191); но въ случаѣ сомнѣнія, произведенный полиціею обыскъ подлежитъ повѣркѣ лично судьею или земскимъ начальникомъ (ст. 107; прав. о зем. нач., ст. 193). [1]) Должностныя лица казеннаго управленія, за исключеніемъ чиновъ таможеннаго вѣдомства, не имѣютъ доступа въ частныя жилища и, въ случаѣ необходимости произвести обыскъ, обязаны обратиться о томъ къ судебному слѣдователю или мировому судьѣ по принадлежности (ст. 1150 и 1151); но и чины таможеннаго вѣдомства, при производствѣ обыска, имѣютъ доступъ въ частныя жилища *только* въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый, преслѣдуемый по горячимъ слѣдамъ, скроется въ виду ихъ туда (ст. 150).

Обыскъ производится съ соблюденіемъ нижеслѣдующихъ условій: 1, обыскъ долженъ быть произведенъ въ присутствіи *понятыхъ* и *хозяина дома* или помѣщенія, а въ случаѣ его отсутствія—жены, если онъ женатъ, или кого либо изъ старшихъ въ домѣ (ст. 108—110, 358; прав. о зем. нач., ст. 191 и 192); 2, при обыскѣ

---

[1]) *А. Эленбогенъ*, О правѣ полиціи производить обыски по уголовнымъ дѣламъ, Журн. Гражд. и уг. права, 1888, кн. 5. (замѣтка).

могутъ присутствовать всѣ участвующія въ дѣлѣ лица, но постороннія лица ни въ чье жилище, безъ согласія хозяина, не допускаются (ст. 108 и 359; прав. о зем. нач., ст. 192); 3, обыскъ церквей, молитвенныхъ домовъ и зданій, занимаемыхъ присутственными мѣстами, учеными обществами, учебными или богоугодными заведеніями, а также въ крѣпостяхъ и казармахъ можетъ быть не иначе, какъ въ присутствіи ближайшаго начальства того управленія, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ обыскиваемое помѣщеніе (ст. 361; прав. о зем. нач., ст. 192); 4, обыскъ и выемки производятся, кромѣ случаевъ, не терпящихъ отлагательства, *днемъ* (ст. 111 и 363; прав. о зем. нач., ст. 192), и 5, понятымъ и хозяину дома или помѣщенія должно быть объявлено—по какому дѣлу предпринимается обыскъ и съ какою именно цѣлью (ст. 364).

По общему правилу, обыскъ и выемка производятся безъ всякаго предварительнаго увѣдомленія кого либо; исключенія въ настоящемъ случаѣ установлены только относительно помѣщеній иностранныхъ министровъ (ст. 360) и дворцовъ, въ которыхъ имѣютъ мѣстопребываніе Государь Императоръ и члены Императорскаго дома (ст. 362). При обыскѣ слѣдователь долженъ, по возможности, избѣгать напраснаго поврежденія осматриваемыхъ помѣщеній, а при осмотрѣ бумагъ подозрѣваемаго лица законъ вмѣняетъ въ обязанность соблюдать крайнюю осторожность и не оглашать обстоятельствъ, не относящихся къ дѣлу (ст. 366 и 367)

II. Мѣры обезпеченія явки обвиняемаго въ судъ. [1])

218. Отправленіе правосудія неизбѣжно связано съ извѣстными болѣе или менѣе существенными стѣсненіями личности, и задача государства въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, чтобы, по возможности, примирить, согласовать начало индивидуальной свободы и интересы общественнаго порядка; задача эта въ высшей степени сложная и различно рѣшается въ исторіи. Наиболѣе рѣзко обри-

---

[1]) *А. Кистяковскій*, О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Спб. 1868; *В. Миклашевскій*, О средствахъ представленія обвиняемаго въ судъ и пресѣченія ему способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Варшава, 1872; *А. Чебышевъ-Дмитріевъ*, тамъ же, стр. 366—407; *Неклюдовъ*, Руководство, ч. I, стр. 357—372; *П. В. Макалинскій*, тамъ же, ч. II, стр. 439—484; *Geyer*, ibid., §§ 152—162, § 573—600.

сбывается эта коллизія частныхъ и общественныхъ интересовъ *въ законахъ о мѣрахъ обезпеченія явки обвиняемаго въ судъ*. Съ точки зрѣнія общественнаго порядка и интересовъ правосудія—необходимо принять мѣры къ тому, чтобы обвиняемый не уклонялся отъ суда и наказанія, и въ этомъ отношеніи самое лучшее и вѣрное средство—заключеніе заподозрѣннаго подъ стражу, но съ другой стороны—мѣра эта въ высшей степени тягостная и глубоко поражаетъ права личности; въ интересахъ индивидуальной свободы, легчайшею, наименѣе стѣснительной мѣрой является простое приглашеніе въ судъ, но въ дѣлахъ болѣе важныхъ мѣра эта не можетъ обезпечить интересы общественнаго порядка. Выборъ мѣръ обезпеченія явки обвиняемаго въ исторіи находится въ строгой зависимости отъ понятій о государствѣ и наказаніи и положеніи личности въ обществѣ; по мѣрѣ того, какъ усиливаются общественная власть и строгость уголовной репрессіи, устанавливаются болѣе строгія мѣры пресѣченія. Зависимость разсматриваемаго вопроса отъ формы государства и политическихъ условій жизни народа съ наибольшею отчетливостью можно прослѣдить въ исторіи римскаго права. Первоначально, въ эпоху сильной царской власти, самое употребительное средство пресѣченія обвиняемому уклоняться отъ слѣдствія и суда было задержаніе подъ стражею—*custodia publica*, но въ республиканскій періодъ, при дѣйствіи *quaestiones perpetuae*, съ развитіемъ индивидуальной свободы, къ этому средству прибѣгаютъ только въ особенно важныхъ случаяхъ, и чаще всего примѣнялось простое приглашеніе въ судъ. Съ теченіемъ времени послѣднее средство признается неудовлетворяющимъ цѣлямъ правосудія, и вырабатывается новая форма обезпеченія явки обвиняемаго—*libera custodia*, которая состоитъ въ томъ, что обвиняемый отдавался подъ надзоръ высшему чиновнику или сенатору. Въ императорскій періодъ, согласно общему направленію государственной дѣятельности того времени, выразившейся въ усиленіи средствъ, ограждающихъ общественное спокойствіе и порядокъ, для обезпеченія явки обвиняемаго въ судъ устанавливается новая, болѣе строгая, мѣра—*custodia militaris*, состоявшая въ передачѣ обвиняемаго одному или двумъ изъ старыхъ солдатъ, при чемъ по дѣламъ болѣе важнымъ правую руку обвиняемаго сковывали съ лѣвою рукою сторожа, а если послѣднихъ было двое—то сковывали обѣ руки; впослѣдствіи и эти мѣры оказались недостаточны и стали въ видѣ общаго правила упо-

треблять *custodia publica* или просто *custodia* на ряду съ слабѣйшими мѣрами, отдачею на поруки, присягой (cautio juratoria) и призывомъ (citatio). Ту же, приблизительно, постепенность въ развитіи мѣръ обезпеченія явки обвиняемаго въ судъ представляетъ намъ исторія права каждаго народа, съ различіемъ въ частностяхъ. Въ основаніи современнаго законодательства лежитъ начало соглашенія, по возможности, интересовъ индивидуальной свободы и интересовъ общественнаго порядка, а потому заключеніе подъ стражу примѣняется лишь, какъ крайняя мѣра, и на ряду съ нимъ существуетъ цѣлый рядъ другихъ мѣръ, устраняющихъ при извѣстныхъ условіяхъ необходимость лишать человѣка свободы, нерѣдко по одному подозрѣнію.

Постановленія Свода Законовъ о мѣрахъ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, въ сущности, представляютъ собою лишь систематизацію дѣйствовавшихъ ранѣе о томъ узаконеній и отличаются большою неопредѣленностью, вслѣдствіе чего личное задержаніе широко практиковалось и при томъ безъ всякихъ сколько нибудь существенныхъ гарантій противъ произвола и злоупотребленій слѣдственныхъ чиновниковъ и полиціи; составители Судебныхъ Уставовъ, сознавая неудовлетворительность системы Свода, постановили себѣ задачею устранить ея недостатки; для достиженія этой цѣли они приняли слѣдующія основанія: 1, не допускать ненужныхъ стѣсненій личности подсудимаго; 2, установить норму въ руководство слѣдователямъ и тѣмъ устранить, по возможности, произволъ съ ихъ стороны; 3, предписать извѣстныя формальности, которыя бы удостовѣряли правильность дѣйствій слѣдователей; 4, ввести дѣйствительный контроль за принятіемъ мѣръ пресѣченія; 5, доставить возможность лицамъ, подвергшимся незаслуженнымъ стѣсненіямъ, добиться отмѣны ихъ посредствомъ жалобы. [1])

§ 219. По дѣйствующему Уставу, состоящіе подъ слѣдствіемъ или обвиняемые, безъ разрѣшенія слѣдователя, не должны отлучаться изъ того города или участка, гдѣ производится дѣло (ст. 76 и 415); неисполненіе этой обязанности не подлежитъ особому наказанію, но влечетъ за собой извѣстныя невыгодныя послѣдствія для обвиняемаго, а именно—личное задержаніе или постановленіе заочнаго приговора по дѣламъ, допускающимъ заочное разбирательство. Незави-

[1]) *А. Кистяковскій*, тамъ же, стр. 148.

симо отъ общей обязанности обвиняемыхъ не отлучаться изъ мѣста производства дѣла, законъ устанавливаетъ цѣлый рядъ мѣръ для воспрепятствованія обвиняемымъ уклоняться отъ слѣдствія и суда; мѣры эти слѣдующія:

1. отобраніе вида на жительство или обязаніе подпискою о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства;
2. отдача подъ надзоръ полиціи;
3. отдача на поруки;
4. взятіе залога;
5. домашній арестъ, и
6. взятіе подъ стражу.

Изложенныя мѣры пресѣченія *общія* для всѣхъ судебныхъ мѣстъ и лицъ, за исключеніемъ отдачи подъ надзоръ полиціи и домашняго ареста; мировые судьи, земскіе начальники и городскіе судьи не уполномочены закономъ на принятіе этихъ двухъ мѣръ пресѣченія. Разсмотримъ сущность каждой изъ приведенныхъ мѣръ.

1. *Отобраніе вида на жительство или обязаніе подпискою о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства.* Здѣсь, собственно, двѣ мѣры, изъ коихъ послѣдняя, слабѣйшая, выражается въ томъ, что обвиняемый подкрѣпляетъ подпискою общую лежащую на немъ обязанность не отлучаться изъ города, гдѣ производится дѣло; значеніе этой мѣры весьма слабое, болѣе нравственнаго свойства. Болѣе серьезный характеръ имѣетъ отобраніе вида на жительство; мѣра эта бываетъ особенно тяжкою для людей, живущихъ наймомъ, когда неимѣніе паспорта лишаетъ человѣка возможности пріискать мѣсто.[1]) Въ виду этого, примѣненіе этой мѣры требуетъ большой осторожности и нерѣдко лучше прибѣгнуть къ другой болѣе строгой мѣрѣ, напр. отдачѣ подъ надзоръ полиціи, поручительству или залогу.

2. *Отдача подъ надзоръ полиціи.* Въ нашемъ правѣ нѣтъ правилъ, которыя бы опредѣляли—въ чемъ долженъ заключаться полицейскій надзоръ, какъ мѣра обезпеченія явки обвиняемаго въ судъ; на практикѣ, большею частью, надзоръ этотъ выражается въ посѣщеніи мѣстными полицейскими чинами обвиняемаго и постоянномъ за нимъ наблюденіи.

---

[1]) *П. В. Макалинскій*, тамъ же, стр. 443.

3. *Отдача на поруки или поручительство* состоитъ въ томъ, что какое либо состоятельное лицо, общество или учрежденіе принимаетъ на себя опредѣленную денежную отвѣтственность въ случаѣ уклоненія обвиняемаго отъ суда (ст. 78 и 422; прав. о зем. нач., ст. 185) [1]); въ случаѣ побѣга обвиняемаго, сумма поручительства взыскивается съ поручителя (ст. 83 и 427; прав. о зем. нач., ст. 186).

4. *Взятіе залога* состоитъ въ томъ, что извѣстное лицо впередъ вноситъ опредѣленную сумму въ обезпеченіе явки обвиняемаго; мѣра эта, по своему значенію, имѣетъ много общаго съ поручительствомъ, и различіе между этими двумя мѣрами выражается въ томъ, что при залогѣ извѣстная сумма впередъ вносится, а при поручительствѣ—взыскивается впослѣдствіи. Хотя въ обоихъ случаяхъ послѣдствія одинаковы, т. е. залогодатель и поручитель, въ случаѣ побѣга обвиняемаго, несутъ денежную отвѣтственность (ст. 83 и 427; прав. о зем. нач., ст. 186), но взятіе залога представляетъ собою болѣе тяжкую мѣру въ томъ отношеніи, что она требуетъ внесенія немедленно залога, который долженъ состоять въ деньгахъ или движимомъ имуществѣ (ст. 80 и 423; прав. о зем. нач., ст. 185).

5. *Домашній арестъ* состоитъ въ томъ, что обвиняемый для обезпеченія явки его въ судъ лишается свободы у себя на дому; съ этой стороны, домашній арестъ составляетъ видъ лишенія свободы и установленъ, слѣдуетъ думать, въ качествѣ мѣры, замѣняющей содержаніе подъ стражею, когда оно по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ, напр. въ случаѣ тяжкой болѣзни обвиняемаго, недостатка помѣщенія въ мѣстѣ заключенія, особаго, исключительнаго общественнаго или семейнаго положенія обвиняемаго и т. д., оказывается неудобоисполнимымъ. Къ сожалѣнію, ни въ Уставѣ, ни въ Сводѣ Законовъ не опредѣляются правила домашняго ареста, а потому на практикѣ онъ примѣняется различно; одно представляется несомнѣннымъ, что въ видахъ предупрежденія побѣга обвиняемаго, находящагося подъ арестомъ, у дома его должна быть поставлена стража..

---

[1]) По Своду Законовъ, поручительство не было связано съ денежною отвѣтственностью, вслѣдствіе чего эта мѣра составляла одну лишенную всякаго значенія формальность.

6. *Взятіе подъ стражу* состоитъ въ лишеніи обвиняемаго свободы отсылкой его въ мѣсто заключенія. „Задержаніе подозрѣваемыхъ, по словамъ составителей Судебныхъ Уставовъ, принадлежитъ къ важнѣйшимъ мѣрамъ уголовнаго производства, ибо, съ одной стороны, симъ обезпечивается дѣйствіе закона о наказаніяхъ, съ другой же, отъ взятія подъ стражу, хотя бы и на самое короткое время, не только страдаетъ свобода и честь задержаннаго, но иногда зависитъ и самое благосостояніе цѣлыхъ семействъ“ [1]); въ виду этого, примѣненіе этой мѣры требуетъ большой осторожности, и законъ устанавливаетъ въ этомъ отношеніи особыя правила.

§ 220. Мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда уполномочены закономъ принимать судебные слѣдователи, мировые судьи, земскіе начальники и городскіе судьи, а также полиція, за отсутствіемъ судебнаго слѣдователя. Право полиціи принимать мѣры пресѣченія есть исключительное, и, въ видахъ огражденія личной свободы частныхъ лицъ, оно „ограничено случаями, когда съ вѣроятностью можно предполагать виновность подозрѣваемаго“ [2]); къ числу этихъ случаевъ относятся: 1, когда подозрѣваемый застигнутъ при совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ его совершенія; 2, когда потерпѣвшіе отъ преступленія или очевидцы укажутъ прямо на подозрѣваемое лицо; 3, когда на подозрѣваемомъ или въ его жилищѣ найдены будутъ явные слѣды преступленія; 4, когда вещи, служащія доказательствомъ преступнаго дѣянія, принадлежатъ подозрѣваемому или оказались при немъ; 5, когда онъ сдѣлалъ покушеніе на побѣгъ или пойманъ во время или послѣ побѣга, и 6, когда подозрѣваемый не имѣетъ постояннаго жительства или осѣдлости (ст. 256—257; 262). Кромѣ означенныхъ лицъ, въ принятіи такой важной мѣры, какъ взятіе подъ стражу, принимаютъ участіе, какъ это будетъ указано ниже, прокуроръ или его товарищъ, въ качествѣ органа надзора, и судъ (ст. 152, п. 3, 154, 283 и 285; прав. о зем. нач., ст. 222).

§ 221. Главнымъ основаніемъ при избраніи той или другой мѣры пресѣченія служитъ *важность преступленія*, въ которомъ извѣстное лицо обвиняется, и *родъ наказанія*, которому оно можетъ

[1]) Суд. Уст., изд. Госуд. Канц., ч. II, стр. 156—157.
[2]) Суд. уст., изд. Госуд. канц., ч. II, мотивы къ ст. 257, стр. 117

подвергнуться; въ виду этого, всѣ преступленія, подлежащія вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, раздѣляются на три разряда, и для каждаго изъ нихъ установлена высшая мѣра пресѣченія; такъ, въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою заключеніе въ тюрьмѣ или крѣпости безъ лишенія правъ и преимуществъ, высшею мѣрою признается *отдача на поруки* (ст. 417); въ преступленіяхъ, подвергающихъ виновныхъ заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости съ лишеніемъ особенныхъ правъ и преимуществъ,—*взятіе залога* (ст. 418), и, наконецъ, въ преступленіяхъ или проступкахъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ или наказанія уголовныя, высшею мѣрою обезпеченія, по словамъ закона, можетъ быть *задержаніе подъ стражею* (419). По каждому разряду власть судебнаго слѣдователя ограничивается только высшею мѣрою пресѣченія, но избраніе всякой низшей мѣры, какъ это видно изъ мотивовъ къ ст. 419, вполнѣ зависитъ отъ его усмотрѣнія.

Кромѣ указаннаго главнаго основанія, законъ вмѣняетъ въ обязанность при избраніи мѣры пресѣченія принимать въ соображеніе и другія обстоятельства, какъ то: *силу имѣющихся по дѣлу уликъ, возможность скрыть слѣды преступленія, состояніе здоровья, полъ, возрастъ* и *положеніе* обвиняемаго въ обществѣ (ст. 421). Большая часть этихъ обстоятельствъ, напр. возможность скрыть слѣды преступленія, состояніе здоровья, полъ и возрастъ, имѣетъ значеніе только при рѣшеніи вопроса о взятіи обвиняемаго подъ стражу. По поводу изложенныхъ обстоятельствъ слѣдуетъ замѣтить нижеслѣдующее. Чѣмъ важнѣе улики противъ обвиняемаго, тѣмъ вѣроятнѣе виновность его, и строже должна быть мѣра пресѣченія. Возможность скрыть слѣды преступленія можетъ оправдывать принятіе высшей мѣры пресѣченія—взятіе подъ стражу, только въ тѣхъ относительно рѣдкихъ случаяхъ, когда есть достаточно серьезныя практическія основанія для подобнаго опасенія. Забота о томъ, чтобы обвиняемый не скрылся и не избѣгъ такимъ образомъ правосудія, не можетъ вести къ забвенію интересовъ личности въ томъ, напр., случаѣ, когда обвиняемый находится въ такомъ болѣзненномъ состояніи, что не можетъ быть заключенъ подъ стражу; въ этомъ случаѣ къ нему можетъ быть примѣненъ домашній арестъ, или онъ вовсе можетъ быть оставленъ на свободѣ, тѣмъ болѣе, что болѣзнь уменьшаетъ шансы побѣга. Упоминая о полѣ, какъ обстоятельствѣ, могущемъ вліять на избраніе

той или другой мѣры пресѣченія, законъ, очевидно, разумѣетъ женскій полъ и при томъ такое положеніе обвиняемыхъ, при которомъ не можетъ быть принята высшая мѣра пресѣченія—взятіе подъ стражу, напр. имѣніе груднаго ребенка, состояніе беременности и т. д. Возрастъ оказываетъ вліяніе на избраніе той или другой мѣры пресѣченія въ томъ смыслѣ, что обвиняемые въ возрастѣ до 14 л. не могутъ быть взяты подъ стражу, такъ какъ возрастъ до 10 лѣтъ есть состояніе полной невмѣняемости, а отъ 10 до 14 л.—относительной невмѣняемости, т. е. когда преступленіе вмѣняется подъ условіемъ совершенія малолѣтнимъ преступленія съ разумѣніемъ; но такъ какъ рѣшеніе послѣдняго вопроса есть дѣло суда въ каждомъ данномъ случаѣ, то обвиняемый въ возрастѣ до 14 лѣтъ не можетъ быть лишенъ свободы, въ смыслѣ мѣры пресѣченія. [1]) Выраженіе закона „положеніе обвиняемаго въ обществѣ“ нельзя понимать въ сословномъ смыслѣ; здѣсь, очевидно, имѣется въ виду репутація, общественное или служебное положеніе лица, безотносительно къ тому, къ какому сословію обвиняемый принадлежитъ.

Мировые судьи, земскіе начальники и городскіе судьи могутъ задержать подъ стражу только по дѣламъ о преступномъ дѣйствіи, влекущемъ за собою заключеніе въ тюрьмѣ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ они свободны избрать какую либо изъ низшихъ мѣръ (ст. 77; прав. о зем. нач., ст. 184).

§ 222. Правила относительно поручительства и залога общія; онѣ заключаются въ слѣдующемъ: 1, сумма поручительства или залога опредѣляется сообразно съ строгостью наказанія и состояніемъ поручителя или залогодателя (ст. 80 и 424; прав. о зем. нач., ст. 185); 2, сумма эта ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть менѣе количества вознагражденія, отыскиваемаго потерпѣвшимъ, если искъ подкрѣпляется достовѣрными доказательствами (ст. 80 и 425; прав. о зем. нач., ст. 185); 3, въ случаѣ побѣга обвиняемаго или уклоненія его отъ слѣдствія и суда, взысканная съ поручителя или представленная въ залогъ сумма, за отчисленіемъ изъ нея такого количества денегъ, которое можетъ быть присуждено потерпѣвшему отъ преступленія, обращается въ капиталъ на устройство мѣстъ заключенія (ст. 83 и 427; прав. о зем. нач., ст. 186); 4, до представленія поручительства или залога обвиняемый на предварительномъ

[1]) А. *Кистяковскій*, тамъ же, стр. 154; *Чебышевъ-Дмитріевъ*, тамъ же, стр. 378—380.

слѣдствіи подвергается домашнему аресту или заключенію подъ стражу (ст. 428), и 5, въ принятіи поручительства или залога судебный слѣдователь составляетъ постановленіе, которое подписывается какъ имъ, такъ и поручителемъ или залогодателемъ и выдается имъ въ копіи (ст. 426). Залогъ, какъ указано выше, долженъ состоять въ деньгахъ или движимомъ имуществѣ, и можетъ быть представленъ какъ самимъ обвиняемымъ, такъ и всякимъ другимъ лицомъ (ст. 423).

Особенною подробностью отличаются правила Устава относительно примѣненія высшей мѣры пресѣченія—*взятія подъ стражу*. О взятіи подъ стражу должно быть составлено особое постановленіе съ точнымъ означеніемъ: 1, кѣмъ именно и когда сдѣлано постановленіе; 2, званія, имени и фамиліи задержаннаго лица; 3, преступнаго дѣянія, въ которомъ онъ обвиняется, и 4, основанія задержанія (ст. 84 и 430; прав. о зем. нач., ст. 187). Постановленіе это представляется обвиняемому при отправленіи въ мѣсто заключенія, во всякомъ случаѣ до истеченія *сутокъ* отъ времени его задержанія (ст. 80 и 43); въ мѣстахъ заключенія ведутся реестры, въ которыхъ при самой сдачѣ арестанта означается постановленіе о его задержаніи (ст. 432).

Въ видахъ возможнаго огражденія интересовъ личности, законъ вмѣняетъ въ обязанность судебному слѣдователю, при взятіи обвиняемаго подъ стражу, немедленно увѣдомлять объ основаніяхъ такого распоряженія ближайшее лицо прокурорскаго надзора, которое можетъ требовать, чтобы слѣдователь ограничился мѣрою менѣе строгою, если обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи, влекущемъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія (ст. 283); съ другой стороны, въ случаѣ требованія прокурора или его товарища заключить обвиняемаго подъ стражу, судебный слѣдователь, не усматривая достаточныхъ къ тому основаній, можетъ отказаться исполнить это требованіе и представить о томъ суду, который и разрѣшаетъ въ томъ или другомъ смыслѣ вопросъ (ст. 285). Въ производствѣ мировыхъ судей, земскихъ начальниковъ и городскихъ судей — неправильное заключеніе подъ стражу даетъ основаніе для частной жалобы, которую эти должностныя лица въ теченіе *сутокъ* обязаны представить, вмѣстѣ съ своими объясненіями, въ мировой или уѣздный съѣздъ (ст. 152, п. 3, 154; прав. о зем. нач., ст. 222).

ПРИЛОЖЕНІЕ. [1])

О судебныхъ и административно-судебныхъ учрежденіяхъ по закону 12 іюля 1889 года.

Законъ 12 іюля 1889 года „*о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ Имперіи*“, по словамъ Высочайшаго Указа, вызванъ стремленіемъ создать близкую къ народу твердую правительственную власть, „которая соединяла бы попечительство надъ сельскими обывателями съ заботами по завершенію крестьянскаго дѣла и съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ“. Въ видахъ осуществленія таковой задачи, законъ 12 іюля 1889 года устанавливаетъ, взамѣнъ мировыхъ судебныхъ установленій, слѣдующія лица и учрежденія:

1. земскіе начальники;
1. городскіе судьи;
3. уѣздный членъ окружнаго суда;
4. уѣздные съѣзды и
5. губернскія присутствія.

Земскіе начальники, городскіе судьи и уѣздный членъ окружнаго суда имѣютъ единоличную власть и составляютъ суды 1-й инстанціи, уѣздные суды и губернскія присутствія суть коллегіальныя учрежденія, вѣдающія дѣла въ качествѣ 2-й и 3-й инстанцій; изъ числа означенныхъ лицъ и учрежній городскіе судьи и уѣздный

---

[1]) Настоящее приложеніе вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что первый томъ моего курса вышелъ до изданія закона 12 іюля 1889 г., а потому въ немъ ничего не говорится о новыхъ административно-судебныхъ учрежденіяхъ, созданныхъ этимъ закономъ.

членъ окружнаго суда вѣдаютъ исключительно судебныя дѣла, остальныя—суть органы административно-судебной власти.

I. Земскіе начальники.

Земскій начальникъ есть должностное лицо, состоящее въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, облеченное административно-судебною властью. Земскіе начальники не пользуются судейскою несмѣняемостью; они назначаются при непосредственномъ участіи губернатора и дѣйствуютъ подъ ближайшимъ его контролемъ и наблюденіемъ; въ дѣятельности ихъ преобладаютъ административныя функціи, которыя вообще обширны и разнообразны. По мысли законодателя, институтъ земскихъ начальниковъ долженъ имѣть сословный характеръ, но въ самомъ законѣ, какъ это будетъ указано ниже, предусматривается невозможность достигнутьэтого на практикѣ.

Въ видахъ болѣе подробнаго ознакомленія съ этимъ новымъ по формѣ, но весьма старымъ по содержанію институтомъ, мы разсмотримъ слѣдующіе вопросы: 1) порядокъ замѣщенія должности земскаго начальника, 2) служебныя преимущества ихъ и обязанности, 3) надзоръ за дѣятельностью земскихъ начальниковъ и дисциплинарная ихъ отвѣтственность и 4) предметы дѣятельности и вѣдомства земскихъ начальниковъ.

1. *Условія для замѣщенія должности земскаго начальника* дѣлятся на положительныя и отрицательныя; въ первомъ случаѣ законъ даетъ указаніе—какія именно категоріи могутъ быть назначаемы на должность земскаго начальника, во второмъ—кто не можетъ быть таковымъ.

Въ должность земскаго начальника могутъ быть назначаемы:

1. Лица, прослужившія въ губерніи не менѣе трехъ лѣтъ въ должности предводителя дворянства.

2. Мѣстные потомственные дворяне, которые имѣютъ не менѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду и окончили курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи, или выдержали соотвѣтственное испытаніе, или же прослужили въ губерніи, не менѣе трехъ лѣтъ, въ одной изъ слѣдующихъ должностей: мироваго посредника, мироваго судьи, непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ или земскаго начальника, если при томъ они сами, жены или

родители ихъ владѣютъ, въ предѣлахъ уѣзда, на правѣ собственности, пространствомъ земли не менѣе половины того, которое опредѣлено для непосредственнаго участія въ избраніи уѣздныхъ гласныхъ въ уѣздное земское собраніе, оцѣненнымъ для взиманія земскихъ сборовъ не ниже семи тысячъ пяти сотъ рублей (ст. 6).

Лица, удовлетворяющія изложеннымъ условіямъ, составляютъ нормальный типъ земскаго начальника; въ случаѣ недостатка этихъ лицъ, земскими начальниками могутъ быть назначаемы:

3. Мѣстные потомственные дворяне, въ возрастѣ не менѣе двадцати пяти лѣтъ, которые окончили курсъ въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній Имперіи или выдержали соотвѣтственное испытаніе и состоятъ въ военныхъ или гражданскихъ классныхъ чинахъ, если при томъ они сами, жены или родственники ихъ владѣютъ, въ предѣлахъ уѣзда, на правѣ собственности, пространствомъ земли, вдвое большимъ противъ указаннаго въ пунктѣ 2 статьи 6, или другимъ недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для взиманія земскихъ сборовъ не ниже пятнадцати тысячъ рублей.

4. Мѣстные потомственные дворяне, окончившіе курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи или выдержавшіе соотвѣтственное испытаніе, либо прослужившіе въ губерніи, не менѣе трехъ лѣтъ, въ одной изъ поименованныхъ въ пунктѣ 2, статьи 6 должностей, если лица сіи хотя и не владѣютъ пространствомъ земли, указаннымъ въ этомъ пунктѣ, но сохранили свою усадьбу въ предѣлахъ подлежащаго уѣзда (ст. 7).

Въ случаѣ недостатка помѣстныхъ дворянъ:

5. Лица, хотя и не принадлежащія къ числу упомянутыхъ дворянъ, но окончившія курсъ въ одномъ изъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній Имперіи, или выдержавшія соотвѣтственное испытаніе (ст. 15).

Наконецъ, въ видѣ временной мѣры, Министру Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшается назначать на должность земскихъ начальниковъ, съ соблюденіемъ общихъ правилъ о службѣ, „и такихъ лицъ, которыя хотя и не получили свидѣтельствъ объ окончаніи курса въ одномъ изъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній Имперіи или о выдержаніи соотвѣтственнаго испытанія, но, по имѣющимся у него, Министра, свѣдѣніямъ, оказываются достойными занять должность земскаго начальника и обладающими достаточными познаніями

для исполненія возлагаемыхъ на нихъ обязанностей (законъ 29 дек. 1889 г., п. III).

Такимъ образомъ, принадлежность къ дворянскому сословію, имущественный и образовательный цензы не составляютъ необходимаго безусловнаго условія для замѣщенія должности земскихъ начальниковъ, но общій смыслъ приведенныхъ выше постановленій не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что мѣстные потомственные дворяне, владѣющіе имущественнымъ цензомъ и получившіе высшее или среднее образованіе, должны имѣть всегда предпочтеніе предъ прочими кандидатами при замѣщеніи должности земскаго начальника, а не дворяне, имѣющіе образовательный цензъ, предъ таковыми безъ всякаго образованія.

Отрицательныя условія для замѣщенія должности земскаго начальника выражаются въ томъ, что на эти должности не могутъ быть назначаемы: 1) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступленія или проступки, равно какъ подвергшіеся по судебнымъ приговорамъ, за противозаконныя дѣянія, заключенію въ тюрьмѣ или иному болѣе строгому наказанію, а также тѣ, которые, бывъ подъ судомъ за преступленія и проступки, влекущіе за собою такія наказанія, не оправданы судебными приговорами; 2) исключенные изъ службы или изъ дворянскихъ собраній, по приговорамъ послѣднихъ; 3) объявленные несостоятельными должниками, и 4) состоящіе подъ опекою за расточительность (ст. 10).

Порядокъ назначенія на должность земскихъ начальниковъ различный, смотря по тому—принадлежитъ ли лицо, желающее получить таковую должность, къ числу мѣстныхъ потомственныхъ дворянъ или нѣтъ: въ первомъ случаѣ, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ утверждаетъ въ должности земскаго начальника того изъ кандидатовъ, который избирается губернаторомъ, по совѣщаніи съ губернскимъ и мѣстнымъ уѣздными предводителями дворянства, изъ списка подлежащаго уѣзда; въ случаѣ представляемое губернаторомъ лицо избрано вопреки заявленіямъ одного или обоихъ предводителей, мнѣнія ихъ доводятся до свѣдѣнія Министра, который утверждаетъ одного изъ двухъ кандидатовъ—избраннаго губернаторомъ или предложеннаго предводителями дворянства (ст. 13 и 14). Лица, не принадлежащія къ мѣстному потомственному дворянству, назначаются по личному усмотрѣнію Министра (ст. 15 и законъ 12 дек. 1889 г., п. III).

2. Земскіе начальники пользуются общими *правами*, предоставленными всѣмъ должностнымъ лицамъ по Уставу о службѣ гражданской; по классу должности (VI) они стоятъ ниже судей и не пользуются тѣми особыми правами и преимуществами, которыя предоставлены лицамъ судебнаго вѣдомства. Должности земскаго начальника присваиваются особый знакъ (цѣпь на подобіе той, которая установлена для мировыхъ судей) и печать. Отпуски земскимъ начальникамъ разрѣшаются, по представленіямъ предсѣдателя подлежащаго уѣзднаго съѣзда, губернаторомъ, на основаніи общихъ правилъ Устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства (ст. 21).

Помимо обще-служебныхъ обязанностей, изложенныхъ въ Сводѣ Законовъ (т. III), и административно-судебныхъ функцій, возложенныхъ на нихъ закономъ 12 іюля 1889 г., земскіе начальники въ частности обязаны:

1) избрать съ разрѣшенія губернскаго присутствія, постоянное мѣсто жительства въ предѣлахъ своего участка, но просьбы какъ письменныя, такъ и словесныя, онъ обязанъ принимать вездѣ и во сякое время (ст. 54);

2) устранять себя отъ разбирательства дѣла, какъ административнаго, такъ и судебнаго, въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда онъ самъ, жена его, родственники его въ прямой линіи безъ ограниченія степеней, а въ боковой—родственники первыхъ четырехъ и свойственники первыхъ трехъ степеней, а также если усыновленные имъ имѣютъ участіе въ дѣлѣ; б) когда онъ состоитъ опекуномъ одного изъ тяжущихся, либо управляетъ его дѣлами; в) когда тяжущійся завѣдываетъ его дѣлами или имѣніемъ; г) когда онъ или жена его состоятъ, по закону, ближайшими наслѣдниками одного изъ тяжущихся или же имѣютъ съ однимъ изъ нихъ тяжбу;

3) ежегодно представлять уѣздному съѣзду отчеты о своей дѣятельности (ст. 67), и

4) вести денежную отчетность по особому установленному высшимъ правительствомъ порядку (ст. 68). Кромѣ того, земскіе начальники не могутъ занимать никакой иной должности по государственной или общественной службѣ, за исключеніемъ лишь почетныхъ должностей въ мѣстныхъ учебныхъ и богоугодныхъ заведеніяхъ и званія гласнаго земскаго собранія (ст. 19).

3. *Надзоръ за дѣятельностью земскихъ начальниковъ* съ правомъ ревизіи принадлежитъ губернскому присутствію, уѣздному предводителю дворянства и губернатору; но главный надзоръ сосредоточивается въ губернскомъ присутствіи, которое можетъ ревизовать дѣлопроизводство земскихъ начальниковъ и привлекать ихъ къ дисциплинарной отвѣтственности (ст. 66, 101). Губернатору, кромѣ ревизіи на общемъ основаніи, предоставляется давать имъ указанія къ единообразному примѣненію постановленій сего положенія и объ усмотрѣнныхъ при ревизіи безпорядкахъ, равно какъ о случаяхъ уклоненія земскихъ начальниковъ отъ правильнаго исполненія служебныхъ обязанностей, предлагать на обсужденіе губернскаго присутствія для принятія съ его стороны соотвѣтственныхъ мѣръ (ст. 66).

Дисциплинарное производство относительно земскихъ начальниковъ возбуждается предложеніями губернатора или постановленіями губернскаго присутствія; прежде разрѣшенія дѣла требуется объясненіе отъ обвиняемаго (ст. 137), но обвиняемый не извѣщается о днѣ разбирательства, не присутствуетъ при разсмотрѣніи его дѣла, и рѣшеніе постановляется безъ выслушанія заключенія прокурора. Дисциплинарное производство не можетъ быть начато по истеченіи одного года со времени учиненія дѣйствія или упущенія, подлежащаго дисциплинарному взысканію (ст. 138). Въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности земскіе начальники подвергаются *замѣчаніямъ и выговорамъ* безъ внесенія въ послужной списокъ, *временному удаленію* отъ *должности* и *увольненію*; первыя три взысканія налагаются на земскихъ начальниковъ постановленіями губернскихъ присутствій, а увольненіе отъ должности—распоряженіемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ на основаніи представленія Губернскаго Присутствія (ст. 136). Губернское Присутствіе входитъ, чрезъ губернатора, къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ съ представленіемъ объ увольненіи земскаго начальника отъ должности въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, если земскій начальникъ, несмотря на взысканія, коимъ подвергался по постановленіямъ присутствія за упущенія по службѣ, обнаруживаетъ явное нерадѣніе или неспособность къ успѣшному исполненію возложенныхъ на него закономъ служебныхъ обязанностей; 2, если земскій начальникъ дозволитъ себѣ, внѣ службы, такіе противные нравственности или предосудительные поступки, которые хотя и не имѣли послѣдствіемъ привлеченія его къ уголовной отвѣтственности,

но, будучи несовмѣстны съ достоинствомъ его званія и получивъ огласку, лишаютъ совершившаго ихъ земскаго начальника необходимыхъ для сего званія довѣрія и уваженія; 3, если земскій начальникъ за преступленіе или проступокъ, не относящійся къ службѣ, будетъ, въ уголовномъ порядкѣ, подвергнуть какому либо взысканію или наказанію, хотя бы и не соединенному съ потерею права на службу, и 4, если земскій начальникъ будетъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ или подвергнется личному задержанію за долги (ст. 139); во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, а также при возбужденіи противъ земскаго начальника судебнаго, въ уголовномъ порядкѣ, преслѣдованія за преступленіе или проступокъ, влекущіе тюремное заключеніе или болѣе строгое наказаніе, Губернское Присутствіе, истребовавъ отъ обвиняемаго объясненіе, можетъ постановить о временномъ устраненіи его отъ должности (ст. 141). Постановленія Губернскихъ Присутствій объ увольненіи земскихъ начальниковъ, а также жалобы послѣднихъ разсматриваются въ Совѣтѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ и, затѣмъ, утверждаются Министромъ или оставляются безъ послѣдствія (ст. 140 и 142).

4. Дѣятельность земскихъ начальниковъ обширна, и функціи его крайне разнообразны. Территоріальною единицею дѣятельности ихъ служитъ *земскій участокъ*, число которыхъ на каждый уѣздъ опредѣляется законодательнымъ порядкомъ (ст. 1—5).

Въ качествѣ органа административной власти, онъ исполняетъ всѣ обязанности мировыхъ посредниковъ (ст. 22), имѣетъ надзоръ за всѣми установленіями крестьянскаго общественнаго управленія, а равно право ревизіи (ст. 23), замѣняетъ уѣзднаго исправника или становаго пристава, во время отсутствія этихъ лицъ, по надзору за дѣйствіями волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ относительно охраненія благочинія, безопасности и общественнаго порядка (ст. 24), разрѣшаетъ жалобы на должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленій (ст. 28), удаляетъ неблагонадежныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей (ст. 30) и т. д. Къ числу административныхъ функцій земскаго начальника слѣдуетъ также отнести право, въ случаѣ неисполненія законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника лицами, подвѣдомственными крестьянскому общественному управленію, подвергать виновнаго, безъ всякаго формальнаго производства, аресту на время не свыше трехъ дней или денежному взысканію не свыше шести рублей (ст. 61).

По дѣламъ *судебнымъ* земскіе начальники исполняютъ обязанности мировыхъ судей и вѣдаютъ: 1, проступки, предусмотрѣнные въ Уставѣ о нак., нал. мир. судьями, за исключеніемъ кражи со взломомъ (ст. 171[1]); 2, дѣла о безпатентной продажѣ питей и водочныхъ издѣлій, о предоставленіи своего жилища въ видѣ промысла для распитія крѣпкихъ напитковъ и нѣкоторые другіе незначительные проступки противъ Устава о питейномъ сборѣ (ст. 49). Дѣла эти изъемлются изъ вѣдѣнія земскихъ начальниковъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, когда денежное взысканіе за проступокъ противъ правилъ о питейномъ сборѣ превышаетъ триста рублей или сопряжено, по закону, съ запрещеніемъ производить торговлю крѣпкими напитками; 2, когда искъ о вознагражденіи за причиненные проступкомъ вредъ или убытки превышаетъ триста рублей; 3, когда по уголовнымъ дѣламъ о лѣсоистребленіи цѣна похищенныхъ, самовольно срубленныхъ или поврежденныхъ лѣсныхъ произведеній превышаетъ триста рублей, и 4, когда обвиняемыя въ проступкѣ лица по закону подлежатъ отвѣтственности предъ судами духовнаго или военнаго вѣдомствъ или предъ волостными судами (ст. 50; прав. о зем. нач., ст. 163).

II. Городскіе судьи.

Городскіе судьи есть власть единоличная и состоятъ въ вѣдомствѣ Министерства Юстиціи; они учреждаются во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, за исключеніемъ двухъ столицъ и Одессы, а также въ другихъ поселеніяхъ, не входящихъ въ составъ земскихъ участковъ (ст. 4). [1]) Городскіе судьи назначаются Министромъ Юстиціи изъ лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ для замѣщенія должности судебнаго слѣдователя, и пользуются правами и преимуществами судебнойслужбы, за нѣкоторыми весьма существенными исключеніями; городскіе судьи увольняются отъ должности по постановленію консультаціи, учрежденной при Министерствѣ Юстиціи, съ утвержденія Министра Юстиціи (ст. 6, 7 и 9). Относительно дисциплинарной отвѣтственности и увольненія въ отпуски городскіе судьи сравниваются съ членами окружнаго суда (ст. 11); должности ихъ присваиваются особый знакъ и печать (ст. 5).

---

[1]) Выс. утвержд. 12 іюля 1889 г. правила объ устройствѣ судебной части въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ.

Компетенція городскихъ судей общая съ таковою земскихъ начальниковъ; они вѣдаютъ одни и тѣ же уголовныя дѣла (ст. 14 и 15; прав. о зем. нач., ст. 162 и 163).

III. Уѣздный членъ окружнаго суда.

Въ каждомъ уѣздѣ состоитъ одинъ уѣздный членъ суда, который относительно назначенія на должность и прочихъ условій судебной службы совершенно уравненъ съ членами общихъ судебныхъ мѣстъ по Судебнымъ Уставамъ. Компетенція его нѣсколько неопредѣленнаго характера; вѣдѣнію его подлежатъ всѣ гражданскія и уголовныя дѣла, отнесенныя Судебными Уставами къ вѣдѣнію мировыхъ судей и притомъ неподсудныя земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ (ст. 29). Судебныя дѣла, отнесенныя къ вѣдѣнію уѣзднаго члена окружнаго суда (ст. 29), производятся порядкомъ, предписаннымъ въ Уставахъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства для мировыхъ судебныхъ установленій, при чемъ обязанности мироваго судьи исполняются уѣзднымъ членомъ окружнаго суда, а обязанности съѣзда мировыхъ судей — окружнымъ судомъ (ст. 30). Кромѣ судебнаго разбирательства, въ качествѣ единоличной судебной власти, уѣздный членъ окружнаго суда, участвуетъ въ судебныхъ засѣданіяхъ уѣздныхъ съѣздовъ, предсѣдательствуетъ въ немъ за отсутствіемъ уѣзднаго предводителя дворянства и исполняетъ всѣ обязанности относительно приготовленія дѣлъ къ слушанію и исполненія судебныхъ рѣшеній, возложенныя Судебными Уставами на предсѣдателя и непремѣннаго члена съѣзда мировыхъ судей (ст. 73 и 77).

IV. Уѣздный съѣздъ.

Въ каждомъ уѣздѣ состоитъ уѣздный съѣздъ, который раздѣляется на два присутствія: административное и судебное. Послѣднее образуется подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства изъ уѣзднаго члена окружнаго суда, почетныхъ мировыхъ судей, городскихъ судей и земскихъ начальниковъ; въ засѣданіяхъ судебнаго присутствія уѣзднаго съѣзда присутствуетъ товарищъ прокурора окружнаго суда для предъявленія въ подлежащихъ случаяхъ, своихъ заключеній (полож. о зем. нач., ст. 73 и 76). При каждомъ уѣздномъ съѣздѣ состоятъ секретарь, назначаемый губернаторомъ,

канцелярія и кандидаты къ земскимъ начальникамъ, въ числѣ не болѣе двухъ, съ правами государственной службы, но безъ содержанія (ст. 80 и 81). Хотя судебное присутствіе уѣздныхъ съѣздовъ вѣдаетъ исключительно судебныя дѣла, но дѣлопроизводство его на общемъ основаніи подлежитъ ревизіи губернатора, которому предоставляется давать уѣзднымъ съѣздамъ надлежащія указанія къ единообразному примѣненію законовъ и о безпорядкахъ, могущихъ быть замѣченными при ревизіяхъ, предлагать на обсужденіе Губернскаго Присутствія (ст. 102). Ежегодно уѣздный съѣздъ представляетъ Губернскому Присутствію общій отчетъ о дѣятельности своей и всѣхъ земскихъ начальниковъ уѣзда (ст. 103). По дѣламъ судебнымъ уѣздные съѣзды въ качествѣ апелляціонной инстанціи вѣдаютъ: а, дѣла по пересмотру рѣшеній волостныхъ судовъ въ случаяхъ, указанныхъ во временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ, и б, дѣла по жалобамъ и отзывамъ на рѣшенія земскихъ начальниковъ и городскихъ судей (ст. 89); независимо отъ этого, уѣздные съѣзды разсматриваютъ въ кассаціонномъ порядкѣ жалобы и протесты на окончательные приговоры земскаго начальника и городскаго судьи (прав. о зем. нач., ст. 240).

V. Губернское Присутствіе.

Губернское Присутствіе, учреждаемое въ каждой губерніи, состоитъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, прокурора находящагося въ губернскомъ городѣ окружнаго суда или его товарища (а въ губерніяхъ, гдѣ судебное преобразованіе не введено въ полномъ объемѣ,— губернскаго прокурора или его товарища) и двухъ непремѣнныхъ членовъ; кромѣ того, при разсмотрѣніи судебныхъ дѣлъ приглашается, на правахъ члена, предсѣдатель или членъ мѣстнаго окружнаго суда, и присутствуетъ лицо прокурорскаго надзора для предъявленія присутствію, въ подлежащихъ случаяхъ, заключеній (ст. 104—106).

Дѣятельность Губернскаго Присутствія имѣетъ болѣе административный характеръ, а собственно *по судебнымъ дѣламъ* компетенція его не велика, ограничивается разрѣшеніемъ въ кассаціонномъ порядкѣ просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ и рѣшеній уѣздныхъ съѣздовъ (ст. 123; прав. о зем. нач., ст. 240—

242). Компетенція эта возбуждаетъ весьма серьезныя сомнѣнія. Губернское Присутствіе есть чисто административное учрежденіе и въ составѣ своемъ имѣетъ только двухъ лицъ судебнаго вѣдомства, съ юридическимъ образованіемъ; при этихъ условіяхъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что губернскія присутствія предполагаются въ каждой губерніи, едва-ли можно ожидать, чтобы это учрежденіе могло выполнить съ успѣхомъ кассаціонныя функціи, которыя обыкновенно возлагаются на высшее судебное мѣсто въ государствѣ и у насъ въ Россіи осуществляются кассаціонными департаментами Сената, и есть основаніе думать, что въ различныхъ губерніяхъ различно будетъ примѣняться законъ. Очевидно, законодательство наше сознаетъ опасныя стороны созданнаго закономъ 12 Іюля 1889 г. порядка кассаціоннаго пересмотра дѣлъ, такъ какъ позднѣйшимъ закономъ, 29 Декабря того же года, Министру Юстиціи предоставляется, въ случаяхъ, когда онъ изъ дошедшихъ до него свѣдѣній усмотритъ, что Губернское Присутствіе, при разбирательствѣ или рѣшеніи судебнаго дѣла, допустило явное отступленіе отъ истиннаго смысла закона, предложить о семъ Сенату „для установленія правильнаго и единообразнаго примѣненія закона и возстановленія нарушеннаго порядка“.

Д. Тальбергъ.

Заразительна ли проказа.

(Отвѣтъ проф. Полотебнову).

Sequi il tuo corso, e lascia dir le genti!
(Dante, Purgatorio, V, 13).

Отвѣчать или нѣтъ на критику проф. Полотебнова?—Вотъ первый вопросъ, который я долженъ былъ задать самъ себѣ, прежде чѣмъ взяться за работу, на которую я менѣе всего расчитывалъ тратить дорогое время.

Глубоко убѣжденный въ достовѣрности фактовъ, служившихъ основаніемъ для моихъ выводовъ относительно этіологіи проказы; съ другой стороны—подъ впечатлѣніемъ тѣхъ свѣдѣній, что нѣкоторыя лица, очень мало интересующіяся вопросомъ о проказѣ, но имѣющія извѣстное положеніе и вліяніе, порицаютъ мою точку зрѣнія, высказывая, что „заразность проказы выдумана мною“, я, въ открытомъ письмѣ на имя почтеннаго редактора газеты „Врачъ“ [1]), между прочимъ высказалъ слѣдующее:

„Впрочемъ, въ мою задачу не входитъ защита мнѣнія, которое, замѣчу, все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ въ послѣднее время право гражданства въ наукѣ. Людямъ, ищущимъ истины, нужны только факты и убѣжденіе въ ихъ достовѣрности. Убѣждать же тѣхъ, кто умышленно ихъ игнорируетъ, я считаю менѣе всего полезнымъ. Эти послѣдніе научные дѣятели, иногда мало или совсѣмъ не интересующіеся вопросомъ, незнакомые съ его исторіею, ради желанія только поддержать свой авторитетъ, высказать и свое мнѣніе, становятся на

[1]) „Врачъ“. 1888, № 34.

очень удобную и выгодную въ нѣкоторыхъ случаяхъ почву отрицанія. Для такихъ дѣятелей у насъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: пусть они дадутъ намъ нѣчто болѣе положительное, пусть обоснованному указанію на заразность болѣзни они противупоставятъ свою точку зрѣнія на этіологію проказы, принимая при этомъ въ соображеніе несомнѣнно доказанные факты: развитіе болѣзни при самыхъ разнообразныхъ климатическихъ, почвенныхъ, діэтетическихъ условіяхъ, явную наклонность болѣзни держаться семьи, безъ разбора, однако, ея членовъ, связанныхъ или несвязанныхъ кровнымъ родствомъ, и, наконецъ, способность ея передаваться одинаково и отъ дѣтей родителямъ и отъ родителей дѣтямъ. Если имъ удастся дать объясненіе болѣе удовлетворительное, чѣмъ то, которое я признаю единственно возможнымъ, то я первый стану въ ряды ихъ энергическихъ сторонниковъ и признаю, что протестъ ихъ во имя человѣколюбія противъ дѣйствительно тяжелой мѣры отдѣленія прокаженныхъ не есть кощунство надъ дѣйствительнымъ человѣколюбіемъ,—дѣйствительно высокимъ чувствомъ, но только тогда, когда оно не примѣняется во вредъ массамъ, когда результатъ его не обнаруживается въ формѣ распространенія болѣзни, которую всѣ и всегда признавали самою тяжелою".

Высказывая приведенную мысль, мы, понятно, не имѣли или не могли имѣть въ виду автора критики, ученаго спеціалиста дерматолога, который если и не обнаруживалъ фактически до послѣдняго времени своего интереса къ вопросу о проказѣ, то, несомнѣнно, долженъ быть знакомъ съ ея исторіею, т. е. литературою, и притомъ не какъ диллетантъ, т. е. поверхностно, но какъ спеціалистъ дѣла—основательно. Въ виду сказаннаго, мы обнаружили бы актъ глубокаго неуваженія или большой недостатокъ вѣжливости къ ученому авторитету критика, если бы обошли его трудъ полнѣйшимъ молчаніемъ.

Другой мотивъ, который долженъ бы былъ побудить насъ отозваться на критику проф. Полотебнова, — тотъ, что критика эта направлена противъ самой существенной стороны вопроса, въ достовѣрности которой мы не сомнѣвались. Ученый критикъ, не давая намъ отвѣта на предлагаемый вопросъ, старается подорвать значеніе тѣхъ фактовъ, которые мы представили, а слѣдовательно—тѣхъ основаній, на которыхъ мы построили свои выводы. Мы де (т. е.—я и

дерптскіе ученые, изслѣдовавшіе проказу), въ противоположность авторамъ, защищающимъ наслѣдственность болѣзни и отрицающимъ ея заразительность, отнеслись къ вопросу легкомысленно, неумѣло, поспѣшно и, руководствуясь предвзятымъ мнѣніемъ, давали значеніе фактамъ, которые критикъ квалифицируетъ названіемъ „*анекдотовъ*".

Но высказанныя сейчасъ соображенія, касающіяся вопроса отвѣчать или нѣтъ на критику ученаго дерматолога, встрѣчаются съ однимъ существенно важнымъ возраженіемъ, основаннымъ на характерѣ самой критики, не располагающемъ, съ одной стороны, къ особенной вѣжливости къ ея автору, съ другой стороны—къ желанію поддерживать съ нимъ полемику. И дѣйствительно! Критику, гдѣ къ различнымъ мнѣніямъ прилагаются различныя мѣрки, никто не можетъ назвать безпристрастной. Точно также никто не сочтетъ объективной критику, въ которой авторъ, пользуясь произвольной подтасовкой фактовъ, позволяетъ себѣ, на основаніи такой подтасовки, совершенно произвольно толковать мысли автора. Наконецъ, въ виду указаннаго отношенія къ своей задачѣ, никто не признаетъ, что критикъ, прибѣгающій притомъ въ научномъ вопросѣ къ фельетоннымъ эффектамъ, явно стремящійся дискредитировать автора, представляя его труды въ каррикатурномъ видѣ (критикъ, замѣтимъ въ скобкахъ, много лѣтъ живущій въ мѣстѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ гнѣздами проказы, имѣвшій, слѣдовательно, полную возможность самъ оріентироваться въ вопросѣ и тѣмъ не менѣе не поинтересовавшійся имъ),— никто, говорю я, не признаетъ и не можетъ признать, что такой критикъ преслѣдуетъ строго научную цѣль—раскрыть или разъяснить истину, а каждый, понимающій дѣло, прочтетъ между строками такой критики какое то личное чувство, руководившее ея авторомъ, и легко можетъ задаться вопросомъ: ужъ не обидѣлъ ли кто изъ контагіонистовъ ученаго спеціалиста дерматолога?... Если мотивы критики, какъ мы имѣемъ извѣстныя основанія думать [1]), дѣйствительно таковы, то критикъ не достигъ своей цѣли, а именно — возмездія за обиду: его критическіе пріемы и выходки насъ нисколько не оскорбили. Я говорю—лично, но не принципіально. Въ этомъ послѣднемъ

[1]) Если сочтемъ нужнымъ, мы раскроемъ эти основанія, также какъ и тѣ, которыя заставили насъ уклониться отъ всякаго участія въ преніяхъ по вопросу о проказѣ въ Россіи на Петербургскомъ съѣздѣ Врачей 1889 г.

отношеніи критика ученаго спеціалиста настолько же оскорбительна для насъ, сколько должна быть таковою для всякаго интересующагося русскою наукою, ибо не путемъ такой критики мы въ состояніи поднять нашу научную и литературную дѣятельность, а напротивъ, въ состояніи только тормозить ее, вполнѣ оправдывая тѣхъ нашихъ ученыхъ, а таковыхъ не мало, которые предпочитаютъ печатать свои труды въ иностранныхъ изданіяхъ.

Итакъ, характеръ критики проф. Полотебнова не особенно или даже совсѣмъ не располагаетъ къ бесѣдѣ съ нимъ, а потому я очень охотно оставилъ бы безъ отвѣта критику ученаго дерматолога, еслибы дѣло касалось какого либо теоретическаго, отвлеченнаго вопроса. Руководствуясь поговоркою — „не мы первые, не мы и послѣдніе“, — я предоставилъ бы рѣшеніе вопроса времени, т. е. другимъ ученымъ, которые взялись бы за его разработку. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вопросомъ, существенно важнымъ въ практическомъ отношеніи: мы пришли къ убѣжденію, что проказа заразительна, и указываемъ на необходимость соотвѣтствующихъ мѣръ. Если бы — какова бы ни была по своему характеру критика проф. Полотебнова — онъ доказалъ, что я не правъ, т. е., что представленные мною факты не давали мнѣ положительнаго права признавать проказу болѣзнью заразительной, то, не подлежитъ сомнѣнію, я счелъ бы своимъ долгомъ отказаться отъ высказаннаго мнѣнія.

Такимъ образомъ, на основаніи послѣдняго изъ приведенныхъ мною мотивовъ, я, къ глубокому своему сожалѣнію, не могу не отвѣчать проф. Полотебнову. Но, на основаніи того же мотива, разберу критику въ тѣхъ только предѣлахъ, которые касаются этіологіи болѣзни.

Приступая къ дѣлу, я понятно не послѣдую по стопамъ критика, а отнесусь къ автору „sine ira et studio“, а къ самой критикѣ строго научно и объективно [1]).

---

[1]) Мой отвѣтъ проф. Полотебнову нѣсколько запоздалъ. Причины этого находились не въ моей власти. Вернувшись изъ командировки въ Кіевъ, я только въ сентябрѣ (прошлаго 1890 года) могъ познакомиться съ статьею проф. Полотебнова, послѣдній номеръ которой (В. М. Журн., январь, 1890 г.) вышелъ только въ апрѣлѣ. Обязательныя занятія по каѳедрѣ не дали мнѣ возможности обстоятельно заняться критикою ученаго спеціалиста; въ декабрѣ же этому помѣшала болѣзнь, удерживавшая меня до начала января въ постели.

I.

Приступая къ критикѣ, спеціально касающейся моихъ трудовъ, проф. Полотебновъ прежде всего, какъ я уже указалъ, старается дискредитировать представленные мною факты.

Съ критической стороны такой пріемъ совершенно правиленъ, такъ какъ главнымъ основаніемъ, на которомъ должно быть построено извѣстное мнѣніе, несомнѣнно, должны быть факты, и критика обязана относиться къ нимъ съ самымъ строгимъ вниманіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ—само собою разумѣется—вполнѣ объективно и безпристрастно.

Казалось бы, что критикъ такъ и понялъ свою задачу, ибо предпослалъ критической оцѣнкѣ русскихъ авторовъ, защитниковъ—также какъ и я—заразительности проказы, съ одной стороны—переводъ докладовъ и преній, происходившихъ въ Парижской медицинской Академіи, которые, по мнѣнію критика, исчерпываютъ вопросъ объ этіологіи проказы и знакомятъ читателя *„со всею обширною старою и новою“* (иностранною) *„литературою вопроса“*; съ другой стороны—критику трудовъ и тѣхъ русскихъ ученыхъ, которые держались противуположнаго мнѣнія, т. е. отрицали заразительность проказы.

Не останавливаясь здѣсь на докладахъ и преніяхъ Парижской Академіи, достоинство которыхъ, въ смыслѣ полноты, а тѣмъ болѣе оцѣнки историческаго матеріала, въ значительной степени преувеличено критикомъ, мы остановимся на томъ общемъ впечатлѣніи, которое должна производить критика, спеціально относящаяся къ русскимъ трудамъ по проказѣ.

Читая эту критику, намъ уже съ самаго начала бросается въ глаза одна рѣзкая и довольно странная разница въ отношеніи критика къ авторамъ, признающимъ заразительность, и авторамъ, отри-

цающимъ ее и, наоборотъ, признающимъ наслѣдственность болѣзни. А именно: между тѣмъ, какъ труды послѣднихъ авторовъ критикъ только реферируетъ, пересыпая свой рефератъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ похвальными отзывами авторамъ, труды контагіонистовъ онъ разбираетъ критически, и, стараясь тѣмъ или другимъ путемъ опровергнуть ихъ мнѣнія, прибѣгаетъ, съ цѣлью дискредитировать ихъ изслѣдованія и выводы, къ пріемамъ, которые мы никакъ не можемъ назвать научными. Такъ, оставляя въ сторонѣ разборъ нашего труда, съ которымъ мы скоро познакомимся спеціально, мы видимъ явную попытку критика представить въ смѣшномъ видѣ извѣстное уже давно и совершенно вѣрное указаніе д-ра Паульсона на специфическій запахъ прокаженныхъ, которому критикъ самопроизвольно даетъ значеніе діагностическаго пріема, руководившаго, будто-бы, д-ромъ Паульсономъ при опредѣленіи проказы, сомнѣваясь при этомъ въ правильности такихъ опредѣленій (шутка во всякомъ случаѣ неприличная и несовмѣстимая съ понятіемъ о научной критикѣ). Разбирая, далѣе, мнѣніе и указанія д-ра Hellat'a, критикъ, по поводу статистическихъ указаній автора, дѣлаетъ оговорку, что цифры его могутъ имѣть значеніе, *„если онѣ собраны вполнѣ объективно и умѣло, т. е. съ полнымъ знаніемъ дѣла“*, и, затѣмъ, съ цѣлью внушить читателю, мало знакомому съ проказою, извѣстную степень недовѣрія къ автору, онъ сообщаетъ, что „только врачи, знакомые съ патологіею кожи по картинкамъ, могутъ думать, что распознованіе проказы *во всѣхъ случаяхъ* не представляетъ особенныхъ затрудненій“. Истина, можетъ быть, новая для критика, видѣвшаго мало лепрозныхъ, но не для человѣка, который видѣлъ, понятно не на картинкахъ, сотни больныхъ проказою.

Такимъ образомъ, уже изъ сдѣланныхъ нами сейчасъ указаній, мы можемъ ясно видѣть, что критикъ не стоитъ на почвѣ безпристрастнаго судьи двухъ противуположныхъ мнѣній, а является сторонникомъ одного изъ нихъ,—сторонникомъ *притомъ*, пользующимся всѣми возможными легальными и нелегальными пріемами, чтобы защитить одно изъ мнѣній и уронить другое.

Еще рѣзче, чѣмъ по отношенію къ другимъ авторамъ контагіонистамъ, указанное стремленіе критика обнаруживается по отношенію къ намъ.

И дѣйствительно, на моемъ трудѣ и сообщеніяхъ о проказѣ критикъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ и прежде всего старается вызвать сомнѣніе въ достоинствѣ добытыхъ мною фактовъ указаніемъ на тѣ условія, при которыхъ я производилъ свои изслѣдованія.

Съ сказанной цѣлью критикъ беретъ на себя трудъ и терпѣливо выписываетъ всѣ почти указанія, сдѣланныя мною по поводу неблагопріятныхъ условій, подчеркивая эти указанія и обильно снабжая ихъ вопросительными и восклицательными знаками, т. е. знаками неодобренія, избавляющими критика отъ труда мотивировать это неодобрѣніе, но долженствующими, все таки, произвести эффектъ на читателя. Въ концѣ концовъ онъ приходитъ къ заключенію, которое формулируетъ въ видѣ отвѣта на вопросъ: „Мыслимо ли при такихъ условіяхъ „(изслѣдованія)“ рѣшать вопросъ о заразительности или незаразительности проказы и ея теченія?—Я съ своей стороны даю категорическій отвѣтъ: совершенно не мыслимо“!

И такъ, остановимся прежде всего на тѣхъ условіяхъ, которыя, по мнѣнію ученаго критика, могли лишить насъ права прійти къ извѣстному убѣжденію относительно этіологіи проказы, т. е. къ убѣжденію въ ея заразительности. Но прежде нежели мы разберемъ этотъ вопросъ, мы должны остановиться на другомъ, а именно: какіе факты считали мы необходимымъ собрать по отношенію къ каждому отдѣльному случаю заболѣванія?—Факты или свѣдѣнія эти заключаются въ анамнестическихъ данныхъ и исчерпываются рядомъ слѣдующихъ вопросовъ: помимо общихъ указаній (имя, полъ, возрастъ и т. д.) я старался разрѣшить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ о томъ, мѣстный ли житель больной или пришелецъ? Не были ли пришельцами—и откуда—его родители и дѣды? Кто изъ родныхъ или родственниковъ болѣлъ или болѣнъ проказою, и если умеръ, то когда? Не имѣлъ ли больной, если семья его здорова, или если онъ пришелецъ, какихъ либо сношеній съ лицами, больными проказою?

Какія же условія, спросимъ мы теперь, лишали насъ права касаться этіологіи проказы, или, что одно и тоже,—искать отвѣта на представленный нами сейчасъ рядъ вопросовъ?—Согласно указаніямъ проф. Полотебнова, условія эти были: 1) что изслѣдованіе производилось при неблагопріятной (не клинической), какъ я самъ указалъ, обстановкѣ; 2) что я изслѣдовалъ поспѣшно,—„съ телѣжки“, какъ

выражается авторъ критики, и наконецъ, 3) что источники, которыми я пользовался, не внушаютъ критику никакого довѣрія, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія, добытыя мною, не подвергались съ моей стороны повѣркѣ, и что я не прибѣгалъ къ поголовному осмотру членовъ семьи.

Сознаюсь, я не понимаю значенія первыхъ двухъ указаній, и еще тѣмъ болѣе, что еслибы я не говорилъ объ обстановкѣ изслѣдованія или не отмѣчалъ бы времени осмотра больныхъ, т. е. не давалъ бы самаго точнаго отчета въ своей дѣятельности, проф. Полотебновъ былъ бы лишенъ возможности говорить объ этихъ условіяхъ, ставить мнѣ ихъ въ упрекъ и иронизировать, какъ по поводу обстановки, такъ и потраченнаго мною времени (во всякомъ случаѣ не маленькаго, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я тратилъ на изслѣдованіе свободное отъ занятій время).

Да и какое отношеніе можетъ имѣть обстановка изслѣдованія къ вопросу объ этіологіи проказы, гдѣ требуется не подробный осмотръ больнаго, а только констатированіе факта существованія болѣзни у даннаго лица. Что касается времени изслѣдованія, то я не знаю, какой критерій существуетъ у проф. Полотебнова для оцѣнки, съ одной стороны—времени, необходимаго для изслѣдованія вообще, съ другой—времени, потраченнаго на изслѣдованіе въ частности. По отношенію въ времени, необходимому на изслѣдованіе вообще, критикъ ставитъ требованіе, чтобы изслѣдующій прожилъ на мѣстѣ, т. е. въ районѣ эпидеміи, отъ 2-хъ до 5 лѣтъ. Мы съ своей стороны скажемъ, что этого времени слишкомъ мало для рѣшенія того огромнаго количества вопросовъ, которые возникаютъ по поводу инфекціонныхъ заболѣваній вообще и проказы въ частности, что на рѣшеніе этихъ вопросовъ мало можетъ быть и цѣлой жизни, посвященной изслѣдованію; но времени этого можетъ быть и много, если вопросъ вращается въ опредѣленныхъ рамкахъ,—въ предѣлахъ, гдѣ рѣшеніе его можетъ зависѣть отъ счастливой случайности или случайностей. Съ другой стороны, опредѣляя срокъ въ 2—5 лѣтъ пребыванія въ районѣ эпидеміи, ученый критикъ не принимаетъ въ разсчетъ времени, потраченнаго на изслѣдованіе. Вѣдь можно жить 25 и болѣе лѣтъ въ центрѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ гнѣздами проказы, и не поинтересоваться ея изслѣдованіемъ, или удѣлять этому изслѣдованію въ теченіе тѣхъ же лѣтъ, время отъ времени, по нѣсколько свободныхъ часовъ; съ другой стороны, можно изслѣдовать нѣсколько мѣсяцевъ, употреб-

ляя на изслѣдованіе по 10, 12 часовъ въ день. Въ результатѣ можетъ оказаться, что сумма рабочихъ часовъ въ послѣднемъ случаѣ будетъ въ значительной мѣрѣ превышать таковую же сумму въ первомъ.

Не понимая значенія приведенныхъ критикомъ указаній, я не понимаю и не могу понять ихъ цѣли. Имѣлъ ли критикъ въ виду воспользоваться этими указаніями для той ироніи, путемъ которой онъ старается дискредитировать мой трудъ? Но тогда я не могу себѣ уяснить, какимъ образомъ лицу, не изслѣдовавшему вопроса, слѣдовательно, не потратившему на него и малаго времени, можетъ придти въ голову мысль иронизировать по поводу времени потраченнаго другимъ. Или, можетъ быть, критикъ желалъ этими указаніями оправдать то, что онъ самъ, располагая такимъ же количествомъ свободнаго времени, какимъ располагаю и я, не изслѣдовалъ хотя бы сосѣднихъ съ нимъ гнѣздъ прокази, считая имѣющееся у него въ распоряженіи свободное время слишкомъ недостаточнымъ для такой задачи, а потому самое изслѣдованіе не цѣлесообразнымъ?

Болѣе значенія имѣетъ несомнѣнно третье указаніе, которое касается — говоря короткими словами — пріемовъ или метода изслѣдованія.

Отзываясь съ большою хвалою о трудахъ Плахова и Козловскаго, опираясь на авторитетъ Danielssen'a и Zambaco, проф. Полотебновъ, казалось, долженъ бы былъ указать на разницу въ методахъ и условіяхъ изслѣдованія этихъ отрицающихъ заразительность прокази ученыхъ и тѣми пріемами и условіями, которыми пользовались мы; критикъ долженъ бы былъ мотивировать: почему онъ считаетъ факты, представленные антиконтагіонистами, вполнѣ безукоризненными, дающими авторамъ право признавать прокази болѣзнью наслѣдственной, а факты, представленные нами, не заслуживающими довѣрія; наконецъ, онъ долженъ бы былъ объяснить, почему онъ думаетъ, что авторы, защищающіе наслѣдственность болѣзни, не поступали въ данномъ случаѣ также, какъ, по мнѣнію критика, поступили мы, т. е. „увѣрили себя“ въ наслѣдственности и искусственно подтасовывали соотвѣтственно этому факты. Въ исчерпывающихъ, какъ говоритъ критикъ, вопросъ объ этіологіи прокази докладахъ и преніяхъ Парижской Академіи ничего не говорится о методахъ изслѣдованія, которыми пользовались тѣ или другіе авторы. Считали ли стороны вопросъ этотъ не существеннымъ, или не могли его касаться

(такъ какъ, кромѣ Leloir'a, никто изъ участвовавшихъ въ преніяхъ не предпринималъ, насколько мнѣ извѣстно, сколько нибудь обширныхъ изслѣдованій проказы вообще и этіологіи ея въ частности), —намъ все равно; но проф. Полотебновъ, выражая недовѣріе къ фактамъ, представленнымъ одною группою ученыхъ, и полное довѣріе къ фактамъ другихъ, долженъ бы былъ пополнить указанный нами пробѣлъ и въ интересахъ истины, и въ интересахъ читателя. Требованія безпристрастной, объективной критики накладываютъ на критика извѣстную обязанность: примѣнять одинаковую мѣрку къ трудамъ авторовъ, все равно—согласны ли высказанныя этими послѣдними мнѣнія съ мнѣніемъ критика, или нѣтъ. И это понятно. Если, скажемъ для примѣра, два или нѣсколько изслѣдователей, работая надъ однимъ и тѣмъ же вопросомъ, пользуются совершенно одинаковыми пріемами изслѣдованія, но приходятъ къ различнымъ выводамъ, то какъ назвать критику, которая, опровергая положенія одного изъ авторовъ положеніями другаго, основываетъ свое мнѣніе на томъ, что пріемы изслѣдованія, которыми пользовался первый авторъ, неудовлетворительны.

Въ виду всего сказаннаго, я долженъ буду взять на себя трудъ нѣсколько дополнить критику или скорѣе рефератъ проф. Полотебнова, а именно—указаніемъ на тѣ условія и пріемы изслѣдованія, которыми пользовались противники заразительности проказы въ Россіи, а также и тѣ иностранные ученые, на авторитетное мнѣніе которыхъ полагается критикъ.

Начнемъ съ послѣднихъ и именно съ Zambaco, трудъ котораго, касающійся проказы въ Константинополѣ, служилъ исходною точкою докладовъ и преній въ Парижской Академіи и удостоился ея похвальнаго отзыва, долженствующаго (?) внушить нашему русскому читателю и внушившій, надо думать, ученому критику вѣру въ глубокій авторитетъ автора. Проф. Полотебновъ долженъ бы былъ, по нашему мнѣнію, тѣмъ болѣе познакомить подробнѣй читателя съ трудомъ Zambaco, что этотъ послѣдній положительно утверждаетъ то, о чемъ проф. Полотебнову, какъ онъ самъ увѣряетъ, еще только „думается", а именно—свести причину проказы, также—надо полагать—какъ и psoriasis, на первичное нервное страданіе.

Съ трудомъ Zambaco я познакомился вскорѣ послѣ того, какъ онъ вышелъ въ свѣтъ и, прочитавъ его, помимо шести обстоятель-

но, правда, описанныхъ имъ съ клинической стороны случаевъ, не нашелъ ничего, кромѣ голословныхъ указаній, на которыхъ авторъ основываетъ свои выводы, обнаруживая притомъ довольно поверхностное знакомство съ вопросомъ, избраннымъ имъ предметомъ изслѣдованія.

И въ самомъ дѣлѣ. Если изслѣдователь, видѣвшій—какъ онъ говоритъ—очень много прокаженныхъ, не наблюдалъ ни одного случая анестетической проказы [1]) (и это на востокѣ, гдѣ нервныя и притомъ первичныя формы, какъ мнѣ фактически извѣстно, встрѣчаются относительно часто) [2]), то мы имѣемъ полное право сказать, что онъ очень поверхностно изслѣдовалъ проказу [3]). Если тотъ же изслѣдователь утверждаетъ, что анестетическая проказа не существуетъ совсѣмъ на востокѣ и что эта форма впервые описана Danielssen'омъ, почему даже и предлагаетъ назвать болѣзнь именемъ извѣстнаго Норвежскаго ученаго, то онъ прямо указываетъ, что онъ не только не знакомъ съ исторіею проказы вообще, но и съ литературою, касающеюся этой болѣзни въ той мѣстности, въ которой онъ ее изслѣдовалъ [4]). Если, наконецъ, изслѣдователь полагаетъ, что, уничтожая лепрозные узлы гальвано-каустическимъ путемъ, онъ въ состояніи излечить проказу, то, по моему крайнему разумѣнію, обнаруживаетъ полное незнакомство съ сущностью болѣзни—ея патологической анатоміею.

---

[1]) Въ смыслѣ Danielssen'a, который не различалъ первичныхъ и послѣдовательныхъ нервныхъ формъ, что должно въ нѣкоторой степени увеличить количество больныхъ анестетической проказою.

[2]) Такъ, по поводу Іерусалима, мы можемъ сказать, что около половины больныхъ, помѣщающихся въ нѣмецкомъ и мѣстномъ арабскомъ пріютахъ, страдаютъ первичною нервною формою проказы.

[3]) Намекъ на то, что Z. видѣлъ анестетиковъ, но не узналъ въ нихъ прокаженныхъ, мы видимъ на табл. VI, гдѣ представлена мутилированная рука, а въ объясненіи таблицы сказано: „Sclero-dactylie, qui a précédé de 12 ans le développement de la lèpre tuberculeuse". (Мы не знаемъ, почему же склеродактилія, а не проказа и именно—одинъ изъ относительно рѣдкихъ, но все таки наблюдавшихся случаевъ развитія кожной проказы, у страдающаго первичною нервною формою). Къ анестетикамъ принадлежитъ и тотъ „слѣпой, кахектическій, мутилированный больной" (?!) въ Скутари, который былъ женатъ три раза и имѣлъ отъ одной жены ребенка. (У страдающихъ кожною формою, утверждаемъ мы, не можетъ быть дѣтей, у страдающихъ первичною нервною формою они бываютъ,—пріюты въ Туркестанѣ и Іерусалимѣ).

[4]) Не говоря о востокѣ, гдѣ на существованіе анестетиковъ (lepra articulorum) указываетъ и *Pruner*, *Rigler*, еще въ 1845 году, описываетъ въ самомъ Константинополѣ elephantiasis tuberculosa et anaesthetica и смѣшанныя формы.

Но, оставляя въ сторонѣ эти указанія, обратимся къ существенно интересующему насъ вопросу: къ воззрѣніямъ автора на этіологію проказы и къ условіямъ и пріемамъ его изслѣдованія.

На основаніи своихъ наблюденій, изъ которыхъ мы можемъ воспользоваться только шестью, Zambaco отрицаетъ заразительность болѣзни, но смотритъ также и на ея наслѣдственность, какъ на относительно рѣдкую случайность, а именно—въ 1 случаѣ на 14 [1]). Главною причиною болѣзни Z. считаетъ дурныя гигіеническія условія, между которыми пища, по его мнѣнію, играетъ не маловажную роль; въ нѣкоторыхъ случаяхъ поводомъ къ развитію болѣзни слѣдуетъ считать, по Z., нравственныя потрясенія: „Les émotions morales violentes subites, ou prolongées", говоритъ авторъ, „ont paru chez plusieurs de mes malades être tout au moins une cause occasionelle, qui a hâté l'eclosion de la diathèse ou d'une prédisposition". (Указаніе на испугъ и т. д. какъ на причину различныхъ болѣзней, замѣтимъ мы, встрѣчается на востокѣ на столько же часто, какъ у насъ указаніе на простуду). На основаніи всего сказаннаго, Z. смотритъ на проказу, какъ на результатъ пораженія центральной нервной системы (трофическихъ центровъ), вызваннаго или діатезомъ, т. е. измѣненіемъ крови, вслѣдствіе дурнаго питанія при плохой гигіенической и діэтети-

[1]) Можно было бы думать, что проказа на востокѣ дѣйствительно обнаруживается рѣдко въ формѣ семейныхъ заболѣваній, но, хотя я предпринималъ поѣздку въ Египетъ и Палестину не съ цѣлью этіологическаго изслѣдованія проказы, тѣмъ не менѣе могу привести данныя, вполнѣ опровергающія такое предположеніе. На основаніи свѣдѣній, собранныхъ мною, при любезномъ содѣйствіи г-на Мюллера, въ находящемся подъ его надзоромъ нѣмецкомъ пріютѣ для прокаженныхъ въ Іерусалимѣ, мы видимъ слѣдующее: изъ 18 больныхъ (11 мужч. и 7 женщ.), только 6 отрицали предшествовавшія заболѣванія въ семьяхъ (одинъ больной арабъ сильно разсердился и очень бранилъ арабку, которая выдала, что у него болѣла тетка), всѣ они указывали, какъ на причину болѣзни, на испугъ, нравственныя потрясенія и т. д.; 12 остальныхъ больныхъ указали: 1—на болѣзнь брата бабки, 1—бабки по матери и двухъ братьевъ, 1—матери, 4—дядей и тетокъ (въ 1 сл. жены дяди), 3—братьевъ и сестеръ, 1—двоюродн. брата и 1—жены (заболѣлъ послѣ ея смерти). Впрочемъ Z., какъ видно изъ его письма къ Л. де-Меркуру, уже измѣнилъ свое мнѣніе и считаетъ проказу болѣзнью несомнѣнно наслѣдственной. Такая перемѣна мнѣнія (какое же значеніе имѣли прежнія его наблюденія?) произошла послѣ путешествія на востокъ, гдѣ Z. считаетъ больныхъ, осмотрѣнныхъ имъ, цѣлыми сотнями: онъ видѣлъ цѣлыя сотни прокаженныхъ и многія сотни семействъ, въ которыхъ только одинъ изъ супруговъ страдалъ проказою... И все это, укажемъ мы нашему критику, Z. успѣлъ сдѣлать въ теченіе времени около 1 года! И нашъ критикъ не упрекаетъ Z. въ томъ, что онъ изслѣдовалъ проказу съ „телѣжки".

ческой обстановкѣ, или—непосредственно, подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго потрясенія.

Какими же условіями и источниками пользовался Z. для того, чтобы придти къ указанному заключенію?

Насколько можно судить изъ описаній, относящихся къ 6 случаямъ, Z. изслѣдовалъ больныхъ у себя дома, въ Константинополѣ. Анамнестическія указанія онъ получалъ отъ самихъ больныхъ, кромѣ одного случая (Obs. III), въ которомъ эти указанія были ему сообщены „интеллигентнымъ“ или любознательнымъ мужемъ тетки больнаго. Повѣрялъ ли онъ эти указанія?—Лично не повѣрялъ и не могъ повѣрить, потому что большинство больныхъ были лица, прибывшія изъ Архипелага и Іерусалима; но въ одномъ случаѣ (Obs. V) онъ повѣрялъ указаніе больной, при помощи врача, живущаго въ Родосто, который наводилъ справки у лицъ, знакомыхъ съ семьею больной. Интересны результаты этихъ справокъ, при сравненіи ихъ съ указаніями, данными самою больною. Th.,—22 лѣтъ, уроженка Родосто, откуда она прибыла въ Константинополь 10 лѣтъ,—отрицаетъ заболѣванія кого либо изъ членовъ своей семьи проказою. Врачъ, наводившій справки, сообщаетъ Z., что мать больной имѣла отъ перваго мужа (не болѣвшаго проказою) сына, который болѣлъ проказою и умеръ; вышедши за другаго мужа, она имѣла отъ него 4-хъ дѣтей, въ числѣ которыхъ и Th., и сама умерла 50-ти лѣтъ отъ проказы. Къ сожалѣнію, должны мы замѣтить, сообщеніе это умалчиваетъ о томъ, когда умеръ сводный братъ Th., когда заболѣла мать, и дѣйствительно ли Th. оставила Родосто 10-ти лѣтъ. Наконецъ, что касается осмотра членовъ семейства больныхъ, то о таковомъ осмотрѣ у Z. не можетъ быть и рѣчи.

Обращаемся къ другому авторитету нашего критика, къ Danielssen'у, на котораго проф. Полотебновъ часто ссылается, приводя его указанія и таблицы. Не подлежитъ сомнѣнію, что трудъ Danielssen'a и Boeck'a представляетъ первое обстоятельное изслѣдованіе проказы, а потому неудивительно, что этотъ трудъ имѣлъ большое значеніе; этимъ и объясняется тотъ кредитъ, который пріобрѣло мнѣніе почтенныхъ авторовъ, что проказа наслѣдственна, но не заразительна. Не касаясь несомнѣнныхъ достоинствъ этого труда, я остановлюсь теперь только на спеціально интересующемъ насъ вопросѣ, а именно: условіяхъ и методѣ ихъ изслѣдованія.

D. и B. изслѣдовали больныхъ въ Бергенѣ, въ пріютѣ св. Георгія, позднѣе — въ больницахъ нѣкоторыхъ городовъ Европы. Источникомъ, изъ которыхъ они черпали свои анамнестическія свѣдѣнія, служили, насколько можно судить по даннымъ, имѣющимся въ 68-ми представленныхъ ими наблюденіяхъ, сами больные; можетъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ,—ихъ родственники. Изслѣдованія *на мѣстѣ*, т. е. въ самыхъ гнѣздахъ проказы (какъ это сдѣлалъ позднѣе Arm. Hansen, выступившій противникомъ мнѣнія D. и B.), авторы не производили, а потому если и могли повѣрять указанія больныхъ, то развѣ только въ отдѣльныхъ случаяхъ по скорбнымъ листамъ, если таковые хранились въ пріютѣ. Поголовный осмотръ членовъ семействъ они, въ виду сказаннаго сейчасъ, могли производить развѣ только въ семействахъ больныхъ въ Бергенѣ, но производили ли они его—мы не знаемъ, такъ какъ не имѣемъ по этому поводу никакихъ указаній.

Переходимъ теперь къ русскимъ ученымъ, труды которыхъ реферируетъ критикъ, относясь къ мнѣніямъ и фактамъ, приводимымъ ими, съ полнымъ довѣріемъ.

„Взглядъ на наслѣдственность, какъ причину развитія проказы", начинаетъ свой рефератъ книги Плахова проф. Полотебнова, „находитъ себѣ *впервые въ европейской литературѣ* солидное *фактическое, подтвержденіе* въ прекрасномъ изслѣдованіи русскаго врача, д-ра Плахова". И затѣмъ. „На основаніи какъ больничнаго матерьяла, такъ и другихъ свѣдѣній, *собранныхъ на мѣстѣ*", подчеркиваетъ проф. Полотебновъ, „д-ръ Плаховъ о причинахъ развитія и о заразительности проказы высказываетъ слѣдующее мнѣніе:" (слѣдуютъ выписки изъ книги Плахова).

Изъ указаній, которыя мы находимъ въ книгѣ Плахова, мы видимъ, что матерьяломъ для его изслѣдованія проказы З. В. Донскаго дѣйствительно служили больные, помѣщавшіеся въ Васильевской лечебницѣ; видимъ далѣе, что, изъ числа 27, 7 подробно описанныхъ имъ больныхъ осмотрѣны имъ въ іюлѣ 1839 года (трое 17 іюля, одинъ 26-го, одинъ 27-го, двое же въ іюлѣ безъ обозначенія числа); но, затѣмъ, изслѣдовалъ ли больныхъ и собиралъ ли Плаховъ какія либо свѣдѣнія *на мѣстѣ*, какъ это утверждаетъ проф. Полотебновъ, какими источниками онъ пользовался при своихъ изслѣдованіяхъ, повѣрялъ ли указанія больныхъ, осматривалъ ли ихъ семьи,—обо всемъ этомъ Плаховъ совершенно умалчиваетъ.

Такимъ образомъ, не считая себя вправѣ, подобно критику, приписывать тому или другому автору то, чего онъ на самомъ дѣлѣ не дѣлалъ и даже не думалъ дѣлать, мы никакъ не могли бы отвѣтить на интересующіе насъ вопросы, еслибы на помощь къ намъ не пришли свѣдѣнія, которыя мы нашли, относительно изслѣдованій Плахова, въ книгѣ д-ра Зевеке („Объ отношеніи проказы къ сифилису". Диссертація. Москва. 1867). Этими свѣдѣніями мы считаемъ необходимымъ и полезнымъ пополнить рефератъ сочиненія Плахова, составленный проф. Полотебновымъ.

Почтенный д-ръ Зевеке, также какъ и нѣкоторые иностранные и наши русскіе ученые (Шперкъ), защитникъ близкаго родства проказы и сифилиса, представилъ въ своей диссертаціи довольно обстоятельный очеркъ исторіи проказы вообще и, между прочимъ и въ Россіи, для каковой цѣли положилъ не мало труда, такъ какъ, помимо другихъ источниковъ, изслѣдовалъ по исторіи проказы въ Россіи Архивъ Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Вотъ что сообщаетъ Зевеке (стр. 134) по поводу изслѣдованій проказы въ З. В. Донскаго д-ромъ Плаховымъ.

„Поводомъ къ составленію монографіи „(Плахова)" послужило слѣдующее обстоятельство: на основаніи § 139, IX-го приложенія къ наказу Гражданскаго Управленія В. Донскаго, слѣдовало устроить на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ (въ Пятигорскѣ) особое отдѣленіе и особыя ванны для пользованія донскихъ козаковъ, изувѣченныхъ въ войнѣ и страдающихъ застарѣлыми болѣзнями, въ томъ числѣ и проказою. Такъ какъ инженеръ Чайковскій нашелъ неудобнымъ выполненіе этого проэкта, опасаясь заразительности проказы, и самъ наказной Атаманъ получилъ отъ областнаго начальства свѣдѣнія, подтверждавшія заразительность этой болѣзни, то дѣло было передано въ Мед. Деп. М. В. Д. (Дѣло 1839—42 г. № архива 3685) для разслѣдованія этого вопроса. Медицинскій Департаментъ потребовалъ отъ врачебной Управы З. В. Донскаго точнаго описанія крымской проказы, съ поясненіемъ ея сущности, степени заразительности и пользы употребленія отъ нея кавказскихъ минеральныхъ водъ. Врачебная Управа дала (*надо думать въ 1839-мъ же году*) порученіе изслѣдовать этотъ предметъ оператору Вр. Управы З. В. Донскаго, д-ру Плахову, который *25 сентября 1839 года и представилъ диссертацію „о крымской болѣзни"*,

а въ 1841 году напечаталъ свою монографію *„въ составъ которой вошли всѣ наблюденія, изложенныя имъ въ первой диссертаціи, съ нѣкоторыми дополненіями“*. „Сочиненіе Плахова не вызвало критики въ нашей ученой литературѣ; но въ мнѣніяхъ, выраженныхъ членами врачебной Управы З. В. Д., въ томъ же самомъ дѣлѣ, къ которому приложена первая (оставшаяся въ рукописи) диссертація Плахова, есть кое какіе намеки на небезукоризненность его наблюденій. Штабъ-лекарь Расчинковъ весьма основательно замѣчаетъ, что хотя Плаховъ и считаетъ крымскую болѣзнь совершенно незаразительной, *основываясь на показаніяхъ больныхъ*, поступавшихъ въ Васильевскую больницу, и на томъ, что въ этой больницѣ не было ни одного случая зараженія ухаживавшихъ за прокаженными фельдшеровъ и служителей, но вопросъ въ томъ: не заразительна ли эта болѣзнь въ свободной домашней жизни, гдѣ больные могутъ безпрепятственно имѣть всякого рода сношенія съ близкими къ нимъ людьми, какъ то: носить одну одежду, употреблять пищу и пить изъ одной посуды, спать на одной постели и т. д.? Съ другой стороны, *никакъ нельзя поручиться за достовѣрность собранныхъ отъ самихъ больныхъ свѣдѣній о причинахъ начальныхъ припадковъ болѣзни, ибо больные не всегда говорятъ правду и нерѣдко искажаютъ самые простые факты*. Акушеръ Врач. Управы, медико-хирургъ Савченко и медикъ Божковскій“ (который также какъ и Плаховъ посѣщалъ Васильевскую больницу и у котораго Плаховъ пользовался нѣкоторыми указаніями, касающимися теченія болѣзни—см. Плаховъ стр. 79) „говорятъ, что *большая часть представленныхъ Плаховымъ доводовъ о незаразительности крымской проказы невѣрны*, потому что *основаны на справкахъ у станичныхъ начальниковъ*, легко утверждающихъ своимъ подписомъ всякую ложь, или *взяты со словъ больныхъ*, которые, желая освободиться изъ больницы и жить въ семействѣ, умѣютъ ловко разсказывать разныя вымышленныя обстоятельства, показывающія ихъ безвредное нахожденіе среди семействъ, а потому разсказы ихъ не должны быть принимаемы за факты. Такъ, напримѣръ, принятый въ больницу казакъ N.“ (не Червяковъ ли? См. Плахова стр. 65, № 24) „объявилъ въ присутствіи войсковой Управы, что болѣнъ крымкою около 4-хъ лѣтъ и, заболѣвши, не имѣлъ никакихъ супружескихъ сношеній съ женою. Послѣ помѣщенія его въ больницу онъ подалъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что, страдая 10 лѣтъ

этимъ недугомъ, онъ жилъ въ семействѣ съ женою, безъ вреда для всѣхъ окружающихъ его. Въ удостовѣреніе всего этого имъ даже представлено было свидѣтельство за подписью нѣкоторыхъ лицъ; но при аккуратнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что все это ложь, ибо 3 года тому назадъ онъ былъ свидѣтельствованъ въ окружномъ дежурствѣ тремя медиками, въ присутствіи окружного генерала, и найденъ совершенно здоровымъ и годнымъ къ службѣ".

Выводъ, который можетъ быть сдѣланъ изъ приведенныхъ указаній, дающихъ труду Плахова характеръ канцелярской отписки, во первыхъ тотъ, что все изслѣдованіе произведено Плаховымъ въ іюлѣ 1839 года (позднѣйшихъ дополненій мы не принимаемъ въ расчетъ, такъ какъ выводы Плахова были сдѣланы на основаніи перваго изслѣдованія), далѣе, что *изслѣдованіе не было никоимъ образомъ произведено на мѣстѣ*, какъ утверждаетъ проф. Полотебновъ, и, наконецъ, что источникомъ свѣдѣній, добытыхъ Плаховымъ, служили сами больные и станичные начальники, что указанія этихъ лицъ не повѣрялись и поголовнаго осмотра семьи не дѣлалось.

Обращаемся къ труду д-ра Козловскаго, относящемуся къ проказѣ въ Терской области.

Матерьяломъ для выводовъ Козловскаго, какъ онъ указываетъ, служили: 9 человѣкъ больныхъ, которыхъ онъ наблюдалъ лично въ Наурской лечебницѣ, и 23 больныхъ, которыхъ нашелъ на мѣстѣ (и тѣхъ, и другихъ онъ изслѣдовалъ лѣтомъ 1864 года [1]); далѣе—34 больныхъ, свѣдѣнія о которыхъ онъ нашелъ въ архивахъ лечебницы; наконецъ, 29 случаевъ, „открытыхъ имъ у предковъ (?!) наблюдаемыхъ прокаженныхъ", т. е., правильнѣе сказать, случаевъ, относящихся къ умершимъ отъ проказы родственникамъ больныхъ. И такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что, въ противуположность Плахову, Козловскій производилъ свои изслѣдованія *на мѣстѣ*. Источникомъ, изъ котораго Козловскій черпалъ свои анамнестическія свѣдѣнія, служили указанія самихъ больныхъ и ихъ ближайшихъ родственниковъ. Что-же

[1]) Въ приведенныхъ Козловскимъ 24-хъ примѣрахъ заболѣваній мы находимъ болѣе или менѣе точныя указанія относительно времени изслѣдованія: въ 6 случаяхъ изслѣдованіе произведено лѣтомъ 1864 года, безъ точнаго обозначенія времени, 8 человѣкъ изслѣдованы въ маѣ (5—неизвѣстно когда, остальные 8-го, 13-го и 15-го), 3 человѣка—въ іюнѣ (10-го, 12-го и 13-го), и, наконецъ, 7 человѣкъ въ іюлѣ (1—неизвѣстно когда, остальные 5-го, 7-го, 8-го, 15-го и 16-го).

касается вопроса, производилъ ли Козловскій осмотръ членовъ семействъ прокаженнаго, то въ качествѣ отвѣта мы имѣемъ указаніе самого автора, что имъ *„осмотрѣно до 20 тысячъ лицъ, находящихся въ близкой и отдаленной родственной связи съ прокаженнымъ“*.

На этомъ указаніи, на которое проф. Полотебновъ обращаетъ особенное вниманіе, цитируя и подчеркивая его, мы съ своей стороны считаемъ нужнымъ остановиться, и именно—съ цѣлью рѣшить существенно важный для насъ вопросъ: *какъ производилъ этотъ осмотръ авторъ?*

Отвѣтъ на поставленный вопросъ, за отсутствіемъ прямыхъ указаній со стороны изслѣдователя, возможенъ только на основаніи косвенныхъ соображеній и, прежде всего, принимая во вниманіе цѣль, которую при осмотрѣ преслѣдовалъ Козловскій. И дѣйствительно. Цѣль осмотра могла заключаться или въ желаніи констатировать случаи яваго заболѣванія, или въ желаніи найти начальныя его слѣды, т. е. ранніе случаи болѣзни,—именно то, что мы собственно имѣли въ виду и что рекомендовали и рекомендуемъ, какъ въ интересахъ патологіи, такъ и этіологіи проказы, ибо только изслѣдованіе раннихъ заболѣваній можетъ дать намъ возможность разрѣшить темный, но очень важный вопросъ объ инкубаціонномъ періодѣ болѣзни. Понятно, что въ первомъ случаѣ осмотръ могъ ограничиваться только внѣшнимъ видомъ субъекта, такъ какъ развитая болѣзнь рѣзко обнаруживается на открытыхъ частяхъ тѣла; во второмъ случаѣ онъ долженъ былъ заключаться въ тщательномъ изслѣдованіи всего тѣла: пятна, слѣды pemphigus въ видѣ рубцовъ на излюбленныхъ мѣстахъ (анамнестическія свѣдѣнія при этомъ о происхожденіи рубцовъ), анестезіи, гиперестезіи и т. д.

Какой же осмотръ производилъ Козловскій? Какую цѣль при осмотрѣ онъ имѣлъ въ виду?

Цѣль осмотра опредѣлялась, по указанію автора, вполнѣ похвальнымъ желаніемъ, „вѣрно изобразить настоящее состояніе проказы въ Терской области“, т. е. представить полную цифру больныхъ въ этой области. Но какихъ больныхъ? Страдающихъ ли только вполнѣ развитой проказою или также и продромальными, недоступными простому внѣшнему осмотру явленіями болѣзни? Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ у Козловскаго мы не находимъ и должны искать его между описаніями болѣзни, которыя онъ приводитъ. Здѣсь мы находимъ только одни явно и вполнѣ развитыя формы, кромѣ впрочемъ

одного случая, а именно—сестры Мавры Андросовой (примѣръ 18-й), Агафьи Высоцкой, о которой авторъ говоритъ между прочимъ, приводя анамнестическія свѣдѣнія о болѣзни Мавры, и говоритъ въ слѣдующихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: „сестра Мавры, Высоцкая, вовсе не рожала и носитъ на себѣ оттѣнокъ проказы“ [1]). Основываясь на томъ обстоятельствѣ, что мы не находимъ у Козловскаго какихъ либо подробныхъ указаній на то, въ чемъ заключается „оттѣнокъ проказы“ у Агафьи; далѣе, на томъ, что Высоцкая не значится даже въ числѣ больныхъ, найденныхъ Козловскимъ въ Александрійской станицѣ (на стр. 43 у Козловскаго отмѣчены въ Александрійской станицѣ только два больныхъ: 1 мужчина—надо полагать умершій братъ Мавры, и 1 женщина—сама Мавра), несомнѣнно слѣдуетъ вывести заключеніе, что авторъ мало интересовался начальными формами, что онъ не имѣлъ ихъ въ виду, желая изобразить состояніе проказы въ Терской области, а потому не имѣлъ и цѣли прибѣгать къ тщательному осмотру семьи. Да и мыслимъ ли былъ такой осмотръ въ томъ объемѣ, въ которомъ его предпринялъ Козловскій, и въ такое короткое время, если Козловскій производилъ этотъ осмотръ, также какъ и изслѣдованіе больныхъ, въ теченіе лѣта 1864 года? Съ одной стороны, полагая на полный тщательный осмотръ субъекта минимумъ $^1/_4$ часа времени, на осмотръ 20 тысячъ человѣкъ понадобилось бы около 2-хъ лѣтъ ежедневной (включая воскресные и праздничные дни) 8-ми часовой работы. Съ другой стороны, если требуемый нами осмотръ не встрѣтилъ бы затрудненія со стороны мужской половины осматриваемыхъ, то, не можетъ быть сомнѣнія, встрѣтилъ бы непреодолимыя препятствія со стороны женщинъ и дѣвушекъ.

И такъ, на основаніи приведенныхъ нами соображеній, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Козловскій не имѣлъ цѣли тщательно производить свой осмотръ, а дѣлалъ его только для того, чтобы констатировать развитую болѣзнь, для чего ему было совершенно достаточно видѣть лице субъекта. Не говоря о томъ, что такой осмотръ дѣлается, и притомъ невольно, каждымъ изслѣдователемъ, входящимъ

[1]) Совершенно независимо отъ Козловскаго, книги котораго у меня не было въ рукахъ, когда я былъ въ Александрійской станицѣ, свѣдѣнія о болѣзни Мавры Андросовой и Агафьи Высоцкой (также какъ и другія заболѣванія въ Александрійской станицѣ, не отмѣченныя Козловскимъ) были сообщены мнѣ родными Дороховой (см. мои „Матерьялы“, стр. 117, и мой докладъ на Петербургскомъ съѣздѣ, стр. 23). Мавра умерла въ 1871 году, Агафья—отъ проказы же—въ 1879-мъ.

въ семью, гдѣ есть прокаженный, для насъ, нѣсколько знакомыхъ съ дѣломъ, непроизводительность такого повальнаго осмотра близкихъ и дальныхъ родственниковъ прокаженнаго представляется вполнѣ очевидной, ибо и безъ помощи такого осмотра можно имѣть точныя свѣдѣнія о больныхъ проказою въ селеніи или станицѣ, такъ какъ въ послѣднихъ ихъ хорошо знаютъ; если же желаютъ скрыть того или другого больнаго, то и осмотръ не поможетъ, такъ какъ больной, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, можетъ всегда отъ него уклониться.

Покончивъ съ разборомъ указаній авторитетныхъ для критика изслѣдователей, приводить ли намъ еще массу другихъ указаній—Hansen'a, Leloir'a, Hillis'a и др., хорошо знакомыхъ съ проказою и изслѣдовавшихъ болѣзнь на мѣстѣ? Источниками ихъ анамнестическихъ свѣдѣній служили тѣже указанія самихъ больныхъ или ихъ родственниковъ.

Выводъ, который мы должны сдѣлать изъ указанныхъ нами пріемовъ и условій изслѣдованія у различныхъ авторовъ, слѣдующій:

1) *Относительно источниковъ.* Всѣ авторы пользовались одними и тѣми же источниками, а именно: указаніями или однихъ больныхъ, или, вмѣстѣ, и ихъ родственниковъ,—указаніями, къ которымъ всѣ они относились съ полнымъ довѣріемъ. Никто изъ изслѣдователей (ни Danielssen и Boeck, ни Козловскій, ни Hansen, ни Leloir и т. д.) не сомнѣвался въ томъ, что больные или ихъ родственники могли бы ошибиться въ діагностикѣ, и такое довѣріе вполнѣ согласуется съ высказаннымъ мною, на основаніи личнаго опыта, положеніемъ, что *народъ* (правильнѣе я долженъ бы былъ сказать *„въ народѣ“*, ибо въ массѣ его есть понятно лица, совершенно индифферентныя къ болѣзни) *лучше многихъ изъ насъ знаетъ съ проказою*,—положеніемъ, которое, основываясь на многихъ примѣрахъ (изъ нихъ привелъ одинъ—полагаю достаточно характерный, Лукину), я мотивировалъ указаніемъ на то, что въ народѣ знаютъ не одни только развитыя формы болѣзни, „но и временныя и стойкія проявленія лепрозныхъ пятенъ начальнаго періода проказы“.

И такъ, самый главный, по отношенію къ этіологіи, фактъ изъ группы анамнестическихъ свѣдѣній, а именно: положительныя указанія на заболѣванія, предшествовавшія болѣзни даннаго лица, никогда не внушалъ ученымъ, знакомымъ съ проказою и изслѣдо-

вавшимъ болѣзнь на мѣстѣ, ни малѣйшаго сомнѣнія и заслуживаетъ самаго полнаго довѣрія.

Но, сказали мы: положительныя указанія больныхъ или ихъ родственниковъ заслуживаютъ довѣрія. Заслуживаютъ ли такового отрицательныя указанія?

Проф. Полотебновъ, по поводу нашего недовѣрія къ этимъ послѣднимъ, говоритъ, что я *„увѣрилъ себя, что проказа заразительна"*... *„по образу и подобію сифилиса"* (ничего подобнаго я не утверждалъ!); „откуда слѣдуетъ дальнѣйшая", по его мнѣнію, „посылка: проказа заразительна въ томъ періодѣ ея развитія, когда появляются язвы, и незаразительна въ раннихъ формахъ" (хотя такая возможность не имѣетъ ни малѣйшаго образа и подобія съ зараженіемъ при сифилисѣ, но отрицать ея нельзя, и я, до извѣстной степени, мотивировалъ ее, никоимъ образомъ не предлагая мое мнѣніе, какъ нѣчто непреложное). И вотъ, говоритъ далѣе критикъ, *„на основаніи всѣхъ этихъ теоретическихъ, не имѣющихъ намека на какую нибудь фактическую основу посылокъ* является" (съ моей стороны) „неизбѣжное требованіе: каждый прокаженный долженъ былъ неизбѣжно сталкиваться съ другимъ прокаженнымъ, какъ источникомъ своего зараженія", что если я встрѣчалъ отрицательныя указанія со стороны больныхъ или ихъ родственниковъ, то всѣ они, по моему мнѣнію, лгали.

Никогда изображаемая критикомъ нелогическая послѣдовательность мыслей не приходила и не могла придти мнѣ въ голову. Если я не давалъ значенія отрицательнымъ указаніямъ, то основывался на томъ общемъ принципѣ, который всегда и вездѣ руководилъ учеными при оцѣнкѣ преемственности заболѣваній (наслѣдственности ли или заразности—въ данномъ случаѣ все равно, ибо наслѣдственность есть точно также преемственность): ученые всѣ и всегда давали значеніе положительнымъ фактамъ и указаніямъ, на нихъ они основывали свое мнѣніе, отводя отрицательнымъ второстепенное мѣсто, принимая ихъ къ свѣдѣнію или даже игнорируя совершенно. И это вполнѣ естественно, ибо еслибы мы стали давать значеніе отрицательнымъ указаніямъ, то ни одной болѣзни не имѣли бы права признать заразительною: отрицательныя указанія мы получаемъ и зачастую отъ больныхъ при всѣхъ инфекціонныхъ заболѣваніяхъ, чему я могъ бы привести цѣлую массу примѣровъ, хотя бы изъ области прямой спеціальности ученаго критика. Такимъ образомъ, если отрицательныя

указанія мы встрѣчаемъ, и притомъ очень нерѣдко, даже и при такихъ инфекціонныхъ заболѣваніяхъ, гдѣ болѣзнь характеризуется относительно короткимъ инкубаціоннымъ періодомъ и явными знаками инфекціи, то тѣмъ болѣе вправѣ ожидать ихъ при болѣзни съ продолжительною (иногда многолѣтнею) инкубаціею, не обнаруживающеюся притомъ, по крайней мѣрѣ извѣстными намъ, знаками инфекціи.

Говоря объ отрицательныхъ указаніяхъ, мы знаемъ, что мотивы ихъ могутъ быть умышленные и неумышленные. По поводу послѣднихъ намъ могутъ возразить, что, въ виду безобразія болѣзни, трудно предположить, чтобы видъ больнаго проказою не врѣзался бы въ памяти инфицированнаго имъ субъекта, имѣвшаго сношенія съ больнымъ; но такое указаніе не совсѣмъ вѣрно или относится не ко всѣмъ случаямъ, такъ какъ есть формы и періоды, хотя бы и кожной проказы, не представляющіе особаго безобразія. Не входя въ разборъ всѣхъ возможныхъ случайностей, объясняющихъ отрицательныя указанія, мы имѣемъ основаніе думать, что въ тѣхъ случаяхъ, съ которыми мы имѣли дѣло, преобладало умышленное отрицаніе. Если, какъ говоритъ Росчинковъ, больные говорятъ неправду, или какъ выражается Савченко, возражая Плахову, разсказываютъ разныя вымышленныя обстоятельства, желая освободиться изъ больницы и вернуться въ свои семейства, то и при моихъ изслѣдованіяхъ больные имѣли поводъ руководствоваться тождественными соображеніями, такъ какъ одновременно и въ связи съ моимъ изслѣдованіемъ циркулировалъ слухъ, что я присланъ возстановить Астраханскій пріютъ, Наурскую и Васильевскую лечебницы (чего боятся не только больные, но и ихъ близкіе родные), а въ Туркестанѣ даже, что я имѣю правительственную миссію уничтожить—отравить—всѣхъ прокаженныхъ, чѣмъ мотивировалась, какъ я узналъ позднѣе, просьба больныхъ осматривать ихъ, но не давать имъ лекарства. Но и помимо этого, по самой натурѣ вещей, прокаженный не склоненъ къ откровенности и въ особенности къ желанію разоблачать источникъ своего заболѣванія. Отверженный почти отъ семьи, если не изолированный совершенно, обѣгаемый всѣми, больной проказою становится, и очень нерѣдко, угрюмымъ, несообщительнымъ. Мало того, имѣются примѣры (мнѣ передавали таковые и они приводятся также Козловскимъ), что у нѣкоторыхъ изъ нихъ развивается чувство глубокаго человѣко-ненавистничества, проявляющагося желаніемъ за-

разить ближняго. Мудрено ли, что, при сказанныхъ условіяхъ, даже и удержавшій извѣстную степень добродушія больной желаетъ убѣдить другихъ, что его болѣзнь безопасна для окружающихъ и, стараясь уклониться отъ прямаго отвѣта на вопросъ о своихъ предшествующихъ связяхъ и отношеніяхъ (вопросъ, значеніе котораго не понимаютъ развѣ только дѣти, которые, какъ указано мною на примѣрахъ, даютъ на этотъ вопросъ категорическіе отвѣты), выставляетъ какъ причину болѣзни простуду, испугъ, колдовство и т. д. Все это вполнѣ естественно. Но ученый критикъ хочетъ непремѣнно видѣть во всѣхъ нашихъ указаніяхъ какія то спекулятивныя цѣли и тенденціи. Мы де указываемъ на то, что народъ знакомъ съ проказою не потому, что онъ дѣйствительно ее знаетъ, а съ тою цѣлью, чтобы оправдать наше довѣріе „къ различнымъ Приблудамъ, любознательному Тамбіеву и очень умной Кепкѣевой". Точно также, мы де не довѣряемъ отрицательнымъ указаніямъ больныхъ, не потому, что, кромѣ приведенныхъ основаній, убѣдились въ нѣкоторыхъ случаяхъ de facto, что онѣ ложны, а потому, что „увѣрили себя", что проказа заразительна „по образу и подобію сифилиса"! Имѣя въ виду, что обвиненіе въ спекулятивныхъ тенденціяхъ въ научныхъ вопросахъ есть обвиненіе очень серьезное и что добросовѣстная и безпристрастная критика очень осмотрительно высказываетъ подобное обвиненіе, поддерживая его основательными мотивами, я полагаю, что проф. Полотебновъ, не имѣя никакихъ основаній объяснять наши указанія какими либо задними мыслями, по меньшей мѣрѣ очень неосторожно отнесся къ своей критической задачѣ.

Но обратимся къ дальнѣйшимъ выводамъ, касающимся условій изслѣдованія и пріемовъ, къ которымъ прибѣгали изслѣдователи.

2) *Относительно условій изслѣдованія.* Здѣсь мы дѣйствительно видимъ извѣстную разницу. Только Козловскій и я (не говорю о Паульсонѣ, Геллатѣ, Hansen'ѣ и др.) изслѣдовали болѣзнь *на мѣстѣ*, т. е. въ селеніяхъ и станицахъ, гдѣ есть проказа. При этомъ изслѣдованія Козловскаго ограничивались тѣсными предѣлами Терской области, мои же—захватываютъ весь югъ Россіи и спеціально Астраханскую губ., Терскую и Кубанскую области и З. В. Донскаго (о Туркестанѣ я не говорю). Плаховъ, Danielssen и Boeck изслѣдовали этіологію проказы въ пріютахъ для прокаженныхъ, а Zambaco — въ городѣ.

3) *По поводу повѣрки анамнестическихъ указаній.*

Здѣсь прежде всего необходимо выяснить себѣ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ повѣрки?

Начнемъ съ того, что едва ли можетъ подлежать сомнѣнію тотъ фактъ, что положительныя указанія больныхъ повѣрки не требуютъ. Въ самомъ дѣлѣ. Что мы будемъ повѣрять, если больной категорически указываетъ, что такой то изъ членовъ семьи, или родственниковъ, или близкихъ лицъ болѣлъ проказою? Если этотъ членъ семьи или родственникъ и т. д. еще живъ, то повѣрка, само собою разумѣется, дѣлается (въ томъ случаѣ, если изслѣдованіе производится на мѣстѣ), въ формѣ осмотра больнаго; если же онъ умеръ, то повѣрка невозможна, и намъ остается, на основаніи приведенныхъ нами выше соображеній, только вѣрить указанію больнаго.

Другое дѣло, если указанія передаваемыя больнымъ отрицательнаго свойства. Здѣсь повѣрка вполнѣ умѣстна. Но какимъ путемъ?— Единственный возможный въ данномъ случаѣ путь повѣрки,—спросъ свидѣтелей, т. е. лицъ, принадлежащихъ семьѣ или близкихъ къ ней, или лицъ, знакомыхъ, какъ я сказалъ, „съ семейными хрониками больнаго“. Имѣя въ виду указанную цѣль и способъ повѣрки, мы прямо можемъ указать, что таковая повѣрка мыслима только при изслѣдованіи *на мѣстѣ,* а не въ пріютахъ и не въ городѣ. Въ пріютахъ повѣрка невозможна, ибо невозможенъ выборъ необходимыхъ свидѣтелей; въ городѣ, при сложныхъ отношеніяхъ, указанная повѣрка представляетъ массу непреодолимыхъ трудностей. Такимъ образомъ, на основаніи сказаннаго, вопросъ о томъ, повѣряли ли указанія больныхъ Илаховъ, Danielssen, Zambaco, долженъ быть совершенно устраненъ. Повѣрялъ ли указанія больныхъ Козловскій?—Частью повѣрялъ: свѣдѣнія о предшествовавшихъ заболѣваніяхъ собраны Козловскимъ, какъ онъ говоритъ, отъ близкихъ родныхъ. Но мы сказали—частью, такъ какъ имѣемъ полныя основанія утверждать, что повѣрка Козловскаго была односторонняя. Изъ передаваемыхъ имъ свѣдѣній мы ясно видимъ, что онъ преслѣдовалъ только одну цѣль—констатировать заболѣванія „*предковъ*“ (понятіе которое онъ распространяетъ и на всѣхъ родственниковъ по прямой и боковой линіи); возможность передачи болѣзни путемъ заразы онъ отрицаетъ и квалифицируетъ всѣ относящіяся сюда указанія названіемъ „*сказокъ*“,—опредѣленіе, которое усвоилъ себѣ и нашъ критикъ, замѣнивъ его только назва-

Проф. Полотебновъ не былъ въ Карачаѣ и не знаетъ его. Карачай населенъ татарскимъ племенемъ, не знающимъ русскаго языка, народомъ еще глубоко невѣжественнымъ. Обстоятельное изслѣдованіе проказы въ Карачаѣ, въ виду сказаннаго, было бы возможно или путемъ поголовнаго осмотра всего населенія, или—безъ таковаго осмотра—при помощи врача, живущаго въ Карачаѣ, знающаго мѣстный языкъ и обычаи и успѣвшаго пріобрѣсти довѣріе населенія. Имѣя въ виду, что такого врача нѣтъ въ Карачаѣ, прибѣгать же къ поголовному осмотру было бы немыслимо безъ насилія, такъ какъ добровольно населеніе на такой осмотръ не согласилось бы,—я долженъ былъ искать другіе пути, чтобы составить себѣ хотя бы приблизительное понятіе объ объемѣ и распространеніи проказы въ Карачаѣ, а именно—долженъ былъ искать какихъ либо авторитетныхъ въ народѣ посредниковъ. Таковыхъ я нашелъ въ лицѣ мѣстнаго фельдшера Тамбіева и Карачаевской повитухи Кепкѣевой, признательность которымъ (полагаю, что ни фельдшеръ, ни повитуха не могутъ быть лишены этого права) вполнѣ умѣстна, такъ какъ при содѣйствіи этихъ лицъ, и спеціально Тамбіева, я могъ составить себѣ нѣкоторое представленіе объ объемѣ проказы въ Карачаѣ [1]), о которомъ до того не существовало никакихъ свѣдѣній, и могъ высказать положеніе, менѣе всего внушающее иронію, а именно: что, между гнѣздами проказы въ Россіи, Карачай имѣетъ выдающееся мѣсто и значеніе [2]).

---

[1]) Свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ Кади (высшимъ духовнымъ лицемъ въ Карачаѣ), опредѣляли, какъ я указалъ въ своемъ сообщеніи на Одесскомъ Съѣздѣ („Врачъ“ 1883, № 34), число прокаженныхъ въ Карачаѣ въ 100 приблизительно человѣкъ. Чтобы повѣрить эту цифру, я, уѣзжая изъ Карачая, просилъ Тамбіева составить списокъ больныхъ проказою, которыхъ ему удастся найти. Черезъ годъ или полтора Тамбіевъ доставилъ мнѣ списокъ 56 больныхъ, которыхъ я и внесъ въ свои матерьялы, довѣряя Тамбіеву, ибо онъ достаточно могъ познакомится съ проказою при моемъ осмотрѣ и производилъ на меня и на моихъ спутниковъ впечатлѣніе очень любознательнаго и толковаго человѣка.

[2]) Указывая на наше довѣріе къ невѣжественной массѣ, ученый критикъ противупоставляетъ этому довѣрію указаніе, сдѣланное мною въ совершенно другомъ мѣстѣ и совсѣмъ по другому поводу, на малое знакомство съ проказою врачей. Съ какою цѣлью дѣлаетъ критикъ такое сопоставленіе? Не съ цѣлью ли обвинить насъ въ томъ, что мы оскорбляемъ достоинство врачебнаго сословія? Здѣсь, прежде всего, вопросъ: правы ли мы, т. е. знакомы ли или незнакомы врачи съ проказою? Еслибы мы предложили этотъ вопросъ врачамъ въ формѣ печатныхъ бюлетеней, съ просьбою добросовѣстно отвѣчать на него, то глубоко убѣждены въ томъ, что получили бы огромное количество отрицательныхъ отвѣтовъ, между которыми критикъ встрѣтилъ бы вѣроятно большое количество

Наконецъ, въ качествѣ мотива, внушающаго критику и долженствующаго внушить и читателю недовѣріе къ моимъ изслѣдованіямъ, я долженъ привести указаніе критика на любителей, неспеціалистовъ дерматологіи, у которыхъ онъ отнимаетъ всякое право заниматься изслѣдованіемъ проказы.

„Многіе почему то думаютъ, что за изслѣдованіе проказы можетъ браться всякій врачъ, кому вздумается“ безъ „предварительной спеціальной подготовки“, говоритъ критикъ, и, затѣмъ, сообщивъ свѣдѣнія (неизвѣстныя развѣ читателю, который не бралъ въ руки ни одной книги о проказѣ) о томъ, что проказа не всегда проявляется въ своей типической узловатой формѣ (проф. Полотебновъ ничего не писалъ о проказѣ, и я не знаю, что понимаетъ онъ подъ именемъ *типической узловатой формы?*), что иногда ее трудно отличить отъ lupus, syphilis et lepra (какая?) [1]), что „есть не мало сходныхъ съ проказою *не лепрозныхъ* нервныхъ заболѣваній кожи“,—онъ ставитъ

именъ своихъ учениковъ. Говорю это, такъ какъ такіе отвѣты мнѣ не разъ приходилось слышать отъ многихъ врачей. Само собою разумѣется, что эти отвѣты нисколько не компрометировали въ моихъ глазахъ почтенныхъ товарищей, тѣмъ болѣе, что я самъ не зналъ проказы, пока не занялся ея изслѣдованіемъ на мѣстѣ. Нисколько не стыжусь сказать, хотя бы подъ угрозою вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ критика, что я многому научился у той невѣжественной массы, указаніямъ которой такъ мало вѣритъ проф. Полотебновъ, и было бы съ моей стороны пустымъ тщесловіемъ не сказать этого: наука таже пчела, которая ищетъ меда, не разбирая источниковъ и находитъ гораздо большую взятку на репѣйникѣ, чѣмъ на представляющемъ блестящую внѣшность пустоцвѣтѣ. Мы указали на примѣръ Лукиной, но онъ не одинъ, были и другіе, въ которыхъ вниманіе даже спеціалиста дерматолога, тѣмъ болѣе видавшаго мало прокаженныхъ, едва ли остановилось бы на субъектѣ съ смуглымъ, какъ будто бы, серьезнымъ или сердитымъ (рѣзче выраженные на лбу морщинки) лицомъ,—субъектѣ, котораго въ народѣ уже давно, однако, признали прокаженнымъ, руководствуясь тѣмъ оригинальнымъ діагностическимъ признакомъ, что „у него даже лобъ на глаза надвинуло“! И внимательно осматривая брови, усы, бороду такого субъекта, изслѣдуя чувствительность, иногда уже значительно распространенную, спеціалистъ долженъ будетъ согласиться съ тѣмъ, что поставленная діагностика совершенно правильна. Считаемъ умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ и по поводу остроумныхъ указаній критика на народную мудрость. Дѣло не въ остроуміи, а въ истинѣ. Не касаясь сопоставленія, которое дѣлаетъ критикъ между чумою человѣка и чумою рогатаго скота, мы можемъ положительно сказать, что проф. Полотебновъ отнесся къ оцѣнкѣ Самарской исторіи, также поверхностно, какъ и къ тѣмъ источникамъ, которыми пользовался для своей критики, относящейся къ проказѣ.

[1]) Каждая форма, не исключая, иногда, и чисто узловатой, можетъ представлять затрудненія для діагностики, если руководствоваться только видомъ отдѣльныхъ эффлоресценцій, не принимая въ расчетъ теченія послѣднихъ и общей картины болѣзни.

на видъ, что безъ спеціальной подготовки такой врачъ можетъ сравнивать въ своихъ описаніяхъ „величины напр. *пятна* или плоскаго рубца съ куринымъ яицомъ“ (и безъ спеціальной подготовки сравненіе дѣйствительно грубое, тѣмъ болѣе, что не представляло же большаго труда автору редактировать: „величина—пятна или рубца—равная окружности куринаго яйца“), или, „попавъ въ лепрозную мѣстность, можетъ считать, напр., каждый рубецъ на кожѣ за pemphigus leprosus“ [1]), или, „по незнакомству съ элементарными свѣдѣніями по дерматологіи, даетъ такія описанія, по которымъ нѣтъ возможности угадать, что желаетъ изобразить авторъ“. Но, мало того, отнимая право у такихъ любителей врачей заниматься изслѣдованіемъ проказы и высказывая, что „частный починъ любителей никогда не принесетъ пользы“, онъ указываетъ, что этотъ починъ принесетъ даже „иногда скорѣе вредъ“. Въ чемъ заключается этотъ вредъ,—мы изъ указаній критика не видимъ. Не въ томъ ли, что за границей „о нашей проказѣ начали слагаться“, какъ говоритъ критикъ, „*цѣлыя легенды*“? Но, во первыхъ, какое намъ дѣло до *легендъ*, которыя слагаются о насъ за границею, во вторыхъ—изъ указаній приводимыхъ критикомъ въ ссылкѣ, мы въ этихъ „легендахъ“ видимъ только или незнакомство авторовъ съ Россіею (съ козаками, которыхъ они считаютъ за отдѣльное племя), или самое большое нѣкоторую утрировку фактовъ (и то не всѣхъ), сообщенныхъ о проказѣ въ Россіи, такъ называемыми проф. Полотебновымъ, диллетантами.

Но могутъ насъ спросить: какое же отношеніе могутъ имѣть представленныя проф. Полотебновымъ указанія къ моимъ изслѣдова-

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы не знаемъ на какой точкѣ зрѣнія, по отношенію къ pemphigus leprosus, стоитъ въ настоящее время проф. Полотебновъ. Въ 1884 году, когда я посѣтилъ его клинику и осматривалъ одного находящагося въ клиникѣ прокаженнаго, онъ отрицалъ самостоятельность pemphigus leprosus, а считалъ его результатомъ ожогъ, которымъ, благодаря анестезіи, часто подвергаются больные. При такой точкѣ зрѣнія, высказанное критикомъ мнѣніе намъ понятно. Но если его точка зрѣнія неправильна и pemphigus есть дѣйствительно самостоятельный, развивающійся безъ всякихъ ожогъ, продуктъ проказы, какъ это и принимается всѣми, то совершенно правъ изслѣдующій проказу, если онъ, находясь въ лепрозной мѣстности, а еще болѣе въ семьѣ, гдѣ есть прокаженный, даетъ значеніе рубцамъ, развившимся послѣ пузырей на излюбленныхъ для pemphigus leprosus мѣстахъ,—пузырей, похожихъ, по указанію больнаго, на ожогъ и развившихся у него совершенно произвольно.

ніямъ? Вѣдь критикъ говоритъ о любителяхъ не спеціалистахъ, не называя кого бы то ни было и спеціально насъ, говоритъ не съ цѣлью прикрыть своими анонимными указаніями какіе либо не совсѣмъ похвальныя съ научной стороны побужденія, а съ добрымъ намѣреніемъ дать благой совѣтъ правительству: какъ отнестись къ изслѣдованію вопроса о проказѣ въ Россіи?

Отвѣчаемъ!

Что указанія проф. Полотебнова относятся, если не исключительно, то во всякомъ случаѣ и къ намъ,—не подлежитъ сомнѣнію. Во 1-хъ потому, что не имѣя права считать себя спеціалистомъ дерматологомъ и не занимавшись даже два года въ дерматологической клиникѣ, я могъ, въ силу труда, положеннаго мною на изслѣдованіе проказы, заслужить со стороны критика почтенное имя *„любителя“*. Во вторыхъ—потому, что нѣкоторыя изъ указаній критика непосредственно относятся къ намъ, а именно: указаніе на сравненіе величины пятна съ куринымъ яйцомъ (встрѣчающееся у насъ въ одномъ, двухъ мѣстахъ; такое же указаніе есть и у Козловскаго, но критикъ въ виду своего высокаго мнѣнія о трудѣ К. едва-ли имѣлъ его въ виду). Далѣе, указаніе на pemphigus leprosus, по поводу котораго онъ уже и раньше, приводя мои указанія ставилъ вопросительные и восклицательные знаки. Можетъ быть сюда относятся и сдѣланныя въ ссылкѣ указанія и на другія неточности въ описаніи явленій, которыя могли встрѣтиться въ моихъ матерьялахъ.

Что проф. Полотебновъ не имѣлъ въ виду только одну благую цѣль дать совѣтъ правительству какъ изслѣдовать проказу, ясно изъ самого характера критики вообще и въ частности его отношенія къ любителямъ.

Сознаюсь, я въ первый разъ встрѣчаю спеціалиста, который такъ недружелюбно относится къ „любителямъ“ тѣхъ вопросовъ, которые касаются области его спеціальности (да и относится ли проказа исключительно къ области спеціальности критика?!), который такъ ревниво оберегаетъ эту послѣднюю отъ малѣйшаго посягательства на нее съ чьей либо стороны,—какъ это дѣлаетъ проф. Полотебновъ [1]).

---

[1]) Отношеніе, впрочемъ, нѣсколько тождественное съ отношеніемъ проф. Полотебнова къ неспеціалистамъ мы встрѣчаемъ и у Zambaco, который основываетъ свое недовѣріе къ выводамъ Arm. Hansen'a относительно этіологіи проказы на томъ, что Hansen не клиницистъ (а патолого-анатомъ).

ніемъ „*анекдоты*“. Выраженія „*сказки*“, „*анекдоты*“, разъ онѣ употребляются голословно, мы вправѣ считать бьющими на эффектъ словами, но не научными опредѣленіями извѣстнаго указанія. Д-ръ Козловскій не передаетъ намъ этихъ „*сказокъ*“, а потому мы не имѣемъ никакихъ основаній судить, правъ онъ или нѣтъ. Если онъ относитъ къ числу *сказокъ* тѣ анамнестическія указанія, которыя проф. Полотебновъ называетъ *анекдотами*, то мы можемъ положительно сказать, что онъ не правъ, точно также какъ не правъ и проф. Полотебновъ. Нашъ ученый критикъ, напримѣръ, относитъ къ числу анекдотовъ разсказъ Приблуды, заключающійся въ томъ, что больной проказою хозяинъ рыбной ватаги приглашалъ къ себѣ Приблуду, пьянствовалъ съ нимъ и т. д.; Приблуда, спустя извѣстное время, заболѣлъ проказою. Такое анамнестическое указаніе никто не вправѣ называть сказкою или анекдотомъ, это—фактъ, въ которомъ мы не имѣемъ никакого права сомнѣваться. Сомнѣніе возможно только въ томъ, правиленъ ли выводъ изъ этого факта, а именно—выводъ, что Приблуда заразился отъ своего патрона, т. е. сомнѣніе можетъ возникать по поводу *оцѣнки* факта, которая, сама по себѣ не можетъ быть отнесена ни къ области сказокъ, ни анекдотовъ. И такъ, если Козловскій называетъ сказками факты, вродѣ переданныхъ нами сейчасъ, то доказываетъ только, что онъ односторонне относился къ изслѣдованію, что, не признавая возможнымъ извѣстный выводъ, называлъ самый фактъ сказкою, не повѣрялъ его и даже не вносилъ его въ свои анамнестическія указанія.

Съ нашей стороны, относясь совершенно безпристрастно къ вопросу, мы собирали свѣдѣнія и по отношенію къ заболѣванію „*предковъ*“, т. е. родныхъ и, т. наз., „*сказки*“ или „*анекдоты*“ Козловскаго и Полотебнова. Мы старались при этомъ во многихъ случаяхъ повѣрять отрицательныя указанія и повѣряли тамъ, гдѣ намъ къ тому представлялось достаточное время и удобныя обстоятельства, предоставляя рѣшеніе вопроса въ остальныхъ случаяхъ тѣмъ изъ живущихъ на мѣстѣ товарищей, которые заинтересовались бы изслѣдованіемъ проказы (см. мои матерьялы, стр. VIII). Мы исходили при этомъ изъ той мысли, что повѣрка отрицательныхъ указаній, находясь часто въ большой зависимости отъ случайностей, доступна въ болѣе широкихъ размѣрахъ только лицамъ, живущимъ въ ограниченномъ районѣ эндеміи, знакомымъ съ населеніемъ и пользующимся его довѣріемъ.

4) *По поводу осмотра членовъ семьи.*

Мы видѣли уже, что таковой осмотръ не производился никѣмъ, кромѣ Козловскаго, но и этимъ послѣднимъ въ такой формѣ, которую я никоимъ образомъ не могу считать цѣлесообразною, а, по извѣстнымъ причинамъ, признаю совершенно излишнею тратою времени. Съ своей стороны я прибѣгалъ къ указанному мною выше полному осмотру, но только отдѣльныхъ членовъ семьи и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ; не производилъ же такового осмотра вездѣ и не распространялъ на всю семью, не столько вслѣдствіе недостатка времени, сколько по другимъ причинамъ, на которыя указалъ и въ своихъ матерьялахъ (см. стр. X), и въ письмѣ на имя почтеннаго редактора „Врача“ (см. Врачъ, 1888 г. № 34).

И такъ, summa summarum, мы можемъ положительно сказать *по меньшей мѣрѣ* то, что пріемы изслѣдованія авторовъ, факты и выводы которыхъ заслужили полнаго довѣрія нашего критика, нисколько не отличались *бо́льшею точностью,* чѣмъ тѣ, которые были примѣнены нами.

Но, кромѣ метода, или пріемовъ изслѣдованія, существенное значеніе имѣетъ и постановка вопросовъ, необходимыхъ для этіологической оцѣнки. Въ виду этого, намъ, помимо разницы въ пріемахъ, необходимо выяснить и то: существуетъ ли разница, и какая, между сказанными вопросами у разобранныхъ нами авторовъ и тѣми, которые предлагались мною?

Знакомясь съ указаніями, которыя мы находимъ у Zambaco, Danielssen'a, Плахова и Козловскаго, мы видимъ, что всѣ интересующіе ихъ вопросы сводятся на то, чтобы констатировать только, что у такого то больнаго болѣли такіе то и такіе то родственники; но въ какомъ отношеніи находились заболѣванія тѣхъ или другихъ родственниковъ и самого больнаго во времени, въ какомъ порядкѣ слѣдовало одно заболѣваніе за другимъ,—на всѣ эти вопросы мы не находимъ у перечисленныхъ авторовъ никакого отвѣта (у Козловскаго на этотъ счетъ существуютъ все таки нѣкоторыя, хотя и неполныя, указанія). Не касаясь въ настоящее время значенія этихъ вопросовъ, мы считаемъ необходимымъ только констатировать здѣсь переданный сейчасъ фактъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указать, что, обращая на эти вопросы возможно строгое вниманіе, мы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отмѣчали, кромѣ времени заболѣванія даннаго лица (основываясь на указаніи са-

мого лица и его родныхъ), также и годъ смерти родственника или родственниковъ, заболѣванія которыхъ предшествовали болѣзни даннаго субъекта. Нѣтъ сомнѣнія что, изъ этихъ указаній, — первое, т. е. продолжительность болѣзни, представляется только приблизительно вѣрнымъ и разумѣется короче времени дѣйствительной продолжительности болѣзни, такъ какъ больной считаетъ въ большинствѣ случаевъ за начало проказы уже относительно рѣзко выраженныя ея явленія. Что же касается втораго указанія, то вѣрность его не можетъ подлежать сомнѣнію, ибо въ сомнительныхъ случаяхъ годъ смерти повѣрялся при помощи церковныхъ метрикъ.

Представленнымъ нами разборомъ пріемовъ изслѣдованія и его условій устраняется, впрочемъ, только одинъ изъ поводовъ недовѣрія ученаго критика къ представленнымъ мною фактамъ, но поводы къ таковому недовѣрію у проф. Полотебнова существуютъ и другіе, на которыхъ я точно также считаю нужнымъ остановиться: они касаются частью моихъ спутниковъ и лицъ, оказывавшихъ мнѣ извѣстное содѣйствіе, частью меня лично.

Иронизируя по поводу моего стремленія „обслѣдовать какъ можно болѣе мѣстностей“, ученый критикъ ставитъ на видъ и мое довѣріе къ тѣмъ почтеннымъ спутникамъ, которымъ я, съ цѣлью сберечь время, поручалъ собрать свѣдѣнія въ извѣстной мѣстности, и—*рядомъ съ этимъ*—мое довѣріе къ „*любознательному*“ фельдшеру Тамбіеву и „*очень умной*“ повитухѣ Иссѣ Кепкѣевой.

Что касается моихъ спутниковъ, то, насколько основательно мое довѣріе къ нимъ, можно судить по тому, что имена ихъ успѣли уже заслужить себѣ и притомъ очень почтенное мѣсто не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ, и должны тѣмъ болѣе быть извѣстны критику, что нѣкоторые изъ ихъ трудовъ касаются спеціально интересующаго проф. Полотебнова органа, т. е. кожи. Что же касается до знакомства ихъ съ проказою, то критикъ имѣлъ возможность самъ удостовѣриться въ немъ, хотя бы на основаніи одного случая въ Петербургѣ, гдѣ діагностику, поставленную однимъ изъ моихъ спутниковъ, д-ромъ Сабанѣевымъ, на улицѣ—à distance (и это меня нисколько не удивляетъ)—онъ самъ, если только помнитъ, долженъ былъ подтвердить, на основаніи существующихъ уже и значи-

тельно распространенныхъ анестезій [1]). Не могу, по поводу помощи, которую оказывали мнѣ мои спутники, не высказать только сожалѣнія о томъ, что не имѣлъ ни средствъ, ни возможности, воспользоваться бо̀льшимъ количествомъ участниковъ изслѣдованія, между которыми могъ бы раздѣлить извѣстный районъ, такъ какъ имѣлъ бы точныя свѣдѣнія о мѣстностяхъ, которыя *по недостатку времени* лично посѣтить не могъ.

По поводу Тамбіева и Кепкѣевой критикъ говоритъ нѣсколько разъ, ставя въ кавычкахъ и подчеркивая эпитеты *„любознательный“* и *„очень умная“*, которыя я имъ далъ. Я очень жалѣю, что не могъ ничего сдѣлать больше для этихъ почтенныхъ лицъ, кромѣ указанія на содѣйствіе, которое они мнѣ оказывали и которое, ради критическаго эффекта, совершенно извращено проф. Полотебновымъ, ибо я никоимъ образомъ не основывалъ на ихъ указаніяхъ мнѣнія о заразительности проказы [2]). Даже болѣе. Я совершенно не пользовался въ моемъ докладѣ данными, добытыми мною въ Карачаѣ, имѣя въ виду, что, при замкнутости населенія, это послѣднее могло успѣть переродниться, а потому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было бы возможно, не говорю—констатировать, а подозрѣвать наслѣдственную (въ смыслѣ антиконтагіонистовъ) передачу болѣзни.

---

[1]) Въ письмѣ, отъ [28]/IV 1887 года, д-ръ Сабанѣевъ сообщаетъ мнѣ по поводу этого случая (передаю въ короткихъ словахъ) слѣдующее. Встрѣтивъ въ Петербургѣ на улицѣ мальчика, съ явленіями ясно выраженной проказы (равномѣрный инфильтратъ лица,—случай, очевидный для знакомаго съ проказою, но нѣсколько затруднительный въ діагностическомъ отношеніи для лицъ, видѣвшихъ мало прокаженныхъ), онъ остановилъ его, распросилъ и узналъ, что—родомъ изъ Ярославской губ.—онъ служитъ въ мясной лавкѣ. Будучи, также какъ и я, глубоко убѣжденъ въ заразительности болѣзни, С. счелъ своею обязанностью сообщить о больномъ куда слѣдуетъ. Комиссія, назначенная изъ 4-хъ врачей, изслѣдовавъ мальчика, дала, какъ пишетъ С., слѣдующее, глубоко, понятно, оскорбившее его заключеніе. „Заявленіе д-ра Сабанѣева невѣрно и въ двухъ отношеніяхъ: во первыхъ, мальчикъ вовсе не прокаженный, а во вторыхъ—наука вовсе не признаетъ заразительности проказы“. Хозяинъ лавки отвелъ, однако, мальчика къ проф. Полотебнову, который діагностицировалъ проказу, найдя обширныя анестезіи.

[2]) Указанія Кепкѣевой, что при заболѣваніи одного изъ супруговъ чаще заражается мужъ отъ больной жены, чѣмъ обратно, приведены мною какъ мнѣніе очень умной (качество, которое можетъ быть присуще и Карачаевкѣ) старухи, по своей профессіи видѣвшей много больныхъ и знакомой чуть ли не со всѣми семьями Карачая, а никакъ не въ формѣ основанія для моего личнаго мнѣнія по этому вопросу или доказательства вообще заразительности проказы.

Казалось бы, спеціалистъ долженъ былъ радоваться, что нашлись лица, которыя взялись наконецъ за вопросъ, о которомъ забыли даже сами спеціалисты, такъ какъ, до изслѣдованій, предпринятыхъ мною на югѣ Россіи и, позднѣе, Геллатомъ и Паульсономъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, мы знали только то, что проказа въ 60-мъ году существовала гдѣ то (Ольдекопъ) на ватагахъ Астраханской губерніи, что 50 лѣтъ тому назадъ извѣстное количество случаевъ ея найдено въ Васильевской лечебницѣ на Дону, что около 30 лѣтъ тому назадъ она существовала въ извѣстномъ количествѣ и въ извѣстныхъ станицахъ Терской области, что, наконецъ, она встрѣчалась гдѣ то въ Остзейскихъ провинціяхъ. Однимъ словомъ, какъ я выразился въ одномъ изъ своихъ сообщеній во „Врачѣ“, и полагаю правильно, мы, къ стыду нашему, знали о распространеніи проказы въ другихъ странахъ болѣе, чѣмъ о распространеніи ея у насъ въ Россіи. Казалось бы, что всякія сообщенія о проказѣ, сдѣланныя даже не врачами, а туристами, какъ, напримѣръ, корреспондентомъ (Нов. Вр.), обратившимъ вниманіе на проказу на островѣ Эзелѣ, должны бы были, при указанныхъ нами условіяхъ, вызывать сочувствіе, и у кого же болѣе, какъ не у спеціалистовъ. Но вмѣсто должнаго вниманія къ трудамъ лицъ, старавшихся точнѣе опредѣлить объемъ распространенія проказы въ Россіи и точнѣе выяснить условія этого распространенія (патологіи я здѣсь не касаюсь), критикъ спеціалистъ ищетъ въ этихъ трудахъ не фактовъ, заслуживающихъ вниманія и поучительныхъ для него самого, а указаній на неудовлетворительныя внѣшнія (да иначе и быть не можетъ въ гнѣздахъ проказы) условія изслѣдованія, на недостатокъ времени у изслѣдующаго, на довѣріе къ лицамъ, указанія которыхъ не согласуются съ точкою зрѣнія критика, на неточности выраженій, въ которыхъ онъ старается найти улики для обвиненія автора —любителя въ незнакомствѣ съ дерматологіею. Однимъ словомъ, критикъ стремится тѣмъ или другимъ путемъ уронить достоинство этихъ трудовъ, доказать, что факты и выводы ихъ авторовъ не заслуживаютъ довѣрія, а самыя изслѣдованія приносятъ вредъ (—кому?—Мы не знаемъ! Наукѣ ли, обществу ли, прокаженному или кому другому?). Такимъ образомъ критикъ достигаетъ двухъ цѣлей: съ одной стороны, дискредитируетъ ненавистныхъ ему почему то *„любителей“*, осмѣлившихся высказать свое мнѣніе по вопросу, въ которомъ можетъ быть компетентнымъ только ученый спеціалистъ критикъ; съ другой сто-

роны, пользуется правомъ дать благой совѣтъ правительству поставить во главѣ строгаго научнаго изслѣдованія проказы *спеціалиста*—надо полагать—*не любителя*?!.. Насколько достигъ первой своей цѣли критикъ, мы частью уже видѣли, частью же увидимъ позднѣе. Что касается второй цѣли, то съ своей стороны искренно желаемъ, чтобы онъ достигъ ея: ибо, съ одной стороны убѣждены, что онъ придетъ къ тѣмъ же выводамъ, къ которымъ пришли и мы, и тогда вмѣстѣ съ нами будетъ энергически отстаивать необходимость извѣстныхъ мѣръ противъ болѣзни; съ другой стороны, полагаемъ, что ближе познакомившись со всѣми трудностями изслѣдованія вопроса, онъ нѣсколько иначе отнесется къ оцѣнкѣ трудовъ своихъ товарищей.

Но обратимся къ вопросу о неточностяхъ въ описаніи явленій и ихъ отношенію къ достоинству тѣхъ фактовъ, которые могли служить основаніемъ для выводовъ, касающихся этіологіи проказы. Неточность описанія можетъ касаться частностей или деталей, или можетъ касаться общаго описанія. Неточности въ деталяхъ, имѣющія спеціально отношеніе только къ патологіи, могутъ встрѣчаться въ каждомъ описаніи и еслибы мы хотѣли искать ихъ, то нашли бы и въ трудахъ, принадлежащихъ спеціалистамъ, обставленнымъ, по отношенію къ изслѣдованію, тѣми выгодными условіями, которыя можетъ дать только клиника, при извѣстномъ количествѣ свободнаго для наблюденій времени и возможности пополнять пробѣлы изслѣдованія при помощи другихъ спеціалистовъ. Мы могли бы, можетъ быть и имѣли бы право напомнить при этомъ иному спеціалисту о ближнемъ, у котораго кто то нашелъ въ глазу сучекъ. Предоставляемъ критику искать такихъ неточностей въ нашемъ трудѣ: мы ихъ сами хорошо знаемъ и здѣсь касаться не будемъ, а оговоримъ ихъ, какъ сказали въ вступленіи къ нашимъ „Матерьяламъ“, въ отдѣлѣ патологіи и дифференціальной діагностики, гдѣ представимъ описаніе случаевъ (замѣчу—исключительныхъ), гораздо ближе подходящихъ къ проказѣ, чѣмъ тѣ болѣзненныя формы, на которыя указываетъ критикъ. Въ данномъ случаѣ, т. е. по отношенію къ вопросу объ этіологіи проказы и фактамъ, на которыхъ основано наше мнѣніе, вопросъ о неточностяхъ, въ наибольшей мѣрѣ, можетъ быть поставленъ въ такой формѣ: достаточно ли общее описаніе даннаго случая или случаевъ, чтобы признать ихъ за проказу? Еслибы спеціалистъ критикъ доказалъ, что случаи, которые мы описываемъ и *на которыхъ основываемъ*, какъ укажемъ позднѣе,

наше мнѣніе, вовсе не проказа, а сифилисъ, волчанка, lepra (?), то онъ, несомнѣнно, доказалъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что наши выводы не имѣютъ никакого значенія. Но такъ какъ онъ этого не дѣлаетъ, то мы можемъ оставить вопросъ о неточностяхъ въ сторонѣ и перейти къ дальнѣйшему разбору его критики и именно къ вопросу: на чемъ, на какихъ фактахъ основывали мы наше мнѣніе о заразительности проказы и насколько серіозны возраженія, касающіяся этихъ основаній со стороны критика?

Въ заключеніе, прежде чѣмъ дадимъ обстоятельный отвѣтъ на этотъ послѣдній вопросъ, укажемъ еще и на то, что, кромѣ качества фактовъ, критикъ упрекаетъ насъ и въ недостаткѣ ихъ въ количественномъ отношеніи, а именно—онъ говоритъ:

„Но проф. Минхъ, приводя анекдоты, ни слова не говоритъ—какое количество пришельцевъ заболѣваетъ проказою? Не всѣ же поголовно дѣлаются они прокаженными? Заболѣваютъ ли пришельцы нервной формой проказы? Рѣшеніе этихъ и другихъ подобныхъ вопросовъ дѣйствительно имѣетъ серьезное значеніе въ вопросѣ о распространеніи проказы". И затѣмъ снисходительно замѣчаетъ: „Впрочемъ я не думаю дѣлать упрекъ проф. Минху за эти пробѣлы. Проф. Минхъ производилъ свои изслѣдованія при такой обстановкѣ и при такихъ условіяхъ, *при которыхъ ему совершенно было невозможно касаться какъ этихъ вопросовъ, такъ и вопроса объ этіологіи и теченіи проказы*".

Не касаясь тона приведенной нами выдержки, о научномъ достоинствѣ котораго мы предоставляемъ судить читателю, не касаясь также и того, что авторъ,—и очень нерѣдко,—высказываетъ положенія, вовсе не мотивируя ихъ, какъ, напримѣръ, и въ данномъ случаѣ,—не указывая, почему онъ даетъ этимъ и другимъ (?) вопросамъ особенно существенное значеніе, мы отвѣтимъ на нихъ по существу. А именно, что на послѣдній вопросъ онъ самъ совершенно свободно можетъ найти отвѣтъ въ нашихъ матерьялахъ, такъ какъ въ нихъ отмѣчено, пришелецъ ли больной проказою и даже и откуда, а изъ описанія явленій критикъ можно судить о формѣ болѣзни. Если подъ вопросомъ—всѣ ли поголовно пришельцы дѣлаются прокаженными, — онъ понимаетъ процентное отношеніе заболѣваній пришельцевъ къ общему числу послѣднихъ, то изслѣдованіе движенія народонаселенія (количество пришельцевъ въ данной мѣстности) не можетъ входить въ

программу непосредственнаго изслѣдованія проказы, а принадлежитъ къ задачѣ мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ, гдѣ критикъ можетъ навести надлежащія справки по этому вопросу, если интересуется имъ и если не желаетъ ожидать указаній по этому поводу съ нашей стороны, а именно—въ томъ отдѣлѣ нашего труда, гдѣ этотъ вопросъ долженъ найти мѣсто и гдѣ будутъ помѣщены мною необходимыя въ данномъ случаѣ свѣдѣнія, т. е. въ отдѣлѣ этіологіи проказы. Приводить же указанныя статистическія свѣдѣнія въ матерьялахъ, спеціально относящихся къ моимъ изслѣдованіямъ, мы не считали нужнымъ или умѣстнымъ. Не считали также нужнымъ дѣлать по этому поводу какія либо общія указанія въ своемъ докладѣ, ибо полагали, что лица интересующіяся нашими внутренними дѣлами,—а интересоваться ими долженъ, я полагаю, каждый образованный человѣкъ,—должны знать уже на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ общею прессою, что движеніе населенія въ Астраханскую губ. (ватаги), на Кубань и Терекъ можно считать значительнымъ, а потому пришельцевъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ должно быть много, и % ихъ заболѣваній проказою слѣдуетъ поэтому считать ничтожнымъ.

И такъ, критику проф. Полотебнова, касающуюся фактовъ, изъ которыхъ сложились основанія, выставленныя нами въ защиту нашего мнѣнія о заразительности проказы мы разобрали. Теперь же перейдемъ къ критикѣ тѣмъ же авторомъ самихъ основаній.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Историческое Обозрѣніе.

Сборникъ Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1890 г. Томъ I.

Въ самомъ концѣ истекшаго 1890 г. появился первый томъ сборника Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ, подъ особымъ заглавіемъ „Историческое Обозрѣніе.“ Означенное Общество возникло около двухъ лѣтъ тому назадъ: въ мартѣ 1889 г. учредители Общества представили проектъ своего устава, въ сентябрѣ того же года онъ былъ утвержденъ г. Министромъ Нар. Пр., въ ноябрѣ послѣдовало открытіе Общества и выборъ Комитета, а съ декабря началась его ученая дѣятельность. Преслѣдуемыя Обществомъ задачи отличаются большимъ разнообразіемъ и широтою. Второй § его устава гласитъ: „Общество имѣетъ цѣлью: 1, изслѣдованіе научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей русской и всеобщей исторіи; 2, разработку теоретическихъ вопросовъ исторической науки; 3, обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ“. Для достиженія предположенной цѣли Общество по § 3 испросило себѣ право: „а, устраивать для научныхъ сообщеній публичныя собранія; б, открывать платныя и безплатныя публичныя чтенія по программамъ, утвержденнымъ Комитетомъ Общества; в, устраивать съѣзды; г, печатать свои труды

въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ и періодическихъ изданій; д, предлагать задачи и за разрѣшеніе ихъ выдавать преміи и медали". Широкая постановка задачъ, преслѣдуемыхъ Обществомъ, быстро привлекла въ его составъ значительное количество членовъ. Подъ представленіемъ объ учрежденіи Общества подписалось только 10 человѣкъ, а къ концу 1890 г. въ Обществѣ насчитывалось уже 163 члена. Въ полномъ спискѣ членовъ, приложенномъ къ концу перваго тома Историческаго Обозрѣнія, можно встрѣтить не только фамиліи СПБ. академиковъ, профессоровъ и преподавателей, но и не малое количество провинціальныхъ ученыхъ и любителей исторіи, въ особенности изъ университетскихъ городовъ. Интересъ къ Обществу выразился, впрочемъ, не въ одномъ быстромъ умноженіи числа его членовъ, но и въ значительныхъ частныхъ пожертвованіяхъ на его нужды, какъ видно изъ его годичнаго отчета.

Наплывъ членовъ и поступленіе пожертвованій дали возможность Обществу въ первый же годъ его существованія поднять вопросъ объ изданіи своихъ трудовъ. Первоначально, по мысли предсѣдателя профессора Карѣева, предполагалось сразу приступить къ публикаціи трудовъ Общества въ видѣ періодическаго изданія, по образцу Revue Historique или Historische Zeitschrift, но такъ какъ самъ проф. Карѣевъ не захотѣлъ принять на себя обязанностей редактора, а Комитетъ не могъ указать другаго подходящаго кандидата, то и рѣшено было пока ограничиться изданіемъ простаго сборника. Результатомъ этого рѣшенія и явилось изданіе перваго тома Историческаго Обозрѣнія, на который я позволяю себѣ обратить вниманіе нашихъ читателей.

Уже въ самомъ усвоеніи сборнику особаго названія „Историческое Обозрѣніе", представляющаго собою простой переводъ всѣмъ извѣстнаго Revue Historique, нельзя не замѣтить желанія Общества, при благопріятныхъ условіяхъ, перейти отъ изданія сборника, являющагося въ неопредѣленные сроки, къ изданію журнала. Еще ярче таже самая мысль проглядываетъ въ составѣ сборника. Историческое Обозрѣніе раздѣлено на два отдѣла: а) неоффиціальный, гдѣ помѣщены различныя научныя сообщенія, критико-библіографическія статьи и историческая хроника, и б) оффиціальный, занятый уставомъ Общества съ объяснительною къ нему запискою, протоколами его засѣданій, годичнымъ отчетомъ и спискомъ членовъ. Хотя въ Исто-

торическомъ Обозрѣніи оффиціальный отдѣлъ отодвинутъ на задній планъ, но я намѣренъ сперва сказать нѣсколько словъ объ немъ, чтобы потомъ сосредоточить все вниманіе на болѣе обширной и важной неоффиціальной части сборника.

Большая часть оффиціальнаго отдѣла Историческаго Обозрѣнія, обнимающаго собою 64 страницы, занята протоколами засѣданій Общества. Въ продолженіе года Общество имѣло только 10 засѣданій, и тѣмъ не менѣе на изложеніе ихъ протоколовъ потребовалось до 50 страницъ. Столь обширный объемъ протоколовъ явился отъ включенія въ нихъ подробнаго изложенія хода преній, какъ по научнымъ сообщеніямъ, прочитаннымъ въ Обществѣ, такъ и по вопросамъ о различныхъ коллективныхъ предпріятіяхъ Общества. Для облегченія веденія преній по научнымъ сообщеніямъ въ Обществѣ, по почину предсѣдателя, установился обычай, чтобы референты резюмировали свои болѣе обширныя и сложныя чтенія въ немногихъ краткихъ положеніяхъ. Эти положенія литографируются, раздаются членамъ и служатъ основаніемъ для преній въ ближайшемъ засѣданіи. Редакторы сборника сочли необходимымъ напечатать подобные тезисы въ видѣ приложеній къ соотвѣтствующимъ протоколамъ, за что нельзя не быть имъ очень благодарнымъ. Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ читанныя въ обществѣ сообщенія вошли въ составъ неоффиціальной части сборника, и безъ тезисовъ изложеніе въ протоколахъ преній, относящихся къ неизданнымъ рефератамъ, было бы не всегда понятно, а между тѣмъ нѣкоторые изъ подобныхъ рефератовъ касались весьма интересныхъ вопросовъ и вызывали оживленный обмѣнъ мыслей между сочленами; таковы напр. сообщенія Бершадскаго „о крестьянскомъ хозяйствѣ въ Литвѣ въ концѣ XV и въ началѣ XVI в.“, Степанова „объ аѳинской школѣ IV в. по Р. Хр.“, Бѣлова „объ историческомъ значеніи царствованія Ивана Грознаго“, Гуревича „исторія какъ наука и какъ предметъ преподаванія“ и др.

Протоколы Общества даютъ возможность читателю слѣдить не только за результатами научной дѣятельности его членовъ, выразившимися въ научныхъ сообщеніяхъ, но и за различными коллективными его предпріятіями, осуществленіе которыхъ предстоитъ въ ближайшемъ будущемъ. Я уже упоминалъ о томъ, какъ Общество, издавшее теперь первый томъ своего сборника, думало сперва объ журна-

лѣ, но отложило осуществленіе его до болѣе благопріятнаго времени. Другое коллективное предпріятіе, затѣянное тоже по почину предсѣдателя, состоитъ въ изданіи систематическаго обзора исторической литературы, предназначаемаго для образованной публики, преподавателей и студентовъ. Для детальной разработки плана этого предпріятія организована была особая библіографическая коммиссія. Выработанный ею первоначальный планъ былъ разосланъ членамъ Общества, обѣщавшимъ принять участіе въ осуществленіи этого предпріятія. По полученіи отъ сотрудниковъ замѣчаній, коммиссія переработала свой планъ, и въ этомъ переработанномъ видѣ онъ напечатанъ въ концѣ оффиціальнаго отдѣла. Оказывается, что коммиссія опредѣлила объемъ предполагаемаго сборника въ 25 печ. листовъ, причемъ $^2/_3$ его должны быть посвящены обзору исторической литературы по общей исторіи, и $^1/_3$ по русской. Выработана и схема отдѣловъ съ подраздѣленіями, по которымъ должны быть распредѣлены обозрѣваемыя книги. Но если принять во вниманіе, что въ этой схемѣ имѣется 7 большихъ отдѣловъ по общей исторіи и 6 по русской, и что эти отдѣлы въ свою очередь подраздѣляются на 40 подъотдѣловъ по общей исторіи и на 20 по русской, то невольно зараждается сомнѣніе въ правильности разсчета коммиссіи, какъ относительно объема книги, такъ и радужныхъ надеждъ на скорое ея появленіе, тѣмъ болѣе, что намѣченные сотрудники разбросаны по всей Россіи, и соглашеніе ихъ сопряжено съ большими затрудненіями. Во всякомъ случаѣ, нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ самой мысли изданія обзора исторической литературы и не пожелать скорѣйшаго приведенія ея въ исполненіе.

Если оффиціальный отдѣлъ Историческаго Обозрѣнія даетъ возможность читателю хорошо ознакомиться съ задачами Общества, съ его научною дѣятельностію въ 1890 г. и съ его коллективными предпріятіями въ ближайшемъ будущемъ, то неоффиціальный отдѣлъ сборника прежде всего представляетъ намъ образцы тѣхъ сообщеній, какія дѣлались и обсуждались въ засѣданіяхъ Общества. Такъ какъ въ протоколахъ засѣданій отмѣчены сообщенія по вопросамъ, относящимся ко всѣмъ 3 основнымъ задачамъ, намѣченнымъ въ § 2 устава Общества, то естественно было бы ожидать, что и въ сборникѣ окажутся рефераты, какъ по вопросамъ изъ области общей и русской исторіи, такъ и по вопросамъ историко-теоретическимъ и педагогическимъ. Но

въ дѣйствительности вышло иное: члены Общества, охотно выступавшіе съ своими сообщеніями въ засѣданіяхъ, далеко не обнаружили такой же готовности отдѣлывать и передавать ихъ для напечатанія въ Историческомъ Обозрѣніи. Редакціонный Комитетъ вынужденъ былъ печатать лишь тѣ сообщенія, какія поступали въ его распоряженіе, и въ добавокъ—по мѣрѣ ихъ поступленія. При такомъ ходѣ дѣла редакціонному Комитету не предоставлялось возможности ни выбирать матеріалъ для сборника, ни распредѣлять его тамъ въ какомъ либо опредѣленномъ порядкѣ. И не его, конечно, вина, что въ Историческомъ Обозрѣніи не появилось ни одного сообщенія ни по русской исторіи, ни по вопросамъ педагогическимъ, и что помѣщенныя въ немъ статьи изданы безъ соблюденія какой бы то нибыло послѣдовательности хронологической или логической. Достаточно пересмотрѣть оглавленіе I отдѣла сборника, чтобы убѣдиться въ справедливости этого наблюденія. Тутъ теоретическія статьи перемежаются съ чисто историческими изслѣдованіями и критико-библіографическими обозрѣніями; за статьею о французской революціи слѣдуетъ статья о 30 л. войнѣ, потомъ по древне-греческой исторіи и наконецъ—по начальной франкской.

Я не буду останавливаться на разборѣ самыхъ рефератовъ, помѣщенныхъ въ Историческомъ Обозрѣніи, такъ какъ моя цѣль заключается единственно въ ознакомленіи читателей съ общимъ характеромъ новаго историческаго изданія, а съ этой точки зрѣнія важно не столько опредѣлить научную цѣнность помѣщенныхъ въ немъ статей, сколько указать на господствующее въ нихъ направленіе. За исключеніемъ двухъ-трехъ статей, имѣющихъ самостоятельное значеніе, всѣ остальныя представляютъ собою или критическія замѣтки о новыхъ книгахъ по извѣстнымъ вопросамъ, таково напр: сообщеніе Степанова о трудахъ Ф. де Куланжа и Глассона по вопросу о земельной собственности во франкскомъ государствѣ, или же цѣлые библіографическіе обзоры, посвященные трудамъ по французской революціи, по древнегреческой и польской исторіи. Подъ туже категорію подходитъ, конечно, и краткая характеристика главнѣйшихъ историческихъ журналовъ Франціи, Германіи, Англіи, Испаніи, Даніи, Швеціи, Норвегіи и Польши. Такое рѣшительное преобладаніе въ Историческомъ Обозрѣніи статей критико-библіографическаго характера

невольно заставляетъ предполагать, что Историческое Общество при СПБ. Университетѣ, не только не отказалось отъ мысли перейти современемъ отъ сборника къ изданію журнала, но что уже и теперь въ своемъ первомъ томѣ оно въ значительной степени выполняетъ программу Revue Historique. Рѣзче всего это стремленіе придать Историческому Обозрѣнію характеръ повременнаго изданія замѣтно въ его послѣднемъ отдѣлѣ, о которомъ намъ придется говорить, въ исторической хроникѣ. Содержаніе этого отдѣла чрезвычайно разнообразно; прежде всего тутъ указанъ характеръ современнаго преподаванія исторіи въ русскихъ университетахъ примѣнительно къ послѣднимъ министерскимъ правиламъ; перечислены всѣ курсы по общей, русской, славянской и церковной исторіи, указанные въ обозрѣніи преподаванія нашихъ университетовъ на 1890—91 учебный годъ; отмѣчены историческія темы на медали, и названы сочиненія, ими удостоенныя за послѣдніе годы; перечислены стипендіаты, оставленные при университетахъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ исторіи и обозначены уже изданные ими труды. Точно такое же вниманіе составители исторической хроники выказали и по отношенію къ ученымъ обществамъ, которыя прямо или косвенно содѣйствуютъ разработкѣ исторіи. Въ слѣдствіе этого въ хроникѣ отмѣчена дѣятельность не только историко-филологическихъ обществъ при новороссійскомъ и харьковскомъ университетѣ, но и неофилологическаго при петербургскомъ, географическаго отдѣленія при московскомъ обществѣ любителей естествознанія, московскаго библіографическаго кружка и исторической секціи московскаго же общества распространенія техническихъ знаній. Каждое изъ этихъ обществъ кратко охарактеризовано со стороны преслѣдуемыхъ имъ задачъ, причемъ указанъ составъ его бюро, исчислены его изданія. Послѣдній археологическій съѣздъ, историческое преподаваніе на высшихъ женскихъ курсахъ, публичныя лекціи по исторіи въ Петербургѣ и Москвѣ тоже нашли себѣ мѣсто въ исторической хроникѣ сборника; но съ особою подробностію составители ея остановились на описаніи диспутовъ по исторіи въ 1890 г. въ университетахъ, въ духовныхъ академіяхъ, въ Ярославскомъ лицеѣ; тутъ приведены вступительныя рѣчи диспутантовъ и весьма обстоятельно изложенъ самый ходъ преній. Съ наибольшею подробностію, какъ и слѣдовало ожидать, описаны историческіе диспуты, происходившіе въ Петербургскомъ Университетѣ. Въ заклю-

ченіи исторической хроники сообщены вѣсти о готовящихся новыхъ историческихъ, преимущественно русскихъ ученыхъ трудахъ, перечислены главнѣйшія историко-философскія книги, явившіяся въ 1889 и 1890 г. и наконецъ отмѣчены различныя извѣстія, не поддававшіяся пріуроченію ни къ одной изъ выше поименованныхъ категорій.

Даже изъ такого простаго перечня содержанія отдѣла хроники легко понять, что составители ея стремятся сдѣлать Историческое Обозрѣніе средоточіемъ извѣстій о ходѣ разработки и научнаго преподаванія исторіи во всѣхъ русскихъ университетскихъ городахъ. Если составителямъ удастся достигнуть возможной полноты въ собираніи извѣстій по намѣченнымъ рубрикамъ, а редакціонный комитетъ Общества позаботится издавать отдѣльные томы Историческаго Обозрѣнія приблизительно въ одни и тѣже сроки, въ такомъ случаѣ оно, оставаясь сборникомъ по названію, несомнѣнно пріобрѣтетъ характеръ періодическаго изданія и сдѣлается необходимою настольною книгою для каждаго, кто интересуется знать современное положеніе у насъ разработки и научнаго преподаванія исторіи. Но для достиженія этой цѣли С.-Петербургскому Обществу понадобится получше организовать дѣло полученія необходимыхъ для него свѣдѣній, заимствованныхъ теперь почти исключительно изъ газетъ и болѣе или менѣе случайныхъ частныхъ сообщеній. Не смотря на то, что отдѣлу хроники въ Историческомъ Обозрѣніи посвящено до 70 страницъ, онъ далеко не отличается полнотою свѣдѣній, которая составляетъ главное достоинство подобныхъ обозрѣній. Въ особенности тутъ не посчастливилось Кіеву: составители хроники не отмѣтили ни одного историческаго диспута ни въ Университетѣ св. Вл., ни въ Кіевской Духовной Академіи, хотя могли бы найти указанія на защиту докторскихъ диссертацій Любовича и Буцинскаго; остались имъ неизвѣстными наличные стипендіаты, оставленные для приготовленія къ профессорскому званію, какъ напр. Ясинскій, хотя до нихъ дошли уже вѣсти о предположеніи оставить при Университетѣ Грушевскаго и Пискорскаго; медальныя темы и премированныя сочиненія по исторіи нашего университета опять не показаны у нихъ на своемъ мѣстѣ. Но любопытнѣе всего то, что составители хроники совсѣмъ какъ бы забыли про существованіе Общества Нестора Лѣтописца, хотя, когда учредители Историч. Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ хлопотали объ утвержденіи проекта своего устава, то въ объяснитель-

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„АРХИВЪ ВЕТЕРИНАРНЫХЪ НАУКЪ“

ВЪ 1891 ГОДУ.

Въ 1891 году „Архивъ“ будетъ выходить

ЕЖЕМѢСЯЧНО

книжками въ 8—10 листовъ каждая.

Цѣна остается прежняя:

пять р. с. для ветеринаровъ, состоящихъ на государственной службѣ, ветеринарныхъ студентовъ и фельдшеровъ, и **семь р.** для прочихъ подписчиковъ.

Требованія просятъ адресовать: С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Архивъ Ветеринарныхъ Наукъ“ (Ветеринарное Управленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ).

Кромѣ спеціально ветеринарныхъ вопросовъ „Архивъ“ обратитъ въ будущемъ особенное вниманіе на успѣхи скотоводства и ученіе о кормленіи и кормовыхъ травахъ.

Въ каждой книжкѣ будутъ помѣщаться всѣ безъ исключенія журналы Ветеринарнаго Комитета и распоряженія въ различныхъ вѣдомствахъ.

„Архивъ“ будетъ также тщательно слѣдить за иностраннымъ законодательствомъ, касающимся ветеринарной части и зоотехніи.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

ВѢРА И РАЗУМЪ

въ 1891 году.

Изданіе богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1891 году по прежней программѣ. Журналъ, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Листка для Харьковской епархіи,—и будетъ выходить ДВА РАЗА въ мѣсяцъ по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: **въ Харьковѣ**: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ; въ Харьковской конторѣ „Новаго времени“ на Екатеринославской улицѣ; въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул.; и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; **въ Москвѣ**: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; **въ Петербургѣ**: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16, и во всѣхъ конторахъ „Новаго Времени“.

Въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою. 1—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

ТРУДЫ И. В. Э. ОБЩЕСТВА,

журналъ сельскохозяйственный и экономическій.

Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества въ 1891 г. какъ и въ прошломъ, будутъ издаваться подъ редакціею Секретаря Общества, заслуженнаго профессора А. Бекетова, выходя **6 разъ въ годъ.**

Въ составъ ихъ войдутъ **исключительно** свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Общества и **доклады,** читанные въ средѣ его собраній.

Въ „Трудахъ" будутъ слѣдующіе отдѣлы:

I. **Журналы** (протоколы) общихъ собраній, со включеніемъ отчета Секретаря.

II. **Сельское Хозяйство.** Журналы засѣданій I Отдѣленія Общества и доклады, касающіеся предмета занятій этого Отдѣленія.

III. **Техническія сельскохозяйственныя производства.** Журналы засѣданій II-го Отдѣленія и доклады по части техническихъ сельскохозяйственныхъ производствъ.

IV. **Сельскохозяйственная статистика и политическая экономія.** Журналы засѣданій III-го Отдѣленія и доклады по статистикѣ и политической экономіи.

Обзоры сельскохозяйственной литературы дѣятельности сельскохозяйственныхъ Обществъ и вообще сельскохозяйственной жизни страны будутъ служить предметомъ докладовъ въ средѣ Общества и, смотря по содержанію, будутъ помѣщаться въ томъ или другомъ изъ названныхъ отдѣловъ.

Кромѣ того въ Трудахъ помѣщаются свѣдѣнія о дѣятельности Комитета Грамотности, состоящаго при И. В. Э. Обществѣ, и доклады сдѣланные въ средѣ Комитета.

V. **Корреспонденція Общества.** Вопросы и отвѣты лицамъ, обращающимся въ Общество.

Подписная цѣна 3 руб. въ годъ, съ пересылкою и доставкою; полугодовой подписки и на отдѣльныя книжки не принимается.

Подписчики „Трудовъ", желающіе получать „Пчеловодный Листокъ", доплачиваютъ 1 р. 50 коп. (вмѣсто 2 руб.), платимыхъ отдѣль-

ными подписчиками „Пчеловоднаго Листка".

Подписку слѣдуетъ адресовать: С.-Петербургъ, 4 рота Измайловскаго полка д. № 1/13 (Общества). Въ редакцію „Трудовъ".

КНИГИ,

изданныя

Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ.

	руб.	коп.
Анучинъ. Раскрашенная таблица по пчеловодству.	—	40
Берлепшъ. Пчела и ея воспитаніе	3	—
Бутлеровъ, А. М. Какъ водить пчелъ	—	10
Его же. Правильное пчеловодство	—	5
Докучаевъ. Русскій черноземъ	2	—
Иверсенъ. Какъ добываютъ шелкъ. 2 изданіе	—	35
Его же. Раскрашенная таблица по шелководству	—	50
Королевъ, Ф. Н. Льноводство. Руководство къ льновоздѣлыванію	1	—
Льняная промышленность въ Россіи	1	—
Маркевичъ. Чтеніе о скотоводствѣ	—	40
Прививаніе сибирской язвы по способу Пастера	—	50
Менделѣевъ и Шмидтъ. Отчетъ объ опытахъ для опредѣленія вліянія удобреній на урожай овса и ржи	—	80
Отчеты о дѣйствіяхъ въ 1886 г. испытательной станціи въ Богодуховѣ	—	30
Подоба тонина мериносовой шерсти	—	75
Протоколы собраній льноводствъ 1887 г.	—	75
Тоже 1880 года	—	75
Сборникъ матеріаловъ о сельской общинѣ	2	—
Христъ. Табаководство	—	5
Ходневъ. Исторія И. В. Э. Общества	2	—
Физико-химическія изслѣдованія почвы и подпочвы черноземной полосы Европейской Россіи. Вып. I.	—	50
Тоже, вып. II.	—	50
Чертопятова. Руководство къ сушкѣ хлѣба	2	—
„Труды" И. В. Общества за 1863, 1864, 1869, 1871, 1877, 1879, 1881, 1887, за годъ по	2	—
„Труды" Коммиссіи о внѣшней хлѣбной торговлѣ	1	50
Указатель къ „Трудамъ" И. В. Э. Общества Теодоровича, съ		

	руб.	коп.
1865 по 1875 г.	—	75
Конструкторскіе чертежи:		
1) Ручной льномялки Кутэ (псковской)	—	50
2) Голландской вѣтряной мельницы, 6 чертежей	1	—
3) Окучника для картофеля и Гогенгеймскаго плуга	—	20
4) Гогенгеймскаго плуга и бороны Валькура	—	20
5) Одноконной молотилки Хэнта и Тауэля	—	60

Цѣны показаны съ пересылкою.

Выписывающіе не менѣе 5-ти экземпляровъ одного и того же сочиненія пользуются уступкою 25%.

Книгопродавцы, покупающіе на сумму не менѣе 50 руб. въ одинъ разъ, пользуются уступкою 35%; на меньшія суммы—25%. Обмѣнъ разъ пріобрѣтенныхъ изданій на другія не допускается. 1—2

ВРЕМЕННИКЪ
ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ
ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Выходитъ книгами не менѣе 30 печатныхъ листовъ въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія матеріала.

Первая книга вышла въ 1872 году; по настоящее же время всѣхъ книгъ выпущено 52. Цѣна каждой книги 2 руб. Можно получать въ Ярославлѣ въ канцеляріи Лицея.

Въ вышедшихъ книгахъ Временника помѣщены, кромѣ оффиціальнаго отдѣла (журналы Совѣта, отчеты, инструкціи, правила, разборы сочиненій на медали и кандидатскихъ разсужденій), ученыя статьи юридическаго, политическаго и историческаго содержанія слѣдующихъ авторовъ: **Д. И. Азаревича, П. Е. Астафьева, П. Ѳ. Бесѣдкина, А. А. Борзенко, Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго, М. Ф. Владимірскаго-Буданова, Н. Н. Ворошилова, К. Д. Головщикова, И. И. Дитятина, М. В. Духовскаго, Н. Л. Дювернуа, А. Ф. Зачинскаго, А. А. Исаева, Л. Н. Казанцева, М. Н. Капустина, П. Л. Карасевича, Л. Ф. Колокольцова, В. Ф. Левитскаго, М. А. Липинскаго, А. Н. Лодыженскаго, Н. А. Миловидова, А. Е. Минервина, А. Е. Назимова, Н. К. Нелидова, А. С. Пасникова, Н. Д. Сергѣевскаго, Н. Г. Серповскаго, В. В. Сокольскаго, Н. С. Суворова, И. Г. Табашникова, Д. Г. Тальберга, И. Т. Тарасова, Е. Н. князя Трубецкаго, В. Г. Щеглова, О. О. Эйхельмана.**

Въ приложеніи помѣщался каталогъ библіотеки Лицея и Юридическая Библіографія.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Выходитъ съ 1886 года и отдѣльными выпусками въ три печатныхъ листа. Цѣна 30 коп. за выпускъ.

Въ Юридической Библіографіи, коей до настоящаго времени вышло 18 выпусковъ, помѣщали свои разборы: **П. Ѳ. Бесѣдкинъ, Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, А. А. Исаевъ, В. Ф. Левитскій, М. А. Липинскій, А. Е. Назимовъ, Н. С. Суворовъ, И. Т. Тарасовъ и В. Г. Щегловъ.**

1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1891 г.

НА

„ВОЛЫНЬ",

ГАЗЕТУ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Съ будущаго 1891 года „**ВОЛЫНЬ**" будетъ выходить по прежнему **ЕЖЕДНЕВНО**, кромѣ дней воскресныхъ и послѣпраздничныхъ, по прежней программѣ.

1) Руководящія статьи по городскому самоуправленію и по вопросамъ жизни и нуждъ западнаго края вообще и въ особенности Волынской губерніи. 2) Телеграммы. 3) Городская хроника. 4) Хроника Волыни, и Западнаго Края: текущія событія и статьи научнаго содержанія. 5) Извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ по остальной Россіи. 6) Политическое обозрѣніе иностранныхъ Государствъ. 7) Новыя открытія и изобрѣтенія. 8) Библіографическій отдѣлъ. 9) Разныя извѣстія. 10) Биржевыя свѣдѣнія. 11) Свѣдѣнія о разныхъ подрядахъ и торговыхъ, по преимуществу въ предѣлахъ Волынской губерніи. 12) Разныя объявленія частныхъ лицъ, казенныхъ и общественныхъ учрежденій, и 13) Фельетоны.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ конторѣ редакціи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

12 м. 5 р.—11 м. 4 р. 75 к.—10. м. 4 р. 40 к.—9 м. 4 р.—8 м. 3 р. 50 к.—7 м. 3 р.—6 м. 2 р. 60 к.—5 м. 2 р. 10 к.—4 м. 1 р. 80 к.—3 м. 1 р. 50 к.—2 м. 1 р.—1 м. 75 к.

Вмѣсто мелкихъ денегъ допускается приложеніе почтовыхъ марокъ. Иногород. подписчики за перемѣну адреса прилачиваютъ къ подп. 20 к. 1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедѣльный сельскохозяйственный журналъ

„ЗЕМЛЕДѢЛІЕ",

издаваемый Кіевскимъ Обществомъ сельскаго хозяйства подъ редакціею профессора агрономіи Кіевскаго Университета С. М. Богданова.

Годъ четвертый.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ НАЧИНАЕТСЯ ВЪ НОЯБРѢ.

Журналъ имѣетъ задачею служить интересамъ русскаго, преимущественно же южно-русскаго сельскаго хозяйства. Преслѣдуя цѣли главнымъ образомъ практическія, „Земледѣліе" подвергаетъ обсужденію основные вопросы сельскаго хозяйства, касающіеся какъ техники, такъ экономики и политики его. Въ цѣломъ рядѣ оригинальныхъ и переводныхъ статей въ теченіе новаго года изданія „Земледѣлія" будутъ излагаемы съ возможною краткостью и обстоятельностью всѣ тѣ вопросы, разработка которыхъ движется въ послѣднее время или обѣщаетъ подвинуться впередъ (сообщенія о новыхъ сельскохозяйственныхъ опытахъ и наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ Россіи и за границею, описанія новыхъ орудій и машинъ, компилятивныя статьи по сельскохозяйственной техникѣ въ новой обработкѣ и проч.). Въ отдѣлахъ сельскохозяйственной корреспонденціи, хроники, протоколовъ засѣданій сельскохозяйственныхъ обществъ, библіографическихъ извѣстій и торговыхъ сообщеній читатели „Земледѣлія" могутъ слѣдить за всѣми текущими явленіями въ сельскохозяйственномъ мірѣ. Отдѣлъ „вопросовъ и отвѣтовъ" предоставляетъ всѣмъ подписчикамъ возможность получать разъясненія по вопросамъ, возникающимъ у нихъ. Разсылаемыя при „Земледѣліи" приложенія являются спеціальными руководствами по извѣстнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

„Земледѣліе" одинаково близко принимаетъ во вниманіе интересы какъ крупнаго, такъ и мелкаго хозяйства. Поэтому на страницахъ

его появляются рядомъ со статьями по культурѣ пшеницы, свеклы, рапса и др. полевыхъ растеній также сообщенія по садоводству и огородничеству, пчеловодству, шелководству и др. мелкимъ отраслямъ хозяйства.

Многія статьи „Земледѣлія“ иллюстрируются политипажами въ текстѣ. Въ наступающемъ году редакціей „Земледѣлія“ приняты мѣры къ увеличенію числа сотрудниковъ и къ возможно быстрому появленію отчетовъ о всѣхъ важнѣйшихъ новостяхъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Кромѣ 50 №№ журнала, въ новомъ году всѣ годовые подписчики получаютъ безплатно въ видѣ приложеній: 1) „Сельскохозяйственныя машины и орудія“, проф. Перельса, со многими рисунками въ текстѣ (въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить не менѣе 1 р.); 2) „Альбомъ лучшихъ пшеницъ Юго-западнаго края“. По мѣрѣ возможности, будутъ разосланы и другія приложенія.

Годовые подписчики „Земледѣлія“, какъ и въ прежніе годы, имѣютъ право два раза въ годъ (передъ весенними и озимыми посѣвами) безплатно помѣщать небольшія объявленія о продажѣ продуктовъ собственнаго хозяйства.

Цѣна „Земледѣлія“ на годъ 5 р., на полгода 3 р., съ дост. и со всѣми приложеніями. За пересылку приложеній подписчики ничего не платятъ.

Подписка принимается въ редакціи „Земледѣлія“ (Кіевъ, Прорѣзная, 17), въ конторѣ редакціи (Кіевъ, Крещатикъ, домъ П. А. Барскаго) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Пробный № „Земледѣлія“ съ начала новаго года высылается за 2 семи-копѣечныя марки. 1—3.

VII ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ХИРУРГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

будетъ выходить и въ будущемъ 1891 году въ томъ же объемѣ и по той же программѣ.

I. Оригинальныя статьи по всѣмъ вопросамъ хирургіи.
II. Корреспонденціи.
III. Критика и Библіографія.
IV. Рефераты и мелкія извѣстія.
V. Объявленія.

Статьи просятъ адресовать на имя редактора **Николая Александровича Вельяминова** (С.-Петербургъ, Фонтанка, 131).

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (С.-Петербургъ, Фонтанка, 131), ежедневно отъ 1 часа до 2 часовъ, и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. (Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи). Объявленія по соглашенію.

Цѣна съ перес. за годъ 7 р., за полгода 3 р. 50 к.

Редакторъ-Издатель **Н. А. Вельяминовъ.** 1—2

ОБЪ ИЗДАНІИ ЗАПИСОКЪ

МОСКОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

(Десять №№ въ годъ.)

Программа журнала.

1. Отчеты о дѣятельности Моск. Отдѣленія: а) протоколы засѣданій, б. отчеты всѣхъ группъ Отдѣленія. **2. Труды группъ:** а) научно-техническія сочиненія и статьи, составлявшія доклады въ засѣданіяхъ Общества, б) обсужденіе докладовъ. **3. Новости техники и промышленности. 4. Техническое образованіе. 5. Критика и библіографія. 6 Правительственныя распоряженія. 7. Новыя привилегіи.**

Годовая цѣна „Записокъ“ съ пересылкой и доставкой **5 руб.** Подписка принимается у редактора **В. Г. Фонъ-Бооль.** Москва, Знаменка, Александровское военное училище.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦЕВЪ".

Указомъ Св. Синода отъ 18—31 Іюля 1884 года выписка духовнаго журнала „Творенія Св. Отцевъ" съ прибавленіями духовнаго содержанія сдѣлана обязательною для Академій и Семинарій и имѣющихъ достаточныя средства монастырей, соборныхъ и приходскихъ церквей Россійской Имперіи.

Творенія Св. Отцевъ издаются при Московской Духовной Академіи и выходятъ по четыре книжки въ годъ, изъ которыхъ въ каждой отъ 15 до 20 листовъ текста. Въ будущемъ 1891 году въ переводной части будетъ продолжаемо печатаніе твореній Св. Кирилла Александрійскаго. Въ прибавленіяхъ будутъ помѣщаемы статьи, касающіяся ученія вѣры, христіанской нравственности и исторіи церкви и сверхъ того статьи критико-библіографическія.

Въ концѣ каждой книжки будутъ печатаемы журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи.

Цѣна годоваго изданія **въ Россіи пять рублей съ пересылкою**; выписывающіе изданіе Твореній Св. Отцевъ за **границу** платятъ **шесть руб. съ пересылкою.**

Редакція проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ адресоваться **въ Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію Твореній Св. Отцевъ.**

Изъ редакціи Твореній Св. Отцевъ могутъ быть выписываемы слѣдующія отдѣльныя изданія:

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

Творенія Св. Григорія Богослова 1—6 т. . . .	9 р.	— к.
„ „ Ефрема Сирина 1—4 томы . . .	6 „	— „
„ „ Василія Великаго 3—7 томовъ . . .	7 „	50 „
„ „ Аѳанасія Александр. 3—4 т. . . .	3 „	— „
„ „ Григорія Нисскаго 8 т.	12 „	— „

„	„	Іоанна Лѣствичника 1 т.	1	„	50	„
„	„	Нила Синайскаго 3 т.	4	„	50	„
„	„	Исидора Пелусіота 3 т.	4	„	50	„
„	„	Епифанія Кипрскаго 6 т. . . .	9	„	—	„
„	„	Блаженнаго Ѳеодорита 7 т. . . .	12	„	—	„
„	„	Макарія Египетскаго 1 т. . . .	2	„	—	„
„	„	Кирилла Александрійскаго 1—7 т. . .	10	„	50	„

Творенія Св. Отцевъ съ прибавленіями духовнаго содержанія за 1846 и 1847, съ 1852 по 1864 годъ включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886,-87-88-89-90 годы могутъ быть пріобрѣтаемы съ платою за каждый годъ изданія по 5 р. съ пересылкою. Прибавленія же отдѣльно отъ Твореній Св. Отцевъ съ 1844 по 1864 включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881 (два тома), 1882 (два тома), 1883 (два тома), 1884 (два тома), 1885 (два тома), 1886 (два тома) 1887 (два тома) 1888 (два тома) 1889 (два тома) 1890 (два тома) годы за каждый томъ по 1 р. 50 коп. съ пересылкой.

26	745,1	748	13,2	−16,9	−16,0
27	753,5	754	11,4	−12,4	−13,3
28	756,2	757	6,0	− 6,4	− 7,4
29	759,0	759	3,4	− 4,2	− 4,8
30	758,7	758	3,4	− 4,7	− 4,5
31					
Сумма. Summe.	22380,3	2238	96,6	+ 41,4	+ 58,9
Среднее Mittel.	746,0	746	3,2	+ 1,4	+ 2,0

Вѣ Wi	W	WNW	NW	NNW
Чи Häufig	2	1	1	„
Сумма скор Su	6	1	3	—
Средняя скор Mittlere Geschwindigk	3,0	1,0	3,0	—

Годъ: / Jahr: **1890.**

солютная влажность. Миллиметры. Absolute Feuchtig. Millimeter.				Относительная влажность. Проценты Relative Feuchtigkeit. Procente.			
7	1	9	Среднее. Mittel.	7	1	9	Среднее. Mittel.
6,1	7,5	8,4	7,3	98	94	96	96
6,9	8,4	8,2	7,8	99	95	98	97
7,5	8,3	8,3	8,0	98	99	99	99
7,5	8,0	9,1	8,2	91	84	99	91
9,1	10,3	9,3	9,6	98	89	98	95
8,5	8,8	8,7	8,7	99	96	98	98
9,0	8,6	9,0	8,9	98	83	95	92
8,6	8,3	7,5	8,1	95	95	94	95
7,8	7,6	8,2	7,9	98	98	99	98
8,5	9,2	9,5	9,1	99	98	96	98
7,4	7,4	7,7	7,5	99	93	92	95
7,5	7,9	5,8	7,1	92	99	95	95
4,7	4,5	4,5	4,6	96	94	95	95
3,9	4,4	4,5	4,3	83	91	100	91
4,4	4,0	4,5	4,3	96	80	94	90
4,5	4,5	5,6	4,9	96	73	97	89
4,6	5,8	4,6	5,3	98	90	90	93
3,2	3,4	3,1	3,6	88	76	75	80
3,8	3,6	4,5	3,6	72	72	97	80
1,8	1,3	1,2	1,4	84	75	81	80
2,6	2,4	2,6	2,2	90	88	86	88
3,6	3,1	3,6	3,1	85	83	89	86
4,0	4,9	4,8	4,6	93	98	98	96
4,7	5,1	4,6	4,8	96	97	97	97
2,6	2,2	0,8	2,5	100	89	75	88

Мѣсяцъ: (новый ст.) **Декабрь.**
Monat: (neuer. St.) **December.**

Число. Tag.	Направленіе и сила вѣтра Метры въ секунду. Richtung und Stärke des Windes. Meter pro Secunde.			Направ. облаковъ. Wolkenzug.	Обл Bev	
Новый стиль. Neuer Styl.	7	1	9	1	7	
1	SE_2	O	O	?	10S	1
2	SE_1	SE_2	O	?	10S	1
3	SSE_2	ESE_2	ESE_3	?	10S	1
4	SSE_4	SE_2	SSE_1	?	10S	1
5	O	WSW_1	WNW_1	WSW_1	10^0S	1
6	O	NW_1	NW_1	NW_1	10S	
7	NNW_4	N_3	NNW_1	NNW_1	10Cu	
8	WNW_3	N_5	NNW_1	?	10Cus	
9	NNW_1	N_3	NNE_1	?	10N	
10	N_4	NNE_3	N_1	?	7Cus	
11	N_5	NE_4	NNE_3	?	10N	
12	NNE_7	NE_5	NNE_4	?	2S	
13	NNE_3	NNE_2	NNE_2	?	10S	
14	NNE_4	NNE_2	O	?	10S	1
15	O	NNE_1	NNE_1	?	10S	
16	N_1	O	O	?	3Cs	
17	O	O	O	?	5Cs	1
18	ESE_2	SE_3	ESE_5	?	10S	1
19	ESE_4	ESE_5	ESE_5	ESE_2	10S	9
20	ESE_3	ESE_3	ESE_4	?	10S	
21	E_2	ESE_4	ESE_3	—	0S	
22	O	O	ESE_1	?	10S	1
23	SE_1	SE_2	SE_3	?	10S	
24	ESE_2	E_2	ENE_2	?	10S	1
25.	ENE	ENE	ENE	?	2^0Cs	

СІЕВЪ.

ЛИЩА

СКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ

IEW.

OLOGISCHE

NGS-TABELLE.

Университета Св. **Владиміра.**
der Universität St. **Wladimir.**

$2^h\,2'\,0''$.

Жукъ, *Г. Флоринскій* и *Н. Хруцкій.*
Schuck, *G. Florinsky* und *N. Chruzkij.*

1890.

овый ст.) **Декабрь.**
euer. St.) **December.**

$^m1$.

$^m5$.

ОБЪ ИЗДАНІИ

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1891 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
4. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1891 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей.** Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Иконниковъ.